

Наталья Осояну

ДЕТИ
ВЕЛИКОГО
ШТОРМА

НЕВЕСТА ВЕТРА · ЗВЕЗДНЫЙ ОГОНЬ · БЕЛЫЙ ФРЕГАТ

Наталия Осояну
Дети Великого Шторма

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Осоян Н. Г.

Дети Великого Шторма / Н. Г. Осоян — «Издательство АСТ»,
2019

ISBN 978-5-17-135152-6

В этом мире бескрайних океанских просторов и множества островов обитают несколько разумных рас: люди, могущественные магусы – пришельцы со звезд, морские жители-мерры и живые фрегаты, способные вступать в ментальную связь со своими капитанами. Вот уже много тысячелетий кипит бурлящий котел интриг, междоусобных войн и борьбы за территорию, однако теперь приближается момент, когда на кону окажется судьба целого мира. Ни молодая целительница из глухой провинции, ни капитан знаменитого пиратского корабля «Невеста ветра», ни страдающий загадочной болезнью повелитель огромной империи об этом не догадываются, и все-таки приключение, начавшееся как веселый поиск древнего сокровища, в конце концов приведет их вместе с друзьями и союзниками в пасть к чудовищу и в самый центр водоворота, пробужденного грозным божеством морей и ветров, имя которому – Великий Шторм.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-135152-6

© Осоян Н. Г., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Невеста ветра	6
Шум моря	6
1. Сундук целителя	13
Шум моря	80
2. Крылья ворона, крылья голубя	84
Шум моря	151
3. Путешествие на юг	156
Конец ознакомительного фрагмента.	216

Наталья Осояну

Дети Великого Шторма

© Наталья Осояну, текст, 2019

© Максим Никифоров, иллюстрации, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Роман кишиневской писательницы и переводчика Натальи Осояну – нечастый образчик по-настоящему качественной авантюрной прозы в лучших традициях Рафаэля Сабатини или, если угодно, «Пиратов Карибского моря» Действие «Невесты ветра» разворачивается в причудливом мире разрозненных островов, разделенных опасными морскими пучинами, а единственный способ попасть с одного острова на другой – это отправиться в рискованное плавание на одном из одушевленных корабльков под управлением элегантного и бесстрашного корсара. Тщательно проработанный сеттинг, отлично закрученная интрига, прозрачный выверенный стиль (редкость в сфере жанровой прозы).

ГАЛИНА ЮЗЕФОВИЧ

Первая книга трилогии переполнена морской романтикой, запахом соленых брызг и гудением ветра в парусах. Живой фрегат «Невеста ветра» удачливого и загадочного пиратского капитана Кристобая Крейна несется по волнам, на борт поднимается молодая целительница, приключения ждут и манят. Во втором томе становится тесно от флешбэков, автор погружается в прошлое своих героев то на пару дней, то на несколько десятилетий. Тьма сгущается над императорским дворцом, безумный правитель готовит окончательное решение проблемы магусов, не проявивших должной лояльности. В заключительной части клубится вихрь мыслеобразов, беззвучные диалоги с разумными кораблями растягиваются на десятки страниц. Надвигается буря, вскрываются постыдные тайны тысячелетней давности, рушатся древние запреты, а романтическая история подходит к закономерной развязке.

ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРСКИЙ

Невеста ветра

*И сказал Буревестник небесным детям так:
– Обучая детей земли тому, что знаете сами, помните о моих словах!*

Не отдавайте им огонь, ибо обратится он против вас.

Не позволяйте им оседлать ветер, ибо умчатся они так далеко, что вы не сумеете угнаться следом.

Не учите их видеть сокрытое, ибо тогда настанет время Великого Шторма!

А если нарушите все три запрета, то упадет с небес «Утренняя Звезда» – и дорога домой навсегда закроется для вас.

Книга Основателей

Не отказывай страждущему, не жалея сил, не читай чужих мыслей.

Клятва Эльги

Шум моря

Холодное осеннее небо лишь слегка заалело на востоке, когда Фаби вышла из своей комнаты и быстрым шагом направилась к опочивальне принцессы Ризель. Слуги, попадавшие ей навстречу, почтительно кланялись. Совсем недавно челядь вовсе не старалась угодить девушке, занимавшей при дворе капитана-императора Аматейна положение гостьи поневоле, но теперь все изменилось. Она превратилась из заложницы в спутницу принцессы, ее начали уважать и даже, как ни странно, бояться.

В темных углах что-то негромко шуршало и потрескивало. За год Фаби так и не сумела привыкнуть к странным звукам, которыми Облачная цитадель наполнялась по ночам, а одна мысль о том, что во мраке по запутанным лабиринтам коридоров бегают многоногие металлические твари, приводила ее в ужас. К утру мехи всегда расплзались по норам: стоило солнцу подняться над горизонтом, их уже не было ни видно, ни слышно. Обитатели дворца любили долго спать, и многие из них годами не встречались с созданиями, чьи поцарапанные панцири помнили времена, когда на месте Облачной цитадели мерры пасли морских коров. Мехи никого не обижали: в худшем случае древний механизм, пробегая по потолку спальни, мог свалиться на голову спящему. Конечно, приятного в этом было мало, но от них имелась и польза: мыши, крысы и прочие вредители в дворцовых кладовых не водились именно по той причине, что все подходящие для обитания щели и дыры облюбовали мехи.

Фаби знала, что ночные шорохи безопасны, но ничего не могла поделать с собой: первое время, заметив краем глаза шевеление и поблескивание где-нибудь в углу, она отпрыгивала в сторону, словно перепуганная птичка. Птичка-невеличка, растрепанный невзрачный воробушек. Ничего удивительного – она и внешне, и по характеру была настоящим воплощением своего кланового знака.

В клетке с орлами и ястребами воробьи долго не живут. Предшественник Фаби – трюродный брат, которого она совсем не знала, поскольку виделись они лишь однажды, еще детьми, – провел здесь чуть больше года и погиб на охоте при весьма странных обстоятельствах. Аматейну понадобился новый заложник, и на этот раз им должен был стать кто-то очень близкий и важный для главы семейства. Фаби помнила, с какими лицами родители провожали ее в Облачный город, столицу Империи...

Однако все пошло совсем не так, как они предполагали. В один прекрасный день принцесса Ризель вдруг объявила, что юная провинциалка, не имеющая ни малейшего представления о сложных дворцовых интригах, отныне будет ее спутницей. Сплетники неделю только об этом и говорили, но никто не осмелился открыто возмущаться – с решениями Ризель не полагалось спорить, как если бы все они до единого были высказаны посредством *сильного слова*, ее родового дара.

Должность спутницы подразумевала больше обязанностей, чем привилегий. Фаби стала для Ризель собеседницей, секретарем, служанкой и шпионкой. Оказалось, воробей подходит на эту роль куда лучше, чем ястреб, орел или ворон. Она была незаметной и – хотя об этом никогда не говорилось вслух – незаменимой: она все понимала без слов и умела молчать. Собственно говоря, она почти все время молчала. Поначалу ей пришлось нелегко. Потом она почувствовала, что Ризель из «госпожи» и «ее высочества» превращается в кого-то вроде мудрой старшей сестры, и заточение в Облачной цитадели стало чуть менее тяжким грузом.

Принцесса была хороша собой. У нее имелась целая армия тайных воздыхателей, которые посвящали ей стихи и устраивали дуэли, сходя с ума от любви. Ни один из них, конечно, никогда не осмелился бы признаться ей в своих чувствах. Ризель была недосягаема, словно сама Светлая Эльга. Она одевалась только в белое и редко посещала балы; она делала то, что полагалось бы делать принцу, – так уж вышло, что у капитана-императора не осталось сыновей.

Ризель походила на фарфоровую статуэтку, но ее хрупкость была обманчива – в отличие от фарфора, разбить ее смог бы только удар кузнечного молота.

Войдя, Фаби увидела, что Ризель не спит. Принцесса сидела за письменным столом, уронив голову на руки. Густые длинные волосы закрывали ее лицо, словно плотная белая вуаль, – из-за них дочь капитана-императора почтительно называли Белой Цаплей, хотя по углам шептались, что дерзости наследнице престола не занимать, раз она не желает скрывать столь явный признак вырождения. Перед ее высочеством лежала книга с пожелтевшими от времени листами. Фаби уже видела этот древний том и знала, что он собой представляет. Отец рассказывал ей, что когда-то в каждом семействе хранился такой же, но постепенно все они были утрачены. Лишь немногим удалось сберечь отдельные страницы, однако содержание этих страниц оставалось тайной. Язык, на котором три тысячи лет назад была написана Книга Основателей, уже тогда считался мертвым, и теперь мало кто мог похвастать знанием более впечатляющим, чем несколько странно звучащих слов. Выходило, что от Прародины у небесных детей осталась только их сильно разбавленная кровь.

– Я закончила перевод, – устало проговорила Ризель. – Посмотришь?

Девушка подошла ближе, не дожидаясь повторного приглашения. Ей уже случалось знакомиться с переводами Ризель. Та была искренне удивлена, узнав, что дочь лорда Воробья не так уж плохо образованна, быстро читает и вырисовывает пером витиеватые буквы в лучших традициях старинного искусства каллиграфии, и не преминула добавить к многочисленным обязанностям спутницы еще одну. Фаби не возражала даже в мыслях, понимая, что ей оказывают большую честь. К тому же читать переводы, сделанные принцессой, было очень интересно.

Исчерканные листы стоили дороже, чем полностью снаряженный боевой фрегат. Поскольку знатоков древнего наречия в Империи почти не осталось, какой-нибудь ученый из Ниэмарского университета или знаменитой Лазурной академии, не говоря уже о Невидимом содружестве, с радостью продал бы Великому Шторму правую руку или правый глаз за возможность взглянуть на перевод Книги Основателей, выполненный самой Белой Цаплей.

– Мы с каждым днем все дальше от Прародины, – неожиданно проговорила Ризель, глядя в пустоту. – Почтенные ученые мужи забыли наш язык, а обитатели Облачной цитадели предпочитают танцевать на балах и плести интриги. Я не могу их винить... Ведь «Утренняя звезда»

потеряна, и даже если вдруг кто-то ее найдет, мы не будем знать, что делать дальше. Мы изменились, утратили способности и знания, сделались куда больше похожи на земных детей, чем принято считать. К добру это или к худу? – Она усмехнулась горько и зло. – Как знать... Почитай мне вслух, пожалуйста.

«Шел год седьмой от Великого пришествия, и тогда собрались все небесные дети. Первым говорил Капитан Ворон, и сказал он так:

– Братья и сестры мои! Вижу я, что люди этого мира уже не ходят на четырех конечностях, словно животные, и не пожирают плоть подобных себе. И это хорошо!

Вторым вышел говорить Жаворонок, и сказал он так:

– Братья и сестры мои! Теперь люди этого мира знают, как растить пшеницу и рис, бобы и просо. Большие не едят они траву, что стелется под ногами, и водоросли, что прибивает к берегу...»

Фаби словно раздвоилась. Одна ее половина послушно читала, продираясь сквозь записи – почерк Ризель временами становился удивительно небрежным, – а другая лихорадочно размышляла: что происходит? Неужели ее высочество решила испытать свою спутницу? Ведь любой ребенок – не магус! – знает, что небесным фрегатом, «Утренней звездой», командовал первый капитан-император из клана Цапли.

Ризель нетерпеливо приказала:

– Дальше читай! Там, где про огонь.

Фаби пробежала глазами остаток записей и взяла следующий лист.

«Так говорил каждый из пятнадцати магусов, небесных детей, о благах, что принесли они детям земным, а когда все закончили, снова встал Капитан Ворон и спросил:

– Все ли помнят о том, что говорил Буревестник в день, когда впервые мы ступили на эту землю? Все ли соблюдали его наставления?

– Да! – ответили магусы, но нахмурился Капитан Ворон, потому что знал: один из соплеменников не сдержал слова и дал людям огонь. Никто не признавался в содеянном, и тогда сказал Капитан:

– Хорошо же! Значит, люди открыли огонь сами, и только они одни виноваты в случившемся. Так услышите, что еще было предсказано: если земные люди узнают тайну огня, нам следует дать им огня великое множество».

Фаби застыла. Час от часу не легче – сперва «Капитан Ворон», а теперь *это*. Что еще за «огня великое множество»?

Она совсем другую сказку слышала в раннем детстве.

– Читай-читай, – подбодрила Ризель свою спутницу.

«Небесные дети сидели спокойно и слушали Капитана Ворона. И тогда он спросил:

– Скажите мне теперь, не нарушал ли кто второй запрет?

– Нет! – сказали небесные дети, и помрачнел Капитан Ворон словно туча: видел он, как летают по небу те, кто совсем недавно ползал по земле, точно черви.

– Хорошо же! – сказал он. – Значит, люди научились летать сами, и поэтому увидят они самые большие крылья из всех, что есть у нас».

– Ты веришь, что магусы когда-то умели летать?

– Я... – Фаби растерялась. Принцесса пытливо вглядывалась в лицо спутницы, ожидая ответа. – Я знаю, что «Утренняя звезда» пролетела сквозь Вечную ночь – ведь как иначе

наши предки оказались в этом мире? Но... нет, я думаю, это какая-то метафора. Из разумных существ летать умеют только крыланы, да и те, похоже, исчезли навсегда.

– Метафора... – пробормотала Ризель, качая головой. – Читай дальше. Сейчас будет еще одна... метафора.

«Когда понял Капитан, что третий запрет тоже оказался нарушен, потому что видели и знали дети земные то, чего не должны были видеть и знать, сказал он так:

– Если тот, кто сделал это, не признается сейчас, то одарим мы землю эту последними дарами, а потом улетим домой.

Встал тогда хранитель огня, Пламеннокрылый Феникс, промолвил:

– Я дал людям огонь.

Сказал он:

– Я подарил им крылья.

Были его последние слова такими:

– Я научил людей видеть сокровище.

Тогда Капитан попросил у магусов, детей небесных, семь дней на размышления, но раздумывал он в семь раз дольше, потому что слишком тяжелое решение должен был принять. Вернувшись к народу своему, сказал он Фениксу так:

– Пусть возьмет огонь тот, кто придет сменить тебя. Сам же ты получишь пламя, и крылья, и море – и покинешь нас навеки.

Промолвила тогда Эльга-Заступница:

– Прости его, Мудрейший! Что сделано, того не воротить. Видишь, „Утренняя Звезда“ сияет на небе, как раньше, – значит, предсказание Буревестника не сбылось. Пусть останется с нами тот, в чьем сердце вечно живет огонь далеких звезд, – ведь без него мы не сумеем пролететь сквозь Вечную ночь!

Но непреклонен был Капитан Ворон. И произнес он слова холоднее льда и тяжелее камня:

– Как можем мы ожидать, что земные дети будут уважать нас и бояться, если слово мага стало легче птичьего пера? Три запрета были нарушены, и три наказания понесет отступник.

Стоило ему сказать это, как раздался гром и от множества молний закипел бескрайний океан. Когда утихла страшная буря, увидели магусы, что нет больше „Утренней Звезды“.

Так сбылось предсказание Буревестника, после чего ушел Ворон Дорогой печали. Так осиротели небесные дети, лишившись родного дома, который остался по другую сторону Вечной ночи».

Фаби положила исписанный листок обратно на стол и обняла себя за плечи, пытаюсь унять сильную дрожь. Или, быть может, это Облачная цитадель вокруг нее зашаталась и задрожала, словно дерево на ветру?

Воробей не может повлиять на ход событий. Воробей вообще ничего не может. Если клан Ворона отыщет мага, способного перевести то, что перевела Ризель, маленьким птичкам останется лишь наблюдать и надеяться, что грандиозный шторм пройдет стороной. Их целью всегда было выживание, и до сих пор семейству сопутствовал успех – во многом благодаря тому, что воробьи умели довольствоваться малым. Те самые гордые фениксы, клан Фейра, – где они? Уничтожены, разбиты, навеки опозорены. Буревестники? Последний из рода Амальфи пал жертвой предательства, которое не сумел предугадать, хотя и обладал даром ясновидения. Даже миролюбивые хронисты и библиотекари Софффио, клан Совы, не выстояли в битве с Великим Штормом...

Возможно, всем семействам суждена подобная судьба. А тех, кто выживет, прикончит враг незаметный и безжалостный, затаившийся в их собственной крови, – ведь не зря с давних времен говорили, что нет ничего важнее, чем кровь.

Фаби выпрямилась и встретила взгляд Ризель: принцесса улыбалась краешком рта, да только в улыбке не было ничего веселого. На плечах этой хрупкой женщины лежал чудовищный груз. Белая Цапля служила единственным глашатаем воли капитана-императора, который так давно не покидал покоев в западном крыле Облачной цитадели, что об этом знали даже жители отдаленных краев Империи. Странная болезнь, поразившая верховного правителя Десяти тысяч островов, не была заразной – по крайней мере, за долгие годы никто не подхватил от него тяжелый недуг. Но если раньше он хоть изредка принимал посетителей, то теперь его навещали только двое доверенных слуг и принцесса. Ризель заходила к отцу каждое утро и выслушивала наставления, которые затем передавала советникам. Однажды – уже после того, как Фаби привезли во дворец, – кто-то из клана Орла захотел встретиться с императором лично. Ризель не стала возражать, и магуса провели к больному. Строптивец пробыл там недолго – выскочил за дверь весь бледный и трясущийся, бормоча что-то о проклятии, которое наслал сам Великий Шторм. Потом Фаби слышала, что он почти сутки провел в ванной и заставил слуг сменить воду не меньше двадцати раз.

Больше о личной аудиенции никто не просил.

«Капитан-император скоро умрет...»

Даже произнеся эту фразу мысленно, Фаби от ужаса зажмурилась. Император Аматейн, которому не исполнилось еще ста лет, был молод по меркам небесных людей. Родители рассказывали Фаби о коронации Аматейна – столь пышной, что всем казалось, будто она всенепременно ознаменует начало нового золотого века. Получилось совсем наоборот: война с Окраиной разгорелась с новой силой, да к тому же Империю ослабляли постоянные столкновения между семействами. Только три клана из пятнадцати: жаворонки, воробьи и совы – сумели остаться в стороне от интриг и борьбы за земли. Остальных же словно поразило внезапное безумие, и они с ожесточением принялись уничтожать друг друга. Сорок лет назад Аматейн положил конец распрям, подписав с самыми могущественными семействами, согласившимися на его условия, Договор Семерых, к которому потом примкнули три самых слабых клана, включая и клан Торимо, семью Фаби. Но фениксы, буревестники и совы, согласно туманным слухам, были истреблены за свою гордость, а земли хитроумных пересмешников и упрямых голубей Семеро разделили между собой, не стесняясь собственного вероломства. Где-то на просторах Империи остатки побежденных кланов лелеяли планы мести, но против объединившихся врагов они были бессильны.

Впрочем, что заставило победителей сплотиться? И так ли крепок их союз? С чего все началось?..

Много лет спустя уже никто не мог с уверенностью сказать, что на самом деле произошло с непокорными Фейра, Амальфи и Соффио и были ли они хоть отчасти виновны в измене, за которую их наказали. Фаби доподлинно знала лишь одно: через некоторое время после гибели семейства Фейра болезнь капитана-императора впервые дала о себе знать. Поначалу его недуг вовсе не казался ужасным. Уже потом, когда стало понятно, что хворь не намерена отпускать Аматейна из цепких когтей, во дворец стали приглашать лучших целителей – сначала тайно, а потом и в открытую. В Облачной цитадели побывал даже мудрый лорд Рейнен, старейшина вороньего семейства и самый старый магус из всех живущих, но и он не сумел помочь повелителю небесных детей.

Капитан-император стоически перенес то, что болезнь изуродовала его красивое лицо, заставив на людях носить маску, но судьба подготовила для него удар пострашнее: Тибурон, старший сын Аматейна, пропал где-то на севере, и вот уже без малого десять лет о нем не было никаких известий.

А два года назад Аматейн потерял сразу жену и младшего сына, Амари: мальчика растерзали сторожевые пардусы, сбежавшие из клетки, после чего ее величество тоже стала затворницей: она теперь почти все время проводила в Садах иллюзий, в обществе нескольких спутниц. Фаби слышала, что звери оставили от тела бедного ребенка всего-то несколько костей. Ради похорон сына Аматейн вышел из своих покоев, превратившихся в подобие тюрьмы, но потом, когда траурный срок закончился, вновь исчез. По дворцу поползли слухи.

Болезнь зашла слишком далеко.

Было весьма сомнительно, что капитан-император сумеет снова зачать наследника, а ведь три тысячелетия трон передавался только по мужской линии. Единственная дочь Аматейна обладала изумительной красотой и разнообразными талантами: она разбиралась в политике и могла поддержать разговор о тонкостях морского дела с такой же легкостью, как если бы речь шла о тканях или драгоценных камнях, с ней считали за честь побеседовать о вопросах философии виднейшие ученые из разных городов... Но все-таки она была женщиной. А сильнейшие кланы никогда не склонили бы головы перед императрицей, подле которой нет императора.

Пустующее место рядом с дочерью Аматейна вызывало противоречивые чувства: с одной стороны, многих оно привлекало, а с другой – белые волосы Ризель означали, что в клане Цапли началось вырождение. Кровь владык Облачного города отравлена. Все знали, как это происходит. Сначала меняется цвет волос, потом появляются другие странности, а чуть позже настанет время бескрылых, лишенных дара, и тех, о чьем существовании не принято говорить вслух.

Но немало людей ради трона готовы были смириться и с этим.

За поведением Ризель следили очень внимательно, пытаясь истолковать каждый ее шаг как проявление симпатии к кому-то из молодых магусов. Пока что ее высочество была со всеми одинаково вежлива и холодна. Но какой бы выбор ни сделала принцесса, кому-то он обязательно не понравился бы, и даже Фаби понимала, что новой войны между кланами не избежать. А если станет известно, что владычество Цапли десятки веков держалось не только на сильных словах и цепкой хватке невидимых рук, но и на зыбком фундаменте из слегка подправленных легенд, никто не будет дожидаться смерти Аматейна.

Взгляд Ризель сделался тяжелым, и Фаби поняла, что время, отведенное ей на размышления, закончилось.

– Говори.

Девушка с трудом взяла себя в руки:

– Эта история записана в Книге Основателей, и каждая мелочь в ней важна, а то, что я вижу, – совсем не мелочь... Ваше высочество, я даже не знаю, как сказать, но... э-э... вероятно, Империю ждут перемены. Неужели... простой воробей может чем-то... помочь Белой Цапле?

Ризель не успела ответить – в открытое окно ворвался ветер и разметал рукопись по комнате. Фаби следовало бы броситься ее собирать, но почему-то она не смогла даже пошевелиться. Ризель сидела неподвижно, пока ветер не стих. А потом разлетевшиеся листочки сами собой принялись сползаться к ногам принцессы, аккуратно укладываясь в стопку.

– Империя сейчас подобна одуванчику, – сказала ее высочество. Рукопись взлетела с пола и легла ей на колени. – Стоит кому-нибудь дунуть посильнее, и от былого величия останутся одни воспоминания.

Принцесса встала, прижимая листы с переводом к груди и пристально глядя в глаза спутнице. Она была выше Фаби всего на полголовы, но девушке показалось, что Ризель смотрит на нее откуда-то с заоблачных высот.

– Мне очень страшно, воробышек. Скоро моя жизнь бесповоротно изменится... Придется совершать поступки, которые вызывают у меня отвращение и ужас. Мне нужен кто-то... Мне нужен человек, который будет помнить меня прежней... – Внезапно ее голос сел, и прин-

цесса не сразу сумела продолжить: – Я хочу, чтобы ты всегда оставалась со мной. Ты не откажешь мне в этой просьбе?

Ответ был очевиден.

– Я рядом, ваше высочество, – сказала Фаби. – И буду рядом. Всегда.

– Вот и славно. – Улыбка осветила бледное лицо Белой Цапли. – А теперь прикажи, чтобы приготовили ванну.

Над морем занималось утро нового дня.

Ветер вот-вот должен был перемениться.

1. Сундук целителя

[«Смотрите, смотрите, что у меня есть!»

Город изнывает от полуденного зноя, и даже крики чаек кажутся не такими пронзительными, как обычно. Чьи-то смуглые ладони в ссадинах и царапинах сложены ковшиком. В ковшике плещется рыбешка – серебристая, с черными полосками по бокам и агатовыми глазами-бусинами. Капли морской воды оставляют темные пятна на полу кухни.

Скоро обед. Вкусно пахнет жареным.

«Светлая Эльга нас благословила, это награда за все наши испытания! Вы только поглядите, до чего красивая шкура! Она приплыла, она выбрала меня... Вот увидите, теперь все будет хорошо!

Я это точно знаю!»]

Легкий бриз проскользнул в окно, не тронув Эльгин колокольчик, висевший на положенном месте, и шаловливо взъерошил волосы Эсме. Она открыла глаза. Словно сама Заступница погладила ее по голове. От этого ночь, переполненная обрывками воспоминаний и бесвязными тревожными сновидениями, сразу же утратила важность.

Начинался новый день, а ночь... да ну ее к кракену.

Недолго поглядев на потолок, где давно уже были изучены и сосчитаны все трещины, Эсме осторожно приподнялась на локте. В глазах сразу же потемнело, табуретка и сундук пустились в пляс, а стоило зажмуриться, как под веками защипало, словно кто-то щедрой рукой сыпанул туда песка. Ничего удивительного: ей уже больше недели не удавалось как следует выспаться. Она проваливалась в черную бездну, а потом внезапно просыпалась, задыхаясь и дрожа от ужаса, еще более уставшая, чем прежде. Временами казалось, что она слышит знакомый голос – голос человека, который пять дней назад замолчал навсегда. Временами во тьме звучали и другие голоса, но всякий раз услышанное выветривалось из ее головы быстрее, чем она успевала не просто что-то запомнить, а хотя бы осознать.

[Ты заболела. Бессонница – недуг, который время от времени настигает всех целителей. А твой случай совсем тяжелый. Память, бедная изувеченная память не дает тебе уснуть.]

– Ты что-то сказал? – проговорила она вслух, глядя в пустоту, и горько улыбнулась. – Прости, я не расслышала.

[Кто бы сомневался.]

В происходящем не было ничего удивительного. Однажды она сделала с собой то, чего не следовало делать ни в коем случае: отсекала часть воспоминаний и спрятала в [сундук], чтобы избавиться от боли. [Сундук], незримый и невесомый, каждый целитель носил с собой с момента, когда пробуждался дар, и до самой смерти; в него полагалось складывать чужие мыслеобразы, застрявшие в памяти. Только так целитель мог оставаться самим собой, а кое-кого [сундук] и вовсе спасал от безумия. Но, отказавшись от собственных мыслеобразов, Эсме словно утратила часть тела и вот уже много лет страдала от фантомных болей, которые ничем не отличались от тех, что мучают калек.

И все равно она ни о чем не жалела.

– Долг целителя – с рассветом открывать двери свои...

Слова утренней молитвы, истертые до дыр и давным-давно потерявшие свежесть, немного привели ее в чувство и позволили для начала сесть и опустить на пол босые ноги. Под пятками скрипнуло – вчера она забыла вымести из комнаты вездесущий тейравенский песок.

[Лучше бы уборкой занялась, чем всю ночь вертеться.]

Она поморщилась.

– Целители встают до восхода, а спать ложатся глубокой ночью, ибо в их помощи нуждаются те, чей труд начинается с первыми солнечными лучами и продолжается после наступления темноты...

Она встала, борясь с подступающей тошнотой.

– Великий дар, благословение Эльги, надлежит использовать на суше и на море, во благо детей неба и детей земли. Так говорит Заступница, я следую ее заветам. Да минуют шторма капитана-императора, да пребудет он... хм... пусть у него все будет хорошо.

Завершению целительской молитвы явно не хватало почтительности. Императора, который, по слухам, заживо гнил в своем дворце далеко на северо-востоке, лечить следовало не молитвами. Если его вообще можно было вылечить.

Туман перед глазами постепенно рассеивался, но в ушах как будто шумел прибой. Нет, так не пойдет. Если она не хочет весь день бродить по узкой грани между бодрствованием и обмороком, надо принять меры. Эсме снова села и, заранее скривившись, вытащила из-под кровати оставленный там с вечера флакон с жидкостью болотно-зеленого цвета. Вкус у настойки вигилирии – Велин, опекун и учитель Эсме, называл ее пробудиловкой – был очень противным, и, чтобы осушить флакон до самого дна, пришлось собрать остатки сил.

– Гадость какая... – пробормотала Эсме, когда отвратительная жидкость ухнула в желудок.

Зелье предназначалось для того, чтобы взбодрить уставшего целителя, но злоупотреблять им не рекомендовалось. Однако кто теперь мог ее остановить? Через несколько ударов сердца в голове прояснилось, глаза перестали болеть. Целительница медленно оделась – она носила белую рубаху с подвернутыми до локтя рукавами и широкую серую юбку до щиколоток, – потом умылась, расчесала волосы и повязала голову изумрудно-зеленым шарфом. За окном просыпался город. Над городскими крышами и верхушками мачт вились стаи чаек-крикунов – они, как всегда, снялись с насиженных мест еще до рассвета и отправились на поиски еды.

– Вам бы все жрать да жрать... – пробормотала Эсме.

Одна чайка, словно услышав ее слова, спикировала напрямик на подоконник; в комнате тотчас же завоняло тухлятиной, причем это был вовсе не мыслеобраз запаха, а самый настоящий, ощутимый носом смрад. Эсме в тысячный раз спросила себя, отчего именно это гадкое создание стало символом Гильдии целителей. Ответ, прекрасно ей известный, был прост и сложен одновременно: из всех птиц только крикуны могли читать мысли и передавать мыслеобразы, да к тому же чайка служила клановым знаком семейству, под чьим покровительством целители пребывали вот уже три тысячи лет.

Крикун щелкнул длинным клювом.

– Вон отсюда! – Эсме не испугалась, хотя прекрасно знала, что птица в мгновение ока может вырвать из нее кусок плоти размером с кулак. От нападения крикуна удерживала только трусость. – Улетай!

Чайка наклонила голову, захлопала крыльями. Красные глаза злобно блеснули. Не зря, ох не зря моряки говорили, что встречаться взглядом с крикуном – не к добру... Эсме ощутила волну лютой ненависти, исходившую от птицы: вечно голодная тварь думала о еде, но мыслеобразы выдавали желание поживиться вовсе не рыбой, а мясом. Человеческим мясом.

– Пошла прочь, зараза!

Девушка схватила пустой флакон и швырнула в птицу. Та увернулась с легкостью и атаковала в ответ на свой лад: если раньше Эсме ощущала лишь отголосок кровожадных мыслей крикуна, то теперь... ее накрыло. Зрелище распотрошенных внутренностей само по себе не могло испугать целительницу – ей приходилось видеть куда более страшные вещи, – но чайка добавила к отвратительной картине удовольствие и предвкушение роскошного пира. Девушку чуть не стошнило от отвращения. Она бросилась к птице – и схватила воздух. Выдав напоследок

док издевательский вопль, чайка присоединилась к своим товаркам – кружить над Тейравенской пристанью до позднего вечера, досаждать морякам криками и воровать рыбу у разинь.

[Положи это в сундук. Или ты хочешь помнить, как вкусна была падаль, как ты выклевывала глаза у трупа? Нельзя хранить в своей голове такое, немедленно выбрось эту гадость. Положи в сундук, быстрее.]

Поморщившись от внезапной боли в затылке, Эсме осторожно выглянула наружу и убедилась, что ее снаряд никого не задел, а просто упал на мостовую и разбился. Она закрыла глаза и увидела не темноту, а сине-зеленую толщу воды и рыбку – юркого малька, серебристого, с черными полосками по бокам. Мыслеобраз вызвал непонятную тревогу. Чье это воспоминание? Неужели ее собственное?

[Положи и это в сундук. Ну же, давай!]

– Пора открыть двери, – сказала целительница вслух и нахмурилась. – Правила есть правила.

Маленький дом, в котором совсем недавно жили двое, промолчал в ответ.

Их с Велином жилище располагалось гораздо ближе к порту, чем лавки остальных тейравенских целителей и лекарей. В другом городе и при других обстоятельствах это весьма помогло бы в борьбе за клиентов – ведь у больного или раненого моряка нет времени и сил, чтобы долго бродить по незнакомым улицам в поисках того, кто окажет ему помощь. Но Велин был в Тейравене чужаком и чужаком остался до самого конца. Слишком молчаливый даже для целителя, слишком ироничный, слишком умный по меркам маленького провинциального городка. Десяти лет не хватило, чтобы к нему привыкли, и сам Тейравен будто сопротивлялся его присутствию.

Эсме спустилась на первый этаж, открыла двери настежь и взялась за метлу. Велину не нравилось, что она все время нарушает порядок: уборку полагалось делать вечером, а утренние часы – посвящать чтению и медитации. Однако он ей не мешал. Они понимали друг друга без слов и, живя в одном доме, пребывали каждый в собственном мире, не пересекая чужих границ. В общем-то, так было заведено у всех целителей: молчание и расстояние имеют особую ценность для того, кто способен с трех шагов прочесть любого человека или магуса словно открытую книгу. И все же она чувствовала, что совершила серьезную ошибку, позволив ему сохранить в тайне почти всю жизнь до Тейравена. Она знала, откуда он родом, но понятия не имела, на каком фрегате он провел больше двадцати лет. Она так и не осмелилась спросить, что за бледный, выцветший цветок хранился в его любимой книге – «О природе вещей» Филара. Она навсегда упустила возможность узнать о нем много важного...

От этого, конечно, ее любовь к нему ничуть не ослабела.

[Бамц!]

Внезапно целительницу окружил вихрь мыслеобразов, в центре которого располагался сундук, казавшийся вполне материальным. Из черного дерева, с полустертыми узорами по бокам: берег, башня, птицы над морем, чье-то красивое лицо посреди облаков. Замок на сундуке был устрашающим – огромным, тяжелым. Из замочной скважины высовывался ключ, словно приглашая Эсме спрятать еще что-нибудь *бесполезное*. Она застыла с метлой в руках, чувствуя, как течет по жилам кровь – медленно, точно смола. Каждый удар сердца отдавался в

ушах болезненным гулом. Выбираясь из глубин подсознания, [сундук] из эфемерного образа становился почти настоящим и всей своей немалой тяжестью давил ей на плечи. От этих приступов – слава Эльге, нечастых – не было лекарства. Переждать, перетерпеть – вот и все, что она могла. Зато после каждого такого случая невнятные голоса в ее голове надолго замолкали.

В порту зазвенел колокол.

Эсме пришла в себя. Вздвогнув, она оглядела лавку, словно оказалась здесь впервые: светлая комната с большими окнами, два плетеных кресла возле очага, полки и сундуки с книгами и зельями, посередине – специальный каменный стол, на который усаживали или укладывали пациентов.

Все как обычно.

Только Велина нет...

[Бамц!]

– Хватит! – рявкнула девушка, отбросила метлу и выбежала из дома, словно за ней погнался сам Великий Шторм.

На улице гомонила детвора, играя в пиратов. Звонкие крики разлетались по всей округе: «Чур, я Звездочет! А я Крейн, я Крейн!» Окрестные ребятишки частенько забегали к Велину и Эсме, чтобы залечить ссадины и царапины в обмен на какие-нибудь мелкие услуги, но в присутствии родителей держались отчужденно. Завидев целительницу, один из мальчишек первым делом осмотрелся – и лишь убедившись, что никто не наблюдает из окна, подошел к ней.

– Во имя Светлой Эльги, помоги мне! – Тонкий голосок, старательно выговаривающий ритуальную фразу, заставил Эсме улыбнуться против собственной воли. «Не отказывай страждущему, не жалея сил, не читай чужих мыслей» – такую клятву давал каждый вступающий в Гильдию, и нарушить ее было невозможно. Когда Эсме просили об исцелении, она всегда выполняла просьбу.

– Вот... – добавил ребенок плаксиво и протянул правую руку: от запястья до локтя змеилась глубокая воспаленная царапина.

Эсме напустила на себя суровость и покачала головой: дескать, еще чуть-чуть – и дело обернулось бы бедой. Потом она закрыла глаза и очень медленно провела раскрытой ладонью над рукой маленького пациента. Ребятишки не дыша следили, как под пальцами целительницы рождается золотистое сияние – его отсветы ложились на лицо Эсме, придавая ей неземной вид.

– Ну вот, – сказала девушка, когда царапина исчезла без следа. – А теперь я тоже хочу тебя кое о чем попросить.

Мальчишка восторженно смотрел ей в глаза и ждал.

– Я ухожу в порт. Если за время моего отсутствия кто-нибудь придет, сможешь меня там разыскать? Я буду в «Водяной лошадке» или где-то поблизости от нее.

– Не вопрос! – Он заулыбался, демонстрируя дырку на месте переднего зуба.

Как обычно – полдня после очередного чуда ее будут любить, но в конце концов...

[Но в конце концов они становятся взрослыми, моя дорогая.]

Она потеряла затылок, однако внезапная боль уже прошла.

Узкая извилистая улочка вела к набережной. Эсме шла медленно, всей кожей впитывая свежий бриз: ветер с моря уносил печаль вместе с шальными мыслеобразами, позволяя ненадолго расслабиться.

У лавки с яркой вывеской «Древности и редкости» целительница ускорила шаг, старательно глядя в противоположную сторону. Несколько лет назад Велин, будучи при деньгах, завел ее внутрь и предложил выбрать «что-нибудь интересное». Другая на ее месте так бы и сделала – благо, выбирать было из чего, – но Эсме совершенно растерялась, увидев великое множество удивительных вещей. Там были странные ткани, покрытые светящимися узорами и

струящиеся сквозь пальцы, словно вода; чудные Эльгины колокольчики из хрусталя, поющие от малейшего дуновения ветра; жутковатые мумии существ, о которых ей раньше доводилось читать в книгах Велина.

Больше всего ей понравились золотые бабочки, обитавшие внутри огромного стеклянного шара. «Придворные дамы в столице украшают ими волосы, – сказала Магда, хозяйка лавки, высокая женщина с крупными чертами лица и по-мужски широкими плечами. – Тебе бы пошло, да только вот стоят они слишком дорого».

Украшения для волос? Эсме и не знала, что такое бывает. С крыльев прелестных созданий осыпалась золотая пыльца, но юная целительница поняла, что никогда в жизни не посмеет к ним прикоснуться. Она обернулась, взглянула на учителя – тот понял все без слов и направился к выходу. Уже у самой двери их догнали слова Магды: «А я бы купила твой шарф. Он из очень редкой ткани. Если что, заходи!» И вот тогда Эсме испугалась, хотя сама не понимала отчего.

Шарф был у нее всегда.

Магда не ошиблась, изумрудно-зеленая ткань и впрямь обладала особыми свойствами: она не снашивалась, не выцветала на солнце, не ветшала от времени, ее невозможно было порвать. Иногда девушка пропускала шарф, казавшийся совершенно новым, сквозь пальцы и гадала – сколько хозяек он уже сменил? Как попал к ней?..

Только он и остался у нее от прошлого, которое покоилось в [сундуке].

Улица вильнула, и Эсме вышла к небольшому рынку. Там было многолюдно, ночной улов рыбаки еще не распродали. Порт жил своей жизнью: от складов к причалу медленно топали гроганы, косматые длиннорукие гиганты, волоча огромные ящики с товарами; за гроганами наблюдал человек с плетью. Посреди лодочных загонов бурлила вода – кормили мальков, и те дрались за еду, отпихивая друг друга пока что маленькими носовыми таранами. Большие фрегаты стояли поодаль, у причала, тихонько покачиваясь на волнах. Их взгляды были похожи на назойливых пчел, которые все вьются и вьются, не решаясь ужалить, но и не желая улетать. Для рыбокораблей правило трех шагов не действовало: Эсме чувствовала беспорядочный поток нечеловеческих мыслеобразов и не могла от него закрыться, как ни старалась.

Горделивые гиганты скучали, желая поскорее вырваться в море – туда, где нет якорных цепей, где рыскают кархадоны и шаркаты, где дремлют под толщей воды ужасные кракены. Эти странные создания, испокон веков служившие людям и магусам верой и правдой, всегда вызывали у Эсме смешанные чувства. Не восхищаться фрегатами было невозможно, но сквозь облик кораблей-под-парусами, сквозь лжеплоть, изображавшую деревянный корпус и разноцветную ткань, проглядывала истинная сущность – звериная, пугающая.

Эсме замедлила шаг. Один из фрегатов внезапно сосредоточился на ней, словно вынырнув из водоворота сине-зеленых видений. Это была совершенно обычная торговая бочка со сложенными грязно-белыми парусами. Матросы чистили ее борта от паразитов и наросших кристаллов соли. Глаза корабля казались стеклянными, пустыми, но Эсме чувствовала: они смотрят, внимательно и с любопытством. На мгновение ей померещилось, что они разного оттенка: левый отдает в зелень, а в правом больше небесной синевы. Но потом целительница поняла, что всему виной игра света и тени, а глаза у фрегата сине-зеленые, словно Океан, и совершенно одинаковые. Поглядев на нее, он сомкнул веки и снова погрузился в грезы о море и рыбах.

По набережной неторопливо прогуливалась тейравенская знать в нарядах, которые стоили больше, чем Велин и Эсме заработали за последний год. Дамы поправляли шляпки и жеманно обмахивались веерами, хотя до полуденной жары было еще далеко, а их спутники поглядывали в сторону моря с явным нетерпением. Несколько пар выделялись среди остальных: были выше ростом, казались сильнее и красивее, в их движениях ощущалось необычно-

венное изящество, а во взглядах, которые они бросали на окружающих, – сдержанное высокомерие.

– М-магусы... – пробормотал, проходя мимо Эсме, какой-то матрос. – Дети кракена...

Так было всегда: магусов ненавидели и боялись. Слишком красивые, сильные, умные и хитрые, они жили слишком долго и обладали слишком большой властью. Внешне неотличимые от людей, магусы были не людьми, а небесными детьми, пришельцами из другого мира. Эсме имела особую причину их ненавидеть, и эту причину она не спрятала в [сундук].

На стене таверны Старого Пью было пришпилено пять листков с оттисками личной печати императорского наместника в Тейравене.

Эйдел Аквила усердно охотился за пиратами и предлагал всем желающим поведать о местонахождении самых опасных морских разбойников в обмен на вознаграждение. На двух листках из пяти оно было просто несусветным: пять и шесть тысяч импералов. Дороже всех прочих стоил пират по имени Кристоаль Крейн.

Эсме усмехнулась: моряки, чьи разговоры она слушала в таверне, то и дело спорили, как скоро Крейн обгонит свирепого Звездочета, и вот наконец этот день настал. Они оба были отчаянными сыновьями Шторма, но за голову первого теперь предлагали на целую тысячу больше. А еще Крейна, судя по написанному в объявлении, следовало «брать живым», что заставило ее удивленно нахмуриться. В последнее время все только и говорили, каким дерзким стал этот пират, которому удавалось успешно грабить даже казначейские флотилии и всякий раз уходить от сторожевых фрегатов, исчезая словно по волшебству. Как такого бандита взять живым, да и зачем вообще он нужен наместнику и капитану-императору? Разве что для устрашающей казни на главной площади Облачного города. Так или иначе, в Тейравене ему вряд ли могло что-то понадобиться – бывшая столица княжества Амальфи ныне стала нищей имперской провинцией, и управлял ею магус, навлекший на себя гнев капитана-императора.

На всякий случай Эсме пригляделась – она не отказалась бы даже от двадцатой доли вознаграждения. А затем разочарованно вздохнула. С помощью рисунка, изображавшего Крейна, принять за знаменитого разбойника можно было бы каждого пятого посетителя «Водяной лошадки». Словесный портрет тоже мало что давал: «...Высокого роста, волосы темные, глаза зеленые или голубые, заметных шрамов нет, особых примет нет». Нижняя часть объявления была оторвана, но вряд ли там имелось что-то полезное, раз уж «особых примет нет». Она может столкнуться с этим Крейном лицом к лицу и не узнать его...

Хозяином таверны был моряк, щуплый старик с деревянной ногой. Однажды он полез разнимать сцепившихся матросов и получил сильный удар по голове. Если бы не Велин, Великий Шторм забрал бы его к себе на Крабьи луга. Старый Пью высоко оценил спасение собственной жизни и с тех пор всегда угощал Велина и его ученицу бесплатно. Не будь целитель таким молчуном, они с трактирщиком сумели бы по-настоящему сдружиться.

– О-о, вот и моя девочка! – Едва Эсме вошла, Старый Пью подхватил ее под локоток и повел к пустовавшему столику у окна. Несмотря на увечье, он как-то умудрялся передвигаться очень быстро. – Садись-садись, я приготовил для тебя угощеньице. – Он хитро прищурился и жестом фокусника достал из кармана большой персик.

Эсме поблагодарила трактирщика.

– Как ты? – спросил он.

Его мыслеобразы были заполнены цифрами – все, что касалось «Водяной лошадки», Пью держал в голове, не доверяя бумаге, – но искреннее сочувствие и боль проглядывали сквозь арифметический хаос вполне отчетливо.

– Я заметила, на пристани собрался весь птичник, – сказала Эсме, сделав вид, что не расслышала вопроса. – Не знаешь почему? Ждут какой-то фрегат?

Старый Пью одарил ее щербатой улыбкой:

– Угадала! Из Облачного города идет «Морская звезда» с последними новостями и модными тряпками, должна прибыть сегодня. Оттуда давно не было кораблей, все соскучились. А Эйдел, видимо, по-прежнему надеется, что его величество в награду за верную службу позволит бедному раскаявшемуся орленку вернуться ко двору...

Девушка впиалась зубами в перезрелый плод, не замечая, что сок течет по пальцам.

Эйдел Аквила, магус из клана Орла, считался олицетворением власти капитана-императора в Тейравене.

Со стороны казалось, что наместник наслаждается жизнью. Он устраивал балы и праздники, заводил романы с красивыми горожанками, гонялся за пиратами, если тех замечали поблизости от города, и даже год назад привез откуда-то двух белых пардусов, которые теперь охраняли его дом, повергая в трепет всех, кого угораздит их увидеть. И все же ни для кого не было секретом, что примерно десять лет назад его отправили сюда в наказание за какой-то проступок. Ходили слухи, что между Эйделом и принцессой Ризель вспыхнула романтическая страсть, которая не пришлась по нраву его величеству.

– Его высокомерство, должно быть, каждую ночь видит во сне Облачную цитадель... – язвительно проговорил трактирщик. – Вряд ли ему хорошо спится, в чужом-то гнезде.

Эсме быстро наступила старому моряку на уцелевшую ногу. В «Водяной лошадке» было несколько незнакомцев – кракен знает, кто такие и откуда. Пью даже глазом не моргнул и громким шепотом принялся рассказывать фривольную историю об очередной интрижке наместника. Завсегдатаи и чужаки исподволь прислушивались, пряча улыбки.

В общем-то, анекдоты об Эйделе тоже были небезопасны, но все-таки лучше, чем воспоминания о поре, когда Тейравен еще не принадлежал капитану-императору, а в белом замке на горе жил лорд Буревестник. Хотя клан Амальфи уничтожили за двадцать лет до рождения Эсме, она иной раз ловила себя на том, что тоскует о временах, которых не может помнить, – чужая шальная тоска, еще один застрявший в ее памяти мыслеобраз. Знать бы чей?..

[Пора бы от него избавиться, разве нет? Ну же, не упрямясь.]

Отворилась дверь, и в «Водяную лошадку» вошли еще несколько человек. Пью шустро заковылял навстречу новым клиентам. Эсме сидела, поигрывая персиковой косточкой, и машинально прислушивалась к разговорам. Ничего особенного ей узнать не удалось: Звездочет расправился с очередным торговым караваном, упустив лишь один фрегат, и выжившие не преминули поведать всем новую историю о его злодеяниях.

Где-то к югу от Тейравена видели подозрительную флотилию: не то пираты собирались на дело, не то жители неугомонной Окраины что-то замышляли. Вейлана Стремительного, командующего флотом капитана-императора, ранили в сражении с фрегатом Лайры Арлини. В порт острова Баглей заходил корабль под изумрудно-зелеными парусами – пиратский фрегат «Невеста ветра», принадлежащий тому самому Кристобалу Крейну, за чью голову обещаны несметные сокровища.

Заскучав, Эсме посмотрела в окно: сквозь распахнутые ставни ветер вольно гулял туда и обратно, донося не очень-то приятные запахи с пристани. Воняло гнилой рыбой... или не рыбой?

Пью, в очередной раз проходя мимо, выглянул в окно.

– Искусай меня медуза, вот и огненный конвой, на неделю позже срока. Какой тупоголовый краб поставил трупход с наветренной стороны? Будет теперь смердеть до вечера, пока они не разгрузятся...

Теперь Эсме поняла, в чем дело. В Тейравен пришел полуфрегат с грузом звездного огня – из множества прозвищ, которыми моряки награждали такие корабли, «дохлятина» и «трупход» были едва ли не самыми любезными. Тело полуфрегата – грузное, покрытое неприятными бесформенными наростами – не обладало ни малейшим изяществом, присущим прочим рыбокораблям, даже настоящим громадинам вроде бочек или проглотов. Трупход превосхо-

дил обычный фрегат лишь вместимостью трюмов, но собственные паруса ему заменяли искусственные. Хуже всего была вонь, ужасающий гнилостный запах, который пропитал абсолютно все на борту трупхода. Однако именно полуфрегаты перевозили звездный огонь, который ни один рыбокорабль, даже самый послушный, не позволил бы пронести на борт в достаточно большом количестве.

Она закрыла глаза. К запаху можно было привыкнуть, ко всему можно было привыкнуть, кроме невнятного бормотания в собственной голове. Сейчас, однако, она почти не слышала его и наконец-то смогла немного расслабиться. Среди людей, в окружении их мыслеобразов, но на расстоянии, достаточном, чтобы они не стали назойливыми, Эсме понемногу начала забывать о том, что случилось пять дней назад.

[Нет-нет. Ты знаешь, что надо делать, чтобы все забыть по-настоящему.]

– ...А в чем ты вообще уверен? – послышался раздраженный возглас, и целительница обернулась. Поодаль, за большим столом, сидела компания из пяти моряков и шумно спорила: – Я тебе говорю, так все и было! Кристобаль Крейн и Айха захватили Марейн, когда тамошняя крепость осталась без звездного огня, и полностью опустошили склады и сокровищницу! У них закончилась пресная вода, так эти ублюдки заставили женщин и детей катать бочки на борт, пока мужчин держали под прицелом стрелометов!

Говоривший, огромный детина с туповатым выражением лица, от усердия привстал, опираясь руками о стол. Его собеседники переглянулись и, видимо, решили не возражать. Однако за соседним столом нашелся некто, не столь благоразумный. Там расположилась четверка моряков весьма потрепанного вида. Один из них, с повязкой через левый глаз, показался Эсме сущим бандитом – что-то неприятное было в его нагловатой ухмылке, в расслабленной позе. Двое других выглядели близнецами: оба высокие, широкоплечие, с одинаково непроницаемыми физиономиями. Возразил спорщику четвертый из этой компании, довольно симпатичный темноволосый парень в зеленой куртке.

– Вранье! – заявил он во весь голос. – Я не знаю, что на самом деле произошло в Марейне, но если его и впрямь разграбили пираты, то Крейн в этом точно не участвовал.

– Это еще почему? – с хмурым видом спросил верзила, поворачиваясь к новому участнику спора.

– По трем причинам, – охотно пояснил матрос в зеленой куртке. – Во-первых, Крейн никогда не стал бы знаться с таким отребьем, как Айха. Во-вторых, он лоялен Окраинным колониям...

Эсме отметила, что незнакомец, пожалуй, слишком уж образован – где это видано, чтобы простой морской бродяга употреблял умные словечки вроде «лояльный»? Да и «Окраинными колониями» королевство Лайры никогда не называли. Окраина – она и есть Окраина.

Она вдруг пожалела, что сидит слишком далеко и не может ощутить мыслеобразы этого смельчака.

– ...И ни за что не причинил бы вред городу, откуда родом сам Лайра Отчаянный, – продолжал тем временем странный моряк. – Они же друзья, об этом знают, наверное, даже крабы. А в-третьих, у Крейна хороший фрегат, не какое-нибудь бестолковое корыто. Там есть опреснитель – зачем ему издеваться над мирными жителями ради *воды*?

Верзила стукнул кулаком по столешнице:

– Чтоб меня медузы сожрали! Ты откуда взялся, меррский грамотей?!

– С того берега моря, – насмешливо отозвался матрос в зеленой куртке и, откинувшись на спинку скамьи, положил ноги на стол. В его правом ухе блеснула золотая серьга, свидетельствующая о том, что говорливый незнакомец проходил экватор. – Про «Невесту ветра» во всех портах судачат, только успевай слушать и запоминать. Но у тебя, видать, с памятью как раз не все гладко. Ты, наверное, и бабьего узла завязать не сумеешь, потому что больше одной мыслишки в твою башку не помещается...

– Чего-о?! – взревел верзила и, в мгновение ока очутившись рядом с обидчиком, ухватил того за шиворот. – Ты что себе позволяешь, умник?!

– Я прав, – спокойно подытожил матрос с серьгой. – Славненько. Эй, народ! Я вызываю этого парня на состязание плетельщиков.

Весть о состязании непостижимым образом разнеслась повсюду, и вскоре в «Водяной лошадке» стало тесно. В толпе Эсме заметила даже парочку роскошно одетых магусов – видимо, небесным детям захотелось понаблюдать, как развлекаются простолюдины.

Правила состязания плетельщиков были просты: противники поочередно называли друг другу три узла похитрее и демонстрировали перед собравшимися свое умение. Специально избранный судья – им назначили Старого Пью – следил, чтобы никто не жульничал, и вел отсчет времени. Девушка ничуть не удивилась, когда матрос в зеленой куртке играючи справился с заданиями верзилы, а вот тому повезло куда меньше: если с «мерровой удавкой» он еще худо-бедно разобрался, то «петля грогана» заставила его попотеть, а нечто под названием «оторви-и-выбрось» окончательно добило. После того как проигравший скрылся с глаз долой, весь красный от ярости и стыда, нашлись и другие желающие попытать счастья. Они тоже не смогли превзойти умелого незнакомца, и его кошелек заметно растолстел. Пью успевал и судить, и командовать трактирными слугами, шустро разносившими пиво. Веселье достигло своего пика, когда парень вдруг снял серьгу и громогласно объявил, что у него иссякло воображение, поэтому он отдаст украшение игроку, который сумеет не завязать, а *развязать* узел, который он завяжет сам. Такое дозволялось правилами, но ставить на кон символ пересечения экватора было неслыханной дерзостью. И все же Эсме оказалась едва ли не единственной, кто почувствовал подвох.

Когда пятый претендент на золотую сережку ушел несолоно хлебавши, она пробралась к столу, за которым устроился хитроумный плетельщик, и взглянула на дело его рук: узел из двух веревок был прост... обманчиво прост. Целительница, задумчиво хмурясь, проследила, как еще два человека попытались его развязать, отчего плетение еще больше запуталось. Что бы ни делали матросы, узел оставался узлом. Он был странный – словно живой.

Где-то на дне ее памяти шевельнулся чужой мыслеобраз.

В самом деле, почему бы не попробовать...

– Эй, весельчак! – негромко позвала Эсме. Незнакомец тотчас обернулся, его приятное загорелое лицо осветилось широкой белозубой улыбкой. – А если я развяжу узел, ты сдержишь слово и отдашь серьгу? Я ведь не из ваших.

Один из товарищей незнакомца начал было возражать, но другой – с повязкой на глазу – остановил его. Плетельщик узлов этого не заметил, он смотрел только на Эсме.

– Даю слово. А если у тебя не получится... – Парень хитро улыбнулся. – Ты подаришь мне поцелуй сегодня ночью?

– Идет, – согласилась Эсме и даже не покраснела.

Моряки притихли и с интересом уставились на нее.

Целительница взяла веревку и позволила рукам действовать отдельно от разума, как если бы все происходило во сне. Собравшиеся, затаив дыхание, наблюдали, как она немного ослабила плетение, затем продела один из свисавших концов сквозь образовавшуюся петлю. Казалось, что она еще сильнее все запутала и теперь-то узел ни за что не развяжется.

Зажмурившись, Эсме подняла руки над головой, чтобы веревку видели абсолютно все в таверне, а потом медленно потянула концы в разные стороны. Хотя сама она и не видела результата, восхищенный вздох был прекрасным свидетельством того, что у нее получилось.

Она открыла глаза. Матрос смотрел на нее не мигая, с растерянностью и какой-то странной тоской. Он, наверное, уже очень давно не проигрывал.

– Малый, выполняй уговор! – крикнул кто-то.

Матрос с тяжелым вздохом протянул победительнице награду.

Эсме спрятала руки за спину.

– Предлагаю немного изменить условия спора, – сказала она, и тут-то растерялись все собравшиеся вокруг зрители. – Оставь ее себе – мне без надобности такие украшения. Пообещай взамен, что, если тебе или кому-то из твоих друзей в Тейравене понадобится помощь целителя, вы пойдете ко мне, а не куда-то еще. Меня зовут Эсме.

На мгновение в таверне стало тихо, а потом все сразу начали шумно обсуждать, возможно ли поступить так, как она предложила. Кто-то вспомнил про судью состязания. С трудом сдерживая улыбку, Старый Пью произнес патетическую речь о том, что нет ничего важнее честного слова, и в конце концов заявил, что такой обмен вполне допустим, поскольку серьга бесценна и, соответственно, проигравшему предстоит расплачиваться всю оставшуюся жизнь.

– Осталось лишь понять, – закончил Пью, – сумеешь ли ты уговорить товарищей.

– Не извольте беспокоиться, – заявил матрос, к которому уже вернулось самообладание. – Даже мой капитан не станет возражать. Я принимаю твои условия... Эсме.

Ее рука казалась маленькой и слишком белой на фоне загрубевшей ладони моряка.

– Пива всем за мой счет! – объявил он, и в последовавшей суматохе Эсме не сразу заметила, что за ней пристально наблюдает какой-то человек в черной куртке с капюшоном, низко надвинутым на лицо.

В тот момент, когда она его увидела, маскировка потеряла всякий смысл, поскольку мыслеобразы наблюдателя свободно вертелись вокруг него и прочитать их не составляло труда. Он был близко – как раз в трех шагах.

Эсме застыла, растерянно моргая.

Мужчина в капюшоне растолкал стоявших впереди и, взяв ее за локоть, повлек к выходу. Целительница попыталась сопротивляться, но его хватка была нечеловечески крепкой, и двигался он очень быстро.

– Отпустите! – наконец сумела выговорить девушка, когда они оказались на улице. – Что вам надо от меня? И что столь уважаемая персона, как вы, делает в таком сомнительном заведении?

– В каком порядке отвечать на вопросы? – язвительно поинтересовался высокий красивый магус, глядя на нее из-под капюшона. – И где твоя почтительность, целительница Эсме, подруга пьяных матросов?

– Там же, где ваша совесть, господин Аквила! – огрызнулась девушка. – Отпустите сейчас же!

Эйдел рассмеялся и отпустил ее руку так резко, что она чуть не упала.

– Недолго же ты горевала после смерти учителя и опекуна. А я всего лишь хотел выразить свои соболезнования. Все собирался нанести визит, да вот посчастливилось встретиться случайно... в самом неожиданном месте.

– Не говорите глупостей, я вам не верю, – хмуро пробормотала Эсме, потирая локоть, – он словно побывал в тисках. – Вы только за последний год дважды появлялись у нас – случайнее некуда! – и оба раза это приводило к неприятностям.

– Эсме, послушай... – Наместник вновь взял ее под руку, на сей раз аккуратно и даже любезно, и повел в сторону ближайшего причала. – Пять лет назад, когда ты отправила в Облачный город прошение о пересмотре того давнего дела, я объяснил тебе, что произошедшее с твоей семьей – лишь печальная закономерность. Я выполнял обязанности, возложенные на меня его величеством.

– Вы... – От возмущения она чуть не задохнулась, но продолжала идти рядом с ним, не в силах остановиться. – Это ведь было ваше решение, ваш приказ! Никто не обвинял моего отца в сотрудничестве с пиратами, пока вам вдруг не понадобилось отнять у моей семьи все имущество! После этого вы смеете утверждать, что...

– Твой отец лишился всего из-за собственной неосмотрительности, а я поступил так, как велел мне долг. – В голосе мага проскользнули металлические нотки, приятное лицо стало похожим на каменную маску. – И хватит орать. Ты сейчас повторяешь чужие домыслы, а сама ничего не помнишь. Я давно знаю про твой... как вы там его называете? Да, про твой сундук. Я знаю все. Хватит глупостей, а то еще дофантазируешься до того, что пожар в вашей лачуге тоже я устроил.

[Бамц!]

Он знал, как сделать ей больно. По щекам Эсме потекли слезы.

– Хватит о былом. Я вот что хотел спросить... Не осталось ли каких-нибудь бумаг Велина? Может, он вел записи о том времени, когда был целителем на... гм... фрегате?

– Разве ваши шпионы не обшарили лавку в первую же ночь после его смерти? – хмуро поинтересовалась Эсме. – Я не спала и прекрасно слышала, как они ходят внизу. Спасибо, что хоть не украли ничего.

Наместник коротко рассмеялся, скрывая нетерпение.

– Помилуй, дитя! Что такого ценного они могли найти, кроме вороха дурацких свитков с рецептами дурацких зелий? То, что мне нужно, несравнимо дороже.

– О чем вы, кракен побери, говорите?! – растерянно спросила целительница. – Мы... я... у нас с Велином не было никаких драгоценностей! Это, наверное, какая-то ошибка.

Он вздохнул, как вздыхает отец, уставший беседовать с непослушным ребенком и понимающий, что придется перейти к более действенным мерам. В этот момент толпа, собравшаяся на пристани, заволновалась: на горизонте показалось темное пятнышко.

– Я должен тебя покинуть, – сказал Эйдел, и его голос смягчился, а настроение заметно улучшилось. Он и впрямь очень ждал прибытия «Морской звезды». – Но наш разговор не окончен. Мне нужна информация, Эсме. Не драгоценности, не деньги, а сведения. Если ты вдруг вспомнишь, что Велин рассказывал про своего капитана... или найдешь его записи об этом человеке...

Магус помедлил, потом договорил:

– То я смогу рассказать кое-что интересное о ночи, когда погибла твоя семья. Тебя это очень заинтересует, но в жизни ничего не дается даром. Заплатишь мою цену – я в долгу не останусь. Думай.

И он ушел. Эсме шагнула вперед, будто ослепнув, и налетела на незнакомца – высокого пожилого мужчину с длинными седыми волосами, который стоял и курил трубку, задумчиво наблюдая за приближением корабля. Вопреки ее ожиданиям, незнакомец не стал возмущаться, а учтиво спросил:

– Вам плохо?

Она стиснула зубы. Ей и в самом деле было нехорошо, но рассказывать об этом постороннему явно не стоило. Старик с сомнением покачал головой. Эсме ощутила его желание помочь и, торопливо отступив, смешалась с толпой.

[Гордость тебя погубит, дитя.]

Когда долгожданный гость – «Морская звезда», большой горделивый фрегат с парусами цвета запекшейся крови – уже направлялся к пристани, Эсме кто-то окликнул. Она усилием воли стряхнула апатию, нахлынувшую после неприятного разговора с Эйделом, и огляделась. Вокруг собралось достаточно много людей, и прошло еще несколько минут, прежде чем мальчишка-сосед сумел протолкаться к ней.

– Эсме, скорее! – Он схватил ее за руку и потянул за собой. – У твоего дома два посетителя, они ждут! Ну что же ты стоишь?!

«Посетители?»

Она окончательно пришла в себя и заторопилась домой, напоследок взглянув на «Морскую звезду», которая начала складывать паруса. Целительница ничего не смыслила в морском

деле, но мыслеобразы, исходившие от этого фрегата, ощущала отчетливо. Существо было охвачено сильным недовольством, переходящим в злобу. Интересно, кто же ухитрился так испортить рыботорапли настроение?

– Это не мое дело, – пробормотала Эсме и лишь теперь вспомнила, что не узнала ни имени плетельщика узлов, ни названия его фрегата. Все из-за внезапного появления наместника. Она могла бы расспросить Пью, но отчего-то чувствовала, что толку от расспросов не будет.

Что ж, поделом – ведь она выиграла спор нечестно.

У дома ждали двое: мужчина и мальчишка-подросток. Эсме никогда раньше их не встречала и, ощутив внезапную уверенность, что это матрос и юнга, поспешно остановилась, не решаясь приблизиться на три шага.

– Доброгo вам дня! – сказал старший и поклонился, словно видел перед собой важную даму, а не бедно одетую босоногую девушку. Он был долговязый, нескладный, с лицом добродушным, но очень некрасивым: с чересчур крупными чертами и глазами навывкате. – Это дом целителя Велина, не так ли?

Юнга, светловолосый и голубоглазый, глядел на нее с робким интересом и молчал. По сравнению со стоявшим рядом матросом он казался весьма симпатичным, и еще в нем чувствовалось что-то странное...

Вместо ответа на вопрос Эсме просто кивнула.

– Вы, должно быть, его ученица? – продолжил матрос, смущенно улыбаясь. – Где же сам Велин? Я должен передать ему послание от старого друга. Его нет?

Наверное, у нее изменилось выражение лица, потому что неожиданные гости растерянно переглянулись. Эсме с трудом взяла себя в руки. Как бы ни хотелось ей и дальше молчать, чтобы не бередить рану, которая только-только начала затягиваться, нужно было рассказать всю правду о случившемся.

– Его совсем нет, – тихо проговорила она. – Пять дней назад мой учитель умер.

Юнга сочувственно охнул. Матрос понял, что их появление причинило ей сильную боль. Он всплеснул руками и забормотал так тихо, что она едва расслышала:

– Мне жаль, мне так жаль... простите нас... мы всего лишь хотели...

А потом окончательно растерялся и замолчал.

– Что вы должны были передать? – спросила Эсме, и вопрос прозвучал резковато. Настал ее черед смущаться, но ни матрос, ни его юный спутник этого не заметили.

– Послание на словах, – сказал матрос и махнул рукой. – Просьбу о встрече... Впрочем, теперь это не имеет значения. – Он тяжело вздохнул и покачал головой: – Сочувствую вашей потере. Пусть его душе будет спокойно в Садах Эльги. А нам пора...

– Доброй погоды, попутного ветра, – хмуро пробормотала Эсме.

На этом короткая и бестолковая беседа завершилась. Войдя в дом, целительница не удержалась и выглянула из окна: странная парочка как раз заворачивала за угол, и юнга напоследок обернулся. Эсме даже издали почувствовала жалость, которую он испытывал, и ее настроение испортилось окончательно.

Она присела на табурет, окинула взглядом комнату и закрыла глаза – так удобнее было думать. Все шло просто отвратительно. За две недели, пока Велин болел, не вставал с постели и не работал, их скудные сбережения подошли к концу. В кладовой остался только мешок сухарей, да и тот неполный. Вдвоем они едва выживали, а что же теперь ей делать одной?

Она даже продать ничего не сумеет, кроме зеленого шарфа.

Эсме сняла его и разгладила тонкую ткань на коленях. Хозяйка «Древностей и редкостей» будет рада заполучить вожаделенную диковинку, хотя полной цены точно не заплатит – из скудости, свойственной всем торговцам, а также из мстительного желания наказать стропти-

вую девочку за то, что на раздумья ей понадобилось несколько лет. И все-таки шарф подарит ей время. Она докажет всем – и горожанам, и морякам, – что юная девушка может быть столь же искусной целительницей, как и седой старик.

Впрочем, Велин рано состарился, потому что превосходил многих...

Эсме ощутила внезапное беспокойство – лицо учителя перед ее внутренним взором сменилось лицом Эйдела Аквилы, а потом мимо проплыл, помахивая хвостом, все тот же мыслеобраз – серебристая рыбка с черными полосками по бокам.

Десять лет назад жизнь Эсме перевернулась – десять лет назад она открыла [сундук], о котором – если Велин не пугал ее нарочно – другие целители предпочитали говорить шепотом или вовсе молчать. То, что было до [сундука], она знала лишь по рассказам Велина и обрывкам подслушанных разговоров. Ее звали Эсме Занте. Она родилась в Тейравене, весной ей исполнилось двадцать. Ее отец, Бартоло Занте, был торговцем, мать, Леона Занте, – дочерью рыбака. Ее брат, Паоло, был на пять лет старше. Однажды ее отца обвинили в сотрудничестве с пиратами Окраины, и Эйдел Аквила, разобрав дело за полчаса, постановил конфисковать все, что принадлежало «пособнику бандитов». Той ночью, когда они ждали приставов, случился пожар, и все, кроме Эсме, погибли в огне.

Она все потеряла. Почему же шарф, о котором нет никаких воспоминаний, кажется ей таким важным?..

[Так я и думал. Ты лучше помрешь с голоду, чем расстанешься с ним.]

– Я боюсь совершить ошибку, – сказала Эсме вслух. – Я понятия не имею, что он на самом деле значит для меня. Вдруг это ключ к... тайне? И если я его отдам, то уже никогда не узнаю правды?

[Если не отдашь, то погибнешь.]

Она снова почувствовала боль в затылке и еще кое-что... Ощущение было такое, словно Велин разговаривает с ней откуда-то из-за стены, и его голос звучал очень неразборчиво – она не могла понять ни единого слова, хотя напряженно прислушивалась. Ей так не доставало того, кто мог бы дать мудрый совет.

– Светлая Эльга, ну хоть ты сделай что-нибудь, – попросила она, смущаясь и злясь на себя за то, что обращается к Заступнице – да еще и вслух! – хотя раньше была твердо уверена, что со всеми невзгодами справится сама. У Эльги и без того хватало проблем. – Мне, похоже, больше не к кому идти...

Эльгин колокольчик на окне тихо и грустно звякнул. Эсме невесело улыбнулась, выпрямила спину и положила руки на колени ладонями вниз. Медитация должна была успокоить ее тревогу, привести в порядок разбредающиеся мыслеобразы. Ну что ж, придется довольствоваться малым, раз уж никто и ничто не в силах ей помочь.

[Паоло идет по мелководью, и серебристая рыбка неотступно следует за ним, то и дело подплывая совсем близко. Он поворачивается к Эсме: на его лице улыбка до ушей, глаза сияют от счастья. Подумать только, собственный фрегат. Пока что совсем маленький, помещается в ладонях, но настоящий – с умным взглядом, с характером... Существо, которое никогда не предаст. Даже как-то не верится, что оно вырастет и станет такой же громадиной, как и те, что стоят у причалов в порту.

– Ты уже придумал имя?

– Нет.

В его улыбке сквозит лукавство.

– Врешь! Ты просто не хочешь мне говорить!

– Не выдумывай!

– Скажи! Скажи, а то я пожалуюсь маме... Я ей расскажу, что ты опять с Ведьминого носа прыгал, хотя клялся, что больше не будешь так рисковать!

- Ты следила за мной? Отхлестать бы тебя медузными щупальцами за такое!
 - Скажи! Скажи сейчас же!
 - Ладно. Я назову ее...
- Берег тонет в яркой вспышке, а потом наступает тьма.]

Через несколько часов она пришла в себя от голода и побрела в кладовую, взяла несколько сухарей из мешка. Потом подобрала с пола кусок заплесневелого сыра и задумчиво на него посмотрела.

В дверь постучали.

– Эсме, или как там тебя?

На пороге стоял высокий широкоплечий мужчина с уродливым шрамом на правой щеке и длинными ручищами, делавшими его похожим на грогана. Надсмотрщик, тот самый, которого она видела утром в порту. Кажется, они раньше встречались, она даже вспомнила его имя – Кайо. Взгляд у неожиданного гостя был злой, словно не он пришел просить о помощи, а его о чем-то попросили, и весьма не вовремя.

– Во имя Светлой Эльги, помоги, – проговорил он быстро, без намека на почтительность. – В порту фрегат схлопнулся и задавил троих. Двоих слегка прижал, а третьему, кажется, переломал ребра.

– Троих? – растерянно переспросила Эсме.

– Гроганов, – уточнил надсмотрщик с ухмылкой. – Троих, чтоб их кракен слопал, мохнатых гроганов. Ты идешь со мной или постоим, поговорим – подождем, пока они там все сдохнут?

Она кивнула и метнулась к сундуку с целительскими зельями: для серьезных ран пробудиловки не хватит, тут требуется кое-что по сильнее. Зелья различались не только по вкусу и цвету – у каждого имелось название – зачастую красивое, поэтичное, вроде «лунного света» или «крови мерра», – и каждое обладало особыми свойствами, позволяя черпать из запасов, подаренных Эльгой, достигая все большей глубины. Самое сильное снадобье называлось просто «смола», и цвет у него был темно-коричневый, почти черный.

Схватив флакон с лазурной «кровью мерра», Эсме поспешила следом за Кайо.

В бараки они вошли через черный ход. Внутри было темно и сыро, со всех сторон слышалось ворчанье и сопение. Кто-то неразборчиво бормотал низким голосом, судя по интонации – жаловался. Кайо грязно выругался и достал плетку. Бормотание тотчас же стихло.

Глаза Эсме с трудом привыкали к полумраку, но она и не собиралась полагаться на обычное зрение – сейчас в дело вступало целительское чутье. Мир вокруг нее изменился: стены барака растворились, все залил мерцающий свет, в котором застыли девять фигур – широкоплечих, длинноруких и мохнатых. Один лежал на полу, другие стояли рядом и смотрели на него. Их тела стали для Эсме безликими сосудами, в которых содержалось то, с чем ей и предстояло работать.

Она не боялась гроганов. Мало кто испытывал к этим созданиям другие чувства, кроме страха и отвращения; даже Кайо и прочие надсмотрщики их опасались, во всем полагаясь на плети. Но Эсме и Велин лечили гроганов не только потому, что вынуждены были браться за самую опасную и грязную работу. «Ни одна живая тварь не заслуживает боли и страданий, – часто повторял ее учитель. – Мы просто цветы во мраке, только и всего».

– Отойдите в сторону, – попросила Эсме и тут же вспомнила, что гроганы выполняют только строго определенные команды. Однако они все-таки отступили, как будто поняли ее. Вокруг витали их простые и понятные мыслеобразы, среди которых преобладали сильная усталость и не менее сильный голод. Злобы не было совсем.

Эсме глотнула «крови мерра», закрыла глаза и протянула руки к раненому.

Когда реальный мир отступал и открывалась дорога в то место, которое целители называли сердце-сутью, каждый из них видел что-то свое. Велин рассказывал ей о длинных полосах разноцветной ткани, которые нужно было штопать и зашивать, но сам, впервые уюмянув о цветах во мраке, невольно придал воплощению ее целительского дара другой образ. Там, куда она попадала, царствовала безграничная тьма, и посреди тьмы рос одинокий цветок, словно бросая вызов пустоте. Желтые цветы сердце-сути гроганов казались до смешного безобидными по сравнению с их грозной внешностью.

У того цветка, что распустился перед ней сейчас, некоторые лепестки были изломаны, их края стремительно высыхали. Эсме ринулась вперед, и ее пальцы превратились в иглы, а то, что она черпала из целительского источника в своей душе, – в нить.

Она начала шить.

Это было ее долгом, ее призванием – шить, восстанавливая разрушенное.

Когда целительница открыла глаза, над ней нависала поросшая черной шерстью физиономия с красными глазами под выступающими надбровными дугами и с клыками, словно созданными для того, чтобы рвать глотки врагам. Исцеленный гроган обнюхивал ее лицо, посапывая. Она обернулась в поисках Кайо:

– Этот готов. Где остальные двое?

Эсме не видела лица надсмотрщика – он казался черным силуэтом на фоне дверного проема, – но почувствовала в его позе странное напряжение, которого не было до того, как она погрузилась в целительский транс.

– К кракену тех двоих, и так очухаются. Этот дурной фрегат только что придавил еще пятерых, – сказал Кайо. В его голосе звучала досада. – Я... ох, даже не знаю... Ты, конечно, не осилишь столько тварей зараз, так что пойду-ка я искать другого цели...

– Давайте сюда всех, – перебила Эсме. – Я справлюсь.

Он на миг застыл, а потом махнул рукой кому-то снаружи.

Через минуту в барак одного за другим начали заносить раненых.

Со второго раза фрегату удалось куда сильнее навредить косматым созданиям. Все пятеро пострадали очень серьезно: у одного были сломаны обе ноги, другому сплющило грудную клетку, еще у двоих оказались до живого мяса ободраны спины. Эсме машинально вытащила из кармана флакон с «кровью мерра», отпила немного, потом взглянула на последнего грогана – и осушила все до дна.

У несчастной твари был сломан позвоночник.

Усталость тела не имеет ничего общего с усталостью души. Исцелив последнего пациента, Эсме почувствовала себя кувшином, из которого вылили всю воду.

– Ты хорошо поработала, – донесся откуда-то издалека голос Кайо. – Держи.

Она взяла у надсмотрщика маленький кошелек и не стала его развязывать, чтобы пересчитать деньги. Обманывать целителя, даже молодого и неопытного, грешно, и немногие рискуют навлечь на себя гнев Светлой Эльги. За гроганов платят мало, но на неделю ей хватит, при ее-то скромных запросах. Вот и хорошо. Шарф пока можно не продавать.

Снаружи погасли последние отблески заката и затихли колокола эльгинитов. Где-то поблизости шумно вздыхало море. Кайо шелкнул плеткой, и гроганы друг за дружкой двинулись к выходу – их работа продолжалась до поздней ночи. Они шли, покачиваясь, обдавая Эсме волнами звериного запаха и привычными спокойными мыслеобразами – работа, спать, спать, еда, – но последний на мгновение задержался и пристально посмотрел на целительницу. В его глазах она разглядела совсем не звериное выражение. Он наклонил голову, словно в знак признательности. Эсме растерянно моргнула и решила, что если гроган кажется ей разумным существом, то она, вероятно, уже спит.

Вернувшись домой, она лишь у лестницы на второй этаж сообразила, что не заперла входную дверь. Обратный путь до порога показался невероятно длинным, потому что глаза слипались, а ноги шли тяжело, будто по песку.

Дверь закрываться не хотела.

Целительница медленно опустила взгляд и увидела в дверном проеме чью-то босую ступню с длинными черными ногтями, больше напоминающими когти, покрытую... перьями?

Незнакомый голос со странным певучим акцентом произнес:

– Во имя Светлой Эльги, помоги!

Эсме подняла голову и увидела ожившую легенду.

Он был невысокого роста – лишь самую малость выше самой целительницы, худощавый, с узкими плечами и загорелым до черноты треугольным лицом, на котором выделялись огромные бирюзовые глаза. Жесткие черные волосы стояли дыбом; в сочетании с длинным носом с горбинкой это придавало чертам странного гостя что-то птичье. Собственно, он и был цей – наполовину. За его спиной виднелось нечто, в густом сумраке тейравенского вечера похожее на развевающийся плащ. Крылья. Гигантские, черные, настоящие. Из одежды на нем имелись только широкие матросские штаны; черные перья покрывали тело от шеи вниз – они не росли только на ладонях, где кожа была темно-серой. Пальцы венчали острейшие изогнутые когти.

– Во имя Светлой Эльги... – повторил крылан, настороженно глядя на нее.

Эсме вдруг поняла, что этот странный день может закончиться для нее очень плохо. Она уже выбрала порядочное количество целительской силы. Если новому гостю, весьма необычному, понадобится серьезная помощь – а судя по тому, что в мыслеобразах человека-птицы звенит сталь и раздаются чьи-то крики, так и есть, – ей придется выпить что-то еще, тем самым нарушив одно из правил Велина, гласившее, что нельзя на протяжении суток принимать больше двух разных зелий.

Но, с другой стороны, клятва Эльги важнее всех правил.

– Входите. – Она отступила, пропуская визитера. Крылан вошел – кончики маховых перьев прошуршали по полу, – а следом показались двое дюжих матросов, тащивших третьего. Бедолага едва переставлял ноги, голова его свесилась на грудь, и черные волосы полностью скрывали лицо. Там, где его провели, остался кровавый след.

Последним вошел плетельщик узлов.

– Я сказал, что сдержу слово, – произнес он, улыбаясь. – И сдержал.

Он был очень бледен и шатался. Эсме опустила взгляд: на зеленом сукне куртки расплывалось темное пятно. Она подалась вперед, чтобы приложить ладонь к ране, но крылан с неожиданным проворством схватил ее за запястье.

– Здесь есть тот, кому твоя помощь нужнее, – сказал человек-птица, кивком указывая на стол, куда уложили раненого.

Эсме нахмурилась. Незнакомец был без сознания, он потерял много крови и действительно нуждался в помощи. Однако стоявший перед ней матрос мог умереть в любую секунду.

– Это правда. – Плетельщик попытался улыбнуться, на его лбу выступили крупные капли пота. – Помоги ему...

Целительница упрямо поджала губы – Велин знал эту гримасу, он бы понял, что спорить с его ученицей сейчас не стоит. Крылан что-то сказал, но Эсме уже нырнула в сердце-суть Плетельщика.

Ослепительно-белые лепестки его души хранили следы целительского вмешательства – их зашивали и штопали не меньше двадцати раз. Кругом порхали мыслеобразы – доверчивые, словно ручные голуби. Возле сердце-сути время текло по-другому, можно было не торопиться, поэтому Эсме не устояла перед искушением, коснулась одного – и на краткий миг очутилась на верхушке мачты, наедине с бескрайним голубым простором, где не существует границы между небом и морем.

А потом принялась за дело.

Когда за жизнь Плетельщика уже можно было не опасаться, она оттолкнула его и прошла мимо стола, где лежал раненый, к сундучку с зельями. Крылан уже ничего не говорил – смотрел молча, не мигая, и в его взгляде читалось множество разнообразных чувств. Он ей не доверял.

Эсме вытащила еще один флакон «крови мерра», зубами вытянула пробку и выплюнула ее, после чего выпила содержимое залпом.

«Я попробую так. Если не получится, то...»

[Если не получится, тебя ждет мучительная смерть.]

Прошла будто бы целая вечность, прежде чем в голове у нее прояснилось. Эсме с некоторым удивлением посмотрела на предмет, который вот уже некоторое время сжимала в кулаке. Наконечник стрелы, застрявший у Плетельщика между ребер. Под действием ее силы он вышел и теперь казался просто безобидным куском железа. Интересно, у этого моряка каждый день случается так, что утром он зарабатывает кругленькую сумму, а вечером здоровается с самим Великим Штормом?..

Она снова запустила руку в сундук и вытащила другой флакон.

– Держите. – Крылан слегка оторопел, но принял хрупкую стеклянную бутылочку с густой темно-коричневой жидкостью безропотно, не задавая лишних вопросов. – Если что-то пойдет не так... если вы увидите, что вашему другу не становится лучше... заставьте меня это выпить. Одного глотка достаточно. Заставьте, даже если я стану сопротивляться.

Человек-птица кивнул.

Каждое слово, каждое движение отнимало силы. Эсме подошла к столу, приподняла локоть, в которые превратились куртка и рубашка незнакомца, и поняла, отчего Плетельщик узлов и крылан так беспокоились о нем: лицо и грудь моряка покрывала корка запекшейся крови, а его правую руку явно попытался оторвать или отгрызть какой-то большой зверь... и почти преуспел. Кто-то перетянул страшную рану жгутом чуть выше локтя. Друг Плетельщика мог умереть от потери крови или потерять руку. Но этого, конечно, не случится. Она ему поможет.

А Эльга-Заступница поможет ей.

Взрыв.

Эсме попала не во тьму, а в самый центр пламенного вихря, и, на мгновение позабыв о собственной бестелесности, ощутила страшную боль. Об этом ей раньше доводилось лишь читать в книгах, потому что магусы никогда не приходили к Велину с просьбой об исцелении.

Мерзавец, лживая тварь, сородич вероломного Эйдела Аквилы...

Нет. Нет-нет-нет. Велин говорил, что все люди – просто цветы во мраке, и был прав. У гроганов сердце-суть желтого цвета, у людей – белого, у магусов, как она теперь убедилась, – бледно-лилового. Но сам по себе цветок души хрупок и беззащитен, как бы ни выглядел содержащий его сосуд. Она целитель. Ее долг – исцелять, шить, восстанавливать разрушенное.

Ведь ни одна живая тварь не заслуживает боли и страданий.

Она превратила свои пальцы в иглы и подготовила нить, а потом вдруг ощутила чье-то постороннее присутствие. Вот об этом в книгах не писали, и Велин ей не раз повторял, что целитель и пациент всегда остаются *наедине*. Даже когда он сам наблюдал за работой ученицы, она его не чувствовала, и он не смог бы вмешаться, случись что-нибудь нехорошее. Теперь же все было по-другому. Кто-то следил за ней, кто-то находился рядом. Сосредоточившись на странном ощущении, она поняла, что наблюдатель – не человек и не магус. Его присутствие было рассеяно во тьме, и, как Эсме ни старалась понять, где он, все время получалось, что чужак смотрит ей в затылок. От этого она начинала ощущать собственное тело, делалась слишком тяжелой для эфемерного мира сердце-суть, снова теряла контроль над собой.

А еще здесь были серые тени...

По ту сторону бледно-лиловых лепестков мелькали силуэты людей, которых этот магус отправил к Великому Шторму. Их было много, очень много. Такие тени ей и раньше встречались – острые ножи моряки носили вовсе не в качестве украшений, и всякий раз, после того как лезвие отнимало чужую жизнь, в душе убийцы оставался отпечаток. Даже если он защищался или если его поступок был оправдан иной причиной. Но еще ни разу Эсме не видела, чтобы серых теней оказалось... двадцать? Двадцать пять? Нет, больше. Они множились, кружились, словно танцуя под неслышную музыку, и она не могла их сосчитать.

Магус, да к тому же головорез, у которого руки в крови не по локоть, а по самые плечи. Руки!

Усилим воли заставив себя не обращать внимания на затаившегося наблюдателя, которого здесь не должно было быть, Эсме принялась за дело. Она пришла, чтобы восстановить целостность сердце-сути, остальное ее не касается. Зашить дыры. Залатать прорехи. Она – игла, она – нить, и больше ничего.

Человек-птица, Плетельщик узлов и двое незнакомых матросов видели, как разверстая рана на руке их товарища заживает сама по себе: тянутся нити сухожилий, кровь наполняет сосуды, новая кожа темнеет, сливается со старой.

Мимо нее проплывали мыслеобразы, серебристые рыбки.

– Высокая темноволосая женщина стоит на балконе и смотрит вдаль. Чайки, пронзительно крича, выются над прибрежными скалами. На женщине платье изумрудного цвета, она красива, как все небесные дети, и еще она очень несчастна. Ее губы шепчут чье-то имя, а рука невольно приподнимается, словно желая схватить маленький фрегат, идущий прямым курсом на закат, и вернуть домой – туда, где Великий Шторм не будет ему угрозой. Она думает, что рядом никого нет, и лишь поэтому позволяет себе плакать.~

– В ослепительно синеющей дали – тонкая, как лезвие бритвы, граница между двумя безднами. Руки онемели от напряжения и вот-вот упустят спасительное, но предательски скользкое бревно. Над водной гладью парят призраки – прозрачные руки тянутся, так и норовят схватить, утащить за собой. Беззвучно шевелятся тонкие губы: разве ты не настрадался вдосталь? Разве не просил всех богов, своих и чужих, о встрече с нами? Так вот мы, здесь. Просто протяни руку – и все закончится.~

– Площадь, заполненная людьми. Их много – не протолкнуться. Совсем рядом мальчишка-оборванец вытаскивает кошелек из кармана какого-то толстяка, не волнуясь о том, что его заметят, – все взгляды прикованы к возвышению в центре площади. Кажется, там произошло что-то страшное.~

Внезапно Эсме ощутила сильную тревогу. Она огляделась по сторонам: бледно-лиловое полотно магусовской сердце-сути было уже почти целым, и теперь целительница находилась внутри огромного цветка, чьи лепестки пронизывала едва заметная паутина линий, напоминавших сосуды, заполненные золотистой кровью. Эти линии на глазах утолщались, наливаясь силой, и присутствие наблюдателя, непонятной лишней души, становилось все ошутимее.

Тревога сменилась смертельной усталостью. В реальном мире Эсме уронила руки и застыла; здесь же она просто бросила недоделанную работу, ослепла и оглохла, свернулась в тугой узел, плотный сгусток чувств, воспоминаний и всего того, что делает человека человеком. Она знала, что сейчас произойдет. Крылан решит, что момент настал, и напоит ее «смолой». Черное зелье вышибет все преграды на пути мощного потока, освободить который без нужды равносильно самоубийству. Львиная доля ее жизненной энергии перейдет к этому чужаку, к вероломному потомку пришельцев со звезд, который и так мог бы прожить по край-

ней мере в пять раз дольше обычного человека. После такого нужно несколько месяцев, чтобы восстановиться, но ей и на это рассчитывать не стоит.

Пробудиловка, «кровь мерра» и теперь – «смола».

Это конец.

«Я бы так не сказал».

Эсме вздрогнула, и во тьме перед ее целительским взором опять возник бледно-лиловый цветок, который теперь казался больше прежнего и как будто светился изнутри. Она еще ни разу не разговаривала с кем-то из своих пациентов в сердце-сути, хотя знала, что такое возможно. Тот, кого она исцелила, обладал очень сильной волей, раз сумел не просто почувствовать ее, а заговорить с ней.

«Твое общество мне приятно, однако я бы не хотел, чтобы ты осталась в моей голове навсегда. Тут, как видишь, и без тебя полным-полно серых жильцов».

За одним из лиловых лепестков возникла тень – не серый призрак, а четкий силуэт высокого широкоплечего мужчины. Он галантно поклонился и правой рукой указал куда-то в сторону. Эсме невольно проследила за направлением его жеста и увидела яркий свет.

Ей туда?

«Безусловно. Ты спасла меня – я спасу тебя. Все будет хорошо».

Она полетела к свету, едва расслышав прозвучавшее вслед слово, всего одно:

«Благодарю!»

Потом она наконец-то уснула, и в этот раз сны обошли ее стороной.

[А сейчас тебе на голову свалится потолок.]

Проснулась целительница внезапно, вздрогнув всем телом, и сразу же села, зажмурившись и схватившись руками за голову. К знакомой боли в затылке прибавилась пульсирующая боль в висках – не очень сильная, но как-то по-особенному неприятная. Что-то случилось. Что-то нехорошее произошло, пока она спала...

[К стенам на твоём месте я бы тоже присмотрелся – мало ли что.]

Она не торопилась открывать глаза. Со всех сторон доносились странные звуки – чьи-то неразборчивые голоса, слишком резкие и громкие крики чаек, шуршание, скрип и стук. Да что же это такое? Совсем близко и как будто бы наверху кто-то запел чистым высоким голосом. Простенький мотив показался Эсме знакомым, хотя она была совершенно уверена, что никогда раньше не слышала этой песни – по крайней мере, своими собственными ушами.

Слова вспомнились сами собой, сплелись с мелодией и чужим голосом:

Мы там, где звездный свет,
Мы там, где неба нет,
А есть лишь отраженье моря...

Интересно, сколько часов она проспала? Отдохнуть по-настоящему не получилось, но не стоило гневить Заступницу – Светлая Эльга подарила ей жизнь, уберегла от Последнего берега и крабов, пирующих во славу Великого Шторма. Надо снова лечь и попытаться уснуть. Придется беречь силы, потому что ни на одном из Десяти тысяч островов не отыскать человека или мага, который поможет ей, если случится беда.

Лечь и уснуть. Немедленно.

[Потолок, дурочка.]

Взмывая к облакам,
Доверясь парусам,
Мы выбираем путь, не зная горя!

Таинственные ночные гости исчезли. Она никогда не узнает, кого принес Великий Шторм к ее порогу, как на самом деле зовут Плетельщика, откуда взялся человек-птица с черными крыльями... Впрочем, есть вещи, которых лучше не знать. Ничего страшного, если подозрительная компания удалась, не заплатив за ее услуги ни гроша. Главное, чтобы от посетителей не осталось следов. Лишние неприятности ей ни к чему.

В бездонной глубине,
В прозрачной вышине,
На крыльях серых птиц летают наши души...

Эсме медленно выпрямилась, открыла глаза и ахнула.

[Я предупреждал.]

Она сидела на узкой койке в очень маленькой комнате с деревянными стенами и единственным окошком. Большой сундук рядом с койкой служил, по всей видимости, и столом. На крышке сундука стояла чашка с водой, и Эсме словно замороженная уставилась на нее: вода покачивалась... как и вся комната.

Точнее, каюта.

Целительнице показалось, что потолок стремительно ринулся вниз. Днем раньше на набережной Тейравена она почувствовала едва ли десятую долю от того, что ощутила сейчас: сквозь стены рыботора на нее хлынул бурный поток. В нем перемешались бессвязные обрывки чужих разговоров и столько мыслеобразов, что их сложно было отделить друг от друга. Она не могла закрыться, потому что находилась слишком близко к фрегату. *Внутри* фрегата. Стены каюты подернулись рябью, дерево превратилось в бурю губчатую ткань, весьма неприятную на вид. Поблизости от целительницы в стене появился черный круглый глаз размером с кулак, рядом с ним – другой, а потом глаза начали открываться повсюду.

И все смотрели на нее.

– Пожалуйста, пожалуйста, не надо... – взмолилась Эсме, свалившись с койки и скорчившись на полу.

Она зажмурилась и спрятала лицо в ладонях, но это не помогло. Взгляды по-прежнему пронзали ее насквозь, чей-то голос задавал вопросы на совершенно незнакомом языке. И обладатель голоса, судя по тону, все сильнее злился, что она его не понимает.

– Пожалуйста, я же не хотела сюда попасть, я не хотела...

Что-то полыхнуло во тьме – и голос умолк. Эсме еще какое-то время просидела на полу, боясь пошевелиться, но теперь мыслеобразы рыботора старательно обходили ее стороной, и оставалось лишь догадываться, что заставило его изменить поведение. Она убрала руки от лица и осторожно приоткрыла один глаз. Каюта снова стала нормальной. Означало ли это, что фрегат смирился с ее присутствием на борту?..

Эсме встала, пошатываясь, и оглядела себя. Она была в той же одежде, что и вчера, только шарф развязался, и кто-то положил его на подушку, аккуратно сложив вчетверо. Ее руки, накануне испачканные в крови, были чистыми. Девушку принес сюда не враг – по крайней мере, ей хотелось в это верить.

За стеной слышались торопливые шаги.

Эсме почти не удивилась, когда отворилась дверь и на пороге показался голубоглазый парнишка, который приходил к ее дому вместе с недотепой-матросом.

– Вы проснулись! – Он говорил с тем же акцентом, что и крылан. Эсме теперь только поняла, что это северный акцент. Юнга был родом из Облачного края – может, из самой Столицы. – Я сейчас принесу завтрак!

– Подожди! – Эсме протянула руку, и юный незнакомец испуганно отпрянул. – Где я? Что это за место?

Он растерянно заморгал:

– Я... ой... Простите, госпожа! Вы не переживайте, все будет хорошо, но... мне запрети-ли с вами разговаривать... Я сейчас принесу...

– Да оставь ты в покое этот завтрак! – Эсме махнула рукой и задела чашку. Та опрокину-лась, расплескав содержимое, покатилась к краю и разбилась бы, но юнга проворно ее поймал. Воспользовавшись тем, что парнишка отвлекся, Эсме схватила его за запястье.

В Клятве Эльги была одна часть, которую все целители то и дело нарушали, сами того не желая. Как можно не читать чужих мыслей, если эти мысли почти что бросаются на тебя? Но теперь Эсме целенаправленно рванулась вперед, к сердце-сути юнга, ловя его мыслеобразы. Вот промелькнули знакомые темные крылья... вот неторопливо проплыло красивое худощавое лицо мужчины, показавшееся смутно знакомым... а потом неведомая сила подхватила цели-тельницу и вышвырнула вон без лишних церемоний.

Последним, что она увидела, был сполох лилового пламени.

Эсме вскрикнула и зажмурилась – кто-то словно насыпал ей в глаза острого перца. Вот и первое наказание за нарушенную клятву. Она лишь мельком успела увидеть обиженное выра-жение на лице мальчика, и ей сделалось очень стыдно.

– Мне нужен капитан, – сказала она, с трудом сдерживаясь, чтобы не тереть глаза. – Отведи меня к нему, или пусть он сам придет.

Мальчишка сокрушенно вздохнул и вышел. Ждать пришлось недолго: почти сразу дверь отворилась вновь – и по полу процокали когти. Раздался голос, который она уже слышала накануне:

– Рад, что вы пришли в себя так быстро, но зачем вам понадобилось нападать на юнга? Кузнечик не сделал ничего плохого.

Тон крылана был любезно-ироничным.

– Передайте юнге, что я прошу прощения, – Эсме с трудом нашла в себе силы ответить спокойно. Вести себя с достоинством непросто, если по щекам льются ручьи слез. – Вся ваша команда состоит из магусов?

Крылан хохотнул:

– Нет, их только двое. Я спросил бы, как вы себя чувствуете, но и так вижу, что... неплохо.

Он умудрился вложить в короткую паузу все свое отношение к ее хамской попытке схва-тить чужой мыслеобраз. Он, как и юнга, знал, что она сделала. Выходит, чего-то в таком духе от нее и ждали. Эсме начала злиться:

– Почему я здесь? Сколько времени прошло? Может, объясните все-таки, что случилось?

– Как много вопросов. Вам с подробностями или?..

– Или. Пожалуйста, не тяните!

– Хорошо, я попытаюсь объяснить. Вы наверняка догадались, кто мы такие...

– Еще бы я не догадалась, – пробормотала Эсме. – Вот уж не думала, что попаду в одну из тех историй, что рассказывают в тавернах.

– В жизни всякое бывает! – философски заметил крылан. Целительница осторожно при-открыла один глаз: человек-птица, сгорбившись, сидел на краешке койки, а его крылья, каза-лось, занимали все оставшееся в каюте место. – Так вот, с того момента, как вы лишились чувств, прошло примерно восемь часов – я, признаться, думал, вы не очнетесь до завтрашнего утра. Цель нашего визита в Тейравен вас вряд ли заинтересует. Скажем так, мы хотели отыс-кать одного старого знакомого, а встретили совсем другого, и он вовсе не обрадовался встрече. Вместо того чтобы угостить ужином, он решил подать нас на ужин своему пардусу. Результат вы видели, а предыстория...

– Ни в коем случае! – Эсме закрыла уши ладонями, но успела услышать главное: *пардус*. Ей не показалось. Тот, кого она вчера исцелила, действительно пострадал от лап и клыков большого зверя. И она, конечно, знала, что только один житель Тейравена держит дома пардусов. – Подобные предыстории укорачивают жизнь. Объясните лучше, что случилось после того, как я потеряла сознание.

– Пожалуйста. – Человек-птица одновременно пожал плечами и слегка дернул крылом. – Как раз в тот момент нагрянули слуги нашего знакомого, которые следовали за нами от самого его дома с приказом довершить начатое. Мы, конечно, сопротивлялись... э-э... в общем, так вышло, что...

– Короче!

– Нам пришлось спасаться бегством, а вас мы забрали с собой! – выпалил крылан. – Искусай меня медуза, какая несносная женщина! Вместо того чтобы сказать: «Спасибо! Вы спасли мою жизнь! Как благородно!» – она пристаёт с расспросами. Надо было тебя там оставить, да? В доме, который прихвостни Эйдела вместе с палеными ребятами из крепости подожгли, пытаюсь отрезать нам пути к отступлению?

У Эсме голова пошла кругом. В одно мгновение ее жизнь круто изменилась: она потеряла дом, книги, снадобья – все наследство Велина. Проклятье, да ведь она лишилась своего доброго имени и не сумеет вернуться в родной город! Она утратила все, что могло обеспечить маломальски достойную жизнь, и оказалась вместе с бандитами посреди океана.

– Да, капитан, надо было... – прошептала целительница.

Крылан сокрушенно вздохнул.

– Ну вот, теперь она считает меня капитаном, – сказал он, словно разговаривая со стеной. – Я раньше думал, целители все понимают без слов.

Смысл сказанного дошел до Эсме не сразу. Девушка уставилась на крылана покрасневшими глазами и тихо спросила:

– А кто же капитан этого фрегата?

Человек-птица улыбнулся.

Дверь капитанской каюты закрылась за ее спиной.

Эсме замерла и несколько раз моргнула. Все вокруг казалось зыбким и нечетким, как будто комнату затянуло дымом или туманом... или, может, попытка прочесть мыслеобразы Кузнечика повредила ее глаза? Такое случалось с неосторожными целителями. Она приказала себе успокоиться. Наверное, причина всему – страх.

Она перевела дух и огляделась.

Узкая койка – почти такая же, как в той каюте, куда ее поместили, – стояла по правую руку, а по левую виднелись два больших сундука и стол. На столе возвышался ворох полусвернутых карт, рядом лежали письменные принадлежности и лист бумаги. Посмотрев на чернильницу, Эсме вдруг подумала: как же хозяин каюты не боится, что она перевернется и чернила разольются по столу? Ей хотелось думать о чем угодно – только не о том, что вчера она спасла не просто магуса, а капитана пиратского корабля, – словом, навлекла на свою голову очень серьезные неприятности.

Как будто спасение паршивой шкуры небожителя – само по себе не серьезная неприятность.

– Так и будете стоять у порога?

У того, кто сидел за письменным столом, был красивый, хотя и резковатый голос. Капитан привык командовать, привык получать все, что хочется. Привык, что его понимают без слов.

– Ну же, я не эльгинит, а вы не провинившаяся школьница. Здесь вам рады, не надо бояться. Смущаться тоже не стоит. Прошу, подойдите ближе.

Эсме поняла, что и впрямь выглядит глупо, но стоило ей сделать шаг, как пол под ногами прогнулся, словно был сделан из теста. Она потеряла равновесие и начала падать, однако магус в мгновение ока очутился рядом и придержал ее за локоть с удивительной деликатностью. Целительнице даже показалось, что он сам ее боится... Хотя ему и впрямь полагалось бояться, поскольку он знал о правиле трех шагов и понимал, что она может сейчас ненароком разведать какой-нибудь важный секрет.

Осмелев, она подняла глаза.

Его длинные темные волосы были теперь гладко причесаны и собраны в хвост. Капитан тщательно побрился и оделся во все новое – не сравнить с потрепанными морем и ветром навигаторами, что встречались ей у Старого Пью или заходили иной раз к Велину. Загорелое худое лицо с тонкими чертами; красивые губы чуть изгибаются в улыбке... Он был весьма хорош собой, и его не портил даже шрам на правой щеке, длинный и свежий. *Очень свежий.*

У Эсме упало сердце.

– Я недоделала работу... – прошептала она, кончиками пальцев прикоснувшись к губам. – Простите... я не нарочно, клянусь добрым именем Эльги, просто...

Он непонимающе уставился на нее:

– О чем это вы?

– Ваше лицо, – сказала Эсме, краснея и чувствуя, что сейчас умрет от стыда.

Магус, до сих пор державший ее за локоть, отстранился и растерянно моргнул.

А потом, рассмеявшись, продемонстрировал ей правую руку – страшные раны исчезли без следа.

– Рука при мне, и все пальцы на месте, – сказал он беззаботным тоном. – Забудьте про эту царяпину, и давайте обсудим, как вознаграждать вас за работу и все неудобства, что мы – вольно или невольно – вам причинили.

Эсме не смогла сдержать улыбку. Туман перед ее глазами постепенно рассеивался, зато снова загудели от боли виски. По крайней мере теперь она видела всю обстановку отчетливо: несколько табуретов возле стола, книжные полки, картины на стене и множество других мелочей. Здесь было довольно уютно, и хозяин фрегата делал все, чтобы она забыла, где находится.

– Итак, по порядку. – Капитан усадил целительницу на табурет, а сам уселся на свое прежнее место, спиной к иллюминатору. Их разделял широкий стол. Не три шага, конечно, однако Эсме почему-то не чувствовала ни одного постороннего мыслеобраза. – Для начала я хочу принести извинения за то, что стал причиной разрушения вашего дома и вынужденного бегства из Тейравена. Но, смею заверить, единственное, что я мог в той обстановке, – похитить вас, ведь иначе вся округа решила бы, что вы сотрудничаете с пиратами.

– Сдается мне, теперь-то в этом никто не сомневается. – Эсме вздохнула. – Не думала, что меня во второй раз обвинят в подобном... И куда мне теперь податься, капитан?

– Вот об этом я и хотел поговорить, – сказал магус. – Мое предложение таково: чтобы хоть как-то загладить вину, я предлагаю вам выбрать любой портовый город, где мы вас высадим и поможем устроиться. Надо хорошенько обдумать историю, которую мы там расскажем и которой вы должны будете придерживаться, но, так или иначе, я обещаю возместить вам все утраченное. Включая дом и то, что в нем было. Одним словом, вы помогли мне, и я не останусь в долгу – куплю вам новую жизнь.

Она хмыкнула:

– Есть вещь, которую вы не сумеете купить, даже если очень захотите.

– В самом деле? – Он вскинул бровь. – И что же это за вещь такая? Ваше доброе имя? Вы очень молоды и не знаете, какие чудеса творят с именами деньги – они могут запачкать или очистить что угодно. Проще всего, конечно, купить новое имя.

– Нет, я не об этом, – сказала Эсме. Его слова звучали так привлекательно, что она и впрямь на мгновение забыла, где находится и с кем разговаривает. – Я о сундуке с зельями.

Такой есть у каждого целителя, и получить новый можно только в Гильдии. Боюсь, какую бы историю вы ни придумали, там ее проверят, и начнутся... – Она осеклась. – Погодите, капитан. Вы сказали, я могу выбрать *любой* портовый город?

Он кивнул.

– Но... разве пират может спокойно заходить в порты Империи?

Магус коротко рассмеялся:

– В Тейравенскую гавань мы же как-то вошли?

– Да-да, – растерянно согласилась Эсме. – Кстати, вы не назвали своего имени.

Он покачал головой:

– Нет, придется обойтись без имен. Вы не будете знать, кто я такой и чем занимаюсь, и тогда вам не придется лгать и изощряться в ответ на прямой вопрос, если и впрямь дела пойдут не очень гладко и вами заинтересуются чайки. Впрочем, даже в этом случае бояться не надо. Чем скорее они убедятся в вашей бесполезности, тем скорее отпустят. Целительницу никто не посмеет обидеть, если от этого не будет никакого толка, а его не будет до тех пор, пока вы не понимаете, где находитесь и кто я такой.

– Но чайка может вытянуть из меня ваше лицо, – робко возразила Эсме, на что магус лишь беззаботно заметил, что возможности семейства Лар сильно преувеличивают. Она не смогла подыскать нужные слова и промолчала, но по ее напряженности капитан все понял сам.

– Вы мне не верите, – констатировал он. – А-а, понял. Вы хотели узнать мое имя, чтобы убедиться, что я не один из тех, о ком рассказывают страшные истории в тавернах.

Эсме покраснела. Магусу сполна хватило обычной пронизательности, чтобы прочитать ее мысли.

Или он и сам чайка?

– Не могу успокоить, – сказал пират, и в его голосе проскользнули нотки бахвальства. – Обо мне ходят жуткие слухи, и кое-что даже правда. Но вам, Эсме, ничто не угрожает. Я даю честное слово, все обещания будут выполнены. Верите?

А он настойчив, этот безымянный капитан...

– Верю.

– Вот и прекрасно! – Магус вскочил. – Теперь, полагаю, вам надо отдохнуть. Вечером мы поужинаем, а потом выберем город, где вы будете жить. Я, кстати, распорядился, чтобы завтрак... точнее, уже обед... в общем, чтобы вам принесли еду в каюту. Фрегат больше вас не потревожит, я за этим прослежу.

Она недолго поколебалась, а потом сказала:

– Капитан, у меня есть еще один вопрос. Ваш юнга и еще один матрос... они приходили ко мне и спрашивали о Велине, моем учителе. Они хотели передать ему послание от кого-то.

– От меня, – сказал магус и нахмурился. – Да, мы с Велином знакомы. Много лет назад наши пути разошлись, и я хотел убедиться, что... буду в его доме желанным гостем.

Что-то недосказанное повисло в воздухе. Эсме по-настоящему пожалела, что не в состоянии прочитать хоть какой-нибудь из его мыслеобразов. До чего предусмотрителен этот моряк, как изящно он закрылся от целительницы именно в тот момент, когда мог бы невольно выдать одну из своих многочисленных тайн... И все-таки даже без помощи мыслеобразов она поняла: он умолчал о чем-то важном. Это была та самая полуправда, что хуже любого вранья.

Она могла задать вопрос, который вертелся на языке, но решила, что не хочет знать ответ, раз уж через некоторое время они расстанутся, чтобы больше не встречаться.

– Велин не рассказывал мне о своем прошлом, – проговорила она с нескрываемой грустью, и магус слегка вздрогнул. – Но я почему-то думаю, что он бы с радостью повидался со старым другом. Вы опоздали на пять дней.

– Скорее, на целую вечность, – ответил пират странно изменившимся голосом и потер переносицу. Помолчав несколько секунд, он махнул рукой и заговорил прежним беззаботным тоном: – Ну, решено! Отдыхайте, а потом мы встретимся и все-все обсудим.

Он проводил ее до порога, и неожиданно для себя Эсме сказала:

– Я... меня все равно мучает совесть из-за вашего лица. Если бы не раненые гроганы, я бы...

– Ох уж эта профессиональная гордость! Я так и понял, что вы к тому времени уже очень устали. К тому же смерть учителя... Мне не надо объяснять, какая это потеря... – Он осекся. – Раненые гроганы, говорите? И много их было?

– Сначала трое, потом еще пятеро. Мне сказали, какой-то фрегат сошел с ума и задавил их...

Моряк мгновенно посуровел, и она замолчала. Он перевел взгляд на дверь – та распахнулась.

За порогом стоял крылан.

– Ты, конечно, собирался мне об этом рассказать?

Человек-птица приподнял и без того круто изогнутую бровь:

– А как же.

– Вижу, ты не спешил. – Магус нахмурился. – Так какой фрегат сошел с ума?

– «Морская звезда», – ответил крылан. – Там случилось что-то странное. Насколько я понял, среди груза каким-то образом оказался бочонок со звездным огнем. Один из гроганов его нашел по запаху и открыл, после чего всё и... э-э... Капитан, нашей гостье не мешало бы отдохнуть.

Они посмотрели друг на друга. А затем Эсме со всей возможной любезностью препроводили обратно в каюту, которой на ближайшие несколько дней предстояло сделаться ее домом.

Или, возможно, тюрьмой.

Кок постарался на свой лад угодить целительнице, которая помогла его капитану: в глиняной миске лежал кусок мяса, которого хватило бы на троих. Рядом стояла чашка с мутноватым горячим напитком. Эсме втянула носом воздух – пахло травами – и с опаской сделала небольшой глоток. Это в самом деле оказался травяной чай, от которого ее напряженные мышцы тотчас же расслабились, а возобновившаяся головная боль утихла.

Такой же чай готовил Велин. Надо же, как странно все сложилось...

– Выходит, ты его знал, – сказала она вслух. На противоположной стене с противным влажным звуком открылся глаз, круглый и черный. К счастью, только один. Эсме с трудом подавила отвращение. – Можешь не беспокоиться, он никогда о тебе не говорил, и я даже не знаю твоего названия... точнее, имени. Мне вообще ничего не известно о вашем общем прошлом. Твои секреты в безопасности.

Глаз внимательно смотрел на нее.

– С ума сойти, я разговариваю с кораблем, – пробормотала Эсме и почувствовала, что краснеет. – С кораблем, который полчаса назад чуть не переварил меня. Шторм знает что...

Глаз моргнул, и Эсме вдруг поняла сразу две вещи. Во-первых, жутковатый взгляд со всех сторон, который она испытала на себе совсем недавно, был очень похож на взгляд наблюдателя в сердце-сути безымянного капитана. Она почувствовала связь между навигатором и фрегатом; выходит, эта связь соединяла их души. О таком не писали в книгах, и Велин ей ничего похожего не рассказывал. Во-вторых, смотреть фрегату в единственный черный глаз оказалось намного удобнее, чем ощущать его пристальное внимание всей кожей, всеми костями, каждым лепестком собственной сердце-сути. Хотя сам по себе глаз выглядел омерзительно.

Может, это существо не было настроено столь враждебно, как ей показалось?

Кто-то поскребся в дверь.

– Войдите, – сказала Эсме и поставила чашку на «стол».

Глаз еще раз моргнул и исчез с тем же звуком. Целительница опять почувствовала взгляд корабля всем телом, как будто воздух сделался тяжелее и начал давить на нее. Даже если фрегат не хотел причинить ей вред, несколько дней в этой каюте обещали стать непростым испытанием.

Дверь отворилась, и Эсме сначала увидела юнгу, а потом – нескладного матроса, который приходил вместе с юным Кузнечиком к ее дому. Оба выглядели донельзя смущенными.

– Капитан приставил нас к вам, – сообщил матрос, не двигаясь с места. – Он велел вас развлечь и объяснить, что вы тут не пленница, а почетная гостья, пусть и с некоторыми... ограничениями. В общем, мы пришли, чтобы развеять вашу скуку.

Эсме вовсе не скучала и не была уверена, что нуждается в компании, – хватало и того, что в тесной каюте эти двое оказались бы достаточно близко, чтобы она ощутила их мыслеобразы и узнала то, чего не желала знать. Но она все же не стала их прогонять, пусть даже из чистой вежливости.

А еще из-за чувства вины.

– Вчера я была с вами резка, – признала она и вынудила себя не отводить взгляд в сторону. – Простите. Я еще не привыкла к тому, что Велина нет. И вообще... вчерашний день не задался с самого утра.

– Я бы так не сказал, – мягко возразил матрос, входя. В его движениях было что-то от сломанной куклы, он словно не вполне владел своим телом. Может, он перенес какую-то болезнь? Она знала несколько недугов, оставляющих такие последствия. – Вчера вы спасли нашего капитана, и не только его.

Он сел на пол, а юнга устроился на самом краешке ее койки. Оба явно были осведомлены о правиле трех шагов и старались держаться так далеко, как только могли. Пока она не чувствовала их мыслеобразов и надеялась, что и не почувствует.

– Еще я бы хотела... – Она чуть помедлила, глядя на открытое симпатичное лицо Кузнечика и вспоминая бледно-лиловый цветок его души. – Я бы хотела попросить прощения за то, что попыталась прочесть твои мысли. Я ничего не увидела, честное слово.

Он вздохнул, не скрывая облегчения.

«Наверное, на всех пиратских кораблях так, – подумала Эсме, ощущая легкую горечь. – У каждого есть свой секрет, даже у юнги».

– Ничего страшного, – тихо сказал парнишка. – Я не в обиде.

Может быть, он приходился капитану родственником? Нет, вряд ли. У них не было ничего общего, не считая высокого роста, но почти все магусы довольно высоки. Юнге, с его светлой от природы кожей, не шел загар; русые волосы сильно выгорели на солнце, глаза напоминали небо в погожий день. Кто он такой? Из какого семейства? Как попал на пиратский фрегат?

Вопросы, вопросы...

– Меня зовут Сандер, – сказал матрос и прибавил, заметив ее удивление: – Мое имя – не тайна, я слишком мелкая сошка, чтобы заинтересовать цепных акул. Честно говоря, от меня на борту вообще толку мало, одни только проблемы.

– Не говори глупостей, – юнга легонько ткнул товарища кулаком в плечо. – На фрегате нет лишних – нас всех выбрал капитан, и мы все ему для чего-то нужны. Ты это знаешь не хуже меня.

Сандер не ответил, но Эсме показалось, что слова Кузнечика вызвали в нем всплеск грусти, а не воодушевления. Еще один секрет, еще один вопрос без ответа. Но, в самом деле, для чего капитану мог понадобиться такой неуклюжий матрос? Вряд ли для того, чтобы развлекать случайных пассажиров.

– Можно мне выйти на па...

Она еще не успела договорить, а Кузнечик уже воскликнул:

– Нет!

Его старший товарищ с виноватым видом покачал головой:

– Капитан сказал, что вы должны оставаться в каюте.

– Пока мы не прибудем в какой-нибудь порт?

Сандер кивнул и прибавил:

– За исключением тех случаев, когда он сам вас позовет.

– Понятно, – пробормотала Эсме, нахмурившись. – Выходит, это все-таки тюрьма.

– Нет, что вы! – Матрос всплеснул руками. – Это ради вашего же блага! Понимаете, некоторые фрегаты очень не любят... пассажиров. Я хочу сказать, особ женского пола. Они волнуются.

– Сандер хочет сказать, – встрял юнга, пряча улыбку, – что фрегат – не «он», а «она».

Со всеми вытекающими последствиями.

Сандер устремил на Кузнечика пристальный взгляд и покачал головой: дескать, нашелся знаток по женской части. Мальчик покраснел.

– То есть, – растерянно переспросила Эсме, – она... *ревнует*?

Резкая боль, тотчас же пронзившая висок, вынудила ее охнуть и зажмуриться.

– Вот об этом я и говорил, – сказал Сандер. – Вам лучше сидеть тихо, и все будет хорошо.

«От нее нельзя скрыться, – подумала Эсме, потирая лоб. От страха ее прошиб холодный пот. – В открытом море мы с ней наедине друг с другом, как целитель и пациент в сердце-сути. Она видит меня насквозь и может сделать со мной... что угодно. И не только со мной. Как же они не боятся, что однажды ей взбредет на ум перекусить своей командой?»

Задавать этот вопрос она не стала, а предложила сменить тему, и оба собеседника с радостью согласились. Сандер сунул руку за пазуху и вытащил нечто странное – семь тонких трубочек разной длины, соединенных между собой. Эсме поняла, что это музыкальный инструмент, но ничего подобного ей раньше видеть не приходилось.

– Ты музыкант? – спросила она, невольно подавшись вперед.

По лицу Сандера пробежала тень, и, недолго поколебавшись, он произнес изменившимся голосом:

– В большей степени, чем матрос или кто-то еще.

Не дав Эсме опомниться, он заиграл.

Мы там, где звездный свет,

Мы там, где неба нет...

Слова вспомнились легко, но пела Эсме лишь в мыслях. Она неожиданно ощутила, как где-то в глубине памяти пробуждается старое-старое воспоминание – ворочается, точно донная рыбина. Целительница редко бывала на представлениях заезжих актеров, но моряцкие песни знала наизусть из-за мыслеобразов своих пациентов: в голове у моряка что ни мысль, то песня, и чаще всего – непристойная.

Но эта песня была необычной.

Взмывая к облакам,

Доверясь парусам,

Мы выбираем путь, не зная горя...

Сандер преобразился, его смешная неуклюжесть куда-то исчезла. Он играл с закрытыми глазами и весь самозабвенно отдавался музыке.

В бездонной глубине,
В прозрачной вышине
На крыльях серых птиц летают наши души...

Мелодия вилась вокруг них – живая, свободная и жестокая. Эсме не знала, отчего Сандер выбрал именно эту песню, но ей внезапно сделалось страшно. Она отчетливо ощутила, что за бортом живого корабля дышит океан, опасный и равнодушный, а взгляд фрегата вновь стал пристальным и начал давить сильнее, чем раньше.

«Чего ты хочешь?»

Корабль не ответил.

Музыка смолкла, и целительница украдкой вытерла глаза.

– Благодарю, – сказала она. – Это было прекрасно.

– Я не собирался вас так расстраивать. – Матрос виновато вздохнул и укоризненно посмотрел на младшего товарища: – Что же ты? Забыл слова?

– Замечтался, прости. – Парнишка и впрямь выглядел так, словно на некоторое время его душа воспарила за облака и оттуда взирала на океан. – Давай еще раз...

Не договорив, он вскочил и выбежал из каюты.

– Простите. – Сандер торопливо спрятал сирринг. – Нас зовут, мы нужны наверху. Я вернусь, как только смогу.

Оба исчезли так быстро, что Эсме даже не успела ничего сказать.

«Мы там, где звездный свет...»

Музыка все еще билась пойманной птицей о стены каюты. Эсме недоумевала: отчего ей стало так страшно, когда зазвучал этот простой и милый, в общем-то, мотив? В этом тоже крылась какая-то тайна, и девушка невольно задалась вопросом: есть ли на борту фрегата хоть что-то простое и понятное, без тайн и секретов?

«Мы там, где неба нет...»

Эсме закрыла глаза...

...а потом открыла и обнаружила, что находится уже не в каюте.

Легкий ветерок взъерошил ей волосы. Эсме зажмурилась – солнечный свет казался ослепительно ярким – и подставила лицо ветру. Здесь, на открытом воздухе, она едва замечала давление фрегата. Целительница почувствовала спокойствие, которого обычно достигала лишь во время медитации.

– Моя госпожа! – воскликнул знакомый голос. – Но вы же обещали не выходить!

– Я уже вышла, Кузнечик, – ответила Эсме, решив не сообщать юнге, что несколько минут выпали из ее памяти, – такое не случилось бы без помощи фрегата. Почему? Если они с Сандером сказали правду, то особой причины могло и не быть – хватало желания напако-стить. – Там... душно. Я не пленница на вашем корабле и буду делать что хочу.

Мальчишка сокрушенно вздохнул.

– Кто тут у нас?

В новом голосе – очень низком, гулком – ощущалось что-то странное. Тень заслонила солнце; Эсме приоткрыла глаза. Над ее головой на фоне синего неба виднелись наполненные ветром белоснежные паруса; где-то высоко перекрикивались матросы и пронзительно кричала птица.

А прямо перед ней стоял огромный, длиннорукий и косматый гроган.

Целительница растерянно моргнула, но видение не исчезло. Гроган был таким большим, что самый высокий из докеров, которых она исцелила накануне, едва ли достал бы ему до плеча. Красные глаза под выступающими надбровьями глядели на нее очень внимательно, кры-

ля сплющенного носа дергались, когда он втягивал воздух, а широкие губы приподнимались, обнажая внушительные клыки.

Эсме затаила дыхание.

– Капитан сказал – пусть будет, – пробурчал гигант, обращаясь к самому себе. – Капитан сказал – надо. Но разговаривать нельзя. И выходить нельзя. Плохо! Ну плохо же!

Он посмотрел вверх и нахмурился, а потом устремил взгляд куда-то за спину Эсме. Она обернулась не сразу и успела услышать, как позади шуршат крылья. Кузнечик ойкнул и исчез, не желая навлекать на себя гнев человека-птицы – пусть и не капитана, но определенно не простого матроса.

– Я тоже считаю, что плохо, – сказал крылан. – Но уже поздно.

«Отчего поздно?» – хотела спросить Эсме и вдруг заметила, что свет солнца как-то странно потускнел. Гроган опять посмотрел вверх, и она невольно сделала то же самое.

Белые паруса фрегата постепенно наливались зеленью – сначала они стали цвета молодой листвы, потом начали темнеть. Эсме затаила дыхание. Зеленый цвет делался все гуще и ярче, пока паруса не приобрели глубокий изумрудный оттенок и как будто засияли изнутри.

– Поздно, – повторил крылан. – Ладно, я полетел...

Он разбежался и прыгнул за борт, а потом взмыл в небеса, раскинув огромные крылья. Гроган ушел, переваливаясь и продолжая что-то бормотать себе под нос. Эсме ощутила, что по меньшей мере двадцать человек выжидающе смотрят на нее. Она залилась краской и спрятала лицо в ладонях.

Кто-то подошел к ней и встал рядом.

– Эльга-Заступница... – прошептала девушка. Теперь она вспомнила, что прочла на листке, приколотом к стене таверны. Рассказы, подслушанные там же, всплыли в памяти, но было и впрямь поздно что-то менять. – Не стоило мне выходить из каюты...

Позади раздался вздох.

– Очень правильный вывод, – негромко сказал капитан. – И такой своевременный. Что ж, давайте я представлюсь. Кристоаль Крейн, к вашим услугам.

– Пират, чью голову оценили в шесть тысяч империалов, – тихо проговорила Эсме. – Капитан фрегата с зелеными парусами, носящего имя «Невеста ветра». Вот угораздило меня...

Она глубоко вздохнула и отняла руки от лица.

Набросок на стене «Водяной лошадки» был совершенно не похож на оригинал. К тому же у магуса были удивительные разноцветные глаза: зеленый левый и синий правый. «Глаза зеленые или голубые... Особых примет нет». Теперь-то Эсме поняла, отчего он усадил ее лицом к иллюминатору: из-за того, что свет падал ему в спину, она не разглядела эту, как ни крути, особую примету, о которой наверняка знали если не в Тейравене, то в других портах.

«Я все испортила».

Капитан Крейн насмешливо улыбнулся.

– Не бойтесь, – сказал он, словно прочитав ее тревожные мысли. – Ничего не изменилось... почти ничего. Я все сделаю, как обещал, – вот только разберусь с одной проблемой.

– Это... – Она посмотрела вверх и залюбовалась изумрудно-зелеными парусами. Слова ускользали, в голове была гулкая пустота. Страх сменился растерянностью. – Это невероятно. Я не знала, что фрегаты вообще умеют менять цвет парусов...

– Строго говоря, обычные фрегаты этого и не умеют, – сказал магус. – ~Невеста ветра~ необычная.

Имя своего корабля он произнес как-то странно.

– Наше соглашение в силе, – продолжил Крейн. – Вы не узнали ничего такого, что могло бы всерьез навредить мне. Однако сейчас вам следует спуститься в каюту и оставаться там до тех пор, пока я не позову.

На этот раз приказ не был замаскирован под вежливую просьбу.

Когда дверь каюты закрылась за спиной Эсме, целительница некоторое время стояла и смотрела в пустоту, прислушиваясь к своим ощущениям. Взгляд фрегата снова сделался очень слабым – возможно, это капитан приструнил «Невесту ветра», заставил ее сосредоточиться на других вещах. На том, что ждало их впереди, – а Эсме уже не сомневалась, что предстоит сражение, иначе зачем магус так усердно выпроваживал ее с палубы? Что ж, на пиратском корабле должен быть собственный целитель. Вчера, наверное, они просто побоялись, что капитан умрет раньше, чем его донесут до «Невесты ветра».

У нее опять заболел затылок...

[Здесь тебе не место. Ты не справишься с таким количеством мыслеобразов, ты в нем утонешь, как в океане. Молись Эльге, чтобы этот пират сдержал слово и отпустил тебя в следующем порту. А куда девать его тайны, ты отлично знаешь.]

Прогнав знакомый неразборчивый шепот словно назойливую муху, она присела на край сундука – интересно, что внутри? – и закрыла глаза. Тело Эсме привыкло к качке. Сейчас, когда на стенах каюты не открывались глаза и воздух стал просто воздухом, а не густым и тяжелым киселем, на борту фрегата было бы даже приятно, если бы не смутное ощущение, что какая-то ее часть по-прежнему на палубе.

А потом, расслабившись, она ощутила фрегат полностью – от увенчанного тараном носа до высокой кормы, от киля до верхушки средней мачты. В корпус и паруса вросла пульсирующая золотистая сеть, которую невозможно было увидеть обычным зрением. В трех местах – ближе к носу, глубоко в трюме и где-то на палубе – в этой сети имелись плотные узлы, похожие на три маленьких солнца. Последнее солнце двигалось. Эсме почувствовала жесткий скелет, броневые пластины и прижатые к бортам зазубренные крючья, изменчивую лжеплоть, расположение всех органов и полостей – как тех, что предназначались для обитания двуногих существ, так и тех, что были нужны самому кораблю для каких-то загадочных целей. Она взглянула на мир его глазами, втянула воду сквозь его пасть и глотку, ощутила его настоящий желудок, в котором переваривалась рыба, и его брюхо, в котором прятались шесть маленьких лодок. Теперь она знала, что три резервуара в трюме заполнены чистой пресной водой; Плетельщик узлов не солгал вчера в таверне, когда сказал, что на «Невесте ветра» есть опреснитель. Знала она и то, что на борту сорок шесть живых душ, считая двух магусов, одного крылана, одного грогана и одну пассажирку.

Ветер нес их обеих – ее и «Невесту» – вперед, наполняя изумрудные паруса.

– Зачем ты мне это показываешь? – тихо спросила Эсме и не услышала ответа.

Время текло словно вода. Она смотрела на небо глазами фрегата и только по движению солнца понимала, что прошли часы, а не минуты. Ей было хорошо. Они шли обратно к Тейравену, почти что летели на крыльях попутного ветра, и это имело какое-то отношение к обе-зумевавшему фрегату, «Морской звезде». Эсме оставалось лишь теряться в догадках – до этого дня ее познания о рыбокораблях были весьма скудными, а «Невеста ветра» могла только показывать, но не объяснять.

К тому моменту, когда на горизонте показались смутные очертания трех фрегатов, сцепленных друг с другом, Эсме уже почти забыла о себе и воспринимала мир таким, каким он представлялся «Невесте ветра».

[Добром это не кончится, вот увидишь.]

Первый сторожевой фрегат отцепился от «Морской звезды» и двинулся навстречу пиратскому кораблю, однако его команда оказалась недостаточно быстрой, и стрелометы «Невесты ветра» сработали первыми. Ответный залп сторожевика не достиг цели, потому что пиратский фрегат резко сложил часть парусов и повернул, уходя из-под обстрела с головокружительной скоростью.

Дальше все происходило столь же *головокружительно*.

«Невеста ветра» вышла с наветренной стороны, когда сторожевой фрегат еще не успел закончить свой маневр, и на полном ходу ударила его тараном в корму. Оглушительный вопль боли заставил Эсме прийти в себя, но до конца они с «Невестой ветра» не разделились, и девушка продолжила воспринимать происходящее теми органами чувств, что на самом деле принадлежали рыбокораблю. Паруса сторожевого фрегата опали, он закрыл свои огромные глаза и застыл на месте. Теперь его команде оставалось лишь ждать, пока пират возьмет судно на абордаж.

Однако это не входило в планы Крейна. «Невеста ветра» ринулась вперед, к замершим неподалеку кораблям, по-прежнему сцепленным друг с другом. Один из них выглядел как-то странно. Корпус «Невесты» сотрясла дрожь, и она мгновенно ошетибилась острейшими иглами, словно превратившись в огромного морского ежа. Приблизившись ко второму сторожевику, соединенному с «Морской звездой» точно такими же крючьями, «Невеста» вцепилась ему в другой борт – и три корабля стали единым целым. Начался бой.

И лишь тогда Эсме поняла, что среди сорока шести живых душ на борту «Невесты ветра» только она одна обладает целительским даром. Чудовищная, самоубийственная глупость. Наверняка кто-нибудь из членов команды умеет останавливать кровь и перевязывать раны, но как же эти люди занимаются столь рискованным делом, не заручившись помощью настоящего врача, слугителя Эльги?

Оцепенев, она наблюдала за битвой и вздрагивала каждый раз, когда чью-то плоть рассекала абордажная сабля. От бессилия ей хотелось кричать. Она ощущала всех людей, находившихся на борту «Невесты ветра», и не делала различий между своими и чужими. Она почувствовала и Эйдела Аквилу, когда тот перешел на борт пиратского корабля, держа в правой руке саблю, а в левой – что-то непонятное, какой-то сгусток тьмы. Эсме испугалась, не сразу сообразив, что это не ее страх, а *фрегата*.

– Крейн! – заорал наместник, размахивая странным предметом. – Я давно мечтал опробовать безумер на твоей красавице!

Капитан «Невесты» вместо ответа насмешливо поклонился – и Эйдел бросился в атаку. Два магуса двигались так быстро, что превратились в размытые тени.

Битва продлилась совсем недолго.

– Давно мечтал увидеть лорда Эйдела Аквилу на коленях, – произнес пират в полной тишине, насмешливо копируя интонации наместника. Тот и впрямь стоял на коленях, вытирая кровь с рассеченной щеки. Его держали на прицеле двое матросов с арбалетами. – Было бы грешно не воспользоваться таким шансом! Всем бросить оружие! – Голос Крейна раскатился над фрегатами, и не нашлось никого, кто бы послушался. – Господин наместник, попрошу отдать мне безумер. Обещаю, после этого мы расстанемся без дальнейшего кровопролития. В ваших интересах не сопротивляться.

Эйдел медлил. Похоже, тьма в его руке и была тем самым *безумером*, который страшил «Невесту ветра» до такой степени, что воспринимался ею как бесформенное черное нечто.

– Я должен поверить? – севшим голосом спросил наместник. – Я слишком много знаю о тебе, пират.

– Вы не обязаны верить, – просто ответил Крейн. – А я не обязан сохранять вам жизнь, но именно это собираюсь сделать.

– Еще один вопрос, – Эйдел улыбнулся, но улыбка вышла кривой. – Зачем тебе это нужно? Ты ведь знаешь, что произойдет в скором времени с «Морской звездой». Дай нам закончить начатое...

– Передайте мне безумер, господин наместник, – перебил Крейн. – Я не буду ничего объяснять.

– Ну ладно. – Эйдел пожал плечами. – Пожалуйста!

Его левая рука, до этого безвольно опущенная вдоль тела, взметнулась, раздался громкий щелчок – и бесформенное черное нечто полетело в сторону Крейна. Оно бы попало в цель, но тень, метнувшаяся к капитану, приняла удар на себя и упала на палубу, корчась от боли. Кроме самого Крейна, на борту «Невесты ветра» был еще кое-кто, способный двигаться с нечеловеческой скоростью.

Эсме в это время уже бежала наверх, не разбирая дороги.

Оказавшись на палубе, она бросилась к Кузнечнику. У него в горле торчала странная штука – ковина из черного металла, похожая на небольшое копье с зазубренным наконечником, из которого выдвинулись четыре растопыренные «лапы». Из раны толчками выходила кровь, и вокруг юнги натекла уже целая лужа. Обычного человека в такой ситуации не спас бы ни один целитель, но этот мальчик был магусом. Хотя его глаза уже закатились, все-таки оставалась слабая надежда. Очень-очень слабая надежда.

– Вытащите его! – крикнула Эсме, прижимая пальцы к краям страшной раны. Кто-то выполнил ее приказ, и крови тотчас же стало еще больше. Прогоняя панику, она глубоко вздохнула, моргнула несколько раз и погрузилась в сердце-суть.

Цветок во тьме выглядел совсем не таким, как несколько часов назад. Почти треть его лепестков почернела и от легчайшего прикосновения ее эфемерных пальцев норвила рассыпаться в пыль, а оставшиеся на глазах темнели, увядали. Обнажился самый центр цветка – там, под куполом из плотно сомкнутых полупрозрачных листьев, виднелось человеческое тело, лежавшее на боку, с притянутыми к подбородку коленями. Он спал, и, если ее отчаянная попытка не увенчается успехом, должен был уснуть навсегда.

Она протянула к цветку пальцы-иглы и замерла в нерешительности.

Здесь нечего было шить.

[Его час настал. Кому-то суждено прожить долгую жизнь, а кто-то даже не успевает понять, что это такое – жизнь. Да, он милый мальчик, и ты почти забыла, что его соплеменник погубил твою семью. Отступишь. Тебя не просили о помощи. Не трать силы зря.]

«Нет-нет-нет. Я так просто не сдамся».

Она потянулась к ближайшему лепестку, отсекала почерневшую часть одним движением пальца, на этот раз превратившегося в скальпель, а потом быстро соединила края. Лист на мгновение ожил, наполнился внутренним светом, но тотчас же погас, и чернота вновь появилась у самого его основания. Борясь с паникой, Эсме метнулась к другому лепестку, однако там повторилось то же самое. Бледно-лиловая ткань расплзлась у нее в пальцах, превращаясь то в труху, то в бурую слизь. В цветке не было жизни, он умирал.

В полной тишине Эсме услышала свое хриплое дыхание и почувствовала, как колотится сердце в груди. Еще чуть-чуть – и она вывалится обратно в реальный мир. Если это случится, юнгу не спасет даже сама Эльга-Заступница.

[Ты не выпила ни одного зелья. Ты сейчас умираешь вместе с ним.]

«Все мы – лишь цветы во мраке. Мы вышли из пустоты и уйдем в пустоту. Без нас она лишена смысла и красоты, поэтому пусть будет много цветов и пусть будут те, кто всегда и любой ценой сумеет их защитить».

Она протянула руки к тому месту, где еще недавно располагались отмершие лепестки сердце-сути, подцепила новую нить в недрах своей сущности и вдела ее в иглолку. Здесь нечего было шить, кроме пустоты. Но ведь цветок души рос в пустоте. И она, как сказал однажды Велин, не имела смысла без этого цветка.

Эсме прогнала сомнения.

Кузнечик открыл глаза и судорожно вздохнул.

Почему-то целительница не лишилась чувств. Она видела изумленные взгляды матросов, она понимала, что совершила чудо и подобного, наверное, уже никогда не повторит. Она не просто спасла чью-то жизнь – она выхватила душу из самых клешней Великого Шторма и его верных крабов.

И теперь на нее смотрели не только люди, но и фрегаты. «Невеста ветра», безмянные сторожевики и «Морская звезда».

Точнее, то, что раньше было «Морской звездой».

Угольно-черная шкура фрегата на глазах обрастала броней. Все палубные возвышения исчезли, обводы корпуса сделались гладкими и хищными. В корабле ничего не осталось от существа, предназначенного для служения людям. На месте мачт возвышались костистые отростки, от которых отходили кожистые складки парусов-плавников. Глаза жутковатого создания Эсме видеть не могла, но вполне представляла себе, как они смотрят.

– Весьма симпатичный новый член команды, – выдавил сквозь зубы наместник. Он по-прежнему стоял на коленях и, казалось, не замечал, что его руки пронзили три арбалетных болта, а рукава промокли от крови. – Рад, что ты нашла свою цель в жизни, Эсме! Очень рад за тебя... Может, ты окажешь по...

– Ни звука больше! – Разноцветные глаза Крейна полыхнули, и Эйдел не стал испытывать судьбу. Эсме виновато опустила взгляд: если бы наместник успел произнести до конца ритуальную просьбу, она не сумела бы ему отказать. – Увести ее в каюту, быстро! Тейравен не оценил богатства, дарованного Эльгой, поэтому я забрал эту целительницу себе!

Наместник ничего не сказал, только судорожно улыбнулся.

– Возвращайтесь на свой корабль, – ледяным голосом произнес пират. – И не смейте нас преследовать.

– Мы еще встретимся, капитан Крейн. – Улыбка Эйдела превратилась в оскал. – Если только тебя не сожрет твоя любимая рыбка. И с тобой... – Он бросил обжигающий взгляд в сторону Эсме. – С тобой мы тоже обязательно встретимся.

«Не хотелось бы...» – подумала она и погрузилась в темноту.

[– Это неправильно, Велин. Что бы ты ни говорил, как бы ни уговаривал – это неправильно.

– Объяснись, пожалуйста.

– Я... не верю, что Клятва должна быть именно такой, какая она есть. Если меня попросит о помощи преступник, убийца – что же, выходит, я не сумею ему отказать? Он...

– Не заслуживает помощи?

– Да! И не надо снова твердить про цветы в темноте. Есть люди, которые... которым...

– Лучше было бы умереть, – спокойно договаривает учитель за нее и, поднеся к губам чашку, делает глоток. В последнее время он пристрастился пить обжигающе горячий чай и по вечерам все время кутается в одеяло, даже если в доме тепло. – Я мог бы рассказать тебе о силе слов – в том числе и тех, из которых состоит Клятва, – о том, что они суть нити, которые сшивают нашу жизнь воедино, делают ее целой. Но ты же на самом деле хочешь услышать кое-что другое. Знаешь... – Он на мгновение умолкает, а потом на его усталом лице появляется грустная улыбка. – Однажды я спас человека. Если бы я этого не сделал, многие бы потом погибли; однако есть и те, кого спасенный мною убил, – и их немало. Отчасти в том, что с ними произошло, есть и моя вина. Но если бы я ему не помог... если бы я бросил его... – Велин качает головой, и она вдруг понимает, что он сейчас скажет. – Я бы тогда не смог жить. В этом-то все и дело, Эсме. Ты не можешь отказать вовсе не из-за Клятвы. Ты просто не можешь отказать. Такова наша с тобой природа, и с этим ничего не поделаешь.]

Пробуждение было не из приятных.

Первым делом Эсме почувствовала слабость во всем теле – даже пальцем не пошевелить: руки и ноги превратились в тряпичные чехлы, набитые ватой, словно у куклы. Потом пришла боль – как будто кто-то пытался высверлить дырку в ее правом виске. Усилием воли ей удалось загнать эту боль в дальний угол сознания, но справиться с ней полностью не получилось.

Целительница осторожно приоткрыла глаза.

Взгляд «Невесты» тотчас же сфокусировался на ней. Он по-прежнему давил, но уже не казался слишком уж неприятным. Возможно, она привыкла. Из иллюминатора лилось мягкое розоватое свечение. Рассвет? Закат? Сколько часов она провела без сознания и что с ней делали все это время?

Кристобаль Крейн сидел на сундуке в очень неудобной позе – вытянув длинные ноги, облокотившись о переборку, – и дремал. Он почти сразу проснулся и, откинув волосы с лица, добродушно-укоризненно сказал:

– Вы нас здорово напугали, Эсме.

Тут целительница сообразила, что на ней мужская рубашка. Щеки и уши покраснели так, что, наверное, от прикосновения к ним могла бы воспламениться бумага. Магус виновато развел руками:

– Смею напомнить, там было много крови, и ваша одежда некоторым образом пострадала.

Кровь! Эсме тотчас же про все забыла и потребовала рассказать, что с юнгой.

– Он жив и здоров, – спокойно ответил капитан. – Но у него пропал голос. Он может говорить только хриплым шепотом, и то недолго.

– О-о... – Эсме закрыла лицо руками, снова ощущая противную слабость в теле. – Я опять не смогла все сделать как надо...

– Нет, это никуда не годится, – перебил Крейн, нахмурившись. – Вы чуть было не погибли, спасая едва знакомого юнгу на пиратском корабле. Знаете, сколько времени вы провели без сознания? Двое суток с лишним. Вся команда, можно сказать, на цыпочках ходит, разговоры только о здоровье госпожи целительницы – и после этого вы смеете сокрушаться, что чего-то не доделали?

Эсме опять покраснела и промолчала.

– Теперь, поскольку обстоятельства снова изменились, придется слегка пересмотреть наше соглашение, – продолжил Крейн. – Думаю, вы понимаете, что мне придется увезти вас очень далеко отсюда – туда, где Эйдел не достанет. Например, в Ламар – он большой, в нем проще затеряться. Но сейчас, пожалуй, рановато об этом говорить. Впрочем, если у вас есть вопросы по поводу случившегося, я... – Он ненадолго замолчал, явно взвешивая все за и против. – Да, я могу на некоторые ответить. Спрашивайте.

Целительница призадумалась. О чем стоит спросить пирата, пока тот в настроении беседовать? Взгляд «Невесты ветра» сделался тяжелее, требовательнее, и Эсме поддалась ему, как уже сделала однажды. Она закрыла глаза и увидела перед собой ослепительно сверкающую фигуру – солнце в облике человека. Одно из тех солнц, вокруг которых строилась сеть мерцающего света, – та часть фрегата, о существовании которой она до недавнего времени даже не догадывалась.

Миг спустя сияние сделалось нестерпимым.

– Ой...

– Не надо так делать, – назидательно проговорил магус. – Вы не часть команды и корабля, вы можете ослепнуть или еще чего похуже. Здесь действуют особые правила, и вам они пока что неизвестны.

– Извините, – растерянно пробормотала девушка и, моргая, уставилась на свои руки, лежавшие на одеяле.

У нее перед глазами все двоилось, головная боль усилилась. Фрегату зачем-то опять понадобилось выставить ее дурочкой перед Крейном? Она боялась даже строить предположения...

– Пожалуй, первый вопрос я задам самому себе и сам же на него отвечу, – сказал пират чуть-чуть насмешливым тоном, к которому она уже начала привыкать. – Почему ~Невеста~ ведет себя так, как ведет, и чего она хочет? – Эсме встрепенулась и взглянула на него, напряженно прищурился глаза. Синеватая тень маленького солнца все еще висела перед ней, не позволяя как следует рассмотреть выражение его лица. – Дело в том, что вот уже почти полтора года у нас нет целителя. Это серьезная проблема, как вы понимаете, и фрегат о ней осведомлен ничуть не хуже людей. ~Невесте~ не нравится, что почти каждый раз, когда мы сражаемся, кто-то погибает, а кому-то приходится страдать.

– Как же так вышло? – спросила Эсме.

– Долгая история... – Он пожал плечами. – Сюда попадают не от хорошей жизни, а целителей в нашем мире не так уж много, и те, с кем я встречался, имели в своем распоряжении дома, семьи и клиентов, которые готовы были носить их на руках, причем вполне заслуженно. Я подыскиваю простого лекаря, но мне не везет. Попадаются то полные болваны, то изворотливые пройдохи.

– Мне казалось, изворотливость – подходящее качество для... моряка, – сказала Эсме и тотчас же пожалела о своих словах.

– Для бандита, – безжалостно уточнил Крейн, вынудив ее снова покраснеть. – Вы столько лет целительствуете в портовом городе и до сих пор не знаете, что каждый член команды должен быть в чем-то похож на капитана, то есть на навигатора? Иначе фрегат отвергнет его, оторвет, как ядовитую медузу. Уж не знаю, насколько я изворотлив, но называть себя пройдохой не позволю даже вам.

– Мне нечасто приходилось исцелять моряков, и я мало что знаю о вашей жизни, – с неохотой призналась девушка. – Я и Велин... почему-то нам в Тейравене не доверяли. Мы занимались гроганами и теми горожанами, у которых было маловато денег в кошельках. И еще фермерами с окрестных морских полей. В общем, всякой беднотой.

– Гм... – Крейн прикусил губу и ненадолго замолчал. Эсме показалось, что он не то расстроился, не то растерялся, но быстро взял себя в руки. – Ладно, забудем об этом. Я жду второго вопроса.

Эсме покопалась в памяти и обнаружила там слово, которого раньше не слышала.

– Что такое безумер? – спросила она. – И отчего «Невеста ветра» так его испугалась?

Крейн почесал переносицу и ответил вопросом на вопрос:

– Вы знакомы с трудами Синфы о средоточии разума?

– Конечно, он ведь один из известнейших целителей первого тысячелетия... – растерянно проговорила целительница. – Но вы-то откуда о нем знаете?

– Так сложилось, что однажды в моем распоряжении оказалась большая библиотека. – Пират махнул рукой с наигранной небрежностью. Еще одна тайна, поняла Эсме и решила не уточнять. – Раз вы их читали, мне легче будет объяснить. Так вот, у фрегата, как и у человека, имеется некое средоточие разума. Точнее, их несколько. Одно из них подвижно... – Он чуть помедлил, испытующе глядя на нее. – Я полагаю, вы их видели.

Маленькие солнца, которые ей показала «Невеста ветра». Одно из них и впрямь двигалось.

Сейчас оно сидело прямо перед ней.

– Безумер – это такое... оружие, – сказал Крейн. – Оно не убивает, а лишает разума. Вообще-то есть небольшая путаница в том, что порой происходит с фрегатами. Случившееся с «Морской звездой» назвали безумием, однако настоящее безумие охватило бы ее, если бы Эйдел Аквила применил эту мерзкую штуку по прямому назначению. Фрегат, лишенный разума, – это...

Он вдруг замолчал и поморщился, словно от зубной боли.

Эсме сама завершила фразу:

– Трупоход.

– Трупоход, – повторил магус с каменным лицом. – Послушная тварь, ползущая туда, куда прикажут, и спокойно принимающая на борт звездный огонь, от которого любой другой фрегат кверху килем перевернется. Да, такую вот славную дохлятину можно сделать при помощи безумера.

Он встряхнулся почти как птица и с прежней живостью уставился на нее:

– Что еще вы хотите узнать?

– У меня только один вопрос, – сказала Эсме, хотя на самом деле вопросов у нее теперь было не меньше двух десятков, и почти каждое слово Кристобая Крейна увеличивало список. – Что же случилось с «Морской звездой»... в самом конце?

Крейн снова немного помолчал, а потом улыбнулся:

– Не стану утверждать, что это тайна, хотя среди моряков есть правило – не рассказывать об этом сухопутным... жителям. Вообще-то лучше и впрямь не рассказывать, а показывать. Не сейчас, чуть позже. А пока что вам следует немного подкрепиться. Кузнечик, заходи!

Дверь тотчас отворилась, и на пороге появился юнга с подносом в руках. Выглядел он и впрямь неплохо, хотя казался бледным. Шея у него была замотана какой-то не очень чистой тряпкой, и Эсме тотчас же протянула руки, чтобы размотать ее и осмотреть затянувшуюся рану. Он отстранился, попытался что-то сказать, но начал кашлять – так сильно, что чуть не выронил поднос. Крейн спас ужин Эсме и красноречиво взглянул на юнгу. Через полминуты Эсме уже изучала шею своего пациента, который сделался очень покорным.

Шрам по форме напоминал кракена, раскинувшего щупальца во все стороны. Выглядело это довольно жутко, но Эсме гораздо больше встревожило то, что она увидела *внутри*. Принимая во внимание все обстоятельства, а также тот факт, что она исцелила мальчишку, не используя даже какого-нибудь слабого зелья, можно было порадоваться, что он выжил. Но радоваться ей не хотелось.

– Все хорошо? – спросил Крейн с какой-то преувеличенной заботливостью в голосе.

Эсме кивнула и отпустила Кузнечика, чей доверчивый взгляд заставил ее вздрогнуть. Капитан махнул рукой, веля юнге уходить, однако тот вдруг засуетился и вытащил откуда-то – словно из воздуха – стопку одежды.

– Я постирал, – сказал он хриплым шепотом и положил все на край койки.

И исчез.

– Судя по всему, – медленно проговорила целительница, когда они с капитаном опять остались вдвоем, – голос не вернется. Со временем он чуть-чуть окрепнет и станет громче, но таким, как прежде, уже никогда не будет. Мне жаль.

Магус нахмурился:

– Это станет для него серьезным ударом. Кузнечик, он ведь... Впрочем, какая теперь разница. Надеюсь, он поймет, что в жизни есть и более важные вещи.

Эсме снова ощутила какую-то недосказанность. Она совершенно не чувствовала удовлетворения оттого, что ей удалось спасти чью-то жизнь.

– Что ж, хорошо... – Крейн встал, пригладил волосы, стряхнул с рукава невидимую пылинку. – Одевайтесь и принимайтесь за еду, а потом встретимся на палубе. Там я все покажу, как и обещал.

Эсме последовала совету капитана: у нее проснулся зверский аппетит, и в скором времени от ужина остались одни крошки. Она оделась – на ткани не было ни единого пятнышка крови – и вышла из каюты.

На палубе несколько матросов, управлявшихся со снастями, заметили ее, и один, оставив работу, приблизился.

Это был Сандер.

– Хочу поблагодарить вас за спасение Кузнечика, – проговорил музыкант серьезно и торжественно. – Теперь я ваш должник.

– Вы с ним так дружны? – спросила целительница.

– Он мне ближе, чем брат, – ответил матрос. – Вы уже и сами, наверное, понимаете, какое доброе сердце у этого мальчика.

«Магуса, – машинально отметила про себя Эсме и не ощутила даже тени бывшего раздражения. – Мы все лишь цветы во мраке».

Вслух она ничего не сказала, просто улыбнулась. Сандер снова поклонился ей и вернулся к работе. Эсме медленно обернулась и увидела Кристобая Крейна. Неподвижный магус стоял на корме фрегата. Скрестив руки на груди, он устремил взгляд куда-то вдаль и в таком положении, похоже, пребывал уже давно. Чувствуя, как что-то словно подталкивает ее, Эсме подошла к нему.

Перед ней открылось прекрасное зрелище. Куда ни глянь, кругом простирался океан, и не виднелось ни единой точки, означавшей приближение другого корабля или близкую землю, но Эсме неожиданно ухватила самый краешек мыслеобраза, который мог принадлежать капитану, «Невесте» или любому из находившихся на борту людей и не людей. Не нужны были ни другие корабли, ни земля; вот этот ужасающе прекрасный простор и есть то, что суждено вспоминать каждому моряку в последние минуты жизни. Целительница осознала, что огромный мощный фрегат на самом деле лишь хрупкая скорлупка на краю бездны, в которой обитают чудовища. Но это новое знание ее не испугало. В этот миг она готова была целиком и полностью признать, что ни шторма, ни твари из глубин не сумеют отвратить от моря того, чья душа опутана чарами безбрежного синего простора.

«Мы там, где неба нет, а есть лишь отражение моря...»

– Нравится? – Разноцветные глаза смотрели на нее с любопытством.

– Это... безмерно опасно и безумно прекрасно, – пробормотала Эсме, и капитану, похоже, эти слова пришлись по нраву. – Неужели вы совершенно не испытываете страха перед океаном?

Магус улыбнулся и ответил без тени иронии:

– Я не имею права бояться. Как только Он ощутит хоть смутную тень страха в моей душе, наша судьба решена. Любой из членов команды всегда должен знать, что между ним и Штормом стоит капитан.

– И фрегат, – осмелилась поправить Эсме.

Магус покачал головой:

– Капитан и фрегат, фрегат и капитан... какая разница? В нашем с ~Невестой~ случае и вовсе трудно понять, где заканчивается она и начинаюсь я.

Да, в этом Крейн был прав – теперь она видела золотистые узоры, намертво впаянные в его сущность. Теперь она могла взглянуть на него краем глаза, очень осторожно, чтобы увидеть не человека – не магуса, – а маленькое полыхающее солнце.

– Я и не знала, что все так непросто, – сказала Эсме. – Мне сложно это понять...

– Мне тоже непросто понять, что именно делает целитель, когда смотрит перед собой отсутствующим взглядом и из-под его ладоней струится золотистый свет, – заметил он с легкой усмешкой, возвращаясь к своему обычному тону. – Но людям важен результат, и они стараются не вникать во все остальное. А ведь на самом деле ничего сложного нет. – Он обвел взглядом палубу, как будто желая охватить всю «Невесту», вобрать в себя. – Однажды ты слышишь зов, против которого невозможно устоять, и идешь вперед, пока не находишь ту часть своей души, на месте которой всегда была пустота. Ты обретаешь целостность.

«Взмывая к облакам, доверяясь парусам, мы выбираем путь, не зная горя...»

Эсме слушала словно зачарованная.

– Я никогда не думала об этом так, – сказала она, когда магус умолк. – Признаюсь честно, капитан, вы... «Невеста»... все, что случилось за последние дни, – это многое изменило во мне. Я буду вспоминать об этом приключении, когда все останется позади.

– Да, – произнес Крейн со странной интонацией. – Вам будет что вспомнить. Но мы забыли, зачем я вас сюда позвал. Встаньте-ка на мое место!

Эсме повиновалась. Она вдруг ощутила странное напряжение, словно «Невесте» не очень нравилось то, что намеревался сделать капитан. Но здесь, на палубе, фрегату сложнее было воздействовать на ее разум.

– Смотрите!

Сначала Эсме не поняла, куда нужно смотреть, но послушно проследила взглядом за рукой Крейна. Стальную гладь океанских волн рассекала кильватерная струя «Невесты ветра», в вышине кружил крылатый силуэт человека-птицы.

Недалеко, справа по борту, в воде мелькнула большая тень.

Миг спустя такая же появилась слева.

Словно почетный караул, за фрегатом следовали два огромных кархадона.

– Эльга-Заступница! – только и сумела выдавить Эсме, парализованная страхом.

Чудовищ оказалось два, хотя и одно сумело бы в два укуса расправиться с «Невестой». Целительница зажмурилась: ужас предстоящего столь явственно нарисовался перед ее внутренним взором, что оставалось только...

– Не надо бояться. – На ее плечо легла горячая рука Крейна. – Посмотрите. Разве они не прекрасны?

Девушка собралась с духом и открыла глаза.

Кархадоны шли пугающе близко. Они двигались с той же скоростью, что и фрегат, поэтому казалось, что чудовища привязаны к кораблю невидимыми тросами. Их черные спины то уходили под воду, то вновь показывались на поверхности.

Говорят, эти бронированные шкуры невозможно пробить никаким оружием...

Нет, неправильно. Ей нельзя об этом думать.

Эсме изумилась самообладанию Крейна и тому, что ни один из матросов не забил тревогу, – все продолжали заниматься своими делами, словно ничего особенного не происходило. Они не боялись.

«Любой из членов команды всегда должен знать, что между ним и Штормом стоит капитан...»

И в тот момент, когда кархадоны вдруг одновременно выпрыгнули из воды, подставив мощные тела под лучи заходящего солнца, Эсме все окончательно поняла. Она узнала очертания фрегатов в этих машинах для убийства – узнала тупой таран, превратившийся в острейший рог, узнала мачтовые отростки, ставшие плавниками, узнала взгляды, которые совсем не изменились.

«Мы еще встретимся... если только тебя не сожрет твоя любимая рыбка».

Теперь ей был ясен смысл странной фразы Эйдела.

Чудовища плавно вошли в воду и исчезли в глубине, а над гладью волн раздался протяжный стон фрегата.

– Кажется, после этого меня уже ничто не сможет удивить или испугать, – прошептала Эсме, стараясь сохранить в памяти каждое мгновение чудесной встречи.

Магус усмехнулся:

– Вы и так не из робкого десятка. Тут важно другое. Вы почувствовали их суть?

Она кивнула и с трудом удержалась от уточнения – *сердце-суть*.

– Они не агрессивны, даже наоборот. Странно – о них ведь рассказывают столько страшных историй...

– В океане для всего есть место – и для страшных историй, и для нестрашных, – сказал Крейн. – Вам еще многое предстоит узнать. Но закат лучше встречать молча и внимательно наблюдать за уходящим за горизонт солнцем – вдруг покажется зеленый луч, дарующий благодать, предвестник чего-то хорошего и долгожданного?

Эсме грустно улыбнулась:

– Эту сказку я знаю. Но ведь зеленого луча никто не видел.

– Вы и Заступницу никогда не видели, – возразил магус, – но не сомневайтесь в ее существовании, ведь так?

Она пожалала плечами, и они в самом деле провели некоторое время на палубе, наблюдая за солнцем, которое медленно тонуло в бескрайнем океане. Вокруг царили тишина и спокойствие – не та ли самая благодать, о которой говорил этот странный моряк? Впрочем, никакого зеленого луча они так и не заметили.

Ночью Эсме почти не спала, обдумывая свое положение.

Кристобаль Крейн, разумеется, вовсе не просто так рассказал ей, что на «Невесте ветра» вот уже полтора года нет целителя. Впрочем, даже если бы он умолчал об этом досадном стечении обстоятельств, она бы все равно почувствовала неладное. Живой корабль глядел на нее с тем же выражением, с каким она сама глядела на флакон с зеленой пробудиловкой: и горько, и противно, а выпить все-таки надо.

Целительница окинула взглядом каюту. Ее спальня в ныне сгоревшем доме в Тейравене показалась бы огромной по сравнению с этим ящиком, в который влезли только койка и сундук. Впрочем, «ящик» все же был до некоторой степени уютным, и она смогла бы к нему привыкнуть. Но прочие стороны жизни на корабле – то, что она успела увидеть собственными глазами, и то, что показала ей «Невеста ветра», – нравились ей гораздо меньше. Эсме все здесь представлялось слишком неудобным или слишком странным.

А еще – довольно-таки опасным.

– Эйдел Аквила знает, что я вовсе не пленница на этом корабле, – произнесла она вслух. На противоположной стене тотчас же распахнул веки черный глаз величиной с ладонь: «Невеста ветра» внимала. – Теперь меня будут искать, чтобы выйти на след знаменитого Кристобалья Крейна. Вот ведь незадача – кажется, я променяла собственную безопасность на жизнь юнги, который даже своего настоящего имени мне не назвал. – Она невесело рассмеялась. – Капитан сказал, что наше соглашение придется пересмотреть, но пообещал, что все будет хорошо. Как-то сложно себе представить, что у него это получится...

Глаз моргнул. Эсме почувствовала знакомую боль в висках.

– Еще он сказал, что целительницу никто не тронет, и это, пожалуй, верно. Однако цепные акулы запросто испортят мне жизнь и легко докажут, что все, чем я владею, досталось мне от пиратов и потому подлежит конфискации. Я уже знаю, как это происходит...

Эсме зажмурилась.

Она знала лишь один способ сделать все так, чтобы ни чайки, ни прочие слуги капитана-императора не смогли причинить ей никакого вреда. У нее все переворачивалось внутри при мысли, что снова придется прибегнуть к крайнему средству, которое в прошлый раз чуть ее не погубило, – ведь теперь Велина не будет рядом, чтобы помочь. Но ничего менее опасного она придумать не могла.

Не оставаться же ей, в самом деле, на пиратском корабле.

Утром Сандер принес завтрак и с сияющим лицом объявил, что вечером Крейн собирается устроить всеобщий праздник в честь юнги, который спас капитана, и целительницы,

которая спасла юнгу. Эсме растерянно поблагодарила его, не зная, что еще сказать. На этом, однако, удивительные новости не закончились.

– Я приду чуть позже, – сказал Сандер, стоя на пороге ее каюты, – и проведу вас по кораблю. Все покажу, со всеми познакомлю. Думаю, вам будет интересно узнать, как устроена «Невеста ветра» и кто тут живет.

– А капитан Крейн об этом знает? – спросила Эсме, решив не уточнять, что как раз о внутреннем устройстве корабля ей известно достаточно – от самого корабля. – Он же хотел держать меня тут как в тюрьме до следующего порта.

– Знает ли капитан? – Сандер неуклюже взмахнул рукой, стукнулся костяшками пальцев о дверь и зашипел от боли. – Да он и приказал мне этим заняться. Кое-кому такое дело не по нраву, но вы не переживайте!

Растерянность Эсме возросла стократ, и теперь к ней примешивался страх. Кто-то дерзнул возразить капитану? А как же вчерашний красивый рассказ о том, что вся команда думает и поступает так же, как навигатор? Кроме того, она сомневалась, что хочет слишком уж близко знакомиться с пиратами, пусть даже те и благодарны ей за помощь. Пожалуй, разумнее всего было придерживаться первого приказа Крейна и не выглядывать из этой каюты без лишней надобности, пока «Невеста ветра» не окажется в каком-нибудь достаточно далеком от Тейравена порту, вновь замаскировавшись под торговый фрегат. Но когда Сандер и впрямь вернулся, у нее не хватило смелости отослать его.

Матрос, как и обещал, показал ей весь фрегат, начиная с брюха и обитавших там маленьких лодок. Вживую все выглядело и ощущалось иначе: коридоры были темнее, в воздухе чувствовался едва уловимый пряный запах, и в висках Эсме то и дело начинала пульсировать боль – она ощущала сомнения фрегата, который никак не мог решить, что с ней делать. И, конечно, теперь вокруг были люди, а не узлы светящейся сети.

Кока звали Мани Рыбий Хвост. Он был похож на копченую рыбу-иглу – тощий, обожженный солнцем, с длинным носом и глазами навкате. Эсме, смущаясь, поблагодарила его за еду и особенно за чай, а он выразил готовность поить ее этим самым чаем – по семейному рецепту! – каждый день, столько времени, сколько понадобится. Она посмотрела на его руки, покрытые шрамами от ран и ожогов, и тотчас же поймала шальной мыслью, полный жгучей боли. Мани страдал от суставной болезни, которая должна была в скором времени превратить его пальцы в подобия кривых древесных корней. Она легко коснулась его плеча и убрала боль, решив, что с остальным разберется в Ламаре или другом порту, где Крейн выполнит все свои обещания, не забыв о сундуке с целительскими зельями.

Откуда-то выплыл шустрый мыслью и ринулся прямо на нее, но Эсме оттолкнула чужое воспоминание, ощутив лишь намек на запах гари – не от подгоревшей еды – и услышав слабое эхо чьих-то рыданий.

Бронт и Стероп – похожие друг на друга матросы, которых она видела в «Водяной лошадке» вместе с Плетельщиком узлов, – действительно были братьями. Они сбежали из дома и отправились странствовать по морям, а в итоге Крейн нанял их в каком-то северном порту, спасая от разгневанного торговца, у которого братья свели нескольких овец. Живостью ума эти двое не отличались, но капитана считали своим третьим братом и ради него были готовы на все. Они ничем не болели – и даже бывшие раны их не беспокоили, – зато видели, как Эсме восстановила разодранную руку Крейна, поэтому теперь их преданность распространялась и на нее.

Плетельщика Эсме встретила, когда поднялась вместе с Сандером на палубу и огляделась по сторонам, щурясь от яркого света. Хотя поначалу он и показался ей темной безликой фигурой, она без труда узнала его по голосу.

– Вот мы и встретились снова!

Эсме кивнула в ответ. Он излучал бесшабашное веселье, и рядом с ним серьезные мысли улетучивались сами собой.

– Меня зовут Умберто.

– Рада видеть тебя, мастер узлов, – сказала целительница. – Я и не думала, что ты так быстро перейдешь к выполнению условий нашей сделки.

Он дернул себя за мочку уха и лукаво улыбнулся.

– Осторожнее с ним, милейшая Эсме, – послышался еще один знакомый голос со стороны носа корабля. Целительница посмотрела туда и увидела человека-птицу, который сидел, завернувшись в свои крылья, будто в плащ. – Этот плут продаст эльгиниту его собственный колокольчик и даже не вспотеет.

Крылан говорил язвительно и резко, как и раньше. Эсме поняла, кто возражал против того, чтобы позволить ей прогуляться по кораблю. Во взгляде человека-птицы легко читались недоверие и досада. Она не стала приближаться к нему на три шага – хватило и пяти.

– Очень грубо с твоей стороны, Джа-Джинни, – сказал Умберто, невзначай представив крылатого. – Я же стараюсь...

– Быть галантным, я знаю, – перебил крылан и изобразил подобие улыбки. – У тебя еще будет шанс сегодня вечером продемонстрировать, что капитан обучил своих помощников хорошим манерам за столом. У тебя, друг мой, одна из главных ролей в готовящемся спектакле, раз уж все началось именно с того, как вы с нашей гостьей красиво сработались тогда, в трактире.

Эсме вздрогнула. А ведь и в самом деле, какая медуза ее укусила, что она ввязалась в чужой спор, да к тому же столь эффектным способом? Такой поступок был совсем не в ее характере.

– Знаете, когда в кошельке нет ни гроша, легко совершать глупости, – сказала она неожиданно для самой себя. – Меня ожидали нищета и голод. Такое будущее кого угодно заставит рискнуть и даже поступить не совсем честно.

– Нечестно? – удивился Умберто. – И в чем же заключалась нечестность?

Эсме запоздало прикусила язык, но теперь они оба – человек и крылан – внимательно смотрели на нее и ждали ответа. Что ж, она уже достаточно ругала себя за обман, теперь пришел черед рассказать всю правду одному из непосредственных участников истории.

– У нас, целителей, – сказала она, – есть одна большая проблема, о которой все остальные мало что знают и даже не могут себе представить, насколько все в действительности серьезно. На расстоянии трех шагов я начинаю ощущать чужие воспоминания как свои, но это полбеды. Они застревают в моей памяти и временами даже подменяют то, что происходило со мной на самом деле. Конечно, так бывает не всегда... но, поверьте, вам бы не хотелось запутаться в противоречащих друг другу образах, пытаясь определить, что именно из увиденного произошло не с вами, а с кем-то другим.

– Я пока что не вижу связи с узлами, – заметил Умберто.

Эсме покачала головой:

– Но она есть. Я развязала тот узел, воспользовавшись чужим воспоминанием, задержавшимся в моей собственной памяти. На самом деле я в узлах вообще ничего не смыслю. Короче говоря, я жульничала.

Умберто озадаченно прикусил губу, а Джа-Джинни посмотрел сначала на него, потом на нее и расхохотался. Он так смеялся, что чуть не упал на спину, и в конце концов раскрыл крылья и по-птичьи подпрыгнул, сохраняя равновесие.

– Ну и дела! – воскликнул крылан, и Эсме показалось, что его голос слегка потеплел. – Видишь, Умберто? На каждого хитреца найдется кто-то хитрее! Я ошибся – это тебе надо быть осторожнее, а не ей!

– Лети отсюда, пока я не повыдирал тебе все перья, – добродушно посоветовал моряк.

Человек-птица снова расхохотался, а затем и в самом деле взлетел. Эсме вдруг почувствовала себя неуютно рядом с Умберто и под каким-то выдуманым предлогом попросила Сандера – тот смиренно ждал, пока его услуги вновь понадобятся, – отвести ее обратно в каюту. Ей захотелось побыть в одиночестве, насколько это представлялось возможным на борту живого фрегата.

На закате, как и обещали, моряки начали пировать. Для капитана и его гостей накрыли стол в просторной каюте, где Эсме оказалась впервые, – это было, как ей объяснил язвительный Джа-Джинни, нечто вроде зала собраний.

Эсме усадили по правую руку от капитана, а по левую сидел худощавый пожилой мужчина по имени Эрдан. Он был на «Невесте ветра» корабельным мастером – Эсме не поняла, что это означает, но спросить не решилась. Одного взгляда хватило, чтобы вспомнить: именно с ним она столкнулась на пристани после разговора с Эйделом. Корабельный мастер тоже ее узнал и ободряюще кивнул, еле заметно улыбнувшись. Он был еще старше, чем ей показалось в тот раз, хотя и казался крепким. Возле самой Эсме сидел Умберто – он принарядился, причесался и уже ничуть не походил на простого матроса. Его манеры за столом, как и предсказывал крылан, были весьма хороши.

– Моя правая и левая рука, – сказал Крейн, официально представляя ей Джа-Джинни и Умберто.

Плетельщик узлов снова дернул себя за серьгу, и Эсме подумала, что никто другой из моряков, с которыми она встретилась сегодня, не носит такого украшения. А ведь оно, если подумать, напрямую указывает на своего хозяина как на опасного человека – морские просторы за экватором принадлежат меррам и пиратам, порядочным людям там нечего искать. Может, поэтому верзила-спорщик в трактире и не стал драться с обидчиком. Так или иначе, «левая рука» капитана Крейна явно отличалась склонностью к безрассудным поступкам.

Джа-Джинни, которому требовалось больше места, чем другим, сидел за противоположным концом стола, а стул рядом с Эрданом занял донельзя смущенный Кузнечик.

– Первый тост, – старший магус поднял кубок, – за здоровье нашей гостьи, которая хоть и оказалась на борту ~Невесты~ не по собственной воле, повела себя как подобает члену команды!

Они выпили и принялись за еду. Постепенно завязалась спокойная и даже чинная беседа, в которой Эсме не участвовала, поскольку едва могла уловить ее смысл. Она изредка ощущала взгляды Кузнечика. Юнга тоже чувствовал себя неуютно за одним столом с капитаном и его ближайшими помощниками и ускользнул из каюты, как только подвернулась возможность. Эсме, как бы ей ни хотелось последовать его примеру, сосредоточилась на еде – кок расстарался и приготовил блюда, каких ей никогда не доводилось пробовать. А когда разговор перешел на обсуждение дальнейшего курса и запестрил морскими выражениями, которые она постепенно начинала понимать, – вынудила себя полностью отрешиться от слов, что звучали вокруг.

Вдруг Эсме почувствовала растущую напряженность и вновь прислушалась.

– ...Как пожелаешь, но я тебя предупредил, – проговорил Эрдан, барабаня пальцами по столу. Поначалу спокойный и даже хладнокровный на вид, теперь он с трудом держал себя в руках. – Иногда мне кажется, что ты нарочно хочешь ее покалечить.

– Он прав, Кристоаль, – с серьезным выражением лица кивнул Джа-Джинни. – Риск слишком велик. Я против.

– Умберто, а ты что скажешь? – Крейн сидел, откинувшись на спинку стула. – Как бы ты поступил на моем месте?

– Я бы попробовал, – тотчас же откликнулся молодой моряк. – Интересно же!

– Интересно будет, когда «Невеста» останется без глаза, – пробормотал крылан и вдруг перевел взгляд на Эсме: – Мы вас утомили?

Целительница отложила вилку.

– Ничуть. Хотя было бы проще, если бы я понимала, о чем идет речь.

Мужчины негромко рассмеялись. Ей ответил Эрдан:

– Речь идет об одном весьма опасном маневре, который мы оцениваем по-разному. – Он покосился на капитана и, получив молчаливое согласие, продолжил: – Вы уже имеете представление о том, как выглядит фрегат, приготовившийся к бою, – словно еж, оцетинившийся острейшими крючьями. Кстати говоря, боевые фрегаты нередко называют именно «морскими ежами». С помощью крючьев один фрегат может прицепиться к другому, но у них есть еще одно немаловажное значение: защита от таранного удара, который может повредить одно из...
ГМ...

– Средоточий разума, – сказала Эсме. – Капитан объяснил мне, что это такое.

Эрдан многозначительно посмотрел на Крейна. Тот слегка улыбнулся.

– Ну, хорошо. Так вот, дело в том, что хотя крючья и защищают корабль от тарана противника, они растут неравномерно. Есть небольшая вероятность, что при должной сноровке и хорошем владении своим фрегатом навигатор сумеет заставить его нанести удар туда, где крючьев мало, – например прямо в нос другому кораблю. В случае удачи тот будет полностью и надолго обездвижен, то есть не сможет ни удрать, ни защищаться как следует. Но если...

– Никаких «если», – перебил Крейн. – Мне нужно знать, что это *возможно*, только и всего. Не забывай, что я команду ~Невестой~ и весь риск ложится в первую очередь на *меня*.

– В том-то и проблема, что я знаю твое отношение к риску лучше, чем ты сам. – Эрдан вздохнул. – Остается лишь надеяться, что тебе не придется прибегать к такому... э-э... фокусу.

– Забавно, правда? – вдруг сказал Джа-Джинни, устремив на Эсме пристальный немигающий взгляд. – Пять дней назад вы были добропорядочной и, полагаю, уважаемой жительницей Тейравена, слушали по утрам, как звонят колокола в обители эльгинитов, и читали развешанные повсюду объявления о награде за поимку грабителей. А теперь мы сидим за одним столом и обсуждаем, как бы побыстрее вывести из строя фрегат какого-нибудь бедолаги-торговца. Жизнь стремительна, и никогда не знаешь, что с тобой произойдет завтра или послезавтра.

За столом сделалось очень тихо.

– Да, это верно, – сказала Эсме, бледнея. – Десять лет назад жизнь моей семьи тоже стремительно изменилась. Не в мгновение ока, но все же... Утром мы были добропорядочными и уважаемыми, вечером стали пособниками пиратов – а ночью наш дом сгорел.

На лице крылана не дрогнул ни один мускул.

– Вы рассчитываете нас удивить или разжалобить? – язвительно спросил он. – На борту этого корабля полным-полно историй, одна страшнее другой. Потому мы и держим их при себе, хотя груз временами становится тяжелым.

Эсме пожала плечами:

– Значит, целителям хоть в чем-то повезло.

– Это в чем же? – спросил Крейн, до этого с жестоким интересом наблюдавший за ее разговором с Джа-Джинни. Ей показалось, что голос капитана прозвучал как-то странно. – Не в том ли, что, кроме своих тайн, вы храните чужие?

– В том, что мы способны забывать эти тайны, – сказала она, и настроение мага вдруг начало меняться с необыкновенной скоростью. Он мрачнел на глазах, вокруг него словно собиралась грозная туча. – Есть такое особое... место. Называется [сундук].

– Сундук? – переспросил Эрдан.

– [Сундук], – уточнила Эсме. – Я... я понимаю, вы не чувствуете разницы, но любой целитель ее ощущает весьма отчетливо. Это такая штука, в которую что угодно можно положить, но нельзя достать обратно. – Она нахмурилась. – Туда прячут как чужие, так и собственные мыслеобразы. Или даже часть своей памяти.

[Бамц!]

– И вы это с собой сделали? – спросил Крейн.

– А разве у вас нет воспоминаний, от которых становится больно? – тихо спросила она, чувствуя, как дыра в памяти вновь начинает саднить. Затылок налился свинцом. – Разве вам никогда не хотелось уберечься от боли, которая страшнее всякой пытки? Я... мне слишком многое пришлось... потерять. Жить с таким грузом невыносимо, поэтому я пред-почла от него избавиться.

– И сразу стало легко и приятно? – поинтересовался магус столь ядовито, что Эсме ощутила во рту горький привкус. – Да? Я прав?

Она покраснела. Крейн по-прежнему сидел спокойно, но плясавшие в разноцветных глазах огоньки придавали ему слегка безумный вид. Его рука безотчетно сжимала вилку, и Эсме вдруг подумала, что этот странный человек может превратить в оружие даже перышко.

– Да, вы совершенно правы, – сказала она по-прежнему тихо, но уверенно. – Я сама принимала решение, и мне показалось, что этот выбор лучше, чем прыжок со скалы вниз головой. Воспоминания не так уж важны для жизни.

– Разумеется. – Теперь тон капитана сделался глумливым. Он отбросил вилку и поднес руку к лицу. – Это все равно что лечить царапину на пальце путем отсечения пальца, ведь он для жизни не так уж важен.

Правая рука магуса опустилась на стол, а левая, в которой невесть откуда взялся нож, совершила стремительное движение. Спустя мгновение рукоять ножа торчала как будто бы из его кисти, а лезвие полностью вошло... Эсме понадобилось несколько секунд, чтобы понять – не в руку, а в столешницу.

– Ненормальный! – выдохнула она и, скользнув из-за стола, бросилась вон.

Полная луна в темном небе чем-то напоминала цветок сердце-сути посреди бескрайней тьмы. Эсме невольно потянулась к ней, а потом вспомнила, что сейчас она всего лишь человек, и у нее совершенно обычное человеческое тело, которое не умеет парить посреди пустоты и зашивать разорванную ткань души-тела нитками, свитыми из частиц ее силы. Силы, дарованной Эльгой-Заступницей и предназначенной для того, чтобы в мире стало хоть немного меньше боли и страданий.

Отчего же в ее собственной жизни их так много?..

Во тьме плыла странная мелодия, рисуя узоры из звезд, заигрывая с ветром и волнами. Эсме закрыла глаза, попыталась очистить разум от посторонних мыслей, но быстро поняла, что этой ночью ей вряд ли удастся достичь спокойствия. Ссора с Крейном была больше, чем просто ссорой. Что ж, по крайней мере, она избавлена от необходимости выбирать – после такого он вряд ли захочет ее видеть на своем корабле. Они расстанутся в Ламаре или в каком-нибудь другом порту.

Позади зашуршали перья.

– Три шага, – проговорила Эсме, продолжая глядеть на луну. – Не подходите ближе, если не хотите, чтобы я ненароком прочитала ваши мысли.

– Я-то думал, вы заметили, – сказал Джа-Джинни и тихонько рассмеялся.

От его язвительности не осталось и следа. Эсме повернулась и увидела его лицо совсем близко от своего. Глаза крылана светились в темноте почти как у кота.

«Заметила что?» – чуть было не спросила она.

И тут же все поняла.

Вокруг него не было мыслеобразов.

– Я не впервые услышал о чужих воспоминаниях, – продолжил Джа-Джинни тем же мягким и спокойным голосом. – Мне много лет, я встречал многих целителей и знаю о своей... особенности. Возможно, все дело в том, что я другой. Я не человек.

Эсме захотелось возразить, хотя она и понимала, насколько это глупое желание. Перед ней стояло существо, почти целиком покрытое перьями, и у него были *крылья*. Она промолчала.

– Я могу лишь предполагать, что вы сейчас чувствуете. – Он встал рядом с ней и положил на планшир руки с длинными когтистыми пальцами. – Вам кажется, что вы предложили единственно возможный способ решения серьезной проблемы, а капитан повел себя странно, несправедливо обидел вас.

Эсме снова промолчала.

– Однако вы не знаете Кристобая так, как его знаем мы. Наш капитан... – Крылан немного помолчал, почесал затылок, словно подыскивая нужные слова. – Наш капитан сам выбирает каждого нового члена команды и предлагает его «Невесте ветра». Может показаться, что внутри все мы одинаковые, похожие на него, но на самом деле всё чуточку сложнее. Мы разные... – Он снова замолчал на несколько секунд. – Мы словно части одной сложной головоломки, которые отдельно друг от друга лишены смысла. Взять, к примеру, Умберто – сам по себе он не более чем обычный бесшабашный жулик, из тех, что долго не живут. А здесь его качества играют на руку капитану и «Невесте», потому что всякий раз вплетаются в узор, который целиком известен только им двоим.

– А вы? У вас тоже есть... качества, которые использует капитан Крейн?

Он кивнул:

– Разумеется. Может, попробуете угадать?

Она чуть помедлила, размышляя, не стоит ли отказаться, а потом рискнула:

– Полагаю, ваше качество – здравый смысл.

Улыбаясь, крылан еще меньше походил на кого-либо из людей, и его лицо, со слишком большими глазами и слишком широкими скулами для человека, выглядело даже чуть-чуть жутким. Эсме подавила дрожь. Было что-то еще не столь очевидное среди его *качеств*...

– Вы проникательны, – сказал он. – Да, и я уже сказал Кристобалу... кстати говоря, главное из его собственных качеств – упрямство... Так вот, я сказал Кристобалу, что идею взять вас в команду считаю дурной. Простите, но это правда. Пока что все они видят перед собой хрупкую девушку, почти ребенка, в котором ощущается нечто неземное, нечто от Заступницы. Но божеству нужно поклоняться издалека, а не жить с ним рядом. Здесь, – он ткнул пальцем вниз, – достаточно много грязи, пусть она и не видна с первого взгляда. Когда Светлая Эльга станет не такой уж светлой, начнутся неприятности.

– Все правильно, я и сама об этом думала, – тихо проговорила Эсме.

– Вы не только проникательны, но еще и умны. – Час назад она едва ли могла предположить, что услышит от крылана комплимент, сказанный совершенно искренним тоном. – А еще в вас достаточно самоотверженности, чтобы пойти на риск с [сундуком]. Не смотрите так удивленно – я же сказал, что встречал за свою долгую жизнь немало целителей.

Эсме, отворачиваясь, пробормотала:

– Тогда вы знаете, чем это может закончиться.

Крылан вздохнул:

– Знаю. Но я знаю еще кое-что – я видел людей, переживших бескровный допрос с пристрастием, который проводили чайки. Поверьте мне на слово, если вы попадетесь семейству Лар, даже Заступница вас защитить не сможет, что бы там ни говорил Кристобаль. Он ведь на самом деле хочет, чтобы вы остались, потому и несет чушь.

«А если я и впрямь останусь? – подумала Эсме. – Защитит ли она меня?»

– Только не поддавайтесь, – сказал Джа-Джинни. – Он перегорит и снова попытается вас обаять. Он необыкновенный, а вы такая... юная. Помните, что у вас вся жизнь впереди, и не стоит связывать ее с бандой отщепенцев. Помните!

Он прыгнул на планшир и взлетел во тьму.

Целительница закрыла глаза.

Фрегат только этого и ждал. Она вновь растворилась в его бескрайней сущности, на этот раз не ощутив даже намека на страх, и острота ее восприятия превзошла все мыслимые пределы. Она по-прежнему была собой ~ она стала каждым из живущих, что пребывали внутри нее ~ она парила черно-золотым цветком посреди... тьмы, пустоты? Нет~нет, посреди холодного и сурового, но все же переполненного жизнью океана. Цветок во мраке сердце-сути был одинок, а здесь повсюду виднелись мыслеобразы: большие и малые, многоглазые и зубастые, с ядовитыми шипами и в твердых панцирях, чешуйчатые и студенистые, разные, разные, разные... Ни один не приближался к ней, а те, что уже были ~внутри~, держались обособленно, даже не пытаясь объединиться с ее собственными воспоминаниями. Это было так непривычно, что она растерялась. Проснулась боль в затылке ~ гулкой колокольный звон, разбитое стекло, от едкого дыма по щекам текут ручьи слез~, и она почти вспомнила то, чего не могла вспомнить.

[Все это богатство, пожалуй, сюда не влезет. А жаль.]

Вздвогнув, Эсме пришла в себя.

Впереди что-то полыхнуло среди туч, потом раздался далекий грохот. Она принялась озираться по сторонам и поняла, что доносившиеся снизу отзвуки пиршества затихли, а на корабле все пришло в движение. Мимо пробежали два матроса и стали что-то делать со снастями, при помощи которых был закреплен нижний парус ближайшей к Эсме мачты. Еще двое забрались на самую мачту. Каждый из них явно старался работать пошустрее, потому что...

На палубе был капитан.

Он появился незаметно и сейчас стоял к ней спиной, но почему-то девушка несколько не сомневалась, что ему известно о каждом ее движении и, вероятно, о каждой ее мысли. Вот теперь она испугалась по-настоящему – Крейна? Приблизившейся бури? – и чуть не подпрыгнула, ощутив на плече чью-то руку.

– Лучше бы вам спуститься в каюту, – сказал Эрдан, мастер-корабел. – Надвигается сильный шторм, да и в любом случае сегодня разговаривать с капитаном не имеет смысла.

Взгляд старика был ласковым и понимающим.

– Может, стоит... изменить курс? – робко спросила Эсме. Порыв ветра слегка взлохматил ей волосы. – Зачем идти туда, где поджидает опасность?

– Здесь повсюду опасности, их великое множество, – ответил Эрдан. – И на самом-то деле шторм не там, где молнии и гром, он уже над нами, он всегда над нами. От него не скрыться.

– Я боюсь.

Мастер-корабел покачал головой:

– Вот уж чего не надо, так это бояться. «Невеста ветра» не может утонуть. И все же настоятельно советую уйти вниз, чтобы вас не смыло за борт.

Это было бы и впрямь разумно, однако она почему-то осталась. Ветер крепчал с каждой минутой. Вскоре фрегат и впрямь изменил курс, развернувшись носом навстречу волнам. В памяти Эсме всплыл мыслеобраз: она увидела брата и отца, которые сидели за обеденным столом и увлеченно спорили, как следует управлять лодкой в плохую погоду. Ни лиц, ни голосов – лишь расплывчатые пятна и невнятное жужжание, как всегда. Сначала ее охватила знакомая тоска по прежним временам, а потом на смену тоске пришло недоумение.

Ни Паоло, ни Бартоло не были навигаторами. Откуда же у нее эта странная уверенность, что они говорили о лодках? И с чего вообще она взяла, что вспомнила именно отца и брата?..

[– Носом к волне – и пробивайся вперед. Только так.

– Почему?

– Иначе перевернешься. Ей-то ничего не будет, она не утонет, а ты окажешься в воде и захлебнешься.

– Я хорошо плаваю!

– Ты не знаешь, что такое настоящий шторм, ты его не видел ни разу. И с какой стати ты со мной споришь, сухопутный шебаршила?..]

Она поморщилась и решила разобраться с этим позже, а пока следовало забиться в какой-нибудь угол, чтобы не мешать и в самом деле не оказаться за бортом. Качка усиливалась. Фрегат то поднимался на гребень очередной волны, то падал, и босые ноги Эсме скользили по мокрой палубе. Оставалось лишь удивляться, что моряки не падают. Правда, двигались они очень осторожно. Один раз мимо нее прошел сосредоточенный Крейн, но ничем не обнаружил, что видит свою гостью там, где ей не положено быть. Начался сильный дождь, и Эсме едва успела подумать, что пора в каюту, как кто-то сунул ей в руки непромокаемый плащ. Она огляделась и увидела удаляющуюся сутулую спину Сандера.

Матросы освобождали одни паруса, позволяя им сложиться, и закрепляли другие. Наблюдая за их действиями, абсолютно не понятными ей, Эсме вспомнила один из рассказов Пью – о том, как во время шторма фрегату сломало мачту сильным порывом ветра. Старый моряк тогда вдруг побледнел и сказал изменившимся голосом, что в жизни не слышал крика страшнее, чем крик того корабля.

В очередной раз проходя мимо, Крейн сделал вид, что впервые ее заметил.

– Вы-то что здесь делаете? Быстро вниз, а то еще смочет.

– Невелика потеря! – крикнула Эсме в ответ, но сильный порыв ветра увлек слова за собой и швырнул в бушующие волны. Крейн что-то сказал, Эсме ничего не услышала. Магус смерил ее суровым взглядом, пожал плечами...

И остался рядом.

В темном небе сталкивались тучи; молнии сновали между небесами и водой, словно желая сшить их воедино. Дождь лил и лил, вокруг все гудело, трещало, стонало. Палуба содрогалась, словно живому фрегату тоже было страшно, и все же он упрямо взбирался на очередную водную преграду, чтобы потом рухнуть вниз. Крейн казался скалой – он даже не вздрагивал, получая от дождя очередную оплеуху. Ноги Эсме онемели от холода, но теперь она и не помышляла о том, чтобы уйти.

Их с «Невестой ветра» ощущения вновь начали перемешиваться, и шторм показался целительнице не бездумной стихией, а чем-то совершенно иным – силой, у которой были и разум, и воля. Силой, которая хотела и умела убивать. По сравнению с ней живой корабль выглядел безобидным, как упавший с дерева лист на поверхности пруда, однако он все равно стремился вперед, бросая вызов тучам, ветру, дождю, океану и тому, о ком во время плохой погоды не принято было говорить вслух. «Невеста ветра» и в самом деле боялась – Эсме чувствовала, как от чужого страха ее внутренности превращаются в холодный слипшийся ком, – но не собиралась сдаваться.

Внезапно ветер стал стихать, а потом вовсе прекратился. Паруса фрегата обвисли, он замер на месте. Волны успокоились, ливень сменился слабым дождиком. Где-то вдалеке по-прежнему грохотали сталкивающиеся друг с другом тучи, сверкали молнии. Оглядевшись, Эсме поняла, что буря окружает «Невесту ветра» со всех сторон. Но в непосредственной близости от них море было тихим, спокойным, и его поверхность слегка мерцала...

От этого умиротворяющего мерцания ее пробрала дрожь.

Клубком мокрых перьев с неба свалился Джа-Джинни. Крейн, по-прежнему не двигаясь с места, поднял руку, словно призывая людей к молчанию, хотя никто даже рта не раскрыл. Эсме замерла, глядя на него. В тишине и при полном безветрии фрегат направился вперед, словно под водой его кто-то ухватил и потащил, – против воли, и уж давно не по желанию капитана.

– Рубить тросы! – крикнул магус. – И все вниз!

Целительница не шелохнулась. Кристобаль бросил на нее злой взгляд, но ничего не сказал. Матросы расправились с канатами очень быстро и один за другим скрылись в люке; последним ушел мастер-корабел. Магус подошел к фальшборту, и Эсме последовала за ним. Она увидела, что на поверхности воды проступил круг, внутренняя часть которого медленно прогибается вниз, и «Невеста ветра» опускается вместе с ней, кренясь на правый борт.

Водокрут!

Ноги Эсме подкосились, и она упала бы, не подхвати ее Крейн. Она с ужасом поняла, что они обречены. Ей не раз доводилось слышать страшные истории о том, как корабли, попавшие в водокрут, погибают на глазах у бессильных очевидцев. Кракены и прочие опасности голубой бездны меркли по сравнению с тем, что угрожало им сейчас. От водокрута нельзя было спастись.

– Здравствуй, старый друг! – Разноцветные глаза капитана сияли, он словно не понимал, что к ним приближается смерть. – Так и знал, что ты опять появишься... Погляди-ка на него!

Эсме послушно посмотрела туда, куда он указал взмахом руки, хотя ей меньше всего на свете хотелось видеть сплошную стену воды, которая вставала над левым бортом «Невесты ветра». Фрегат с нарастающей скоростью опускался к жерлу водокрута – туда, где чудовищная сила должна была сначала расплющить его, а потом разорвать на части. Происходящее походило на дурной сон, а на самом краю огромной воронки она увидела нечто и вовсе кошмарное.

Там был фрегат в несколько раз больше «Невесты ветра» – громадный плавучий остров молочно-белого цвета, идущий против течения водокрута. Его слепые глаза серебристо мерцали, над мачтами кружила стая птиц. Самих мачт было непривычно много – не меньше семи, – и на видимом борту красовались непонятные отростки, похожие на плавники странной формы, расположенные как попало. Чудище из легенд, выглядевшее совершенно реальным, двигалось с величавой торжественностью.

Эсме закрыла глаза. Вот теперь им точно не спастись.

– Идем! – хрипло проговорил магус. – Нам нельзя здесь оставаться.

– Зачем? – Эсме показалось, что все кости в ее теле расплавились. – Это смерть. Нас спасет только чудо.

– Будет тебе чудо!

Устав пререкаться, Крейн схватил ее за руку и потащил за собой. Люк закрылся у них над головами, и в ту же секунду Эсме ~погрузилась в воду.~ Ощущение было очень правдоподобным: она успела почувствовать, как спасительный воздух покидает легкие, как они заполняются водой, и лишь потом поняла, что это наваждение, очередной мыслеобраз. Вокруг была темнота. Крейна рядом не оказалось, зато виднелся едва различимый силуэт Эрдана.

– Пойдемте, я провожу, – сказал мастер-корабел. – Кажется, вам лучше прилечь.

– Но я... – Эсме растерянно потерла лоб. Несколько минут напрочь стерлись из ее памяти без всякого [сундука]. Один раз «Невеста ветра» уже проделала с ней такой фокус. – Что происходит? Где мы?

– Под водой, – сказал Эрдан. – Так, дайте-ка мне руку.

Девушка шагнула ему навстречу ~и снова оказалась под водой, но на этот раз не захлебнулась, а продолжала дышать, будто отрастила жабры. Она увидела, как большой кракен, забравшись в расщелину на дне, сыто шевелит щупальцами. Мимо проплыл косяк серебристых рыб. Ее пока что влекло сильным течением, и глубина была недостаточно большой, чтобы в корпус начала просачиваться вода. Можно не волноваться. Можно просто плыть и ждать, когда водокруту наскучит игра...~~

~~~~~

– Эсме открыла глаза и поняла, что сидит на своей койке, а рядом стоит Эрдан и задумчиво смотрит в иллюминатор, за которым виднеется мутная зеленоватая ~мгла~. Стены каюты

светились зеленым, и в отблесках призрачного света лицо мастера-корабела казалось лицом покойника.

– Где мы? – опять спросила Эсме. ~~

– Под водой, – повторил Эрдан, не глядя на нее. Его голос звучал очень спокойно. – Считается, что от водокрута невозможно спастись, но «Невеста ветра» пережила их с десяток, а может, и больше, – я уже стал забывать, что происходило с нами в первые годы. Одна из особенностей «Невесты» заключается в умении *нырять*. Насколько мне известно, другие рыбокорабли на такое не способны. Когда мы расстанемся, от этого знания вам нужно будет избавиться в первую очередь, иначе...

Он не договорил. Целительница посмотрела на свои руки и ощутила ~плавники~ «Невесты ветра». Они шевелились, ловя течение. Большие разноцветные глаза фрегата пристально вглядывались в мутную тьму. Она чувствовала себя под водой так же спокойно, как и на поверхности.

– Невероятно, – сказала Эсме. – Это просто невероятно.

Эрдан пожал плечами:

– Честно говоря, я достаточно долго над этим размышлял и пришел к выводу, что дело не столько в свойствах фрегата, сколько в тех качествах, которые проявляются благодаря его связи с навигатором. Если они доверяют друг другу и могут вместе перебороть страх, взять верх над инстинктами, которые твердят, что на свете есть невозможные вещи... – Он многозначительно замолчал. – Впрочем, для появления настолько безоглядного доверия нужны особые обстоятельства. О них позвольте умолчать – если я проболтаюсь, то еще до того момента, как вы все забудете, Кристобаль убьет меня двадцать раз.

Она вяло улыбнулась и зевнула. Сине-зеленая мгла умиротворяла, от бывшего страха не осталось и следа, зато в тепле каюты оттаивали заледеневшие ноги, веки слипались. Ей хотелось о многом расспросить мастера-корабела, но не хватало сил даже открыть рот. Она опустила голову на подушку и закрыла глаза.

Ей приснился ~сон~, в котором было много вкусной рыбы~~~

~~~а еще там был глаз.

Не человеческий глаз, не то подобие глаза, которым на нее смотрела «Невеста ветра», – и вообще само слово «глаз» казалось слишком простым и приземленным для сущности, что случайно или умышленно открылась ей. Круг спокойствия в самом центре бури; пятно чистой воды посреди серебристой рыбьей стаи; дыра в ткани сердце-сути. Пустота. Эсме почувствовала взгляд этой пустоты – взгляд, растворивший океан мыслеобразов, как вода растворяет соль, – и ее охватило удивительное спокойствие.

Бездействие. Безмыслие. Беспредельность.

Чья-то рука коснулась ее лица – и пришла тьма.

Проснувшись, она все забыла, хотя [сундук] так и остался закрытым.

– Шевелитесь, медузы дети!

Фрегат, окруженный густым туманом, чем-то напоминал растрепанную девицу, которая ранним утром вышла на балкон, завернувшись в одеяло. Эсме лишь теперь начала понимать, зачем нужны все эти веревки, блоки и прочая замысловатая упряжь: живой корабль, представленный самому себе, выглядел слишком своенравно. Не хотелось верить, что «Невеста ветра» и впрямь может рвануть куда глаза глядят, отказавшись повиноваться навигатору. Но хлопанье парусов, дрожание реев и раздраженные волны, то и дело пробегавшие по ее шкуре, маскирующейся под доски палубы и обшивку, подсказывали – может. Очень даже может.

Стоит ей только захотеть.

Впрочем, пока что это желание плавало где-то в темных глубинах, вяло шевеля плавниками. «Невеста ветра» с величественной небрежностью позволяла матросам приводить себя в порядок, одевать, умывать и причесывать. За работой подчиненных, лениво их поругивая, наблюдал Умберто. Мастер-корабел что-то важное делал в трюме – что, Эсме не объяснили, – а Крейна с утра еще никто не видел.

Целительница прислушивалась к чужим разговорам, лишь раз отметив про себя, что раньше мыслеобразы говорили ей больше, чем слова. Это было странно, однако она стремительно привыкала к новым правилам игры. И так, слова: их занесло далеко от того места, где начался шторм; матросы пытались угадать, куда именно, однако делали это скорее ради забавы. Еще до того, как она вышла на палубу, в тумане промелькнули темные очертания какого-то острова, и крылан отправился на разведку. Он не боялся заблудиться, поскольку «Невеста ветра» наделяла каждого члена команды особым чувством направления, позволявшим всегда отыскивать дорогу домой.

– Поберегись!

Джа-Джинни мог приземляться легко и изящно, однако ему, похоже, доставляло удовольствие обрушиваться на палубу камнем, угрожая сбить с ног или даже скинуть за борт какого-нибудь бедолагу. Эсме уже успела заметить, что долгие часы в воздухе не утомляли крылана – наоборот, они будто прибавляли ему сил.

Он еще не успел выпрямиться и сложить крылья, как появился Крейн в наброшенной на плечи длиннополой куртке. Увидев капитана, Джа-Джинни расплылся в улыбке:

– Кристобаль! У меня для тебя новость!

– Если новость заключается в том, что течение, кракен бы его побрал, вынесло нас к острову Алетейя, то никакая это не новость, – раздраженно пробурчал магус и зевнул. – Я давно здесь не был и не сразу понял, где мы находимся. Вот угораздило! Отсюда до Ламара мерр знает сколько...

– На берегу меня ждали, – перебил крылан. – Твоя знакомая... как же ее... Водяная ведьма? Смотрящая-в-воду? Бегущая-по...

– Говорящая-с-волнами, – сказал Крейн. Что-то в его голосе вынудило Джа-Джинни перестать дурачиться и примирительно вскинуть руки. – Что с ней случилось?

– Да ничего не случилось. Просто она хочет встретиться и послала рыбаков, чтобы они тебя поторопили.

– И все?

Крылан пожал плечами:

– А что ты хотел услышать? Со мной-то волны не говорят.

За бортом «Невесты ветра» что-то зашумело, забурила вода. Эсме глянула туда и увидела маленькую верткую лодку, танцующую на волнах.

– Не желаете ли прокатиться? – прозвучало над ухом. Крейн стоял, ухватившись рукой за трос, другим концом привязанный к мачте. – Этот остров – одно из самых красивых мест, где мне только довелось побывать, а бывал я почти всюду.

– Я даже не знаю... – начала Эсме, как вдруг магус обхватил ее свободной рукой за талию, и в мгновение ока они оказались в лодке. Целительница зажмурилась, а когда она осмелилась открыть глаза, «Невеста ветра» стала тенью в тумане и где-то далеко угасали отзвуки смеха. Магус сидел на корме маленького суденышка и ухмылялся. Эсме вцепилась обеими руками в борта и мысленно пожелала ему провалиться на самое дно океана.

Впрочем, вскоре она перестала бояться, и причиной тому была лодка.

Это существо в большей степени напоминало рыбу, чем корабль, пусть и маленький: под теплой темно-коричневой шкурой с едва заметными черными пятнами без труда прощупывались кости – или что там заменяло фрегату скелет? Целительское чутье Эсме подтверждало то, что подсказывали ей обычные человеческие чувства: оно живое, живое, живое... и доброе.

Ни малейшего намека на подозрительность и сдержанную силу «Невесты ветра». Искрящаяся золотом сеть – равномерная, без плотных узлов. Тепло, свет, спокойствие.

– Ни мачты, ни парусов, – тихонько проговорила Эсме. – Как же мы движемся?

Магус пожал плечами и ответил с несколько наигранным равнодушием:

– Большинство морских тварей довольствуются плавниками.

Плавники у лодки присутствовали, и она ими усердно работала, однако Эсме сомневалась, что весь секрет в этом. Слишком уж быстро создание шло – почти летело – по направлению к острову, который вызывал у капитана Крейна довольно-таки сильное беспокойство.

Что-то происходит, подумала Эсме. Что-то вот-вот произойдет.

– Она еще неразумна, – вдруг сказал Крейн, явно желая отвлечься от неприятных мыслей, и похлопал ладонью по шкуре лодки. – И ни к кому не привязана. Они сами приходят к ~Невесте~, на время делаются ее частями, потом уходят. Иногда я вспоминаю, что никто из людей и магусов не знает, как фрегаты появляются на свет и почему становятся кархадонами в конце своей жизни... первой жизни? Может, кархадоны превращаются в кого-нибудь еще, если не погибают раньше назначенного срока? Легенды противоречат друг другу, чуть ли не на каждом острове рассказывают что-то свое. На свете нет большей загадки, чем эти создания.

– А как же мерры и Меррская мать? – спросила Эсме.

– Мерры... – повторил магус и покачал головой. – Я их видел. Они другие. Они как соль и ветер, как медузы и кракены – они принадлежат Океану. А вот фрегаты, хоть и живут в нем, все-таки умудряются многое от него прятать. Уж я-то знаю.

– Выходит, кое-что они прячут и от навигаторов?

Крейн кивнул:

– Да, верно. Я знаю, как устроена ~Невеста ветра~, я чувствую ее эмоции, но не могу разговаривать с ней так, как разговариваю сейчас с вами. Иногда мы ссоримся, потому что не понимаем друг друга. Почему она именно такая, какая есть, мне неизвестно. Однажды я пытался... – Он осекся и махнул рукой. – Нет, не будем об этом. Некоторые истории лучше не вспоминать. В общем, я столь же невежественен во всем, что касается рождения и смерти фрегатов, как и любой сухопутный шебаршила.

– Жаль, – сказала Эсме. – У меня было много вопросов.

– Например? – Крейн многозначительно вскинул бровь.

– Например, я хотела бы знать, все ли фрегаты воспринимаются как... э-э... существа женского пола.

Магус негромко рассмеялся:

– Те живые корабли, с которыми я имел дело, были, вне всяких сомнений, дамами. Но мне известно от людей, заслуживающих доверия, что фрегат, у которого навигатор – женщина, ощущается иначе. Для стороннего наблюдателя отличия незаметны, однако мореходы воспринимают их интуитивно, благодаря своему особому чутью... но, повторяю, сам я никогда не встречал ни навигаторов-женщин, ни их фрегатов.

– Получается, пол фрегата зависит от пола навигатора?

– Понятия не имею, – признался Крейн – искренне, как показалось целительнице. – Чтобы ответить на этот вопрос, следовало бы для начала узнать, какого пола, к примеру, эта лодка. Но такие вещи интересуют только воронов.

«Выходит, сам-то он не ворон, – подумала Эсме и почувствовала, что краснеет. До сих пор она не пыталась всерьез разобраться, к какому из небесных семейств принадлежит этот скрытный моряк, и даже не осознавала, что ей это интересно. – Тогда кто? Не чайка, не скопа, не жаворонок и уж точно не соловей... Ласточка? Орел? Нет-нет, только не орел. Кто же вы, капитан Крейн?»

– Как долго живут фрегаты?

– По-разному, – сказал Крейн. – Я слышал о таких, что прожили больше четырех-пяти веков, меняя навигаторов-людей одного за другим. Но большинство навсегда уходят в море лет через сто, а то и раньше, – после смерти второго или третьего навигатора-человека. Некоторые погибают, разорванные на части кракенами, или бесследно исчезают вместе со всей командой.

– Если навигатор умирает, фрегат выбирает нового?

– Да. Обычно им становится кто-нибудь из команды. Ну а если кандидат в навигаторы вдруг объявится еще при жизни старого... такое иногда случается... это предвещает большие неприятности для всех.

Его лицо как-то вдруг посуровело, и Эсме, вздрогнув, отвернулась. Она вспомнила, что находится рядом с пиратом. Хорошее настроение исчезло без следа, а в голове вновь завертелись неприятные мысли.

Проснулась боль в затылке.

[Спроси его, как поступают с бунтарями. Спроси, как морские разбойники избавляются от пленников – слишком бедных, слишком опасных, никому не нужных. Спроси! Он ведь еще о многом тебе не рассказал...]

Остаток пути они проделали в молчании.

Когда лодка остановилась на мелководье, магус выскочил за борт, без труда поднял целительницу на руки, словно куклу, и перенес на горячий песок.

Берег вокруг них оказался совершенно пустым.

– Что-то я не вижу рыбаков, о которых говорил Джа-Джинни, – ворчливо заметил Крейн, оглядевшись по сторонам. – Придется прогуляться до деревни самому. Если хотите, подождите меня здесь – остров совершенно безопасен.

– Нет, я с вами, – быстро сказала Эсме. От мысли, что магус ее тут бросит, целительница покрылась холодным потом. – Расскажите, что это за место? И кто такая Говорящая с... морем?

– С~волнами, – поправил Крейн. – Если точнее, с водой. Что ж, полагаю, вас это и впрямь может заинтересовать.

Высоко над их головами ветви сплетались в плотную крышу, и поэтому вокруг царил зеленоватый полумрак. Босые ноги Эсме ступали по ковру из трав, восхитительно прохладному после горячего песка. Толстые змеевидные лианы, опутавшие ствол ближайшего дерева, усеивали бледно-сиреневые цветы, которые вдруг зашевелились и взмыли в воздух, обернувшись роем мотыльков. Лес был тих и спокоен, однако внутри у Эсме все кипело и бурлило, потому что она никак не могла поверить в то, что рассказал ей Крейн.

– Водогляды, – терпеливо повторил магус не то в четвертый раз, не то в пятый. – Легенды твердят, они всем заправляли еще задолго до пришествия Основателей. Те, что послабее, просто предсказывали погоду и приманивали рыбу, помогая сородичам добывать пропитание. Но были и другие, наделенные по-настоящему страшной силой: они могли вызывать шторма или успокаивать волнение на море, просто коснувшись воды. И еще много чего могли.

Эсме растерянно покачала головой:

– Почему я об этом совсем ничего не знаю? Почему о них даже в сказках ничего нет?

– Есть, – с печальной улыбкой возразил Крейн. – В сказках, которые мне доводилось слышать на Окраине, водогляды встречаются нередко. Но чем дальше от меррских морей, тем меньше о них знают, тем меньше в них верят. Словно кто-то намеренно стирает их из людской памяти.

– Людской? – повторила целительница. – А магусы...

– Магусы о них помнят лучше, хотя предпочли бы забыть совсем. Мы были непримиримыми врагами во времена Основателей, мы воевали, мой народ победил... и жестоко отомстил непокорным. Те немногие, кому удалось выжить, спрятались. Их потомки прячутся до сих пор

– в таких местах, как этот остров, жалкий клочок земли на самом краю обитаемого мира, не нужный ни людям, ни магусам, ни меррам. И живут они здесь, как...

Что-то прощуршало в листве, и из чащи на Эсме уставились две пары оранжевых глаз с вертикальными зрачками. Она подпрыгнула от страха, а магус рассмеялся и тихонько свистнул. Из зарослей ему ответили таким же свистом.

– Не надо бояться. – Крейн улыбался. – Настоящая опасность не сверкает глазами из тьмы, она подкрадывается незаметно и хватает за... пятку. А это всего лишь ларимы. Жаль, они не вышли на свет – очень милые пушистые создания.

После его слов Эсме и сама почувствовала, что глазастые наблюдатели настроены дружелюбно и их сдает любопытство – не так уж часто в этих краях появляются чужаки. Магус и целительница двинулись дальше. Когда шарф Эсме зацепился за низкую ветку, Крейн аккуратно высвободил тонкую ткань и вдруг поинтересовался:

– Давно хотел спросить – откуда у вас эта вещица?

Эсме почему-то стало не по себе.

– Он достался мне в наследство.

– Правда? – удивился Крейн. – Вероятно, от матери.

– Да! – ответила девушка немного раздраженно, хотя на самом деле понятия не имела, прав ли он. – А почему вы спрашиваете?

– Просто так... – Магус пожал плечами. – Он точь-в-точь такого же цвета, как паруса ~Невесты~. Забавное совпадение, не находите? – Да, подобное трудно было не заметить. Эсме вдруг показалось, что Крейн чего-то ждет. После недолгой паузы он продолжил все тем же небрежным тоном: – Если я не ошибаюсь, это нисский шелк, очень редкий и безумно дорогой. Секрет его изготовления давно утрачен. Не удивлюсь, если вашему шарфу больше трехсот лет... – Он вздохнул и, выдержав недолгую паузу, возобновил рассказ, прерванный из-за ларимов: – Так вот, о чем это я? О том, как тут живут. Здесь обитатели ловят рыбу и бездельничают – а чем еще заниматься в Эльгиных садах? Теперь их осталось совсем мало – слишком долго не было притока свежей крови, здоровых детей рождалось с каждым годом все меньше и меньше. На острове три рыбацкие деревни – было три, по крайней мере, – ими управляют избранные на общем собрании старосты, но наибольшей властью обладает Говорящая-с-волнами. Вот к ней-то мы и направляемся. – Он чуть помедлил. – И скоро будем на месте.

Туннель в зарослях сделался шире, и они вышли на небольшую поляну, окруженную необыкновенно высокими и толстыми деревьями – самое тонкое из них едва ли смогли бы обхватить двое длинноруких гроганов. Эсме запрокинула голову: где-то далеко виднелся клочок ослепительно синего неба с вольно парящими чайками.

И впрямь похоже на рай.

– Да, здесь очень...

Что-то пребольно укололо ее чуть выше правой пятки. Привыкшая ходить босиком, целительница нередко резала ноги осколками раковин, но в этот раз ощущение было совсем другим: острая боль почти сразу сменилась холодом, словно к ране приложили кусок льда.

Взглянув вниз, она увидела пеструю тонкую ленту, скрывшуюся в траве.

Стало темно.

[Ей холодно, ей так холодно. Непослушные руки и ноги превратились в ледышки, лицо онемело, горло свело судорогой, и даже дышать дается с трудом. В открытое окно льется солнечный свет, и вроде бы снаружи совсем не зима. Что же с ней такое? И где она? Ведь это не ее комната...]

С шумом распахивается дверь, вбегает какой-то человек. Она его не знает. Лет сорока на вид, с копной густых волос, наполовину седых. Лицо очень усталое, под глазами круги. В глазах – страх. Неужели он так испуган из-за нее?

– Эсме, что ты натворила?!

«Эсме». Она с трудом находит в себе силы улыбнуться. Имя кажется приятным, словно теплое одеяло, в которое можно завернуться, если тебе холодно. И тогда в твое тело постепенно вернется жизнь, ты снова станешь собой.

Или не станешь – ведь ты сделала что-то нехорошее, что-то страшное, и как раньше уже не будет.

У незнакомца блестят глаза.

– Кто вы такой? – Язык еле-еле ворочается во рту, каждое слово надо выталкивать, выплевывать. – Где я?

– Меня зовут Велин, – говорит он. – Ты... дома.]

Большой рыжий муравей взобрался на высокий стебелек и, очутившись на верхушке, сверзился вниз. Ощупал усиками ствол и опять принялся штурмовать вершину. Лежать в высокой траве было приятно. Где-то в вышине слышалось мелодичное щебетание. Эсме оно показалось восхитительным: в мире, кроме портовых чаек, есть и другие птицы, в мире есть птицы, которые умеют петь! Она вдруг поняла, что ей отчаянно хочется объездить все Десять тысяч островов и, останавливаясь на каждом хотя бы на день, слушать птичье пение. Это будет нетрудно – при условии, что сегодня она не умрет.

– Не дергайся.

Крейн сплюнул кровь и снова припал ртом к ее щиколотке. Пальцы магуса сжимали ее ногу так крепко, что, казалось, вот-вот проткнут плоть и достанут до кости – не пальцы, а железные клещи. Вверх от раны растекалась боль – но вялая, совсем не страшная.

– Рану полагается прижечь... – пробормотала Эсме. – Надо быстрее в поселок...

– Я не люблю оставлять на потом то, что можно сделать сразу, – отозвался Крейн с хмурым видом. – Шторм иной раз подбрасывает нам сюрпризы в самый неожиданный момент.

Она с трудом нашла в себе силы кивнуть. «И что же вы будете делать, капитан?..»

Магус на мгновение замер, потом произнес с иронией:

– Никогда бы не подумал, что целители не могут лечить самих себя.

Девушка покачала головой:

– Вы, магусы, направляете силу на то, чтобы совершенствовать собственные тела. Мы же совершенствуем... исправляем... улучшаем чужие. Излечить свое тело для целителя так же просто, как заглянуть внутрь собственного черепа или укусить себя за локоть.

– Некоторые так могут. – Крейн сбросил куртку. – Я о локте.

Ему понадобилась секунда, чтобы снять рубашку, и еще одна – чтобы оторвать от нее длинный лоскут. Эсме даже не заметила, как мелькнули его руки. Смысл происходящего оставался для нее в тайне, но потом железные пальцы магуса вновь стиснули ее щиколотку, и Крейн сказал:

– Будет больно.

Пальцы его свободной правой руки изогнулись, между ними мелькнула искра. Миг – и она разрослась, превратилась в сияющий огонек размером чуть больше вишневой косточки. Эсме зажмурилась и стиснула зубы.

Вот и ответ на один из ее вопросов...

Когда все закончилось, она пробормотала:

– Почему «Крейн»? – От пульсирующей боли перехватывало дыхание. – Кристоаль Фейра... звучит красивее.

– Семейства Фейра нет на свете уже сорок лет, – ровным голосом произнес пират. – Не надо тревожить мертвых.

– Не надо, – согласилась Эсме и осторожно приоткрыла глаза.

Магус на нее не смотрел, его лицо было мрачным и... чужим. Сейчас никто бы не усомнился, что капитан «Невесты ветра» из детей неба, а не земли. Целительница ощутила, как подступает волна паники, – такие секреты не доверяют тем, кому суждено долго жить, – но Крейн-Фейра, вновь сделавшись похожим на себя прежнего, умело перевязал ей ногу лоскутом от своей рубашки, а потом встал и подобрал с земли куртку. Хотя оделся магус быстро, Эсме все-таки успела разглядеть на его спине татуировку: две танцующие птицы, два феникса с черно-красным оперением.

События приняли странный оборот...

– Нам пора. – Он поднял Эсме на руки. – Говорящая-с-волнами не любит ждать.

Там, куда вскоре принес ее магус, росли все те же высокие деревья и лепились друг к другу небольшие хижины с тростниковыми крышами. У ствола громадного дерева, чья крона простиралась, кажется, до самого горизонта, располагалась хижина, выглядевшая внушительнее остальных, – наверное, в ней и жила Говорящая-с-волнами.

Но вокруг не было ни одной живой души.

Кристобаль Крейн – или теперь его стоило называть Фейрой? – настороженно оглядывался по сторонам, все еще держа Эсме на руках. Даже ее целительское чутье не могло подсказать, что происходит, но хватало обычной интуиции, чтобы встревожиться. Она моргнула несколько раз, однако в голове, одурманенной змеиным ядом, по-прежнему клубился туман. И в этом тумане появилась тень, превратившаяся в высокого человека, одетого в черное.

– Приветствую тебя, Кристобаль!

Незнакомец производил очень странное впечатление: он казался крепким и сильным, но вместе с тем очень старым, даже старше Эрдана. Его лицо, от возраста покрывшееся пятнами, избороздили многочисленные морщины, редкие волосы были белее снега. Эсме посмотрела на него и поймала мыслеобраз: древняя сосна на самом краю обрыва, способная выдержать любой шторм, держась за жизнь при помощи одного-единственного корня. Таким он себя видел. Еще его волевое лицо с прозрачными, льдисто-голубыми глазами чем-то напоминало морду кархадона. Вероятно, он был столь же стремителен и безжалостен. Но больше всего удивило Эсме то, что она его *узнала*.

Неведомый имперский художник изобразил Звездочета вполне правдоподобно.

– Что за совпадение! – Зубы у старого пирата были ровными и белыми. – Я заглянул к нашей общей знакомой, чтобы поговорить с ней об одной старой-престарой легенде, – и вдруг ты тоже оказался здесь. Правда, я узнал все, что хотел, и уже собирался уходить. Что же мне теперь делать? Может, взять тебя с собой? Тебя и эту милую девушку, чтобы вы погостили у меня какое-то время...

– Не советую, – ровным голосом произнес Крейн-Фейра, аккуратно опуская Эсме на землю. Целительница с трудом удержалась, чтобы не вскрикнуть, наступив на раненую ногу, и Звездочет тут же устремил на нее холодный взгляд. – Я, знаешь ли, дурно воспитан и не умею вести себя в гостях.

Звездочет хмыкнул:

– Я в курсе. Ты приходишь и уходишь, когда тебе в голову взбредет, и никакие замки и стены тебя не могут удержать. Ну, хорошо, Кристобаль. Последняя наша встреча получилась немного странной – ты мог бы воспользоваться моментом, когда кракен напал на мой корабль, но не стал, и даже в какой-то степени помог, засадив гарпун твари прямо в бок. Я чувствую себя твоим должником, и мне это не нравится. Вот что мы сделаем: в прошлый раз ты меня не убил, и сегодня я поступлю так же. Но если наши пути снова пересекутся...

Он замолчал, глядя на Крейна. Тот кивнул:

– Я все понял. Весьма любезно с твоей стороны. Может, прикажешь своим людям не держать меня под прицелом? Это раздражает.

Эсме огляделась и словно прозрела. Дрогнула ветка, шевельнулась дверь, промелькнула тень за ветхой занавеской. С чего они взяли, что в поселке никого нет? Правда, те, кто целился в них с капитаном из укрытий, явно не были рыбаками.

– Есть еще кое-что, – сказал Звездочет своим до жути спокойным голосом. – Еще один человек хочет с тобой рассчитаться. Он тебе должен... хм... если я не ошибаюсь, два сломанных ребра, одну сломанную ногу и один разбитый нос. И еще несколько ушибов, ну это так, мелочь.

Словно по незаметному сигналу, рядом со стариком возникло новое действующее лицо – худощавый мужчина с заряженным арбалетом в руках. Нижнюю часть его лица скрывал черный платок или шарф, так что были видны только глаза.

И смотрели они с ненавистью.

– А-а, Змееныш, – Магус криво улыбнулся. – Как нога?

– Срослась, слава Зас-с-ступнице.

Голос Змееныша – тихий свистящий шепот – вполне соответствовал прозвищу. Он отложил оружие и приблизился, хромая. Стало заметно, что он молод, немногим старше Эсме. Она прислушалась к своему целительскому чутью: этот странный человек постоянно испытывал сильную боль, только вот она никак не была связана с недавно залеченными переломами, хотя те и ощущались достаточно отчетливо. Болезнь? Эсме не знала. В этом незнакомце было что-то неправильное.

Змееныш замахнулся и рукой в перчатке ударил Крейна по лицу. Раздался отвратительный хруст. Магус даже не попытался заслониться или увернуться от удара. А потом, вытирая кровь с лица, хрипло проговорил всего одно слово:

– Доволен?

В груди Змееныша что-то заклокотало, и его новый удар опрокинул Крейна на землю. Эсме рванулась вперед, и люди с арбалетами один за другим стали выходить из укрытий. Они целились теперь не в Крейна, а в нее.

– Не переживайте, сударыня, – сказал Звездочет. – Это просто встреча двух старых друзей.

Змееныш одарил ее взглядом, полным безумной ненависти. Крейн неторопливо поднялся и сплюнул кровь. На Эсме он даже не посмотрел. Она спрятала лицо в ладонях, не в силах больше видеть его унижения. Ситуация была безвыходная, никто не мог им помочь, и она ничего, ничего не могла сделать...

Или могла?

Змееныш не стоял на месте и временами подходил к ней достаточно близко, хотя и не на три шага. Но теперь-то она доподлинно знала, что старое доброе правило работает не всегда – для фрегатов, к примеру, оно не годится, а уж на борту «Невесты ветра» и вовсе действуют особые законы. Не означает ли это, что имеются и другие исключения? Во всяком случае, она не сомневалась, что мыслеобразы могут двигаться в обе стороны.

Не вполне отдавая себе отчет в том, что делает, Эсме закрыла глаза и принялась собирать все, что скопилось в ее памяти за минувшие несколько дней и пока не было отправлено в [сундук]: всю боль искалеченных «Морской звездой» гроганов, всю кровь, вытекшую из горла Кузнечика... Напоследок она добавила отвратительную картинку, которую ей послала чайка в то утро, когда целительница еще не знала, что вечером покинет Тейравен.

Все собранное она отправила Змеенышу.

В тот момент, когда ее удар достиг цели, произошло нечто странное: один из ее собственных мыслеобразов – шальная рыбка с черными пятнами – рванулся следом за комом боли и страданий. Она даже не успела осознать, что теряет какое-то воспоминание. Мыслеобразы вошли в сознание Змееныша. Он замер.

Потом покачнулся.

И упал, схватившись руками за голову.

Его крик был тяжелым, страшным, мало похожим на человеческий. Эсме такого не ожидала – она хотела оглушить нападавшего, возможно, испугать, но не сразить наповал. Он явно видел вещи и пострашнее. Так что же с ним произошло?..

Крейн поднялся, с трудом разогнувшись, и посмотрел на нее – выражение лица, испачканного кровью и грязью, разобрать было трудно, хотя она и так понимала, что капитан сильно удивлен случившимся. А Звездочет казался по-прежнему бесстрастным, словно все шло именно так, как он задумал. Он щелкнул пальцами, и два дюжих матроса, подхватив Змеша под руки, поволокли его прочь.

Старый пират повернулся к Эсме и Крейну:

– Сегодня Заступница преподала мне урок. Теперь я знаю, что целительский дар тоже может быть оружием. Надеюсь, Кристоаль, свой урок ты тоже усвоил... и в следующий раз, напоминаю, я уже не буду у тебя в долгу. – Он

посмотрел на девушку и поклонился ей: – Рад знакомству. До новой встречи, сударыня.

В хижине Говорящей-с-волнами было темно и пахло сушеными травами. Эсме впопыхах споткнулась обо что-то мягкое и пушистое, и оно с диким воплем рванулось из-под ног. На лежанке в дальнем углу под ворохом ветхих одеял виднелось тело женщины, и сначала Эсме решила, что после *разговора* со Звездочетом та отправилась к Великому Шторму. Но она ошиблась. Вокруг лежавшей еще витали мыслиеобразы, а ее голос был слышен, хотя и казался негромким, словно шелест опадающей листвы.

– Крис-с-стобаль...

– Тише, – магус опустился на колени у постели умирающей. – Молчи, тебе надо беречь силы...

– Дурачок... – На лице, больше напоминающем череп, обтянутый желтой кожей, появилась улыбка. – Для чего беречь? Я и так прожила столько, что хватило бы на троих смертных... Они ушли?

Магус кивнул. Он выглядел растерянным.

– Теперь слушай м-м-меня... – сказала Говорящая-с-волнами, старательно произнося каждое слово. – Звездочет забрал мою карту, но ты должен... отнять ее... и отыскать то, что на ней... так сказал Великий Шторм...

– О чем ты? Что за карта?

– Как же ты мог забыть? – Женщина закашлялась, и Эсме положила ей руку на грудь, готовая передать часть своих сил. Говорящая-с-волнами перевела на нее мутный взгляд: – Не стоит, дитя. Моя болезнь называется старостью... от нее нет лекарства. Кристоаль... вспомни... прошу тебя, вспомни...

Крейн наклонился, длинные волосы упали ему на лицо.

– Та самая *карта*, ну конечно. Я вспомнил.

– Там Она... – Умирающая ненадолго замолчала. – Нельзя, чтобы Звездочет нашел Ее первым, он всех нас погубит... – Она снова закашлялась. Эсме все-таки попробовала проскользнуть в сердце-суть – и тотчас же ее отбросило прочь.

Там, внутри, было *холодно*.

– Я все понял, – проговорил Крейн. – Ты считаешь, что момент настал.

Умирающая моргнула – это должно было означать согласие. Чтобы расслышать ее последние слова, им пришлось наклониться.

– Великий Шторм... сказал... что вы двое придете... теперь я... спокойна...

Постепенно рыбаки возвращались из потайных убежищ, собирались возле хижины Говорящей-с-волнами. Никто не вымолвил ни слова, никто не поднял глаз: им было стыдно, что в последнюю минуту рядом с ней оказались чужеземцы.

Магус сидел поодаль на поваленном дереве – неподвижный и суровый, погруженный в раздумья. Эсме, хромя, подошла и устроилась рядом.

– Повернись.

– Не надо, – глухо возразил он. – Ты и так уже много сил потратила. Не умру.

– Мне кажется, капитану не стоит появляться перед матросами с разбитой физиономией, – сказала Эсме и, не удержавшись, прибавила: – Особенно если он побывал на острове, где *совершенно безопасно*. Повернись сейчас же, не заставляй меня вставать – нога и так болит.

Он послушно повернул к ней лицо, превратившееся в сплошной кровоподтек: правый глаз едва открывался, левый заплыл совсем, а на нос и вовсе смотреть было страшно. И все же это выглядело сущими пустяками в сравнении с тем, что ей пришлось восстанавливать в прошлый раз.

– Я снова оказалась не в том месте и не вовремя. – Эсме провела раскрытой ладонью над его правым глазом – полилось золотистое сияние, отек начал спадать. – Наверное, не нужно ни о чем спрашивать... Да только я умираю от любопытства. Что за *карту* забрал Звездочет? Что вообще здесь произошло?

– Это началось много лет назад. – Магус притронулся к скуле кончиками пальцев. – Говорящая-с-волнами как-то обмолвилась, что испокон веков ее род хранит... сведения о некоем сокровище, которое изменит мир. Меня одолело любопытство, и после долгих расспросов ей пришлось все рассказать. По ее словам, когда-то давным-давно здешнему племени доверили карту, на которой обозначены три места, где спрятаны части некоего древнего механизма, позволяющего найти дорогу к... хм... одной очень интересной вещи. Настолько интересной, что я не поверил ни единому слову Говорящей, высмеял ее рассказ, и мы надолго разругались. Она сказала: «Время еще не пришло, да ты к тому же слишком мал – иди-ка повзрослей!»

– И что было дальше?

– Ничего. Я ушел. Потом несколько раз возвращался, но о карте мы не говорили. – Крейн тяжело вздохнул. – Я идиот. Надо было хоть краем глаза посмотреть на то, чему она придавала столь большое значение.

– Я все равно не понимаю, о какой *вещи* идет речь, – призналась Эсме.

Магус вскинул бровь, удивляясь ее недогадливости:

– О *корабле*.

– О каком корабле? – растерянно спросила девушка. – О Белом Фрегате? Или... – Она вздрогнула. – Об «Утренней звезде»? Но это же... невозможно.

Крейн покачал головой:

– Честно говоря, я пока что не знаю, возможно такое или нет. Но если поверить на мгновение, что моя старая наставница всю свою недолгую, по меркам магусов, жизнь хранила самый главный секрет небесных детей, а до нее этот же секрет был известен кому-то еще, но только не цаплям, воронам или даже фениксам, то вся история превращается в дурную шутку Великого Шторма. Проклятье, и что мне стоило опередить Звездочета хотя бы на четверть часа?

Звездочет. Подумать только, она его встретила – и осталась жива.

– Кто бы сказал мне десять дней назад, что я вскоре увижу сразу двух самых знаменитых пиратов Десяти тысяч островов... – негромко заметила Эсме.

– Есть еще Лайра Отчаянный, король Окраины, – сообщил магус. – Он не менее знаменит, и я мог бы тебя с ним познакомить.

– Да неужели? – Эсме коснулась сломанного носа Крейна. – Теперь моя очередь предупредить – будет больно.

Магус застыл словно изваяние, а потом снова ощупал лицо кончиками пальцев, убеждаясь, что все в порядке. Эсме отвернулась, пряча улыбку.

– Змееныш, – пробормотал Крейн. – Вот ведь маленький ублюдок...

– Кто такой этот Змееныш? – не сдержалась Эсме.

Какая разница, сколько секретов ей потом придется забыть.

– Что-то вроде ручного зверя Звездочета. Немного сумасшедший, как и вся команда. Говорят, он родом с каких-то дальних восточных островов, где поклоняются змеям, и у него все тело покрыто изображениями этих тварей... но это слухи. А факты таковы, что он не любит меня, хотя я не причинил ему никакого зла. Настоящая загадка! Стоит нам повстречаться, он бросается в драку, и в последний раз... гм... мне пришлось научить его уму-разуму.

– А-а... – разочарованно протянула Эсме, убедившись, что Крейн то ли ничего больше не знает о Змееныше, то ли просто не хочет рассказывать. Накатила усталость: змея, Звездочет и его головорезы, исцеление Крейна – все это не прошло бесследно. – Я вот что хотела спросить: как Джа-Джинни умудрился проморгать целый фрегат?

Магус скривился:

– Туман! Впрочем... какая разница?

Он устремил на нее пристальный взгляд, и Эсме поняла, что пора покончить с недосказанностью. Она негромко спросила:

– Теперь все закончится, да?

– Это зависит от тебя, – так же тихо ответил Крейн. – Тебе решать.

– Ты ни разу не сказал вслух, чего хочешь, – упрекнула она и не удивилась, когда магус упрямо поджал губы и тряхнул головой, словно возражая: «Я сказал достаточно». – Ну ладно... И чем, по-твоему, меня должна привлечь жизнь на не таком уж большом корабле, который наделен разумом и поэтому окружен мыслеобразами, способными проникать в мое сознание?

– Если ты еще не заметила, – сказал Крейн, – мыслеобразы ~Невесты~ обходят тебя стороной, равно как и мыслеобразы всей команды. Думаю, во всем мире не сыскать другого места, где ты будешь чувствовать себя так спокойно.

Эсме уставилась на него, не скрывая растерянности. Как же она раньше этого не поняла? Действительно, после того, что случилось с Кузнечиком, присутствие фрегата в ее сознании сделалось ненавязчивым – «Невеста ветра» все время находилась где-то рядом, но не мешала. И было еще кое-что, о чем Крейн не знал и не мог узнать: невнятный голос, то и дело звучавший в ее голове, затих.

Она хотела спокойствия? Ей предлагали спокойствие.

– Сорок пять мужчин, – сказала целительница, краснея. – И одна девушка.

Магус даже не улыбнулся.

– Тебя никто не тронет.

– Потому что я для них богиня, Светлая Заступница?

– Потому что я даю тебе слово Пламенного Феникса. Конечно, нашу жизнь нельзя назвать безопасной, но одно обещаю твердо: у тебя будут сорок пять... защитников? Друзей? Братьев? Как хочешь, так и называй. До сих пор между ними и Великим Штормом были только мы с ~Невестой~, но есть вещи, которые нам не по силам. Зато они по силам тебе. И это всем известно.

Эсме покачала головой. У нее не осталось слов, но она все еще не могла принять окончательного решения. Крейн тоже это понял и поднял руки, всем своим видом показывая, что не собирается на нее давить.

– Поговорим в Ламаре, – сказал он. – Там, надеюсь, ты сможешь определиться.

Эсме кивнула.

Прежде чем уйти, они еще раз заглянули в хижину Говорящей-с-волнами, и Эсме вдруг увидела, что на груди умершей сидит пушистый зверек с остроносой мордочкой, большими

оранжевыми глазами и длинным хвостом. Встретившись с ней взглядом, он издал мелодичную трель и в два прыжка оказался на плече у целительницы.

Да так и не слез.

До Ламара они добирались семь дней. Поначалу Эсме чувствовала сомнения феникса: он разрывался между желанием немедленно броситься в погоню за Звездочетом и данным ей словом. Какое-то время ей казалось, что магус найдет способ поступить так, как ему хочется, однако он все-таки сумел справиться с нетерпением.

– Отыскать старого пирата будет нетрудно, – объяснил ей Умберто. Как и все остальные ближайшие друзья и помощники капитана, он узнал всю правду о случившемся уже через несколько часов после возвращения Эсме и Крейна-Фейры с острова. – Нужные места, нужные люди... И, в конце концов, надо определиться, нужно ли его вообще искать!

Ответ на этот вопрос был очевиден, однако ее совершенно не касался.

Она сойдет на берег в Ламаре.

Так или иначе, семи дней хватило, чтобы еще больше сблизиться с «Невестой ветра». Она узнавала фрегат и его команду все лучше и лучше – спокойно, без суеты и спешки, без опасений за чью-либо жизнь. Теперь ей были известны имена всех матросов. Она даже начала постепенно узнавать истории, что привели их на борт фрегата с зелеными парусами, и многих успела избавить от боли, оставшейся на память после ранений, о которых вовремя не позаботился целитель. Сил для этого потребовалось совсем немного. Она исподволь наблюдала за капитаном, даже в мыслях предпочитая называть его вымышленным именем, поскольку от настоящего бросало в дрожь. И научилась отличать периодически находившую на него задумчивость от тех моментов, когда сознание навигатора полностью растворялось в сознании фрегата. Он мог двигаться, что-то делать, вести вполне осмысленный разговор, но при этом его разноцветные глаза тускнели и становились похожими на окна дома, где никто не живет.

Эсме спрашивала себя, кто на самом деле *смотрит* на нее, когда воздух становится плотным, ноют кости и гудит от боли голова, – спрашивала и не находила ответа. Все было слишком сложно.

Она сойдет на берег в Ламаре, да-да.

«...У вас вся жизнь впереди, и не стоит связывать ее с бандой отщепенцев...»

Остров показался на горизонте рано утром, и Эсме тотчас же проснулась. Не выходя из каюты, она видела высокие башни, узкие улочки, шумную пристань – видела город, в котором никогда не бывала, глазами фрегата.

– Чем скорее мы расстанемся, тем лучше, – произнесла целительница вслух.

От звука ее голоса проснулся ларим. Потянулся, встряхнулся – каждая шерстинка на шкуре встала дыбом – и прыгнул на плечо Эсме, которую с того самого памятного дня безоговорочно признавал за хозяйку. Остальных, включая и капитана, он уважал, но не более того: гладить себя не позволял никому, особо настойчивых мог и укусить.

Поначалу у зверька не было имени. Когда Эсме и Крейн покидали рыбацкий поселок, никто из них и не подумал спросить жителей, как звали любимца Говорящей-с-волнами, а потом было уже поздно возвращаться. Зато в наследство от прежней хозяйки безымянному лариму досталось украшение: кожаный ремешок, на котором висели вперемежку костяные бусины, перья и непонятные металлические штуковины. Когда Эсме показалось, что ошейник слишком туго затянут, и она попыталась его снять, зверь оглушительно заверещал, метнулся в дальний угол каюты и дал к себе приблизиться лишь после долгих заверений, что никто не тронет его сокровище.

Так она и стала его называть – Сокровище. Пол ларима, как и его настоящее имя, был для всех тайной.

– Сегодня мы сойдем на берег, – сказала девушка, и зверек ткнулся ей в щеку влажным носом. – А потом я забуду все, что было. Нас с тобой, Сокровище, ждет новая жизнь, новый дом... новые знакомства... жаль, конечно, что в Тейравен я уже никогда не попаду, а ты не вернешься на остров...

Тут она осеклась. А на самом ли деле ей жаль, что в Тейравен теперь нельзя вернуться? О чем стоило бы сожалеть? Там осталось пепелище, да не одно, а целых два – старое и новое. Нет, хватит с нее пепла и золы. Да к тому же если кто-то и скучает там по ней, то разве что только Пью.

Невольно Эсме вспомнила странную сцену, свидетельницей которой оказалась три дня назад: Кузнечик выволок на палубу лохань с водой и принялся стирать с таким рвением, словно это самое интересное занятие на свете. Мальчишка увлекся и сам не заметил, как начал за работой напевать уже знакомую Эсме песенку – хрипло и еле слышно, то и дело срываясь на сухой кашель. Кузнечик не видел, что целительница плачет. Что бы ни говорили, она продолжала считать и его безвозвратно утерянный голос, и уже побледневший шрам на лице Крейна свидетельствами своих неудач.

А потом она поняла, что впервые слышит песню *полностью*.

Мы там, где звездный свет,
Мы там, где неба нет,
А есть лишь отраженье моря.

Взмывая к облакам,
Доверясь парусам,
Мы выбираем путь, не зная горя!

В бездонной глубине,
В прозрачной вышине
На крыльях серых птиц летают наши души.

Я не вернусь домой,
Ведь я обрел покой
Там, где шумят ветра, вдали от суши...

Почему-то ей вдруг пришло в голову, что песню кто-то сочинил специально для «Невесты ветра» – или специально для капитана? Так или иначе, последние слова накрепко врезались в память, и ей показалось, что забыть их будет невозможно даже с помощью [сундука].

Или их-то как раз и не стоит забывать? Какой, в самом деле, вред от песни...

– Ну ладно, – сказала Эсме, отгоняя воспоминание. Ларим шумно засопел. – Давай поглядим сначала на этот Ламар, а там видно будет.

«Невеста ветра» ненавязчиво дала знать, что Ламар уже совсем близко и что капитан ждет ее на палубе. Эсме в последний раз оглядела каюту – здесь было уютно, но домом это место ей так и не стало. Чего-то ему не хватало, чего-то очень важного. Легко собираться в путь, когда путешествуешь налегке.

С Сокровищем на руках целительница вышла из каюты.

Паруса «Невесты ветра» снова побелели. На палубе было прохладно, и девушка обняла себя за плечи. Зверек, словно прочитав мысли хозяйки, меховым воротником распластался на плечах. Но это мало помогло – все равно ее бил озноб. Наверное, его причиной был вовсе не холод.

Эсме огляделась. По правому борту располагался берег, утопающий в тумане. С легким испугом она поняла, что, куда ни кинь взгляд, везде виднеются рыбацкие хижины, доки, причалы и крыши, крыши, крыши... Величиной Ламар превосходил уютный маленький Тейравен раз в пять. На мгновение туман разошелся, словно решив подразнить ее, открыв картину поразительной красоты: высокие белоснежные башни, розоватый купол храма Заступницы на вершине холма, очертания далеких гор. И тут же все растаяло без следа, будто восхитительный мираж. Нет, пожалуй, это даже не пять Тейравенов, а намного больше...

Капитан стоял у борта, спиной к целительнице. Когда он обернулся, она чуть не подпрыгнула от неожиданности. Крейн был одет гораздо скромнее обычного, – Эсме, привыкшая к тому, что пират любит изысканные вещи, даже не думала, что в его гардеробе найдется хоть одна старая куртка с неряшливыми заплатками и истрепанными рукавами. Но гораздо сильнее ее удивило другое. Лицо магуса перечеркивала повязка, закрывавшая левый – зеленый! – глаз. В сочетании с трехдневной щетиной и черным платком, спрятавшим волосы, это изменило его внешность так, что никто и никогда не узнал бы склонного к щегольству пирата в потрепанном матросе с совершенно бандитской физиономией.

– Заступница, вот так маскарад! – воскликнула девушка. – Как же я раньше не вспомнила... Впервые мы встретились в таверне Пью! – Магус кивнул, улыбаясь. – Кажется, я начинаю понимать, каким образом знаменитому пирату удастся оставаться неузнанным.

– Маскарад включает новые имена для меня и ~Невесты~. – Крейн почесал переносицу, и теперь она поняла, откуда взялся этот странный жест – он так поправлял повязку. – И несколько других хитростей. В Ламаре нас знают как ~Шуструю~ и капитана Ристо-Счастливчика. К вашим услугам! – Он отвесил целительнице шуточный поклон. – Занимаемся доставкой мелких грузов, иногда не совсем законных, но какой порт выживет, строго соблюдая законы? Вы удивитесь, узнав, насколько мы востребованы.

Она перевела взгляд на город и подумала, что вряд ли сможет чему-то удивиться.

Но вслух ничего не сказала.

На пристани царил сутолока. Казалось, там собралось не меньше половины городских жителей. Эсме с содроганием убедилась, что Тейравен по сравнению с Ламаром – не город, а в лучшем случае городишко. О том, что творится в Столице и сколько народу на улицах там, она даже думать боялась. Вдобавок ко всему за время, проведенное на борту «Невесты ветра», она привыкла к качке и теперь чувствовала себя очень неуютно на твердой земле.

– Все в порядке? – раздался хриплый шепот Кузнечика, и юнга сжал ее локоть. – Не потеряйся, а то обязательно влипнешь в какую-нибудь историю.

Хоть Эсме и была в смятении, она все же заметила, что мальчик ведет себя в большом городе совершенно спокойно и уверенно – даже увереннее, чем на фрегате.

– Ну что? – Магус закончил договариваться с портовым клерком и повернулся к ним. – Идем?

– Капитан, нашей гостье нехорошо, – заметил Кузнечик.

– Уже вижу, – Крейн нахмурился. – Давайте-ка сюда...

Они отошли к какой-то стене, и там Эсме усадили на каменную скамью – еще одна вещь, которой в Тейравене не было. Набережная в ее родном городе выглядела посмешищем по сравнению с набережной Ламара. Она, словно кукла, позволяла делать с собой все что угодно, одновременно пытаясь выстроить изнутри защиту против шума и потоков чужих эмоций, страстей, мыслей. Крейн даже не догадывался, что сейчас терпит целительница: тысяча человек одновременно шептали ей на ухо все свои секреты...

Оказавшись в отдалении от толпы, она пришла в себя под взволнованными взглядами Крейна и Кузнечика. Ларим жался к ее плечу, и краем глаза Эсме видела, что Сокровище жмурится и прижимает уши к голове.

– Ты как, держишься? – спросил магус.

Она кивнула. Он вздохнул:

– Вы оба посидите пока здесь, я скоро буду.

Когда магус скрылся из виду, Кузнечик устроился на скамье рядом с Эсме и беспечно сказал:

– Я могу не менять имя, когда мы приходим в новый город.

Эсме встревожилась:

– Охотно тебе верю, но разве не опасно об этом говорить?

– Нет, – мальчишка покачал головой. – Хотя... ты права. Надо быть осторожнее... – Он закашлялся, прижав руку к горлу, и целительница вновь ощутила угрызения совести.

– Ты тут бывал раньше? – спросила она, чтобы отвлечься от грустных мыслей.

Кузнечик кивнул, но объяснять ничего не стал, и она почувствовала, как внутри него за клубился туман.

[Валяй, спрашивай! Ты спасла ему жизнь – он не сможет тебе отказать, если надавить как следует. А потом – все в сундук...]

Эсме отвернулась и начала рассматривать окрестности. Здесь строили дома и мостили дороги из белого камня, будто светящегося изнутри. Кое-где сквозь щели пробивалась молодая трава, а над стеной, возле которой они сидели, виднелись пышные кроны деревьев – за ней прятался чей-то сад. Эсме присмотрелась к людям, проходившим мимо, и не без удивления поняла, что их не так много, как ей показалось поначалу. Жители Ламара отличались от ее соплеменников озабоченными лицами: они все куда-то торопились. Праздношатающихся поблизости не нашлось.

– Ламар – красивый город, – хрипло сказал Кузнечик. – Им управляют жаворонки, хорошее семейство. К заносчивым физиономиям местных надо привыкнуть, на самом деле они добродушные ребята и ценят настоящих мастеров в любом деле.

– Ты ведь здесь не жил, – напомнила Эсме. Мальчишка на мгновение помрачнел, словно вспомнил о чем-то неприятном.

– Я жил во многих местах, – ответил он нехотя.

Эсме спросила:

– Из какого ты семейства?

По лицу юнга снова пробежала тень; он отвернулся и хрипло проговорил:

– Разве не заметно? Ну, *было* заметно. Я принадлежу... в каком-то смысле... к клану Соловья.

Соловьи, ну конечно же! Обладатели чарующих голосов. Клан музыкантов и художников, веками старательно избегавших войн и противоречивых альянсов с другими кланами. Эсме прокляла свое любопытство. От необходимости продолжать разговор ее избавил Крейн – он появился с каким-то свертком в руках и, дурашливо улыбаясь, потребовал:

– Дай сюда ногу.

– Что? – Эсме растерялась.

– Ногу давай, – нетерпеливо повторил Крейн, изящным движением разворачивая сверток. – По большому городу босиком не ходят. Здесь не водятся змеи, но зато есть множество других опасностей.

Она послушно вытянула вперед правую ногу, где еще не зажил до конца ожог, и магус надел на нее сандалию – плотную кожаную подошву с множеством ремешков, которые он хитро обернул вокруг щиколотки и завязал. Потом то же самое повторилось с левой ногой.

– Ну вот, – удовлетворенно произнес Крейн. – Совсем другое дело.

Эсме покосилась на Кузнечика: мальчишка тщетно старался спрятать улыбку. Начиная новую жизнь, она училась ходить по-новому – и споткнулась добрый десяток раз, прежде чем привыкла к обуви.

Дом, к которому Крейн ее привел, оказался очень похожим на их с Велином домик в Тейравене, только новее и чуть-чуть меньше. Вывески над входом не было, внутри царил полумрак, но ей почудилось, что сейчас из дверей выйдет ее учитель и опекун, живой и здоровый.

Что-то шевельнулось под самой крышкой [сундука], и в затылке проснулась боль.

[Чтобы это получить, тебе сначала нужно забыть... многое. Сложи в сундук ненужные вещи – и сразу жизнь станет легка. Право слово, так трудно понять, зачем ты возишься с воспоминаниями, в которых тебе на самом деле нет надобности. Ведь прошлое есть прошлое, и ты не сможешь вернуться в тот момент, когда впервые увидела этого мага. Зачем же за него цепляться? Отдай его мне. Положи его в сундук. Ну же, решайся.]

– Он продается? – от волнения голос Эсме звучал хрипло.

– Он уже давно принадлежит мне, – скучным тоном отозвался Крейн. Они стояли на противоположной стороне небольшой площади, посреди которой бил фонтан, и смотрели на дом. – Точнее, не мне, а человеку, который ведет в Ламаре дела... хм... той части меня, что имеет репутацию законопослушного торговца. Это долгая и совсем неинтересная история.

Эсме повернулась к нему и потребовала объяснить хоть что-нибудь. Крейн криво улыбнулся. План его был прост и хорош: он поселит Эсме у своего близкого друга, торговца тканями, а потом этот торговец якобы даст ей ссуду на покупку дома. На самом деле магус намеревался полностью обеспечить ее деньгами и всем необходимым – «на первое время».

– Конечно, все надо проверить очень осторожно, чтобы не возбудить ничьих подозрений, – добавил он. – Но при должной аккуратности все будет хорошо. Целители здесь преуспевают, от клиентов в большом порту отбоя нет. Бояться нечего – особенно с учетом того, что ты забудешь мое настоящее имя и... вообще все забудешь.

Эсме хотела спросить, под каким именем его знает этот торговец тканями, но прикусила язык.

– Капитан, я... – она смахнула слезу. – Даже не знаю, как вас благодарить...

– Не стоит благодарностей. – Он пожал плечами с равнодушным видом, будто не заметив, что она снова перешла на «вы». – Что ж, если все решено – вернемся на борт? Пора прощаться.

Так они и сделали. На обратном пути Эсме разглядывала улицы, уже не опасаясь заблудиться. Теперь она видела, что белый камень обманчив и в Ламаре грязнее, чем в Тейравене, – потому-то Крейн и не захотел, чтобы она ходила босиком. Время близилось к полудню, солнце светило ярко, и день казался просто восхитительным – но что-то было не так, о чем-то она забыла. Эсме хмурилась и морщила лоб всю дорогу, но, даже когда они поднялись на борт фрегата по трапу, ничего не вспомнила.

Сделав несколько шагов по палубе, она остановилась. Ей не нужно было спускаться в каюту, чтобы собрать вещи, – ведь их у нее не имелось. Ларим все это время находился с ней. Зачем она вернулась? Не стоило устраивать болезненное прощание, куда лучше было бы исчезнуть без лишних слов и церемоний. Увидев ее, матросы зашептались, бросили работу; Эсме оглянулась и поняла, что Крейн исчез. Даже Кузнечик куда-то подевался.

Зачем, зачем она пришла сюда опять?..

– Эсме!

На корме устроился Джа-Джинни, которому в Ламарской бухте было запрещено летать, чтобы не привлекать лишнее внимание к торговой бочке под названием «Шустрая». Человек-птица развлекал матросов шутками, но сам изнывал от скуки.

Целительница подошла к крылану.

– Как вам понравился город?

– Очень шумный, достаточно грязный, – честно сказала она. – Но если отойти от пристани, то можно много интересного найти. Это для меня целый новый мир... пугающий и прекрасный.

Джа-Джинни кивнул и со странной усмешкой спросил:

– Вы уже приняли решение?

– Да, – ответила Эсме.

Человек-птица всматривался в ее лицо так пристально, что девушка ощутила раздражение. Он чего-то от нее хотел, но не желал объяснить, чего именно.

– Милое дитя, – проникновенно сказал крылан, когда молчание стало тяготить обоих. – Ты хоть понимаешь, что творишь? Зачем тебе второй сундук – или [сундук], какая разница... зачем? Ты же не сумеешь его открыть. Тебе сил не хватает на такое.

Эсме оторопела. Она не совсем поняла, о чем говорит Джа-Джинни, но то, что он неверно истолковал ее возвращение, было яснее ясного. Ларим на ее плече насторожился и даже выпустил когти, и в этот момент на палубе появился капитан – все в той же потрепанной одежде, но уже без повязки.

Тон, которым он заговорил с Эсме, показался ей до странности торжественным:

– Я наконец-то решил сдержать все свои обещания. Вам понравился дом?

– Он хорош, – осторожно произнесла целительница.

Кругом собралась команда. Матросы молча смотрели на нее, и в их взглядах можно было прочитать самые разные чувства.

– Прекрасно. Я все сделаю, как обещал, но прежде... – Магус загадочно улыбнулся. – Позвольте напомнить, что мы говорили еще и о целительских снадобьях.

– Конечно! – Эсме оживилась. Так вот о чем она пыталась вспомнить... – Их не так просто купить, капитан. Придется обратиться в Гильдию целителей.

Магус ухмыльнулся:

– Я и не собирался их покупать. За мной!

Растерянная Эсме последовала за капитаном обратно в каюту, где прожила почти две недели. У порога магус остановился и сказал все тем же загадочно-торжественным тоном:

– Должен признаться, я умолчал об одной важной подробности относительно этой каюты. Дело в том, что здесь жил целитель... и мой близкий друг, который сошел на берег из-за... э-э... стечения обстоятельств. Это случилось примерно десять лет назад, и с тех пор словно злой рок преследует ~Невесту~: ни один целитель не задерживается у нас дольше чем на полгода, если вообще удастся хоть кого-нибудь отыскать. Они или уходят сами, или... в силу других причин. Но его сундук по-прежнему здесь, и я хотел бы передать его законной наследнице. Только есть одна проблема...

Эсме слушала его словно сквозь сон. Магус посторонился, дав ей возможность открыть сундук, и девушка ахнула – она и не подозревала, рядом с каким *сокровищем* провела столько времени. Наверное, «Невеста ветра» отводила ей глаза, морочила голову. Внутри было полным-полно плотно закупоренных разноцветных склянок, пакетов с порошками, свитков, книг. Такое богатство ей и не снилось. От изумления Эсме словно оглохла, поэтому Крейну пришлось несколько раз повторить последнюю фразу.

– То есть как? – растерянно проговорила она. – Я не понимаю.

– У этого сундука есть изъян, – терпеливо объяснил капитан, – от которого очень многое зависит.

Эсме не представляла себе причины, которая могла бы заставить ее отказаться от такого... подарка? Наследства? Она не знала, как называть то, что лежало в сундуке.

– Его нельзя сдвинуть с места, – произнес капитан, глядя целительнице прямо в глаза. – Он прирос к полу, как и почти вся мебель на борту ~Невесты~. Так что его можно принять только вместе с каютой целителя... и фрегатом.

Эсме сглотнула.

Она сойдет на берег в Ламаре. Она...

– Один вопрос, – сказала она очень тихо. Крейн кивнул и уставился на нее в ожидании. – Куда «Невеста ветра» направляется дальше?

– Я хочу найти карту Говорящей~с~волнами, – тотчас же ответил магус. Ее догадка была верна – он все это время изнывал от нетерпения, желая ринуться следом за сбежавшим врагом и древней картой, хранившей путь к невероятному сокровищу. – И, честно говоря, давно уже пора раз и навсегда разобраться со Звездочетом и его ручной зверушкой. Так ты принимаешь мое предложение?

За спиной Кристобая Крейна на стене открылся черный круглый глаз. Не оборачиваясь, он поднял руку и пригрозил «Невесте ветра» пальцем. Глаз моргнул, но не исчез.

У Эсме от волнения пересохло в горле.

– Да, – сказала она почти беззвучно.

В ту же секунду каюта сделалась просторнее, превратившись из тесного ящика в небольшую, но очень уютную комнату. Эсме ощутила необычайную легкость, как будто у нее выросли крылья... или паруса? Невнятное бормотание в голове утихло, хотя и не исчезло совсем. Она расправила плечи и посмотрела на того, кто теперь по-настоящему стал ее капитаном.

Ларим вопросительно присвистнул у нее над ухом.

– А если бы я отказалась, – несмело проговорила девушка, – ты стал бы меня уговаривать? Или придумал бы что-нибудь более изящное?

Крейн многозначительно улыбнулся – и она услышала его голос в своей голове:

– Возможно. А может, и нет.~

У него были разноцветные глаза расчетливого пройдохи, отчаянного бандита, немного сумасшедшего, необыкновенно обаятельного. У него была тайна. И он собирался искать посреди бескрайнего океана небесный фрегат, исчезнувший три с лишним тысячи лет назад.

О чем она вообще думала, соглашаясь?..

Целительница с готовностью пожала руку, которую ей протянул пират. Глаз на стене каюты закрылся. Ларим снова присвистнул, ощутив, как в недрах фрегата что-то дрогнуло, скрепляя только что заключенный договор.

Шум моря

Свеча зашипела и погасла.

Тот, кого называли Звездочетом, протер усталые глаза, бережно сложил карту и подошел к иллюминатору. Последние строчки расшифрованы, последние загадки разгаданы. Он давно знал, что на острове Алетейя хранится нечто ценное – возможно, даже более ценное, чем все сокровища Облачной цитадели, вместе взятые, – но то, что открылось ему сейчас, тысячекратно превосходило самые смелые ожидания.

Он задумчиво проговорил:

– Интересное будет приключение...

На ветхой бумаге – где только ее взяли нищие рыбаки? – были изображены три острова. Один располагался сравнительно недалеко от родного порта Звездочета и выглядел доступным – ни мерров, ни опасных течений, ни каких-либо других препятствий. Однако старый пират, как никто другой, знал, что это иллюзия: тамошние обитатели жестоко расправлялись с чужаками, зачастую посылая на Крабьи луга даже тех несчастных, кто сбился с пути из-за шторма и никоим образом не собирался посягать на чужие тайны.

Второй остров находился на далеком юге, во владениях Меррской матери, и вот тут опасностей было хоть отбавляй. Третий же заставил его промучиться несколько ночей подряд – пометки на полях, сделанные на редкость корявым почерком и на устаревшем наречии, только усложняли дело, – и все же в конце концов он убедился, что не ошибся в своих предположениях. Этот тайник уже разграбили, но, к счастью, местонахождение главного трофея не было тайной. Звездочет продвигался вперед шаг за шагом, не торопясь, и теперь, достигнув цели, мог с уверенностью сказать, что в его руках – сокровище, подобных которому еще не видел свет.

Точнее, не само сокровище, а путь к нему.

– Теперь все изменится, – продолжил он и не смог сдержать довольной улыбки при мысли о том, что именно должно измениться, стоит подлинной «Утренней звезде» vyplыть из небытия *под его командованием*. – Теперь все будет по-другому.

В этот момент пирата охватили противоречивые чувства, и «Утренняя звезда» – другая «Утренняя звезда», его собственная, – попыталась пробраться в разум своего навигатора. Она постоянно маячила где-то на краю поля зрения в виде спутанного клубка черных щупальцев, и одно из них робко поползло вперед.

– Пошла вон!~

Щупальце послушно вернулось на прежнее место. Он приучил фрегат к повиновению, хотя на первых порах им обоим пришлось несладко. Она убивала – жестоко, внезапно, желая испугать его и вызвать сострадание к тем, кого настигала мучительная гибель в трюме живого корабля. Она отнимала у него чувства, а потом возвращала – в его голове гремел гром, воздух наполнялся зловонием, вода превращалась в ослепительно блистающее серебро. Но оба знали, что она не может ему навредить. Следовало запастись терпением, а этим качеством он не был обделен.

И однажды все закончилось. Она сделалась покорной, убивала лишь по приказу. На самом-то деле ее попытки своевольничать доставляли ему удовольствие, но теперь их приходилось подолгу ждать.

– Я ее найду, – сказал он, обратив к равнодушным звездам взгляд, полный упрямства и дерзости. – Она станет моей, и я первым узнаю, что случилось... сколько лет назад? Три тысячи? Больше? Все, что я найду в ее трюмах, будет моим. И никто меня не остановит.

Если тот, кто в глубокой древности нарисовал эту карту и приписал несколько строчек на свободном месте, не решил подшутить над потомками и не солгал, то три странных значка обо-

значали места, где хранились части некоего механизма – вторя Говорящей-с-волнами, Звездочет стал называть его небесным компасом. Эти части следовало собрать и соединить, чтобы узнать дорогу к кораблю Основателей – тому самому кораблю, который якобы разрушился из-за предательства Пламенного Князя.

К «Утренней звезде», покорившей Вечную ночь.

Как назывался край, путь к которому лежал через пространство, лишенное тепла, света и звука? Небесные дети считали его своей Прародиной и век за веком тосковали, старательно пряча тоску под маской высокомерной уверенности в собственных силах. Земные дети верили в Сады Эльги – место, где вечно сияет рассвет и где нет смерти, потому что Великий Шторм, повелитель гроз, владыка бурь и прочее, не может туда попасть. Различия между Садами и Прародиной уже почти стерлись. И то и другое представлялось недостижимым... но он верил, что не все потеряно. Эта вера жила в нем с раннего детства, и, хотя теперь она пряталась на самом дне души – там, куда даже фрегату был заказан путь, – ее сила ничуть не уменьшилась. Он думал о загадочных древних реликвиях, об отрывках без начала и конца, спасенных из разгромленных библиотек, о сказках, похожих на правду больше, чем иные летописи. Он думал о чудесах. Об одном конкретном чуде.

– Я ее найду, – повторил он внезапно севшим голосом. – Я все исправлю, слышишь?!

Ему никто не ответил – лишь в недрах фрегата что-то заворочалось, но сразу утихло.

Звездочет вернулся к столу и зажег новую свечу. Потом он снова развернул карту, достал нож. Аккуратно разрезая бумагу на две неравные части, Звездочет обдумывал дальнейшие действия. Самым сложным представлялся первый этап, но он не сомневался – все пройдет в соответствии с его планом. До сих пор, по крайней мере, так и происходило: в течение последних трех недель «Невеста ветра» упрямо следовала по пятам за его фрегатом, отставая лишь ненамного. Вероятно, хитроумный Крейн уже понял, в какой порт направляется «Утренняя звезда»... Только вряд ли этот проныра догадывается, что за сюрприз там приготовят для него.

– Видишь ли, Кристобаль... – старый пират опять заговорил вслух, словно капитан «Невесты ветра» находился рядом с ним. – Я очень стар, и тяготы дальнего пути мне не по плечу. В таком деле, как поиск небесного корабля Основателей, слабость недопустима. Ты ведь сможешь мне, парень? Знаю, ты такой же одержимый, как и я. Двум сумасшедшим проще понять друг друга и договориться, даже не встречаясь лицом к лицу.

Звездочет откинулся на спинку стула, созерцая дело своих рук: вместо одной карты теперь стало две.

– Я, быть может, заслужил репутацию чудаковатого старика, – проговорил он вполголоса, – но все-таки не настолько сошел с ума, чтобы прыгнуть в водокрут или отправиться на свидание с Меррской матерью. А ты все это сделаешь, Кристобаль. Ты будешь очень зол, но не сумеешь устоять перед искушением. Ты сыграешь по моим правилам. Люблю, когда играют по моим правилам. Так, Змееныш?

В дальнем углу каюты раздался шорох: то, что казалось бесформенной кучей тряпья, зашевелилось и тихонько застонало.

– Ну, хватит притворяться.

– С-с-свет... – послышался усталый невыразительный голос. – Потуши с-с-свечу, глазам больно... прошу тебя...

– Это еще что за нежности! – гадко ухмыльнулся Звездочет. – Привыкни, друг любезный. Свеча-то рано или поздно догорит, а солнце для тебя никто не погасит.

Змееныш снова застонал, а потом очень медленно встал, закрывая лицо руками в перчатках. С ног до головы одетый в черное, он казался сгустком тьмы, еле заметным в ночи. Звездочету нравилось, что его питомец такой – невидимый, злобный, смертоносный, – но после очередного приступа тот стал слабее новорожденного котенка, и это сильно раздражало пирата. Вдобавок мальчишка сделался чересчур болтлив, и один излишне сообразительный матрос

догадался, что капитанский любимец не просто бредит под влиянием лихорадки. Пришлось принять меры.

– Ты знаешь, какой сегодня день?

Змееныш покачал головой. Было видно, что каждое движение дается ему с трудом.

– День встречи и расставания, – сказал пират, с особым чувством произнеся последние слова. Змееныш вздрогнул. – Вскоре ~Звезда~ придет в Лейстес. Ты все запомнил? Ничего не перепутаешь?

– Я все с-с-делаю, – хрипло ответил Змееныш и опустил руки, решив, что сможет перетерпеть боль, но сразу же застонал и зажмурился.

Он не увидел, как Звездочет, брезгливо скривившись, отворачивается, но услышал его возмущенный возглас:

– Какого кракена ты снял маску?!

– Раздражает? – Змееныш хрипло рассмеялся, не открывая глаз. – Не нравлюсь? Надо же, а я-то думал, тебе хочется хоть изредка полюбоваться. Ты же с-с-сам этого добивался.

– Хватит паясничать! – рявкнул старый пират. – Вижу, тебе захотелось повторить тот достославный урок, так что...

– Попробуй, только придумай что-нибудь новенькое, – ответил Змееныш, демонстративно сгибая и разгибая пальцы, в которых появились лишние суставы. – Кандалы меня теперь не удержат.

Звездочет резко поднялся, с грохотом опрокинув стул, но Змееныш уже поправлял черный шарф, скрывающий нижнюю часть его лица до самой переносицы. Глаза он чуть-чуть открыл, и их взгляды встретились – капитана и человека, чье имя вот уже много лет заменяла презрительная кличка.

– Давненько ты не дерзил мне, мальчишка, – сказал Звездочет. – Что-то изменилось в тебе после встречи с Крейном и его новой целительницей.

– Крейн! – Рука Змееныша тотчас же потянулась к поясу, но там не было оружия. Он глухо зарычал, и Звездочет улыбнулся, довольный внезапной переменой его настроения. – Ненавижу... ненавижу!..

Безумный огонь, вспыхивавший в глазах Змееныша при встрече с Кристобалем Крейном, вызывал у Звездочета восторг. Такое случалось каждый раз, когда эти двое оказывались достаточно близко, и каждый раз, когда до ушей Змееныша долетало ненавистное имя. Памятную драку, состоявшуюся в начале весны в одной из таверн Лаорики, Звездочет вспоминал с особым удовольствием. В тот раз Крейн едва успел войти в зал, как Змееныш с хриплым ревом кинулся на него. Зрелище вышло отменное, и старого пирата ничуть не расстроило, что в конце концов Змееныш оказался на полу – Кристобаль переломал ему кости, воспользовавшись кочергой.

– У тебя еще будет шанс с ним поквитаться, – сказал Звездочет. – Имей терпение. Ну вот, таким ты мне куда больше нра...

Он не договорил, потому что «Утренняя звезда» внезапно обрушила на своего навигатора видение – рванувшуюся из глубин огромную черную тварь. Раздался сигнал тревоги, а следом – возглас вахтенного: «Кракен справа по борту!» Тотчас сонная команда пришла в движение, и Звездочет невольно залюбовался слаженной работой матросов: они были так вышколены, что ему даже хмурить брови приходилось не часто. Им уже не раз случалось биться с подобными чудовищами. Это было очень опасно, почти смертельно опасно, но все-таки не безнадежно.

А водокрут – совсем другое дело. При одном лишь воспоминании, как «Утреннюю звезду» едва не утянуло на дно, старик вздрогнул. Они чудом спаслись в тот раз – выплыли из глубины, будто Великий Шторм их помиловал. Мерзкий Белый Фрегат теперь то и дело являлся в его сны, и еще капитану не давала покоя мысль, что Кристобаль Крейн знает сек-

рет, позволяющий справиться с водокрутом. Именно об этом заявил однажды пьяный матрос в таверне: дескать, «Невеста ветра» прошла через дюжину водокрутов и одолеет еще две дюжины.

«Твой фрегат будет моим, глупый мальчишка, как и твой секрет... все твои секреты. Твою целительницу я, пожалуй, тоже прихвачу».

– Знамение! – Звездочет быстро сложил разрезанную карту и спрятал в сундучок, стоявший поблизости. – Все идет точно по плану, но у нас совсем мало времени. Надо еще многое подготовить... – Он мечтательно улыбнулся. – О, Крейн будет удивлен. Очень, очень удивлен!

С этими словами капитан «Утренней звезды» быстрым шагом вышел из каюты.

Змееныш остался.

Когда дверь закрылась за спиной Звездочета, он медленно опустился на колени, сотрясаясь то ли от беззвучного смеха, то ли от рыданий. И если бы его лицо не скрывалось под черным шарфом, а рядом находился кто-то, умеющий читать по губам, он бы прочел всего одно слово, повторенное много раз:

«Ненавижу».

2. Крылья ворона, крылья голубя

Весь день ветер гонял по небу рваные серо-стальные облака, трепал кроны деревьев, вздымал на дороге тучи пыли. Ближе к вечеру Робин и Кэсса тайком сбегали на берег, к обрыву, а потом взволнованно рассказали Джайне, что океан бурлит, словно огромный котел, под которым пылает жаркое пламя.

– Быстро в дом! – тотчас скомандовала она, и дети подчинились.

По всем приметам до начала бури оставалось чуть-чуть. Джайна о многом успела позаботиться заранее, и теперь надо было лишь загнать гусей в птичник да пустить сторожевого пса в дом. Он забился под крыльцо, дрожа от страха. Вытаскивая оттуда четвероногого бедолагу, Джайна вся взмокла.

Целую вечность назад блистательная госпожа Алье, юная красавица, танцевала на балах и кружила головы поклонникам, помогала своему отцу вести дела и мечтала о том времени, когда выйдет замуж, будет растить детей и заботиться о собственной семье. Все ее мечты сбылись... только совсем не так, как она ожидала. Впрочем, здесь, на затерянном в океане островке, прошлое казалось не более чем сказкой, волшебной выдумкой – такой же, как те, что она рассказывала детям по вечерам.

Она в последний раз обошла двор, собирая все, что мог унести ветер. Потом Робин и Кэсса помогли ей закрыть ставни и уселись рядом. Джайна крепко обняла обоих, поцеловала в лохматые макушки.

– Этот вечер не для сказок и историй, – тихо сказала она. – Давайте лучше просто помолчим и доверимся Белокрылой – той, кто хранит нас в трудные времена.

Между тем ветер стих: он больше не шумел в трубе, а сквозь щели в ставнях было видно, что крона огромного дерева поблизости от их дома не колышется. Воцарилась тишина – неприятная, давящая, лживая. Издалека доносился голос прибоя, но больше ни один звук не нарушил молчание природы: кругом было... мертво. Джайна вся превратилась в слух, а Робин то и дело поглядывал на нее, словно не решаясь спросить: и когда же начнется твоя буря?

И буря пришла.

Внезапный порыв ветра пронесся над землей с такой силой, что крыша над их головами едва не подпрыгнула. Джайна улыбнулась, скрывая внезапный страх. Она вспомнила старое поверье своего клана: если в бурю спасешь хоть одно живое создание, Великий Шторм тебя не тронет еще десять лет. Только где его сейчас найдешь, это создание? Все, у кого в голове не водоросли, хорошенько спрятались.

Ветер крепчал. Он выл в трубе на разные голоса, стучался в ставни. Вскоре пошел дождь. «Только бы не град...» – с тоской подумала Джайна. После града от их скромного урожая вовсе ничего не останется. Хотя, скорее всего, он и так обречен.

Дети прижались к ней, словно два котенка. В дальнем углу скулил пес. Джайна молилась про себя Белокрылой, хотя знала, что та не защитит ее от Великого Шторма, а буря тем временем пробовала на прочность их домик.

– Мы ведь не умрем, правда? – шепотом спросила Кэсса.

Джайна покачала головой и подумала: «Не сегодня».

Они долго-долго сидели, обнимая друг друга, а потом Джайна задремала. Ей привиделись тучи, похожие на клубы нечесаной овечьей шерсти, и сверкающие лезвия молний. В этом странном сне у нее было два огромных черных крыла, которые отчаянно болели. Ветром ее швыряло из стороны в сторону, пока из мутного тумана впереди не вынырнули очертания большого дерева. Мелькнула крыша дома – такого знакомого дома! А потом, не в силах сопротивляться ветру, Джайна влетела прямоком в спутанные ветви, которые сдавили ее со всех сторон, будто змеи.

Дети испугались, когда она внезапно вскочила и бросилась к двери – там, снаружи, бесновался ветер и сверкали молнии.

Молнии.

Любая из них могла угодить в дерево, сквозь потрепанную крону которого даже в ночной темноте отчетливо виднелись изломанные черные крылья.

* * *

– А что ты об этом думаешь? – спросил Кристоаль Крейн.

Джа-Джинни, вздрогнув, пришел в себя и сердито посмотрел на мага.

– Я не слушал, – сказал он, стараясь не повышать голоса. – Но знаю, что ты опять повторил то же самое, о чем без остановки твердил последние две-три недели, готовя нас к принятию окончательного решения. Мой ответ – нет. Понимаю, ты хочешь утереть нос Звездочету, но рисковать жизнью ради «сокровища», которое превратилось в пепел три тысячи лет назад, я не намерен.

В главном зале «Владычицы морей» – самой большой таверны Лейстеса – было шумно и многолюдно. На их компанию никто не обращал внимания, хотя любой мог увидеть разноцветные глаза Крейна, а крылья Джа-Джинни занимали полскамьи. В этом городе они оставались самими собой, поскольку находились среди таких же изгоев, врагов капитана-императора.

Лейстес был пристанищем пиратов.

Они сидели за одним столом: хмурый Джа-Джинни, бесстрастный Эрдан, задумчивый Умберто и ухмыляющийся Крейн. Крылан не любил, когда на капитана находило беспричинное веселье: обычно это предвещало неприятности.

Ах да! Еще была Эсме.

Прошло больше месяца с того дня, как целительницу приняли в команду, но он не привык считать ее своей. Все были рады, «Невеста ветра» казалась спокойной, а крылан все никак не мог избавиться от дурного предчувствия. Даже сейчас, когда девушка сидела на самом кра-

ешке скамьи, всячески стараясь раствориться в дымном воздухе таверны, он думал, какие беды может повлечь за собой ее присутствие на борту фрегата.

Ну почему, почему эта глупышка не осталась в Ламаре?

Целительница, словно прочитав его мысли, подняла голову, и крылан с досадой отвернулся. По крайней мере, она не чересчур красива и ярка. Не такая, как Камэ Паучок или та, чье имя Кристобаль никогда не произносит вслух. Большие серые глаза с длинными и густыми ресницами; темно-русые волосы, обрамляющие худое личико с тонкими чертами; вот если бы она улыбалась почаще... Впрочем, нет, пусть лучше хмурится. Пусть будет незаметной, как тень в сумерках.

– Значит, ты против, – сказал Кристобаль, ничуть не удивившись. – Хорошо. Кто еще хочет высказаться? Эрдан?

Мастер-корабел покачал головой:

– Я тоже возражаю. Кристобаль, ты утратил чувство меры. Мы пять недель шли за «Утренней звездой», и я притворялся, что мне нравится просто носиться по морям без определенной цели. Но сейчас нужно принять окончательное решение. Звездочет не в своем уме – это все знают, и ссориться с ним может только такой же безумец. Одумайся, пока не поздно.

Магус лишь усмехнулся. На лице у него было написано: «Будто я не в курсе, что ты и меня считаешь чокнутым».

Открылась дверь, впуслав прохладный вечерний воздух. Вошли четверо мужчин с весьма суровой внешностью. Один из них – широкоплечий чернобородый здоровяк, чьи руки от плеч до кончиков пальцев покрывала густая вязь татуировок, – оглядел зал. Увидев Крейна, он злое прищурился и что-то вполголоса сказал товарищам.

– Вспомнишь о кракене – а он уже выпустил щупальца! – Крейн наклонил голову, не сводя с четверки пристального взгляда. Бородач слегка стушевался и обратил все внимание на трактирного слугу, как раз пробежавшего мимо. – Сатто и головорезы здесь... Значит, скоро появятся старик и его ручная зверушка. Ладно, что-то я отвлекся. Умберто?

– Разумеется, «за», – тотчас же сказал помощник капитана. – Затея, конечно, опасная. Но разве можно упускать такой шанс? Я не я буду, если не погляжу хоть одним глазком на... гм... ну, вы поняли. Не хочу вслух говорить, на что мы нацелились.

– Еще не нацелились, – проворчал Джа-Джинни. – Двое против двух.

Капитанский голос при решении самых важных вопросов преимущества не имел.

Магус улыбнулся:

– Эсме, что скажешь?

Джа-Джинни с трудом сдержал возмущенный возглас, а потом хлопнул себя по лбу: «Забыл! Совсем забыл!» Целитель, разумеется, тоже мог голосовать, и Эрдан рассказывал ему, что в былые годы Велину нередко случалось решать споры между капитаном и его помощниками. Просто те целители, что побывали на борту «Невесты ветра» за последние десять лет, по собственной воле предпочитали в подобных вещах не участвовать. Оставалось лишь надеяться, что у Эсме хватит здравого смысла...

– Я скажу... – Целительница покраснела и потупилась, ее голос звучал тихо, но твердо. – Да.

– Ты поддерживаешь мое предложение? – уточнил Крейн. Эсме кивнула.

Трое за, двое против.

Крылан закрыл глаза.

– Итак, мы вступаем в противоборство с чокнутым стариком, который даже собственной жизнью не дорожит, не говоря о чужих... – сказал он и криво усмехнулся. – Всю жизнь мечтал о таком приключении.

– Что-то ты совсем пал духом, – заметил Крейн. – Это нехорошо.

– Нехорошо?! – взорвался Джа-Джинни. На них стали оборачиваться другие посетители таверны. – Позволь тебе кое-что напомнить! После того как ты проявил благородство и не воспользовался затруднительным положением «Утренней звезды» – хотя сам Звездочет на твоём месте устранил бы противника раз и навсегда, – между нами установилось некое подобие мира. Я думал, что это...

– Мир закончился на Алетейе, – перебил магус, не повышая голоса. – Он сам сказал, что больше мне ничего не должен. В любом случае я не стал бы полагаться на слово Звездочета... И ты забыл, что Зубастый вот-вот окончательно отойдет от дел. Он должен кому-то передать свою корону. Рано или поздно все закончится дракой со Звездочетом. Предпочитаю сделать первый ход.

– Ты не делаешь первый ход, тебя вынуждают его сделать, – мрачно пробормотал крылан. – Смекаешь, в чем разница?

Крейн прищурился; между большим и указательным пальцем его правой руки, спокойно лежавшей на столе, проскочила искра – в пылу ссоры в нем часто просыпался феникс. «Первопламя» – так магус называл огненную сущность, что жила в его крови. Джа-Джинни подался назад, прикусил язык.

Эрдан вмешался, бесстрастно подытожив:

– Решение принято. Не вижу смысла пререкаться. Давайте лучше обсудим план действий.

Умберто кивнул чуть быстрее, чем следовало, а Эсме перевела взгляд с крылана на магуса и обратно. Понимала ли она, чем может закончиться их ссора? Там, на острове, между ней и капитаном произошло что-то, о чем они двое не стали рассказывать. Но даже если она знала, к какому клану принадлежал Крейн, вряд ли ей пришло в голову, что легенды не врали: фениксы и впрямь по многим причинам были самыми опасными из небесных детей.

– План действий... – Крейн усмехнулся. – Что ж, слушайте.

Они вышли на след «Утренней звезды» четыре недели назад, а до этого примерно неделю искали ее везде, где только можно. Если бы не вынужденная остановка в Ламаре, от которой все равно не было никакого толку, фрегату Звездочета не удалось бы опередить их так сильно. Тогда Джа-Джинни даже радовался. Он сразу почувствовал, что странная история с картой сулит неприятности, и все-таки понадеялся, что долгая погоня вымотает Крейна, успокоит его.

Получилось наоборот.

С каждым днем магус делался все мрачнее и решительнее. Джа-Джинни видел, как в его разноцветных глазах разгорается пламя одержимости. Крейн все больше проникался идеей отнять у Звездочета карту и разыскать то, что на ней обозначено. А когда на магуса находило, ему никто не мог перечить. Хотя в команде лишь трое – впрочем, теперь уже четверо – знали, к какому клану принадлежит Крейн и что способен сделать с ослушником в пылу гнева, остальным хватало и простой интуиции. К тому же после появления на борту «Невесты ветра» целильницы матросы возликовали и готовы были следовать за капитаном в огонь и воду, не догадываясь, что именно это, возможно, им и предстоит.

Когда им показалось, что Звездочет все-таки ускользнул, Крейн сделался молчалив и страшен. Матросы, шкурой чуя его приближение, старались поскорее убраться с дороги.

В Лейстес они направились, чтобы почистить корпус в доке и пополнить запасы провизии, но, едва войдя в Благодатную бухту, увидели у причала «Утреннюю звезду», которую так долго искали повсюду. Фрегат Звездочета выглядел не лучшим образом: от парусов на третьей мачте остались одни лохмотья, почти все крючья по правому борту сломаны или вырваны. Раны, явно нанесенные несколько дней назад, уже начали заживать, но все равно смотреть на них было жутко. На «Утреннюю звезду» в очередной раз напал кракен. Среди пиратов давно ходили слухи, что фрегат Звездочета по какой-то непонятной причине притягивает к себе всевозможных морских тварей. Считалось, что поэтому он и избегает южных морей: если с обычными чудовищами справиться хотя и сложно, но можно, то с меррами все куда труднее.

Магус, увидев рыбокорабль своего старого врага, повеселел и явно замыслил недоброе.

– Вы сами убедились, что «Утренняя звезда» не останавливалась надолго ни в одном из портов. Что бы сделал я на месте Звездочета, окажись в моих руках такая карта? Я бы занялся ее расшифровкой, а потом стал готовиться к долгому путешествию – в том, что оно будет долгим, нет никаких сомнений. Поначалу я думал, что Звездочет сразу отправится сюда, ведь у него здесь есть безопасное логово. Однако нашлись какие-то более важные дела, заставившие его несколько недель путешествовать от острова к острову. Хотел бы я знать, чем он занимался... – Крейн помрачнел и на мгновение умолк. – Так или иначе, «Утренняя звезда» в Лейстесе. А здесь, как я уже упоминал, у Звездочета есть собственный дом.

– Только не говори, что ты собрался проникнуть туда и похозяйничать в его кабинете... – с иронией начал Джа-Джинни и осекся. Крейн смотрел на него с многозначительной улыбкой. – Крестобаль?

– Именно это я и собираюсь сделать, – негромко проговорил магус. – Правда, пока не знаю, каким образом. Есть идея получше?

Крылан онемел от возмущения. Вместо него ответил Эрдан:

– Пока что и впрямь не видно других путей. Он одинок – ни жены, ни любовницы. Даже зверей не держит, если не считать Змееныша. Не подступишься. – Мастер-корабел поморщился. – Крестобаль, я прошу тебя об одном – не торопись. «Утренняя звезда» простоит тут еще неделю, а то и две, слишком уж сильно она повреждена. У тебя достаточно времени, чтобы все обдумать.

Магус промолчал.

«Вот мы сидим так же, как не раз сидели раньше, – вдруг подумал крылан. – Идея Крестобалья не намного безумнее, чем достославное путешествие на юг. Он не стал бы тем, кто он есть, если бы боялся каждой тени. Отчего же мне кажется, что скоро произойдет большое несчастье?»

Предчувствие беды сделалось необычайно сильным – ему еще не бывало так неуютно в этой таверне, где их всегда принимали с радостью.

И тут он ощутил чей-то взгляд.

Девушку с гитарой заметить было нетрудно. Когда они вошли в общий зал, она уже сидела на скамье возле очага и негромко пела, едва касаясь струн. Песня была известная – о легкомысленной невесте моряка, которая, не дождавшись возвращения суженого, закрутила интрижку с мерром и стала очарованной морем. В таверне все время менялись музыканты: заезжие барды оставались на неделю или месяц, иногда задерживались на полгода, потом исчезали и возвращались редко – ведь мир так велик. Кто-то из них оставил после себя приятные воспоминания и хорошие песни, кого-то предпочли забыть. Сейчас девушка уже не пела, лишь перебирала струны. И смотрела на него как на старого знакомого, которого совершенно не ожидала повстречать.

Крылану не нравились такие взгляды – как, впрочем, и любые другие. А смотрели на него часто – с интересом, искоса, думая, что он не замечает; нередко смотрели боязливо, потому что о его похождениях не слышали, кажется, только рыбы.

Музыкантша выглядела молодо, не старше Эсме. Ее длинные темно-рыжие волосы были заплетены во множество косичек, в которых проглядывали ленты, монеты, кольца и даже маленькие колокольчики. Нет, он точно не видел ее, не встречался с ней. Разве что она была совсем маленькой и сильно изменилась. Он-то внешне остался таким же, как и лет двадцать назад.

Незнакомка дерзко улыбнулась ему и, откинув со лба длинную челку, начала играть. От первых же аккордов крылана бросило сначала в жар, а потом – в холод.

«Что происходит?»

Джа-Джинни перевел взгляд на Крейна, который сидел спиной к девушке, и увидел, что тот застыл с открытым ртом. Зрачки разноцветных глаз мага расширились, в них мелькнули отблески пожара. Руки сжались в кулаки, и, за миг до того, как Крейн спохватился и спрятал их под стол, Джа-Джинни успел увидеть новые голубоватые искры – много искр. В воздухе ощутимо запахло грозой.

Девушка продолжала играть. Ее пальцы ласково трогали струны, печальные звуки ненавязчиво вплетались в шум таверны. Крылан теперь мог с уверенностью сказать, что никогда не слышал этой мелодии, и все же она будила в его душе смутные воспоминания. *Чужие* воспоминания.

Воспоминания Кристобаля Фейры.

Эсме и Умберто растерянно переглядывались – они тоже почувствовали, что происходит что-то странное. Эрдан оставался бесстрастным, но Джа-Джинни видел, что его внимательный взгляд устремлен на Крейна. Они считали, что знают о капитане если не все, то, по крайней мере, достаточно многое. Однако сейчас из глубин его памяти всплыла какая-то тайна, с которой они раньше не соприкасались.

Магус чуть повернулся, бросил беглый взгляд на незнакомку с гитарой и снова застыл. Его загорелое лицо побледнело и сделалось серым, точно камень; между бровями появились три глубокие морщины. Он казался напряженным, словно туго натянутая струна.

Когда мелодия отзвучала, он привстал и махнул рукой, приглашая девушку подойти. Она неторопливо отложила гитару и приблизилась к их столу, настороженно поглядывая то на Джа-Джинни, то на Крейна.

– Желаете, чтобы я что-то сыграла?

Даже когда она не пела, ее голос звучал очень мелодично.

– Нет, – тихо сказал Крейн. – То, что ты *сейчас* играла... Откуда ты знаешь этот мотив?

– Я знаю много песен и баллад... – начала музыкантша, а потом вдруг запнулась, вздохнула и продолжила совсем другим тоном: – Впрочем, нет, не стану я врать, будто ничего не понимаю. Я вообще ложь не люблю. Выходит, он все это затеял не просто так.

Джа-Джинни наострил уши.

– Он? – спросил Эрдан, потому что Крейн снова превратился в каменное изваяние – к счастью, ему хватило ума закрыть глаза, в которых заиграли зловещие красные огоньки. – О ком ты говоришь, девушка?

– Два дня назад я пела, как обычно, а потом вышла на улицу воздухом подышать, – сказала музыкантша. – И тут ко мне подошел... некто. Я не разглядела его лица, честное слово, было очень темно. Да к тому же он кутался в плащ с капюшоном, явно хотел остаться неузнанным. Он сказал, что хорошо заплатит, если я буду каждый вечер то и дело играть одну и ту же мелодию. Он мне ее напел кое-как, а дальше я уж сама...

– И все? – хрипло проговорил магус. – Больше он ничего не сказал?

Она покачала головой, потом поморщилась и прибавила:

– Я спросила – зачем? Вдруг кому-то из посетителей не понравится... Он в ответ только рукой махнул. По правде говоря, заплатил этот чудака щедро, и я рискнула. Хотя на самом деле чутье мне сразу подсказало, что история плохо пахнет. Я вас... обидела?

– Нет, что ты, – холодно проговорил Крейн. – Просто иногда музыка бывает жестокой, потому что напоминает о вещах, которые хочется забыть. Ты очень хорошо играла. Прими мою благодарность.

Он потянулся к кошельку, но музыкантша опять покачала головой:

– Не надо денег. Я же говорю, незнакомец хорошо со мной расплатился. Только вот... меня мучает совесть, что я заставила вас вспомнить о чем-то неприятном. Может, вы подскажете, как все исправить?

Магус чуть-чуть оттаял и даже улыбнулся.

– Не сегодня, – сказал он. – Возможно, в следующий раз.

Девушка кивнула и, сообразив, что ее присутствие мешает им продолжить разговор, ушла. Напоследок она проговорила:

– Меня зовут Лейла!

И почему-то опять посмотрела на Джа-Джинни.

Крейн опустил подбородок на сплетенные пальцы и снова замер.

– Ну? – сказал крылан, когда молчание стало невыносимым для всех. – Произошло что-то очень странное, и ты явно знаешь больше, чем мы, Кристобаль. Ты что-то вспомнил – и я не ранимая девица, я не буду испытывать угрызений совести, если заставлю тебя вспомнить это еще один раз.

Магус хмыкнул:

– Как же ты собираешься меня *заставить*?

– Найду способ, – без промедления ответил Джа-Джинни. – Не вынуждай меня...

– Тише, тише, – перебил Крейн, морщась. Джа-Джинни и впрямь увлекся, повысил голос: – Понимаете, друзья, у моей... семьи было много песен, которые мало кто знал, кроме нас, потому что пели их только в узком кругу, среди своих. На языке, который считается мертвым. И эта мелодия... вообще-то она называется «Плач по Фениксу»... – Он зажмурился и снова замолчал. – Есть и песня. Я хорошо помню, о чем она. О храбром воине, который сражался с чудовищами, живущими в облаках. Он хотел спасти принцессу, запертую в высокой башне, и погиб, когда его предал лучший друг. А принцесса, узнав о его гибели, бросилась с этой самой башни, только не разбилась – превратилась в птицу и с тех пор ищет своего любимого по всему свету. Она вечно будет его искать. Я... не ожидал услышать «Плач» спустя столько лет.

«Сорок лет, – мысленно уточнил Джа-Джинни. – Сорок лет назад вся твоя семья погибла, и эта мелодия, конечно, оказалась хуже любого ножа».

– Кто мог такое... устроить? – тихо спросил Умберто. – И, главное, зачем?

– Хороший вопрос, – проговорил Эрдан, нахмурившись. – Может, это предупреждение, Кристобаль? О грядущем предательстве лучшего друга и о том, что тебя...

Он не договорил, но всем и так было ясно.

«...Тебя узнали?»

– Понятия не имею. – Крейн-Фейра пожал плечами. – Если подумать, довольно многие знают, кто я такой на самом деле. Вы четверо, Лайра и Камэ... Что знают двое, то знает и Меррская мать, но меня это не особо волнует. Что со мной может сделать капитан-император – объявить вне закона?

Шутка вынудила их слегка расслабиться, хотя Джа-Джинни не сомневался, что Кристобаль лукавит. У него были веские причины скрывать свое небесное происхождение, не говоря уже об огненной крови, от многих магусов и людей. В том числе и от правителя Лейстеса, Зубастого Скодри.

И тут, словно в ответ на его мысли, в таверне появился новый посетитель – высокий седой мужчина в простой одежде. Завидев Крейна, он тотчас же заулыбался и поспешил к их столу.

– Добрый вечер, капитан! Господин Скодри послал меня, чтобы поздравить с удачным завершением похода.

– Передайте ему мою сердечную благодарность, – сказал магус. – Как он поживает? Мы давненько тут не были...

– Э-э... – Слуга Зубастого почему-то замялся. – Вы можете спросить его самого. Господин Скодри приглашает вас на ужин. – Он перевел взгляд на Эсме. – Он также надеется, что новая целительница «Невесты ветра» будет вас сопровождать.

Эсме ошеломленно подняла брови. Джа-Джинни усмехнулся: знай она, кто такой этот «господин Скодри», удивилась бы куда сильнее. У самого крылана приглашение вызвало стран-

ную тревогу. Взглянув на капитана, он увидел, что тот тоже насторожился. Уж не собрался ли Скодри переманить целительницу на свой фрегат или каким-то другим способом оставить ее в Лейстесе? Спасение Кузнечика стремительно обрастало невероятными подробностями и было уже на полпути к тому, чтобы превратиться в легенду...

– Эрдан?.. – спросил Крейн.

Мастер-корабел покачал головой и пробормотал что-то вроде: «Я слишком стар для поздних ужинов». Умберто тоже отказался, сославшись на какие-то важные дела, и тогда Крейн перевел взгляд на Джа-Джинни:

– У тебя тоже важные дела?

Крылан скривился:

– Ты же знаешь, я не люблю быть украшением стола.

– Передай Скодри, мы обязательно придем. – Магус повернулся к слуге, который терпеливо ждал ответа. – Я, Эсме и Джа-Джинни. Рад буду повидаться с госпожой Агнес и остальными.

Старик, пряча взгляд, пробормотал какую-то вежливую чушь и скрылся. Умберто посмотрел на капитана и, получив молчаливое согласие, откланялся.

– Может, кто-то объяснит мне, что произошло? – поинтересовалась Эсме с еле заметным раздражением. – Кто такой этот Скодри?

– Очень милый человек, – ответил ей Эрдан совершенно серьезно, а Джа-Джинни опять усмехнулся: ему бы не пришла в голову мысль назвать того, кто на протяжении долгих лет наводил страх на добрую четверть Империи, очень милым человеком.

Хотя Эрдан был прав – в определенном смысле.

* * *

Утро после грозы было свежим и чистым.

Джайна выпустила на волю исстрадавшегося пса, открыла в доме все окна, чтобы прогнать ночные страхи, а потом прошлась по двору, собирая сломанные ветки и листья, занесенные ветром. Робин и Кэсса помогли ей. Мальчику с трудом удавалось молчать – ребенок всегда остается ребенком, даже если в его жилах течет небесная кровь.

– Его прислали за нами? – наконец спросил Робин с любопытством, но без страха. Кэсса промолчала, но нетерпение и тревога в ее глазах почему-то показались Джайне совсем не детскими. – Он нас выследил, да?

– Не думаю, – ответила Джайна не очень уверенно. – Он просто... пролетал мимо.

– Мимо, как же! – Мальчик рассмеялся совсем по-взрослому. – Ты видела? У него *шесть* крыльев, и все – черные, как полночь в безлунную ночь. Я даже не думал, что в... человеке может быть столько черноты.

Джайна машинально отметила, что Робин запнулся на слове «человек».

Ночью, затащив незнакомца в дом, она первым делом попыталась снять с него перевязь с метательными ножами и едва не осталась без руки – крылан, не приходя в сознание, схватил ее за запястье и тихо зашипел. Пальцы у него были такие сильные, что даже ее крепкие кости затрещали. Превозмогая боль, она застыла и с трудом дождалась, когда он обмяк и железная хватка разжалась. Перед глазами у нее двоилось – его настоящие перья смешивались с теми, которые никто другой, кроме ее соплеменников, не мог увидеть. И те и другие в самом деле были чернее черного.

– Мне страшно, – прошептала Кэсса. – Вот бы нам куда-нибудь уйти...

Джайна покачала головой:

– Нам некуда уходить, моя маленькая.

«И негде спрятаться».

Раздался такой звук, словно кто-то скреб когтями по дереву. Она оглянулась и увидела ночного гостя. Крылан замер на пороге дома: его крылья бессильно обвисли, исцарапанное лицо казалось маской. Бирюзовые глаза внимательно оглядели двор, Джайну и детей, а потом остановились на дереве, которое ночью раскололо молнией. Джайне было немного жаль дерева – оно давало приятную тень в жару и мелодично шелестело листвой.

Он снова перевел взгляд на Джайну и прищурился, а потом еле заметно улыбнулся. Она, конечно, переделалась и высушила волосы, но царапины на руках и лице должны были продемонстрировать человеку-птице, кто снял его с дерева и спас ему жизнь. Ей не составило труда понять ход его размышлений: обычной женщине ни за что не удалось бы проделать такой фокус, а небесные птицы, как правило, не живут в развалах, далеко от городов, на островах, где кругом одни фермеры и рыбаки, вечно в шаге от нищеты... Все просто, все очень просто.

«Он понял, – подумала Джайна. – Помоги нам, Белокрылая».

Оставалось надеяться лишь на то, что у них общий враг.

Его величество капитан-император Аматейн.

* * *

Когда отзвонили вечерние колокола в порту, они уже приближались к жилищу Скодри. Старый пират обитал в отдалении от шумных улиц – в небольшом особняке, оплетенном виноградной лозой по самую крышу, посреди цветника, где бурно разрослись розовые кусты.

– Красивое место, – сказала Эсме с легкой улыбкой. Джа-Джинни хмыкнул, Крейн промолчал. От гостиницы, где пришлось остановиться на время ремонта «Невесты ветра», они шли в молчании, которое тяготило целительницу, но нарушить его она решила только сейчас. – Я бы хотела жить в таком доме.

– Я давно говорил капитану, что не мешало бы купить в Лейстесе какое-нибудь жилище, – сказал крылан. – Но ему нравится кормить гостиничных клопов.

Магус одарил его косым взглядом – и опять промолчал. Впрочем, Джа-Джинни не нуждался в ответе, он и сам знал: даже если Кристоаль поддастся когда-нибудь на его уговоры, он не станет жить в купленном доме. Как и во многих других, приобретенных по случаю и пустующих. Он не признавал другого дома, кроме «Невесты ветра».

– Может, все-таки расскажете мне, кто такой этот Скодри? – осторожно спросила целительница. – И отчего ему понадобилась я? Как-то не хочется выглядеть полной дурой...

Выдержав паузу, Джа-Джинни убедился: Крейн по-прежнему не желает разговаривать. И тогда он принялся объяснять сам:

– Ты что-нибудь знаешь о лирийском мятеже?

Она помотала головой.

– Это случилось... э-э... точно не помню, кажется, лет через десять после заключения Договора Семерых. Клань Орла, Скопы и Ястреба не поделили между собой Лирию – большой процветающий остров. Сейчас уже не разберешь, кто первый начал, – клань несколько лет валили вину друг на друга, – но когда жители Лирии, измученные тем, что с них снимают дань в трехкратном размере, да еще и император постоянно требует подарков, подняли восстание, его подавляли сразу три клана, которым помогали цепные акулы. Не вдаваясь в подробности, скажу: от острова осталось пепелище. Города и поселки сровняли с землей, виноградники вырубали...

– Заступница! – ошеломленно пробормотала Эсме. – Теперь припоминаю: Велин об этом рассказывал. Но почему с ними обошлись так жестоко?

– Капитан-император решил преподать урок, – встрял Крейн. – Как говорится, чтобы другим неповадно было.

– Да-да, – кивнул Джа-Джинни. – Магусы не щадили ни женщин, ни детей. В ход шло любое оружие, и в живых осталась всего-то тысяча лирийцев. Среди них оказался и некий Скодри – рыбак, не участвовавший в восстании, но потерявший в итоге всех родственников до единого – где-то полтора десятка человек. В тех краях у рыбаков всегда были большие семьи.

– Он решил мстить?

– Совершенно верно. Собрал таких же несчастных, сколотил команду. Как они первый фрегат захватили, я расскажу в другой раз, но факт есть факт – уже через полгода после лирийской бойни Скодри вовсю пиратствовал в морях, и горе было тем магусам, которые попадались ему в руки.

Эсме побледнела, и Джа-Джинни счел это удачным поводом закончить рассказ.

– Руки – это еще что, – сказал Крейн, словно не замечая молчания крылана. – Кое-кто попался ему в зубы. Это известная история. Когда Скодри захватил в плен одного из воинов клана Скопы, тот вызвал его на поединок и заявил – дескать, будет драться без оружия, потому что его оружие всегда при нем. Видела когда-нибудь скопу? В боевом облике у них когти, словно лезвия кинжалов, шипы и все такое. Скодри принял вызов смеясь – все тогда решили, что он окончательно помешался. Дуэль закончилась тем, что Скодри загрыз своего противника. С тех пор его стали называть...

– Зубастым, – сказала целительница. – Проклятье! Отчего вы меня сразу не предупредили?

– Ты бы осталась в гостинице? – иронично поинтересовался капитан. – Не каждый день тебя приглашает на ужин живая легенда. Ну ладно, не надо так переживать. Он уже давно никого не кусает – обзавелся семьей и тихо-мирно живет в Лейстесе... Который, кстати, никогда не был бы построен, если бы не Зубастый.

– Хотя он по-прежнему ненавидит магусов, – заметил Джа-Джинни. – Всех, а не только виновных в гибели Лирии.

– Но как же... – Эсме растерянно подняла брови. – Ведь он...

– Он не знает, кто я такой. – Крейн улыбнулся краем рта. – Впрочем, возможно, скоро начнет что-то подозревать.

Джа-Джинни кивнул, соглашаясь с Кристобалем. О капитане Крейне заговорили лет пятнадцать назад, хотя «Невеста ветра» вышла в море гораздо раньше. Ждать осталось недолго: пройдет еще лет пять, и жители Лейстеса – те, кто воочию видел знаменитого пирата и его фрегат под зелеными парусами, – обратят внимание, что он не стареет. Тогда они сделают единственно возможный вывод.

– Думаю, у нас точно есть в запасе год-другой, – сказал крылан. – А потом надо будет что-то предпринять.

Крейн отмахнулся, давая понять, что не желает больше говорить на эту тему. Они прошли по узкой дорожке, посыпанной мелкой галькой; с обеих сторон вздымались огромные – выше человеческого роста – кусты роз. «Жаль, не цветут», – подумал Джа-Джинни. В прошлый раз он попал сюда в разгар лета, когда цветов было больше, чем листьев, и едва не опьянел от их аромата.

Возле дома, под навесом из лозы, был накрыт большой стол, вокруг которого суетились слуги. Ими командовала маленькая худощавая женщина лет сорока. Ее необычайно густые и длинные волосы были собраны в хвост, простое платье облегалo стройную фигуру, а изящные пальцы справлялись не только с иголкой, но и с острым тонким стилетом, который Агнес всегда держала при себе. Крылан легонько тронул Эсме за локоть и прошептал, взглядом указывая на женщину:

– Это жена Скодри.

– О-о, вот и гости! – воскликнула Агнес, увидев их. – Как раз вовремя! Милый!

Эсме передернуло при слове «милый». Скодри, хромая, появился из-за угла дома. Он был ниже Крейна, зато намного шире в плечах и рядом с миниатюрной супругой казался настоящим великаном. В свои шестьдесят лет пират сохранил почти все зубы, и в его густой шевелюре черных волос было намного больше, чем седых. Спину он держал по-прежнему прямо, а голову – гордо.

– Ах, бродяга! – Скодри по-медвежьи облапил Крейна – у другого от таких объятий затрещали бы ребра, но магус не дрогнул. – Я уж думал, ты больше к нам не вернешься.

– Неужели? – хмыкнул Крестобаль. – Меня не было всего полтора года.

– В море время течет по-другому, – заметила Агнес. – Джа-Джинни, мы рады тебя видеть в добром здравии. Крестобаль... – она укоризненно взглянула на Крейна. – Представь нас!

Крейн закивал, и последовал слегка церемонный ритуал знакомства. Эсме превзошла ожидания крылана: она учтиво улыбалась Скодри и даже бестрепетно протянула руку, которую тот поцеловал.

– Мы единственные гости? – поинтересовался Крейн, оглядев стол. – Ты больше никого из капитанов не пригласил?

– А зачем? – искренне удивился Скодри. – Ребята со сторожевых кораблей и так бывают у меня почти каждый день, мы друг другу надоели. Но такие редкие гости, как ты, давно не сидели за этим столом.

– Как же? – удивился Крейн. – А Звездочет? Ведь «Утренняя звезда» стоит в доке?

– Дразнишь меня? Ты ведь знаешь сам, он не из тех, с кем я хотел бы ужинать ради собственного удовольствия. – Скодри на мгновение помрачнел, словно вспомнив о чем-то неприятном. – Да к тому же его на фрегате нет.

Джа-Джинни проглотил ругательство. Звездочета нет на фрегате? Но где же он тогда? Вместо него этот вопрос осторожно задал Крейн, на что Скодри вполне ожидаемо заявил:

– Не знаю и знать не хочу. Сатто, его помощник, был у меня и сказал, что временно командует «Звездой», пока Звездочет не вернется. Вот ты и разберись, если так интересуешься. Хотя я ума не приложу, зачем он тебе понадобился.

Крейн красноречиво взглянул на Джа-Джинни, и они молча решили обсудить эту странную новость после ужина.

Потом появились дочери Агнес и Скодри – Джа-Джинни с трудом припомнил, что одной, должно быть, уже исполнилось восемнадцать, а другая на два года младше. Девушки смеялись, щебетали, и именно из-за них Эсме перестала смотреть на хозяев дома с опаской.

Одного человека не хватало.

– А где Люс? – спросил Джа-Джинни у Агнес, когда они садились за стол.

Младший ребенок Скодри, долгожданный сын, ему нравился – это был на редкость смысленный и любознательный мальчишка.

Женщина потупилась, и ее улыбка на мгновение погасла.

– Он... потом придет.

«Потом?»

Джа-Джинни с трудом представлял себе, что могло помешать Люсу выбежать первым навстречу капитану Крейну, которого он просто обожал, но настаивать было неприлично.

Застолье Скодри устроил отменное: блюда сменяли друг друга и были столь вкусны, что, как шутливо заметил Крейн, за этим столом и кракен бы наелся до отвала. Скодри тотчас парировал, заявив, что кракен скорее попал бы на этот стол в качестве главного блюда.

– Кстати, – сказал Крейн, – Эсме очень интересовалась историей Лейстеса, но я решил, что лучше ей про все самое главное узнать от основателя города. Ты не мог бы?..

– Конечно! – радостно зарычал Скодри, не заметив, что целительница совсем смутилась. – Вот скажите, Эсме, чем человек отличается от зверя?

Девушка растерянно пожала плечами.

– Не знаете? – Старый пират лукаво улыбнулся. – Зверь, будь он птицей или рыбой, питается тем, что поймает, и спит там, где безопасно. Птицы, правда, выют гнезда, но не все и обычно лишь на то время, пока высидивают яйца и выкармливают птенцов. А человеку нужен дом, Эсме. Дом. Это такое место, куда ты всегда можешь вернуться, как бы далеко тебя ни забросила судьба. Или... – По лицу Скодри пробежала туча, он ненадолго умолк. – По крайней мере, о возвращении домой можно мечтать. Даже если за твою голову назначена награда.

В два глотка он осушил полный кубок обжигающей сарьи, и на краткий миг в его глазах полыхнул тот самый огонь, который в свое время заставлял цепных акул трепетать при одной лишь мысли о Зубастом Скодри.

– Этот город, – продолжил он серьезно и сурово, – основан вовсе не только для пиратов. Лейстес открыт для всех, кто потерял свой дом. Знаешь, девочка моя, граница между моряком и пиратом не всегда так уж очевидна. Порою случается, что пиратский фрегат берет на бордаж торговый, а тот оказывается лучше вооружен. И каков результат? Торговец очищает трюмы пирата и преспокойно продает его товар в ближайшем порту. Команда, естественно, отправляется считать острова, а сам фрегат в лучшем случае успеваешь удрать и перерождается где-нибудь в океане. Но я отвлекся... – Он усмехнулся. – Если моряк завербовался на судно, может случиться так, что он вернется домой не скоро – и, оказавшись на берегу, увидит, что дома-то и нет.

– Сгорел, к примеру, – сказала Эсме очень спокойно.

– Допустим. Что это значит? Это значит, что теперь наш матрос навеки привязан к морю. Но, что ни говори, человек не рыба и не может всю жизнь провести в брюхе фрегата, поэтому рано или поздно он начинает подумывать, что не мешало бы осесть где-нибудь в порту, прикупить землицы и заняться выращиванием... ну, например...

– Роз, – подсказала целительница.

– А почему бы и нет? Красивые цветы. И вот тут-то наступает самое интересное. Распрощался наш моряк с друзьями, получил свою долю, сошел на берег. Присмотрел себе домик, а заодно и жену. И тут к нему приходит местный староста да ненавязчиво так намекает: дескать, все хорошо, ты парень при деньгах, да вот только нам бывшие пираты в соседях не нужны. Ты не пират? А докажи. Вот только возмущаться не надо, мы люди мирные, спокойные – если что, по шее дадим без лишнего шума, пойдешь как миленький считать острова. Приходится ему вновь наниматься на фрегат – а там и старость не за горами... Понимаешь, к чему я клоню?

Эсме кивнула, и крылан невольно подумал, что она действительно понимает тоску Скодри по родному дому – тому, который даже Эльга-Заступница не сумела бы вернуть, – лучше, чем он сам или Кристоаль Крейн.

Джа-Джинни отлично знал историю основания Лейстеса, которому исполнилось всего-то двенадцать лет. Началом стал договор между Скодри и Лайрой Арлини, королем Окраины. Хотя Лайра был молод и горяч, он осознавал, что Окраина никогда не сумеет собрать флот, который позволит не бояться Империи. И пошел на хитрость – заключил сделку с Зубастым Скодри. Окраина передала пиратскому королю один из самых плодородных островов в обмен на обещание держать в постоянной боеготовности небольшой флот, который в любой момент сможет прийти по зову Лайры Арлини и встать на защиту его хрупкого королевства. Скодри в те годы уже начал задумываться о домике и розовых кустах, поэтому на предложение Арлини согласился легко, поторговавшись лишь для вида. Там, где они заключили договор, теперь находилась главная лейстесская площадь, которую назвали площадью Согласия. Это было место общего сбора, а также суда, поскольку в Лейстесе существовали и стражи порядка – отряды, следившие, чтобы никто не нарушал мир и покой. А для тех, кто все-таки не мог удержаться, на той же площади выстроили тюрьму.

Скодри поначалу вовсе не собирался брать на себя управление городом. Он рассчитывал создать что-то вроде совета капитанов, который бы и принимал решения. Но капитаны прихо-

дили и уходили, а Зубастый почти все время был в Лейстесе, и как-то само собой получилось, что он стал править городом и вершить суд.

Джа-Джинни порою с грустью думал о том, что, как бы хорошо ни выглядел Скодри, он рано или поздно достигнет своего предела, да и сам Лайра, хотя и намного моложе, тоже не вечен. Что же произойдет с Лейстесом, когда оба его хранителя уйдут вслед за Великим Штормом? Что произойдет с Окраиной?..

– Вот так-то, – закончил свою историю Скодри. – Так и живем.

– Здесь очень красиво, – сказала Эсме совершенно искренне, позабыв о страхе и смущении. – Это необычайно прекрасное место.

Зубастый улыбнулся.

За разговором время текло незаметно. Когда начало темнеть, старый слуга и двое помощников развесили на деревьях маленькие фонарики, чей теплый оранжевый свет придавал вечернему саду неизъяснимое очарование. Поддавшись этой странной магии, хозяева и гости постепенно умолкли, и каждый задумался о чем-то своем.

Мысли Джа-Джинни были невеселыми: он вдруг ощутил себя лишним среди этой идиллии – и все потому, что некстати вспомнил о прошлом. «Ведь мы играем, притворяемся. Отдыхаем, устав от битв и рек крови. Да, Кристоаль? Да, Скодри? Но это несправедливо по отношению к Эсме и девочкам – они-то думают, что мы настоящие...»

Крылан не сразу почувствовал на себе пристальный взгляд Агнес: должно быть, за двадцать лет супружества жена Зубастого Скодри отточила интуицию так, что та превратилась в дар чтения мыслей. Она смотрела на Джа-Джинни и еле заметно качала головой. Крылан виновато улыбнулся. Он успел позабыть, насколько хрупко волшебство подобных вечеров. Его способны разрушить даже неправильные мысли. А что уж говорить о неосторожных словах...

Вдруг раздался звонкий голос Марты, младшей дочери Скодри и Агнес:

– Капитан Крейн! Ой! – Она рассерженно взглянула на сестру, от которой только что получила локтем в бок. Лора, старшая, выглядела очень смущенной и злой. Она хотела бы заставить Марту замолчать, но было поздно. – Мы с Лорой поспорили... Она говорит, вы совсем не изменились с последнего визита... ни капельки не изменились. Капитан, сколько вам лет? Лора говорит, тридцать, но тогда... – Девочка хихикнула. – Получается, что вы в пятнадцать лет уже командовали фрегатом.

Джа-Джинни оторопел. Уж не подслушал ли кто-нибудь их разговор, спрятавшись за кустами? Вполне возможно. Как он мог проявить такую невнимательность...

– Я всегда знал, что дети унаследовали твою хитрость, Скодри, – сказал Крейн с добродушной усмешкой. – Это интересный ход, Марта. Мне больше тридцати. В женихи ни тебе, ни Лоре я не гожусь – слишком стар для вас обеих.

Марта рассмеялась, а старшая сестра, не сдержавшись, отвесила ей легкий подзатыльник. Мать нахмурила брови, и девочки угомонились, хотя и не без труда.

– Они чрезмерно болтливы, – сказала Агнес. – Люс обычно их сдерживает...

– Да-да, а где же он сегодня? – с легкой тревогой спросил Крейн. – Я начинаю думать, что чем-то его обидел в прошлый раз. Надеюсь, с ним ничего плохого не случилось?

Жена Скодри опустила голову, и по ее щеке скатилась слеза.

– Случилось... – шумно вздохнул старый пират.

Только теперь Джа-Джинни понял, что с самого начала не давало ему покоя: слишком веселыми казались эти двое, слишком беззаботными. Слишком не похожими на самих себя.

– Собственно, поэтому я и пригласил целительницу вместе с тобой. Мы... – Фразу он договорил в один голос с женой: – ...хотим попросить о помощи.

В самом начале минувшей весны Люс упал с дерева. В этом не было ничего необычного – мальчишкам его возраста свойственно лазать где ни попадя и, конечно, падать. Даже то, что

он сломал руку, не так уж сильно испугало Агнес: в годы своей юности она видела немало по-настоящему страшных ранений. Лекарь – целителя в Лейстесе в тот момент не нашлось – соорудил лубки из тонких дощечек и выразил надежду, что через пару месяцев от перелома останутся только воспоминания. «Молодые кости срастаются быстро», – сказал он и исчез в неизвестном направлении.

И кость действительно срослась, но как-то странно – Люс с трудом мог разогнуть руку. Скодри забеспокоился, наконец-то нашел целителя, но тот, узнав о проблеме, лишь виновато развел руками: слишком поздно.

Время шло, рука мальчишки все больше теряла подвижность, пока не перестала шевелиться вовсе. Всю глубину несчастья родители осознали, лишь когда заметили, что она сделалась тоньше, чем другая, здоровая. Что же еще они могли почувствовать, услышав о целительнице, которая способна возвращать людей с того света, как не разгоревшуюся вновь надежду?..

– Мне нужно его осмотреть, – сказала Эсме и поднялась из-за стола. От ее смущения и робости не осталось и следа. – Где он?

– Наверху. – Скодри тоже встал. – Идем со мной.

Когда они вошли в небольшую комнату на втором этаже, Люс сидел за столом, неудобно изогнувшись, и левой рукой старательно выводил что-то на листе бумаги, от сосредоточенности прикусив кончик языка. Он так увлекся, что не сразу заметил посетителей.

Мальчишка был похож на мать – такой же худощавый, изящный, с тонкими чертами лица. Он заметно подрос со дня их последней встречи. Джа-Джинни вдруг подумал, что ребенок вряд ли знает правду о бурной молодости Скодри. Люс явно души не чаял и в отце, и в матери. Их вполне можно было бы назвать счастливой семьей, если бы не увечье, отравлявшее жизнь не только мальчику, но и его родителям.

Люс поначалу робел от неожиданности, но быстро пришел в себя – встал из-за стола, поклонился. Его правая рука была согнута в локте и прижата к груди; пальцы чуть заметно шевельнулись, но не более того. Когда мальчик выпрямился, рукав соскользнул, и крылан увидел: мышцы от локтя до запястья усохли, кожа потемнела. Рука была почти бесполезной, почти мертвой.

«Его лицо – сама доброта. Никогда бы не подумал, что сын Зубастого Скодри может выглядеть таким невинным...» – подумал крылан, и ему тотчас же сделалось совестно за сарказм.

– Люс, мы привели гостей! – От волнения Агнес охрипла. – Мы решили, ты обрадуешься...

– Капитан Крейн! – восхищенно проговорил мальчик. – И Джа-Джинни! Я... я так рад! Я так давно вас не видел, капитан!

– Прости, я был слишком занят, – сказал Кристоаль. – Но зато у меня накопилось множество новых историй.

– С удовольствием их послушаю! – Улыбка Люса померкла. – Только вот записать не смогу. Я никак не могу научиться держать перо в левой руке.

Краем глаза Джа-Джинни заметил, как Агнес отворачивается и украдкой вытирает слезу. Скодри тронул локоть жены, и на его лице отразились такие тоска и беспомощность, что Джа-Джинни почувствовал озноб. Даже будь пират сейчас моложе на двадцать лет, в зените славы, он не сумел бы помочь собственному сыну, хотя не остановился бы ни перед чем. Просто есть в мире вещи, которые не купишь за золото и не заставишь отдать под угрозой страшной смерти.

Но существуют целители – их можно попросить.

– Позволь мне осмотреть тебя? – Эсме, до этого скромно прятавшаяся за широкой спиной капитана, скользнула к мальчику. Люс удивленно заморгал, только теперь заметив девушку. – Я целительница.

На мгновение лицо Люса стало больше похожим на отцовское.

– Пожалуйста, – с горькой иронией сказал он. – Мне не привыкать к осмотрам.

Эсме усадила пациента на кровать, сама опустилась рядом. Ненадолго в комнате стало очень тихо: целительница, закрыв глаза, ощупывала руку Люса. Он сидел тише мыши, а остальные наблюдали, затаив дыхание. Наконец Эсме закончила осмотр. Выражение ее лица показалось крылану странным: она как будто мысленно спорила с кем-то, пыталась кого-то переубедить.

– Я даже не знаю, как объяснить... – проговорила она и смущенно замолчала, взглянув на Люса, а потом на Скодри и Агнес.

Старый пират не успел ответить на невысказанный вопрос Эсме – сын опередил его:

– Прошу вас, не скрывайте ничего! Я не маленький уже и хочу все знать! Пожалуйста...

Скодри еле заметно кивнул.

– Хорошо. – Эсме опустила взгляд. – Сломанная кость неправильно срослась. С каждым днем мышцы руки отмирают, и, если оставить все как есть, ты вскоре не сможешь шевелить и пальцами.

При этих словах Люс сильно побледнел, но ничего не сказал.

– Собственно говоря, есть один-единственный способ... и он очень... – Эсме шумно вздохнула, собираясь с духом. – В общем, можно заново сломать руку в том же месте, и тогда я сумею срастить ее как надо. – Завидев проблеск надежды на лице мальчишки, она торопливо добавила: – Но имеется одна сложность. Если повредить сустав сильнее, чем он уже поврежден... может оказаться, что ты страдал напрасно.

Люс мгновенно сник.

– Значит, все зря, – скорбно прошептала Агнес. – А я так надеялась...

– Погодите! – перебила Эсме, хмуря брови. – Я еще не закончила. Все дело в том, что нужно ломать точно в том месте, где я покажу... а для такой точности нужны... сильные руки и сильные пальцы. – Она снова умолкла на мгновение. – Пальцы магауса.

Ухмылка Скодри напомнила Джа-Джинни, кто перед ним стоит.

– Значит, надежды нет, – сказала Агнес. Ее супруг молчал. – Единственный магус на острове – ворон, Безымянный алхимик... Я забыла, как называется их странный обычай, из-за которого даже богач может стать бродягой. Он очень стар и уже утратил силу. Да и вряд ли он согласился бы помочь нам...

Джа-Джинни оторопел. У воронов и впрямь был один удивительный обычай: иногда они отказывались от всего, что имели, – от положения в обществе, семьи, богатства и собственного имени, – и отправлялись странствовать по миру. Считалось, что, совершив «путешествие по Дороге печали» – оно могло длиться годами, – ворон постигал какие-то новые истины и очищал душу от прегрешений. Впрочем, крылан никогда не пытался понять воронов. Его волновало лишь то, что почти сорок лет назад Дорогой печали ушел старейшина этого клана – и до сих пор не вернулся.

Его звали Рейнен Корвисс, и из всех ныне живущих магусов только он один мог помочь Джа-Джинни отыскать ответ на очень непростой вопрос. И, несмотря на неподходящий момент, человек-птица не сумел совладать с чувствами. Взволнованно шевельнув крыльями, он спросил:

– Агнес, а у этого алхимика случайно нет шрама на лице?

– Есть, – ответила женщина. Она была так поглощена словами Эсме, что даже не удивилась такой бестактности. – Ожог на правой щеке, большой и уродливый.

«Я нашел его!» Джа-Джинни отвернулся, чтобы никто не заметил, как на его лице вспыхнула совершенно неуместная радость. «Нашел!» Крылану хотелось танцевать. Он понимал, что Безымянный алхимик может и не пожелать делиться секретами, но надежда, внезапно обрет-

шая второе дыхание, теперь билась и рвалась на волю, словно дикая птица в слишком тесной клетке.

– От него никакого толку, – продолжила Агнес, совершенно убитая горем. – А пока судьба занесет в Лейстес другого небожителя, времени пройдет немало...

– Гораздо меньше, чем вы думаете, – Крейн обращался к Скодри и Агнес, но смотрел на целительницу – пристально, не мигая. – Я готов помочь, если вы не против.

«Вот проклятье!»

Джа-Джинни так обрадовался известию о Безымянном алхимике, что совершенно не придавал словам Эсме того значения, которое она в них вкладывала. А теперь уже было поздно что-то исправлять. Целительница навлекла на них серьезные неприятности, и Скодри...

– Делайте что надо, – проговорил Зубастый с каменным лицом.

Его жена ничего не сказала, но ее взгляд, устремленный на Кристобаля Крейна, был весьма красноречив. Джа-Джинни тоже посмотрел на капитана – тот снял куртку и подворачивал рукава рубашки. Эсме сидела спокойно – прямая, сосредоточенная, – словно не понимая, что натворила.

Люс всячески старался сохранять спокойствие, но в его глазах была паника. Он очень хотел показать себя настоящим мужчиной – и все же боялся боли. Ничего удивительного. Крылан подсел к нему и когтистым пальцем аккуратно прикоснулся к подбородку, заставив повернуть голову. Раз уж Эсме сделала то, что сделала, пусть это пойдет на пользу хотя бы мальчику.

– Капитан рассказывал тебе, как ему пришлось однажды охотиться на самого себя?

– На самого себя? – удивленно повторил Люс. На мгновение любопытство пересилило страх. – Это как же?

– А вот так... – Пока Джа-Джинни говорил, Эсме что-то тихо объясняла капитану, и тот кивал со сосредоточенным видом. – Ты ведь знаешь, что в имперских портах у капитана Крейна другое лицо и другое имя? Как-то раз в порту Кейлис нас нанял один человек. Он сказал, что торгует шанисскими коврами и что его обманули компаньоны... дескать, мы нужны, чтобы помочь в розыске этих людей. Он хорошо заплатил, а взамен поставил условие: в каждом порту он будет называть следующий город, и только так. Все идет прекрасно, хотя и скучно, возим мы его из порта в порт, а на пятой остановке...

– На шестой, – послышался голос Крейна.

Собственно, эту историю должен был рассказывать он, потому что Джа-Джинни все время, пока на борту находился чужак, сидел в трюме и сходил с ума от безделья.

– Да, на шестой... этот человек заболел, и очень серьезно. – Крылан не стал уточнять, что причиной болезни стала некая сушеная трава, которую пассажиру подсыпали в еду с молчаливого согласия капитана. – И вот тогда-то мы проверили его бумаги. Оказалось, что этот честный торговец на самом деле имперский агент, который выслеживает – кого? – правильно, Кристобаля Крейна и его фрегат. Он искренне верил, что находится на корабле обыкновенных контрабандистов, мелких жуликов. Ему нужна была рыбка покрупнее, и поэтому он даже не заметил, что прямо перед его носом...

Щелк!

Краем глаза Джа-Джинни успел разглядеть, как Крейн едва прикоснулся к руке мальчишки. Она сломалась легко, словно сухая ветка. Тело Люса выгнулось дугой, сквозь стиснутые зубы вырвался глухой стон, но в этот миг за дело принялась Эсме. Под ладонями целительницы вспыхнуло такое яркое сияние, что крылан зажмурился. Когда он открыл глаза, то первым делом увидел, как Люс смотрит на Эсме и недоверие в его взгляде сменяется надеждой.

– Мне не больно... – прошептал мальчик. – Совсем не больно...

Отблески золотистого света ложились на лицо Эсме. Ее глаза были закрыты, она казалась спокойной и умиротворенной. Тогда, в Тейравене, она выглядела другой – напряженной, даже

отчасти испуганной. Он вспомнил, как стоял рядом, сжимая в руке флакон с густым черным эликсиром, и ждал, когда *что-то пойдет не так*.

Эликсир...

Крылан снова зажмурился и с трудом сдержал грязное ругательство.

– Смотрите! – вдруг воскликнул Люс. – Она же... она похожа на нашу новую статую Заступницы! Правда?

Скодри, а за ним и Агнес приблизились к кровати сына.

– Ты прав... – слегка растерянно проговорила Агнес. – Они действительно похожи, словно эту статую с нее ваяли. Вы были в нашей часовне?

– Пока что не были, – сказал Джа-Джинни, сообразив, что она обращается к нему и старательно избегает смотреть на Крейна. На ее лице при этом отражалась настоящая буря противоречивых чувств. – А что, там и впрямь появилась новая статуя?

«Наверное, кто-то из богатых пиратов исподволь замаливает грехи».

Его вопрос остался без ответа. Агнес вновь устремила взгляд на руку сына, окутанную золотистым сиянием. Болезненный цвет кожи сменился здоровым загаром, в отмершие мышцы на глазах возвращалась жизнь. Мальчик, сосредоточенно нахмурившись, уставился на свои пальцы, словно хотел взглядом заставить их пошевелиться.

– Все! – выдохнула Эсме и начала оседать на пол.

Крейн подхватил ее и уложил на кровать Люса. Агнес стиснула локоть мужа, но не двинулась с места, как будто неосторожное движение могло спугнуть птицу удачи, ненароком залетевшую в их окно. Люс вытянул руку, согнул пальцы. Сжал кулак.

И заплакал.

Эсме пришла в себя очень быстро и оглядела собравшихся вокруг людей. Поначалу у нее был сонный, смурной взгляд, и она явно не понимала, что делает в этой комнате, на чужой постели. Но постепенно силы и память к ней возвращались.

– Ты в порядке? – спросил магус, сидевший на корточках возле кровати.

Девушка кивнула. Джа-Джинни ясно видел по ее лицу: Эсме осознает, что из-за нее капитан выдал свою тайну, но для угрызений совести слишком устала. Крестобаль, сохранявший невозмутимый вид, помог ей встать.

Люс, которого обнимали родители, восторженно глядел на своих спасителей, но постепенно и он понял, что тишину, повисшую в комнате, иначе как напряженной назвать нельзя.

– Капитан... – начал он и осекся.

Скодри и Крейн смотрели друг на друга, почти не мигая. Магус первым отвел взгляд. Он взял со спинки кровати свою куртку и небрежно перебросил ее через плечо.

– Осмелюсь попросить, чтобы произошедшее в этой комнате осталось тайной, – сказал он ровным голосом, будто речь шла о каком-то пустячном недоразумении. – Хотя, конечно, вы вольны мне слова не давать.

– Мы никому не скажем, – быстро проговорила Агнес. – Это останется тайной. Правда, Скодри?

Старый пират прищурился:

– Из какого ты клана?

– О Заступница! – Крейн скривился. – Какое это имеет значение?

– КЛАН! – зарычал Скодри. – Назови свой клан!

Джа-Джинни машинально заслонил собой Эсме.

– Я сам себе клан, – бесстрастно ответил магус. – Можешь орать сколько душе угодно, ты меня не испугаешь. Если ты не хочешь мирно разойтись, то пошли во двор и поговорим на том языке, который нам обоим известен.

Скодри не ответил. Невыносимо долго они сверлили друг друга взглядами, а потом старый пират отступил, увлекая за собой жену и сына. Магус склонил голову, изображая благо-

дарность, улыбнулся Люсу и вышел из комнаты. Джа-Джинни и Эсме последовали за своим капитаном.

Уже на улице, далеко от дома Зубастого, Крейн вдруг замедлил шаг, а потом и вовсе остановился. Джа-Джинни замер, сжал запястье Эсме и вынудил ее отступить. Магус начал светиться. От него сыпались мелкие трескучие искры, их становилось все больше и больше. Тогда в таверне крылан понадеялся, что пробуждения первопламени не будет, но ошибся. Забытая мелодия, а потом выходка Эсме сыграли свою роль.

– Мне надо уйти, – хрипло проговорил Крейн, разглядывая свою искрящуюся руку. – Я должен побыть один.

– Не вопрос, капитан, – сказал крылан, стараясь не выдать беспокойства. – Я присмотрю за всем.

И магус растворился в темноте. Он обычно исчезал на сутки или чуть больше и появлялся потом из ниоткуда, угрюмый, немногословный и пропахший гарью. Случись такое в другом городе и при других обстоятельствах, Джа-Джинни не стал бы переживать – он привык. Но в Лейстесе их положение стало достаточно уязвимым. К примеру, что им делать, если завтра утром Скодри потребует, чтобы «Невеста ветра» убиралась прочь из Благодатной бухты?

– Кажется, я все испортила, – сказала Эсме очень тихо, явно не рассчитывая, что он услышит. Крылан пожал плечами, и она слегка вздрогнула. – Я не могла по-другому. Они попросили.

– Да, знаю, – сказал Джа-Джинни и почувствовал, что вся злость на нее исчезла без следа. Она и впрямь не могла поступить иначе, таковы уж были целители: они сражались до последнего, даже если понимали, что шансы вылечить того, кто попросил о помощи, исчезающе малы. Они сражались, чего бы это ни стоило. – Я тут вспомнил кое-что о вас, детях Светлой Эльги. Эсме вопросительно приподняла брови.

– Эликсиры, – сказал Джа-Джинни с легким упреком. – Вы ведь их пьете не ради того, чтобы утолить жажду?

Она отвернулась, пряча смущение.

– Я мог слетать на «Невесту ветра» и взять нужный флакон из твоего сундука. – Он несколько раз взмахнул крыльями. – Почему ты не попросила меня об этом?

Она пожала плечами:

– Не подумала. Какая теперь разница...

– В самом деле, никакой, – сказал Джа-Джинни и почувствовал, как что-то в его душе начинает меняться. Эта хрупкая девушка отдала ради исцеления человека, с которым раньше никогда не виделась, несколько дней своей жизни... или месяцев? Не говоря уже о том, что спасение Кузнечика стоило ей нескольких лет. С точки зрения здравого смысла оба поступка были невероятно глупыми, но крылан не мог ее осуждать – он мог только восхищаться, хоть это и противоречило всем его инстинктам. – А, я понял. Ты просто боишься меня и не хочешь лишний раз ко мне обращаться – тем более за помощью.

Эсме негромко рассмеялась в ответ на его грустную шутку, и они пошли дальше по темной безлюдной улице. Где-то впереди море ворчливо билось о каменный пирс.

– Нет, в самом деле! – продолжил Джа-Джинни, пряча улыбку. – Это ведь я принес в твой дом беду, именно я сделал так, что тебе пришлось покинуть родной город и, страшно сказать, присоединиться к пиратской шайке! То, что ты заключила сделку с Умберто, не имеет никакого значения – на самом деле я мог бы на одной из тейравенских улиц свернуть не налево, а направо, не обратив никакого внимания на его просьбу отправиться к тебе. В тот момент меня волновала только судьба Кристобая.

– Ты не был вестником беды, – возразила Эсме. – Если уж на то пошло, ее принес Эйдел Аквила, которого я видела тем же утром в таверне. Он намекнул, что устроит мне веселую жизнь, если я не расскажу, где Велин хранил «нечто ценное»... Теперь-то я понимаю, что он

рассчитывал с моей помощью выйти на след «Невесты ветра». Господин наместник не догадывался, что в это самое время Кристоаль Крейн находится от него в нескольких шагах.

«Ну, до их встречи оставалось совсем немного времени», – подумал крылан и поморщился, вспомнив о том вечере. Эсме заметила его гримасу, но истолковала ее по-своему.

– Ты, наверное, устал? – спросила она.

– С чего ты взяла?

– Ну-у... – Он не видел ее лица, но поспорил бы на что угодно: целительница сильно покраснела. – Насколько я могу судить, твое тело создано для полета, а не для ходьбы по земле. А сегодня мы уже второй раз пересекаем весь город. Даже у меня болят ноги.

– Просто тебе сандалии жмут, – проворчал Джа-Джинни, хотя на самом деле она была совершенно права.

Если бы рядом с ним находился, к примеру, Умберто, крылан бы без промедления взлетел, чтобы добраться до «Невесты ветра» куда менее утомительным способом. Но оставлять ее одну посреди ночного города? Лучше уж сразу отыскать печь достаточно большого размера и кинуться в нее, не дожидаясь возвращения Кристоаля Крейна.

Улица вильнула вправо и устремилась вниз. Воздух здесь был другим – сырым, пахнущим солью и рыбой. Послышались звуки трактирного веселья – звон гитарных струн, невнятный шум разговоров, отголоски смеха.

А потом сквозь них просочился слабый, еле слышный крик:

– Помогите!

* * *

Прошло полдня, но Джайна так и не услышала от человека-птицы ни единого слова, хотя не сомневалась, что говорить он умеет. Он не мешал ни ей, ни детям; просто сидел на крыльце и смотрел в небо или бродил неподалеку от дома, волоча за собой крылья – *настоящие* крылья, и правое было, похоже, повреждено или даже сломано... Она молила Белокрылую, а заодно и Светлую Эльгу, чтобы последнее не оказалось правдой, иначе что ей делать? Оставлять незнакомца в доме надолго невыносимо. У них едва хватает еды на троих, но главная причина в другом: он не доживет до голодных дней. В сущности, в его распоряжении всего три дня и три ночи.

Одна ночь уже прошла.

«Я подумаю об этом потом». Она принесла ему миску похлебки и ложку; он спокойно принял угощение и принялся есть с видимым аппетитом, но не поблагодарил даже взглядом. «Вот нахал...» Она несколько раз приближалась к нему с намерением поговорить и хотя бы узнать имя – пусть ненастоящее, какая разница, не звать же его все время «незнакомцем», «крылатым», «крыланом» или как-то еще в том же духе, – но сделать последний шаг никак не решалась. Почему-то он не попросил назад свои метательные ножи, не попытался их отыскать и даже не выглядел обеспокоенным их исчезновением. Может, помнил, куда они делись? Может, ночью он не потерял сознание, а притворился?

Еще до наступления темноты она узнала, в чем дело: он не нуждался в оружии, чтобы убивать.

За пять лет на этом острове Джайна неоднократно встречалась с опасностями, и были эти опасности довольно разнообразны. Грызохваты, серые твари с длинными гибкими телами и мощными челюстями, то и дело наведывались в ее птичник. А однажды к дому подошел старый седой грисс, которому ничего не стоило раскроить ей череп одним ударом лапы, и долго смотрел в темное окно, словно размышляя, как быть с теми, кто спрятался от его когтей и зубов за хлипкой преградой из камней и досок. Кэссу укусил пестрый ползун; Джайна побежала с ней на руках в город и, только выйдя из дома целителя, поняла, что где-то по пути потеряла баш-

маки и до крови стерла ноги об острые камни. Какой-то бродяга попытался запугать ее и детей, но сам испугался большого черного пса, выскочившего из-под крыльца, и с воплями убежал в сторону города. Но ни разу за все это время ей не приходилось иметь дела с грабителями, и она успела поверить, что в краю, где почти все живут в нищете, эта напасть ее семье не грозит...

Услышав за дверью чьи-то шаги, она ни на миг не усомнилась, что это крылатый, – Робин и Кэсса ушли в рыбацью деревню, да к тому же они ступали куда легче, – и не сразу обернулась на звук открывающейся двери. Спустя мгновение кто-то схватил ее за волосы и приставил к шее острое лезвие.

– Тише, тише... – прошипел прямо в ухо незнакомый голос. – Не дергайся.

Джайна замерла. Ее клан не обладал талантами, позволяющими легко справиться с угрозой, однако безобидной белой голубкой она тоже не была и вполне могла за себя постоять... Если бы обидчик явился один. Но незваных гостей оказалось трое: второго она увидела в дверном проеме, а третьего – за окном. Неужели кто-то узнал о кошельке с десятью империялами, спрятанном в тайнике под полом? Или им требовались не деньги? Она прикусила губу. Два испытания подряд меньше чем за сутки... Что ж, придется потерпеть. Белокрылая любит терпеливых.

Хорошо, что дети далеко.

– Иди сюда, – сказал второй бандит, и на его лице появилась мерзкая широкая улыбка. – Ты красотка, как нам и говорил этот рыжий шебаршила. Иди, иди... Хочу на тебя поглядеть!

– Ты второй, Баклар, – раздалось злобное шипение у нее над ухом. – Займись сначала щенками, заставь их замолчать.

– Нету их нигде, – Баклар нахмурился и взмахнул собственным длинным ножом. – И с чего вдруг ты...

Его прервал странный звук, за которым последовала еще более странная вещь: из груди бандита вырвалось нечто черное, шевелящееся, перепачканное в густой крови, а потом исчезло, оставив после себя разверстую рану. Баклар рухнул на пол, словно мешок соли. У него за спиной возвышалось чудовище, в котором Джайна не сразу признала крылатого. На побледневшем лице человека-птицы горели жуткие, невероятно огромные бирюзовые глаза. Черные волосы стояли дыбом, и точно так же взъерошились перья; крылья были черным плащом за его спиной. Он словно стал выше ростом и уже не выглядел измученной раненой птицей, ему хватило сил, чтобы... Нет-нет-нет... Какая бы опасность ни угрожала Джайне, ей не хотелось верить, что бандит по имени Баклар был убит *голыми руками*.

Или, точнее, одной рукой.

– Сейчас ты еепустишь, – сказал человек-птица тихим, очень спокойным голосом. – И я тебя убью быстро и безболезненно.

Шею Джайны пронзила острая боль.

За спиной расхохотались:

– Что? С какой стати мне слушаться тебя, птичка?

– С такой, что я уже убил твоих товарищей, обоих, – ответил крылан по-прежнему спокойно. – А если ты не станешь меня слушать – убью тебя. Медленно.

– Откуда ты вообще тут взялся? Нам говорили о женщине с двумя детьми. В этом доме не должно было быть мужчин. Кто тебя прислал?

Человек-птица поморщился и произнес чуть слышно:

– Как много слов...

Сердце Джайны стукнуло дважды: тук-тук. За время между ударами крылан быстрее молнии рванулся к бандиту, державшему нож у ее шеи, и что-то хрустнуло, а потом стало тихо. Она стояла не шевелясь и чувствовала, как кровь тонкой струйкой течет за воротник платья. Она боялась открыть глаза.

– Надо убрать эту грязь, – сказал крылатый. – Пока дети не вернулись.

* * *

Кричали где-то рядом. Он огляделся, увидел узкий проем между домами, сквозь который была видна соседняя улица, и взмахом руки указал на него Эсме.

А потом поднялся в воздух.

Перелетев через крышу ближайшего дома, он не стал сразу садиться, а сделал круг над головами людей, обступивших фигуру, скорчившуюся на мостовой. Их было четверо – рослые, широкоплечие, в черных плащах с капюшонами. «Что я делаю?» – вдруг подумал Джа-Джинни, словно проснувшись. Он безоружен, а эта компания определенно не выглядит доброжелательной. И никто с «Невесты ветра» не поможет – для этого надо, чтобы опасность угрожала ему, а не чужаку.

Он пристроился на плоской крыше и оттуда с интересом спросил:

– Вам не страшно вчетвером на одного?

Один из людей в черном поднял голову:

– Тебе какое дело? Лети своей дорогой, птичка, а не то...

– Тут моя дорога закончилась, – перебил Джа-Джинни. – Ты ведь знаешь, кто я и откуда?

– Еще бы! – незнакомец рассмеялся. – Ты друг вспыльчивого капитана Крейна.

«Знал бы ты, до какой степени вспыльчивого».

Джа-Джинни слетел с крыши и опустился в двух шагах от бандитов, обступивших жертву. Та укрывала голову руками и боялась пошевелиться, но была, насколько он мог судить, еще жива и относительно здорова.

Лишь теперь крылан понял, что вступился за женщину.

– Ну, раз так, – сказал он небрежным тоном, – то вам пора отсюда убираться.

– Думаешь, Крейн тебе поможет? – зловеще поинтересовался один из людей в черном, и Джа-Джинни улыбнулся. Все-таки хорошо, что о случившемся в доме Скодри еще не успели узнать посторонние...

– Так ведь он сейчас будет здесь, я его чуть-чуть опередил, – сказал он. – Мы как раз возвращаемся домой после ужина у капитана Скодри. Вы сможете ему объяснить, что тут произошло, а я послушаю.

Он даже не рассчитывал, что все закончится так просто, однако незнакомцы не стали ждать появления «вспыльчивого капитана Крейна» и растворились в темноте, сохраняя злое молчание. Случившееся чем-то напоминало сцену из дешевой уличной пьесы, поэтому Джа-Джинни не удивился, когда женщина подняла голову и оказалось, что это Лейла.

Колокольчики в ее волосах звякнули. Она огляделась и устремила на крылана пристальный немигающий взгляд. Лицо у нее было совершенно белым от страха.

– Я раньше не задавался этим вопросом, но теперь он меня мучает: неужели у всех странствующих музыкантов такой талант ввязываться в неприятности? Или ты особенная? – поинтересовался Джа-Джинни.

Из темноты возникла Эсме и едва не набросилась на него с кулаками:

– Ты глупец! Разве можно так рисковать? Их же было четверо!

– Да, всего лишь четверо, – беззаботно отозвался крылан. Приключение завершилось благополучно, и он ощутил внезапный прилив сил. – Эсме, упади хоть волос с моей головы или перо из крыла, сюда бы тотчас примчались ребята с «Невесты». Как я не так давно прилетел на помощь Кристобалью... Эй, ты куда? Постой!

Пока они с целительницей пререкались, Лейла тихонько подобрала упавшую гитару, с трудом поднялась и теперь уходила, прихрамывая. Крылану не составило труда догнать беглянку.

– Я что-то не расслышал, как ты поблагодарила меня за чудесное спасение, – сказал он прежним шутливым тоном.

– Я сочиню балладу об этой ночи, – хмуро ответила девушка, продолжая идти вперед. – И буду петь ее во всех тавернах Окраины.

– Очень мило! – воскликнул Джа-Джинни. – Вижу, ты торопишься и даже не хочешь подумать об одной очень важной вещи.

– О какой еще важной вещи? – спросила Лейла.

– О такой, что твои друзья в черном могут ждать за следующим поворотом, чтобы продолжить прерванный разговор.

Девушка резко остановилась, гитарные струны жалобно тренькнули.

– Да, – сказала она с тоскливой обреченностью. – И что же мне теперь делать? Нанять телохранителя?

– Это тебе решать. Можно поступить проще – не гулять в темноте по безлюдным улицам без спутника. А на эту ночь я готов предложить свои услуги.

Джа-Джинни осекся: он совсем забыл про Эсме, которая валилась с ног от усталости. Но целительница в очередной раз его удивила.

– Я составлю вам компанию, – заявила она весело и бодро. – Надеюсь, идти не очень далеко?

– Как сказать... – пробормотала Лейла. Минуту-другую музыкантша колебалась, глядя то на целительницу, то на крылана, но в конце концов страх победил осторожность. – Пойдемте. Я живу в доме алхимика.

«Единственный магус на острове – ворон, Безымянный алхимик...»

– Ворона-алхимика? – тупо переспросил Джа-Джинни и получил в ответ заслуженную язвительную усмешку.

– Да, о светоч мудрости. Ворон – мой... друг. Так мы идем или нет? – Лейла покачнулась, и крылан вдруг заметил темное пятно на ее рукаве.

– Ты ранена! – воскликнула Эсме. – Позволь, я...

– Это царапина, – пробурчала музыкантша и резко отдернула руку.

В ее взгляде проскользнуло что-то... странное. Джа-Джинни ощутил нарастающую тревогу: эта девушка изначально вела себя странно, однако теперь ее поведение вообще нельзя было объяснить. И все же он чувствовал, что должен пойти вместе с ней, чтобы попытаться поговорить с алхимиком. Ради возможности получить ответ на вопрос, мучивший его уже много лет, крылан даже согласен был, чтобы при беседе присутствовала Эсме, хотя это ему совсем не нравилось.

– Пойдемте, – тихо повторила Лейла и пошла вперед, не оглядываясь.

Недолгий путь они проделали в молчании, все трое еле плелись. Луна вышла из-за туч как раз в тот момент, когда они подошли к дому. Он стоял на отшибе, посреди небольшой рощицы, и с виду казался заброшенным. Такие жилища – их по традиции называли «башнями», хотя настоящих башен вороны не строили вот уже тысячу лет, – имелись во множестве городов, больших и маленьких. Их размещали в отдалении от других зданий, потому что эксперименты алхимиков нередко бывали опасны для соседей. Все «башни» принадлежали клану Корвисс, и городские власти получали от него кругленькую сумму за возможность пользоваться землей по собственному усмотрению. Но даже если бы вороны вдруг перестали платить, возразить им никто бы не осмелился – слишком уж зловещая была у этого клана репутация.

И к тому же совершенно заслуженная.

– Странное место, – пробормотала Эсме, невольно отступив на шаг назад, и Джа-Джинни вдруг подумал, что как раз в Тейравене башни алхимика он не заметил. Собственно, а был ли там вообще алхимик? Он решил попозже расспросить об этом целительницу.

Но сейчас его мысли занимал Безымянный.

– Благодарю вас за помощь, – с фальшивой улыбкой проговорила музыкантша. – Жаль, не могу пригласить в дом – хозяин этого не любит, да и поздно уже...

«...Так что вам пора убираться восвояси», – закончил про себя крылан и хмыкнул. Он не для того хромал через полгорода, чтобы просто взять и уйти.

– Хотя я и не особо рисковал, спасая тебя, – сказал он душевным тоном, – все-таки по правилам хорошего тона мне полагается какое-нибудь вознаграждение.

Лейла нахмурилась:

– И чего же ты хочешь?

– Да ничего особенного. Просто скажи ворону, что я хочу с ним поговорить. Я даже не прошу, чтобы ты падала перед ним на колени и умоляла согласиться... Впрочем, это было бы очень мило с твоей стороны... Так вот, мне нужно поговорить с твоим другом-алхимиком. Только и всего.

Музыкантша призадумалась. Она стояла, обняв свою гитару, словно закрываясь ею от Джа-Джинни, кусала губы и морщила лоб. Крылан развел руками, демонстрируя, что у него на поясе нет оружия, и, следовательно, он не сможет никому причинить вреда.

– Хорошо, я попробую, – пробормотала девушка. – Ждите здесь.

Она постучала. Это был условный стук со сложным ритмом, и за дверью почти сразу раздались шаги, словно ворон ждал возвращения своей гостью. Или все-таки не просто гостью? Крылан покачал головой: сплошные тайны...

Дверь скрипнула и приоткрылась, но ровно настолько, чтобы Лейла сумела змеей проскользнуть внутрь, оставив гитару на крыльце. Послышались приглушенные голоса, потом отчетливо раздался возглас музыкантши:

– Он ведь мне помог!

Спустя вечность дверь открылась снова – и сердце Джа-Джинни забилось чаще.

На пороге стоял высокий худой мужчина в темном мешковатом одеянии. Лампа в руке хозяина дома бросала дрожащие отблески света на его лицо, позволяя увидеть безобразный шрам на правой щеке. Говорили, много лет назад Рейнен Корвисс был ранен во время неудачного эксперимента, но отказался от услуг целителя и предпочел до конца своих дней носить уродливую отметину. В его памяти хранилось слишком много секретов, которые никто не должен был узнать.

– Входите, раз пришли, – негромко проговорил ворон и отступил.

Джа-Джинни схватил Эсме за руку и увлек за собой. «Только не задавай вопросов! – безмолвно взмолился он. – Я все объясню, когда придет время, но не сейчас!» Целительница вела себя спокойно, как будто и впрямь услышала его отчаянную просьбу. В полном молчании они поднялись на второй этаж и оказались в просторной комнате. Было темно – огонь в камине освещал лишь маленький кусочек пола, – но Джа-Джинни разглядел полки с книгами вдоль стен, стол, заставленный хрупкими стеклянными сосудами и странными штукovinaми непонятного назначения, узкую койку у окна. В дальнем углу стояла большая клетка, из которой доносилось шуршание.

– Тут кругом беспорядок, – сказал алхимик, – я не ждал гостей. Садись-ка сюда...

Он взмахнул рукой, указывая на два больших кресла перед камином. Лейла между тем что-то шепнула Эсме, и целительница кивнула. Обе девушки поднялись выше, на чердак, – вероятно, там и жила музыкантша.

Джа-Джинни устроился на самом краешке сиденья, сложив крылья, насколько это было возможно. В мыслях он много раз беседовал с Безымянным и думал, что сумеет вести себя

достойно, если повстречается с неуловимым алхимиком. На деле вышло иначе – он растерялся и даже не знал, с чего начать. Не мог говорить. Как будто вернулся в прошлое, почти на сорок лет назад...

Только там был совсем другой ворон.

– Ты хотел со мной поговорить, – сказал алхимик, занимая второе кресло. – Я весь внимание.

Изуродованная половина его лица спряталась в тени, и Джа-Джинни вдруг осознал, что видит в двух шагах от себя не просто магуса, но, возможно, самого старого магуса из всех живущих. По самым скромным подсчетам выходило, что Рейнену Корвису должно быть не меньше трехсот пятидесяти лет. Он воевал с меррами и видел, как заключали Великое перемирие... Ни морщин, ни старческих пятен на коже, только волосы белее снега – небесные дети старели совсем не так, как люди. Они оставались сильными и здоровыми, а умирали, как сказал однажды Крестобаль, от тоски. Этот ворон, судя по обжигающему пылливому взгляду, должен был прожить еще немало.

– Пока ты охотишься за мыслями, позволь попросить об одной услуге, – вдруг сказал алхимик. – Можно мне поближе взглянуть на них?

Джа-Джинни пожал плечами. Почему бы и нет? Он встал, повернулся спиной к ворону и почувствовал, как сильные пальцы ощупывают крылья.

– Восхитительно! – бормотал алхимик себе под нос. – Просто чудесно! Я и не верил...

– Осторожнее! – От внезапной боли Джа-Джинни вздрогнул. – Я все-таки не чучело, набитое опилками!

– Прошу прощения... – ответил ворон с рассеянной улыбкой. – Увлёкся.

Растерянность Джа-Джинни перешла в легкое беспокойство. А вдруг он зря искал этого магуса? Вдруг Безымянный на самом деле враг ему, а не друг? Вот еще, глупость какая... В присутствии древнего ворона крылану и впрямь приходилось охотиться за мыслями, потому что те разбегались в стороны, словно верткие мальки. Но больше нельзя было молчать, и он, кое-как устроившись в кресле, сказал:

– Так сложилось, что я... не помню первые десять или двенадцать лет своей жизни. Все из-за болезни, которую я перенес в этом возрасте, она едва меня не убила. Мне пришлось всему учиться заново, я даже собственное имя забыл. – Он поерзал в кресле. Ворон ободряюще кивнул, всем своим видом демонстрируя внимание. – Потом со мной произошло... Впрочем, нет, это не важно. Последние семь лет я путешествую от острова к острову. Наш фрегат нигде не задерживается надолго, и я давно утратил счет местам, где мне довелось побывать. Не все они нанесены на карты...

– Наверное, ты видел немало чудес, – заметил ворон.

Крылан кивнул:

– Да. Однако речь не о них, а о том, чего я так и не увидел.

– Не увидел, – сказал ворон, – хотя всей душой желал отыскать.

Джа-Джинни понял, что его вопрос алхимику известен. Оставалось лишь понять, может ли Безымянный дать на этот вопрос хоть какой-нибудь ответ. Ответ, способный погасить яростный пожар, разгоравшийся в его душе, когда разгадка тайны казалась такой близкой, что только руку протяни – и она твоя... Крылан замер, уставившись на Рейнена Корвисса – могущественного магуса, по каким-то загадочным причинам отказавшегося от богатства, власти, собственного имени и даже прошлого.

Какая катастрофа могла заставить его пойти на такой шаг?..

– Я знаю, о чем ты хочешь меня спросить, потому что ты не первый, кто задает этот вопрос, – медленно проговорил Ворон и вскинул руку, увидев, какое у Джа-Джинни сделалось лицо. – Нет-нет, ко мне не приходили другие крыланы с просьбой рассказать, где же

посреди бескрайнего Океана следует искать их соплеменников. Меня спрашивали об этом люди и магусы, жаждущие увидеть чудо. Чудо с крыльями, способное по-настоящему летать.

– И что же вы им сказали, господин Ворон? – хрипло проговорил крылан.

– То же самое, что сейчас скажу тебе. – Алхимик на миг замолчал, подняв голову: наверху Лейла играла на гитаре что-то тихое и очень печальное. Сердце Джа-Джинни болезненно сжалось. – Я живу на этом свете много веков... Я видел такое, о чем ты даже не слышал, я беседовал с существами, чей облик привел бы тебя в трепет. Когда Золотой император повел свой флот в воды, захваченные приспешниками Меррской матери, я был на борту его корабля, «Золотой бабочки». – Джа-Джинни показалось, что он и сам стал бабочкой, которую Рейнен Корвисс пригвоздил к спинке кресла пронизательным взглядом, словно стальной иглой. – Но за все это время я ни разу не встречал подобных тебе. Прости. Ты первый живой и настоящий крылан, которого я вижу.

Джа-Джинни вздохнул и на секунду пожелал, чтобы его легкие отказались вновь наполняться воздухом, чтобы его сердце, трепыхнувшись в последний раз, замерло навсегда. Потом, устыдившись собственного малодушия, он с трудом улыбнулся и сказал:

– Что ж... получается, я зря отнял у вас драгоценное время.

– Времени у меня в избытке, – возразил магус, продолжая разглядывать крылана с нескрываемым интересом. Он явно не испытывал ни сожаления, ни сострадания, и произнесенное им слово «прости» было всего лишь набором звуков, данью вежливости. – И я еще не закончил. Лет... тридцать пять назад, когда я уже следовал Дорогой печали, до меня стали доходить любопытные слухи. Как ты сам понимаешь, пользуясь иногда башнями алхимиков, я получал известия от соплеменников, сам того не желая. Я узнал о том, что некто... назовем его ценителем диковинных существ... исполнил свою мечту и заполучил настоящего человека-птицу. Помнится, я тогда подумал, что если в легендах о крыланах есть хоть десятая доля правды, то человека-птицу не удержат никакие клетки. – Алхимик хищно улыбнулся. – Я оказался прав.

Воспоминания едва не захлестнули Джа-Джинни с головой.

– Я бы с радостью забыл о том, что тогда произошло, – хрипло проговорил он, зажмурившись. – Или нет, не забыл – обменял бы эти воспоминания на десять с лишним лет моей жизни, утраченные из-за лихорадки.

– Осторожнее с такими желаниями, – посоветовал ворон. – С чего ты взял, что забытые годы помогут ответить на вопрос, который тебя мучает?

Джа-Джинни открыл глаза. Магус сидел в кресле, подперев рукой подбородок; почему-то он казался менее пугающим и более человеческим, когда уродливый шрам на его щеке был виден.

– Семь лет в море... – задумчиво проговорил ворон, устремив отрешенный взгляд куда-то мимо крылана. – Семь песчинок на берегу, семь капель воды в океане. Я могу, не заглядывая в книги, назвать тебе пятьдесят видов животных и растений, которые встречаются только на каком-нибудь одном острове и больше *нигде*. Одни аралинские шептуны чего стоят! А прыгун-проглот с Неберры? И еще... Ох, прости, опять увлекся. Я лишь хотел сказать, что ты, возможно, слишком нетерпелив.

– Будь в моем распоряжении хоть век, я не стал бы торопиться, – возразил крылан, чувствуя, как им овладевают усталость и тоска.

Ворон выгнул бровь:

– Откуда ты знаешь, сколько тебе суждено прожить? Ты не человек. Что-то мне подсказывает, ты выглядел примерно так же и десять, и двадцать лет назад. Может, срок твоей жизни будет куда больше отпущенного человеку – может, ты переживешь иных магусов, включая меня. Ради Заступницы, прекрати себя жалеть. Твои крылья – не только тяжкий груз, но еще

и знак отличия. – Он многозначительно коснулся своей правой щеки кончиком указательного пальца. – Жаль, если за все эти годы ты так и не научился нести его с гордостью.

Джа-Джинни потер лоб, пряча смятение. Он мог бы сказать алхимику, что тот сам выбрал свой знак отличия и поэтому имеет право им гордиться; он мог бы сказать, что с каждым днем крылья становятся все тяжелее. Но от магуса исходило удивительное спокойствие, и часть его передалась крылану. Это было похоже на умиротворение, которое так часто охватывало его в небесах...

Он встал и расправил крылья.

– У очарованных морем есть одна поговорка, – сказал ворон, по-прежнему сидя в кресле и глядя на своего необычного гостя снизу вверх. – Их теперь мало, и они хорошо прячутся, но когда-то ты в любой таверне мог повстречать того, кто уже был одной ногой в океане, и поговорить с ним по душам... Так вот, они много раз твердили мне, что лишь три вещи в мире способны удержать человека или магуса на суше: любовь, ненависть и любопытство. – Он выдержал недолгую паузу, давая крылану возможность обдумать услышанное. – Я знаю, что помогает мне жить, делает невидимым для Великого Шторма. А ты?

Джа-Джинни покачал головой:

– Но я ведь не очарованный морем.

– Мы очарованы Вечной ночью, – возразил Ворон, кивком указывая на окно, за которым плескалась темнота. – И она получит рано или поздно всех – и земных детей, и небесных. Подумай о том, кого ты любишь... и кого ненавидишь. А потом вспомни, что в океане есть еще множество островов, где ни ты, ни твой капитан никогда не бывали. Вдруг на каком-нибудь далеком, еще не открытом берегу ты найдешь то, что так долго искал?

Сам того не зная, ворон почти дословно повторил фразу, которую сказала Джа-Джинни женщина, рискнувшая ради него жизнью. Крылан отчетливо понял, что встреча с алхимиком все же принесла плоды, хотя и совсем не те, на которые он рассчитывал.

– Спасибо! – сказал он со всей искренностью, на какую был способен. – Вы оказали мне большую честь. Простите меня за то, что побеспокоил вас так поздно.

– Мы, ученый люд, дню предпочитаем ночь, так что не извиняйся, – хмыкнул алхимик. – Для меня эта встреча тоже оказалась весьма поучительной. Если бы я еще и смог посмотреть, как ты летаешь...

Это был удачный поворот, поскольку Джа-Джинни хотел попросить, чтобы ему разрешили покинуть башню через окно чердака. Третий этаж – как раз подходящая высота, даже с Эсме на руках. Он сказал об этом ворону, и тот предложил не медлить.

Они поднялись наверх. Там горела одинокая свеча, а Лейла, сидя у окна, меланхолично наигрывала на гитаре знакомую мелодию. На тюфяке, из которого выглядывали птичьи перья, спала усталая целительница; она не проснулась, когда Джа-Джинни поднял ее на руки. Лейла и ворон в это время открыли окно – к счастью, оно оказалось достаточно большим, чтобы крылан сумел протиснуться. Он встал на подоконник и перед тем, как взлететь, оглянулся.

Ворон смотрел на него, восторженно улыбаясь.

Лицо Лейлы было бесстрастным.

* * *

Робин и Кэсса принесли из рыбацкой деревни корзину, полную мелких коралловых прыгунов с растопыренными колючими плавниками. Темное пятно на пороге не вызвало у них никаких подозрений, а шею – когда кровь перестала течь, порез оказался совсем небольшим, – она обмотала платком, сославшись на вечернюю прохладу. Крылатый вел себя точь-в-точь как до появления бандитов, чьи трупы лежали в овраге недалеко от дома. Ночью, наверное, за ними придут гриссы.

Стоя посреди кухни, Джайна с тяжелым вздохом достала одну рыбу, держа за хвост.

– Ты сильная женщина, – раздалось позади. Она оглянулась – осторожно, чтобы не потревожить шею, – и увидела крылана, который стоял на том месте, где умер бандит по имени Баклар. Стоял, сложив тонкие руки с длинными пальцами. Кто бы мог подумать, на что способны эти руки... – Не только сильная, но еще и хладнокровная, как будто тебе каждый день приходится вытаскивать из дома мертвецов.

– Я не всегда была такой, – сказала Джайна.

Он кивнул. Подошел, отобрал рыбу и нож и принялся за работу. Джайна невольно улыбнулась – царапины от ядовитых шипов заживали несколько дней, так что его помощь опять пришлась кстати, – но потом ее вдруг замутило. Он рубил плавники точными сильными ударами. Будь на месте рыбы что-то другое, он действовал бы так же.

– Я всего лишь отрабатываю свою долю ужина, – пробурчал крылан, не глядя на Джайну. – А вот что касается спасения моей шкуры... Люблю доводить дело до конца. Среди твоих знакомых есть какой-то рыжий?

«Ты красотка, как нам и говорил этот рыжий шебаршила».

– Трактирщик Сэрли, – медленно проговорила Джайна. – Он... хороший человек.

В тот же миг крылан всадил нож в столешницу и застыл будто изваяние, сжимая рукоять; потом вздрогнул всем телом, шумно вздохнул. Его пальцы шевельнулись – это было странное, нечеловечески плавное движение, – и он сказал, не глядя на Джайну:

– Да-да. Знал я хороших людей. У всего, что они делают, обязательно есть какая-то причина, и эту причину господин Сэрли мне обязательно сообщит. Не то чтобы она меня интересовала...

Тут он повернулся, и Джайна невольно сделала шаг назад: рот ее гостя, спасенного и спасителя, растянулся в страшной улыбке от уха до уха, а в бирюзовых глазах заиграли безумные огоньки.

Джайна закрыла глаза, а когда она их открыла, крылана рядом уже не было.

* * *

Эсме не проснулась, пока они летели над городом. Она была очень легкой, и он даже не устал. Самым сложным оказалось влететь в открытое окно и остановиться, не врезавшись в противоположную стену и не устроив слишком много шума. Джа-Джинни это удалось. Он уложил Эсме на кровать и, вдруг сообразив, что идти ему некуда, уселся на подоконнике и стал дожидаться рассвета.

Хозяин гостиницы был смекалист и молчалив; эти качества высоко ценились в Лейстесе. Можно было не опасаться, что утром станут болтать о том, каким странным образом целительница попала в свою комнату. Когда небо начало светлеть, оказалось, что вид из окна открывается преотличный: гавань как на ладони. Где-то далеко, у самого горизонта, острый глаз крылана различил сторожевой фрегат. Просыпающийся Лейстес ничем не отличался от других городов – разве что здесь было гораздо больше строящихся домов, потому что люди являлись со всех сторон света, желая начать жизнь заново там, где их не могли достать цепные акулы.

За спиной крылана послышался шорох.

– Мне снилось, что я лечу, – тихо проговорила Эсме.

Он улыбнулся и спросил, не оборачиваясь:

– А что еще тебе снилось?

– О, что-то странное... – Она немного помолчала. – Я на какой-то площади, стою на деревянном помосте и не могу ни сойти с него, ни укрыться от полуденного солнца – а оно жарит будь здоров. Руки у меня то ли связаны, то ли закованы в кандалы. Не знаю, собирались ли меня казнить или продать в рабство...

При этих словах Джа-Джинни чуть не выпал из окна, а целительница сказала:

– И знаешь, что самое удивительное? Я чувствовала во сне очень сильную боль – болели спина и плечи, как будто я проработала сутки в доках, перетаскивая мешки. Непонятная какая-то боль...

«Это невозможно, – в ужасе подумал Джа-Джинни. – Как она узнала?»

– На площади было полно людей, – продолжала между тем Эсме. – Все до единого на меня пялились. И среди них я видела знакомое лицо... только вот не помню, чье именно. Отвратительный сон.

– Да уж... – буркнул совершенно сбитый с толку крылан, размышляя, как бы перевести разговор в безопасное русло. Он по-прежнему сидел на подоконнике, но прекрасно услышал, как Эсме встала с кровати и подошла ближе. Думая, что он не почувствует, девушка осторожно прикоснулась к маховым перьям его правого крыла. Человек-птица давно привык, что у всех, кто оказывается рядом, возникает непреодолимое желание потрогать крылья; единственным исключением из этого правила был Кристобаль Крейн. Джа-Джинни не испытывал в подобных случаях ничего, кроме раздражения... но не сейчас.

– Это был не сон, – сказала Эсме.

«Так, это никуда не годится». Крылан спросил, бледнея:

– А что же, если не сон?

– Чей-то заплутавший мыслеобраз, вот что. «Невеста ветра» больше пяти недель хранит меня от чужих снов и мыслей. К хорошему привыкают быстро. На суше защита действует слабее... А может, я сама виновата – слишком расслабилась. – Она вздохнула или зевнула, а потом спросила совсем другим тоном: – О чем ты говорил вчера с вороном? И почему вообще решил к нему наведаться? Я просто сгораю от любопытства, если честно.

Джа-Джинни беспокойно заерзал на подоконнике и впервые за все утро обернулся. Эсме, взъерошенная и с кругами под глазами, смотрела на него; он увидел, как безмятежное выражение ее лица сменяется понимающим. Даже сочувственным.

«Что бы такое придумать?..»

– Извини, – сказала целительница, не дожидаясь ответа. – Я задала неправильный вопрос.

– У меня все написано на лбу? – спросил он с легкой иронией.

Она вздохнула:

– Можно сказать и так. Я не читаю твоих мыслей и прямо сейчас даже мыслеобразов не чувствую, но... Да, твой взгляд весьма красноречив. Расскажешь мне потом, если захочешь. Или не расскажешь. Это ведь было что-то очень личное, так?

– Да.

– Ты не обиделся?

– Нет, что ты... – торопливо проговорил Джа-Джинни. – Просто я много лет разыскиваю ответ на одну загадку, и почему-то мне казалось, что алхимик может помочь. Как выяснилось – зря надеялся.

– Понятно. – Она снова вздохнула. – Обещаю больше не спрашивать... чувствую, тебе это неприятно. Э-э... а что мы будем делать? Капитан вчера так быстро исчез. Он вернется сегодня?

– Не знаю. – Крылан пожал плечами и подумал, что все идет неплохо: карту пока искать не обязательно, а когда Кристобаль вернется, он вполне может и передумать. Перегорев, он всегда становился чуть-чуть другим и временами даже забывал то, что предшествовало вспышке первопламени. – Имеешь полное право бездельничать, бродить по городу... – словом, заниматься чем угодно. Ничего не бойся.

– Серьезно? – Эсме скептически выгнула бровь. – Кристобаль как-то раз сказал мне кое-что похожее, и не прошло и часа, как мы столкнулись со Звездочетом.

Крылан хохотнул:

– Я не Кристобаль, я отвечаю за свои слова. К тому же... а ты все еще не поняла?

Пришлось объяснять, что связь с «Невестой ветра» действует не только на корабле, но и на суше. Он напомнил о произошедшем в Тейравене – в тот раз он прилетел на помощь Кристобалью именно благодаря «Невесте», а до этого тихо сидел на палубе, как обычно поступал в имперских портах. Случись прошлой ночью что-то серьезное, «Невеста» тотчас проснулась бы и прислала кого-нибудь на помощь.

– ...А иначе какой смысл в команде? – закончил крылан. – «Невеста» связывает нас воедино, делает чем-то большим, чем просто шайка бандитов.

Девушка задумчиво проговорила:

– Теперь я понимаю, отчего присутствие фрегата в моем сознании не ослабевает из-за расстояния, не считая защиты от мыслеобразов. Да, это обнадеживает... но и пугает тоже. Если ты в команде, то не останешься в одиночестве даже на суше?

Джа-Джинни кивнул:

– Тебе еще ко многому предстоит привыкнуть.

– Воистину так! – Отчего-то ее улыбка показалась ему невеселой. – Послушай, а ты не мог бы показать мне дорогу в доки? Хочу забрать Сокровище. Раз уж мы застряли здесь надолго, негоже моему зверю оставаться без присмотра.

На том и порешили. Крылан вылетел из окна, чтобы немного покругить над городом, пока Эсме приведет себя в порядок и позавтракает. Сам он не хотел ни есть, ни спать. Полет вернул ему силы и хорошее настроение. До возвращения капитана и впрямь можно было как следует отдохнуть, не тратя времени на вопросы без ответов.

Он сделал несколько кругов, наслаждаясь свежим воздухом и мягким рассветным солнцем, а потом вспомнил про Эсме. Целительница уже стояла возле входа в гостиницу и наблюдала за его полетом. Поодаль зрелищем любовались несколько зевак. Пролетев вдоль улицы – от его крыльев поднялся ветер, – Джа-Джинни опустился на мостовую прямо рядом с девушкой. Она рассмеялась, оценив эффектное приземление, и они направились к докам.

По дороге Эсме вдруг спросила:

– Джа-Джинни, как давно ты попал на фрегат?

– Хм... где-то семь лет назад. А что?

– Да так... – Она вздохнула. – Значит, ты не был знаком с Велином?

– Нет, мы с Кристобалем встретились уже после того, как Велин оставил «Невесту». Если ты кого-то хочешь о нем расспросить, то только Эрдана или самого Кристобая. Но вообще-то с трудом верится, что учитель и опекун не рассказывал тебе ничего о прошлом.

– Он и впрямь не рассказывал... – Эсме растерянно пожала плечами. – Он меня учил целительству и остальным наукам – по книгам, по памяти... большей частью, по памяти. О жизни до Тейравена мы не говорили вообще.

– Тогда спрашивай Эрдана или Кристобая, других вариантов нет. Однако Эрдан не скажет того, что Кристобаль захочет скрыть. Лучше наберись терпения, и, быть может, капитан сам заговорит с тобой о своей дружбе с Велином.

– А куда мне торопиться? – сказала Эсме и улыбнулась.

Они шли по узкой улочке, разглядывая вывески лавок и мастерских, которых в Лейстесе было предостаточно.

– Ой, смотри!

Восклицание Эсме относилось к толпе на пристани: возле одного из лодочных загонов человек тридцать шумно спорили и размахивали руками.

– Мне не нравятся эти люди, – пробормотала девушка, но крылан уже и сам разглядел их хмурые лица.

Что-то случилось? Скорее всего, «Невеста ветра» не имела к этому никакого отношения, иначе они бы уже почувствовали ее зов, который невозможно было ни с чем перепутать. Тем не

менее слишком уж часто собравшиеся посматривали в ту сторону, где в осушенном до половины доке слегка покачивались мачты со сложенными зелеными парусами. Крылан ощутил, как дурные предчувствия гонят прочь его хорошее настроение, и не удивился, увидев в толпе Умберто вместе с несколькими матросами. Он сжал руку Эсме, и они вступили в море недоверия и подозрительности.

– Привет, Умберто! – сказал Джа-Джинни весело и беззаботно. – Что-то случилось?

Тотчас поблизости обнаружился невысокий полноватый человек; его рыжие волосы свисали неопрятными сосульками, а невыразительные водянистые глаза напомнили Джа-Джинни медуз.

– Случилось?! – завопил незнакомец. Крылан только сейчас заметил у него на лбу и виске потеки запекшейся крови. – Меня обокрали!

Дальше хлынул поток невнятных угроз: толстячок то подпрыгивал и сокрушенно хлопал себя по щекам, то принимался грозить кому-то грязным кулаком. Крылан принялся: от странного человека пахло рыбой и фрегатами... но больше рыбой. Причем тухлой.

Он посмотрел на Умберто, ожидая объяснений.

– Это Свен, лодочный смотритель, – хмуро начал помощник капитана. – Ночью кто-то сломал загон, и пятнадцать лодок исчезли.

Крылан присвистнул. Пятнадцать лодок! Неудивительно, что смотритель не в себе: если пропажу не удастся обнаружить, он будет разорен... Да что там, бедолагу просто разорвут на части те, кто поручил ему присматривать за своими слишком юными питомцами.

– А мы-то при чем? – спросил Джа-Джинни, и смотритель схватил его за плечо.

– При чем? – Свен вращал глазами – наверное, ему казалось, что это выглядит угрожающе. – Да при том, что ночью вышел я глянуть, что за шум на пристани, – а там какие-то ребята, и куртки у них... – Смотритель обвел людей взглядом и последнее слово произнес с трепетом, будто актер на подмостках: – ...Зеленые!

Зеленые куртки появились у матросов «Невесты ветра» лет десять назад и поначалу не представляли собой ничего особенного – многие команды придумывали знаки отличия, позволявшие неморякам определять, с кем они имеют дело. Но когда о Кристобале Крейне заговорили все и за его голову назначили награду, «форменная» одежда превратилась в улику, и ее стали надевать лишь в свободных портах. Таких, как Лейстес. Горячие головы вроде Умберто носили свои куртки постоянно, однако их, к счастью, было слишком мало, чтобы посторонние могли что-то заподозрить.

Так или иначе, смотритель предъявил команде «Невесты ветра» обвинение. Все замерли, не сводя глаз с крылана, а он резким движением сбросил руку Свена с плеча и повернулся к Умберто. Второй помощник капитана напустил на себя суровый вид, но Джа-Джинни прекрасно понимал, что тот, как и сам он, в полной растерянности.

Как же не вовремя исчез капитан...

– Когда, говоришь, ты вышел погулять? Ночью? – хмуро спросил крылан.

– Да! – выкрикнул смотритель, опасливо поглядывая на когти своего собеседника. На лице его читалось разочарование: Умберто был куда более удобной жертвой, чем Джа-Джинни. – Ночь... темно... гляжу – а там они! Шастают...

– Ты их увидел – и что, закричал? – продолжал выпрашивать человек-птица.

– Ага... а они меня – по башке!

– Да ну? – Крылан усмехнулся. – Все разом? Прыг – и на плоту, и по башке?

– Не-а... – Свен, поморщившись, притронулся к ране, скрытой под волосами. – Камнем...

– То есть ты стоял вон там... – Джа-Джинни махнул рукой в ту сторону, где располагалась плавучая хижина смотрителя. – А они – вот здесь, где мы сейчас стоим? И ночь была темная?

Смотритель кивнул, озадаченный такими странными вопросами. «Затоптали все следы, если они вообще были», – досадливо подумал Джа-Джинни, а вслух сказал, уже не скрывая иронии:

– Ну и зрение у тебя! Рассмотреть в темноте, что куртки зеленые, – ну, я бы не смог, честное слово. Ты, видать, ночью и черную кошку от серой отличишь? Завидую...

Свен оторопело кивнул и подался назад, явно желая смешаться с толпой. Джа-Джинни, молчаливо наблюдая за собравшимися, усмехнулся: постепенно его мысль стала понятна всем. Смотритель и впрямь мог заметить какие-то тени, копошащиеся на пристани, но не более того.

– Спасибо! – шепнул Умберто. – Я бы не сумел выпутаться из этой истории.

– Мы и не выпутались! – таким же шепотом ответил крылан. – Я просто их отвлек... но ненадолго. Сколько наших было на берегу этой ночью?

– Двадцать пять, считая нас с тобой, Эсме и капитана. – Умберто нахмурился. – Не нравится мне это. В Лейстесе мы всегда могли отдохнуть спокойно, а теперь... Где капитан? Боюсь, понадобится его помощь.

Прежде чем ответить, Джа-Джинни огляделся: толпа постепенно расходилась, люди посмеивались и больше не обращали внимания на Свена, который бегал от одного человека к другому – хватал за руки, что-то бормотал.

– Скоро капитан не появится. Нам придется справиться с неприятностями самим.

– Я не понимаю, – впервые подала голос Эсме, – отчего ты считаешь, что у этой истории будет продолжение? Они ведь тебе поверили.

Крылан вздохнул:

– Очень скоро до них дойдет, что это вовсе не чья-то дурацкая шутка и лодки в самом деле пропали. Пираты способны на всякое, но до недавнего времени в Лейстесе никто и никогда не отважился бы на столь наглое ограбление с целью выкупа. Те, кто проводит большую часть жизни в сражениях, ценят покой превыше золота и драгоценных камней... и чужих лодок.

– Но почему он попытался все свалить на нас? – Целительница недоверчиво покачала головой. – Как-то все слишком странно выглядит.

– Вот и я о том же, – ответил Джа-Джинни с невеселой усмешкой. – Умберто, глянь-ка на загоны. Что ты видишь?

Помощник капитана медленно подошел к краю пирса, постоял там недолго, потом вернулся.

– Похоже, ограждение пробито в нескольких местах... хм... – Он внезапно просветлел. – Послушай, а доски-то наружу торчат! Как будто изнутри ломали!

– Это уже кое-что, – пробурчал крылан. – Ладно. Пожалуй, мы все-такиждемся капитана.

Обеспокоенная Эсме вздохнула с облегчением. Умберто тотчас принялся рассказывать ей какую-то забавную историю, а крылан стоял рядом, продолжая разглядывать сломанные загородки. Умберто был прав: обломки досок торчали наружу, а это могло означать лишь одно: кто-то бился в стены изнутри. Но лодки подняли бы страшный шум – проникни в загон чужак. С другой стороны, смотритель ведь почему-то вышел из хижины, значит...

Джа-Джинни поискал взглядом Свена, но безуспешно – не иначе, тот уже отправился заливать горе в какой-нибудь из портовых таверн, сопровождаемый сердобольными приятелями.

– Проводи Эсме на борт, – сказал крылан. – Она хочет забрать своего зверя.

Умберто не надо было просить дважды. Наблюдая за удаляющейся парочкой – моряк галантно держал Эсме под руку, она смеялась его шуткам, – Джа-Джинни вдруг почувствовал беспричинную досаду.

А потом он ощутил на себе чей-то пристальный – и очень знакомый – взгляд.

– Ты сегодня без гитары?

– Сегодня я отдыхаю. – Лейла взмахнула рукой: под тонкой тканью блузы виднелась плотная повязка от запястья до локтя. – Да и завтра, наверное, тоже.

Крылан мягко пожурил ее:

– По мне, так это глупо – не воспользоваться помощью целителя, когда тот сам ее предлагает, да еще бесплатно.

– Ой ли? – девушка лукаво улыбнулась.

«Три тысячи кракенов!»

Джа-Джинни отвернулся, досадливо морщась. Во второй раз за одно утро его мысли прочитали по лицу с поразительной легкостью. Неужели он все-таки стареет?..

– У всех есть тайны, – негромко проговорила Лейла. – Но некоторым особенно не повезло – они не хотят... или просто не могут... да, именно не могут позволить, чтобы кто-то другой увидел то, что прячется у них внутри. Мы трое – я, ворон и ты – как раз такие. Мы по разным причинам отгородились от всего мира высоким забором без ворот, и даже целителю за этот забор нет хода. Я ведь права, ты предпочтешь страдать, но непустишь чужака в свою душу?

Крылан, чуть помедлив, ответил:

– Да.

Она добродушно рассмеялась. Казалось, и говорить-то им не о чем, но почему-то не хотелось расставаться. Джа-Джинни делал вид, что смотрит вдаль, а на самом деле искоса разглядывал стоявшую рядом девушку.

Он никак не мог избавиться от ощущения, что им уже доводилось встречаться...

– Я вообще-то подошла к тебе не случайно, – вдруг проговорила Лейла и слегка нахмурилась. – Я хотела кое-чем поделиться. Так уж вышло, что у меня на чердаке отлично слышно, о чем разговаривает Ворон со своими гостями.

Джа-Джинни насторожился.

– А его навещают гости? – спросил он, стараясь не выдать своего волнения. – Мне показалось, он не из общительных натур.

Лейла улыбнулась краем рта.

– Навещают. Вот дней десять назад приходил один рыбак, из новых переселенцев. Рассказал, как был счастлив прошлой зимой, когда посватался к самой красивой девушке побережья и получил ее согласие. Мило, правда?

– Весьма.

– Вот. Но потом на свадьбе появился лорд Рейго Лар – слышал о таком? Он из клана Чайки... Появился и увел молодую жену, хотя она сопротивлялась. Рыбаки, конечно, схватились за ножи, однако в замке господина Рейго как раз гостил сам лорд Скопа вместе с большим отрядом охранников. Неудивительно, что друзья и родичи бедолаги-мужа не отважились на что-то посерьезнее угроз.

– Я не стал бы их винить в трусости, – сказал крылан. – Я знаю, на что похожи скопы в бою.

– Женщину вернули через неделю. Он, как мог, пытался ее утешить и не напоминал о случившемся. Ему даже показалось в какой-то момент, что им удастся все забыть... А потом обнаружилось, что она беременна. И началось самое страшное. С каждым днем муж все меньше узнавал свою жену – она менялась, стала говорить чужими голосами и на непонятном языке, то и дело звала кого-то. Постепенно она забыла имена всех родных, не узнавала их и в конце концов погрузилась в безумие полностью. Как ты думаешь, что сделал рыбак?

Джа-Джинни пожал плечами. Он уже слышал истории о том, как магусы воровали молодых и красивых женщин. У рыбака было два пути: терпеть и страдать молча – или...

– Как-то вечером он и трое его братьев подстерегли лорда Рейго, когда тот возвращался домой с охоты. Двух охранников рыбаки сбросили с обрыва, а лорд... подробности я опушу,

но они его не убили, а так отделали, что целителю пришлось изрядно постараться, возвращая господину Чайке прежний вид. Понятное дело, после этого им всем пришлось бежать. Ты, верно, удивляешься, зачем я это рассказываю?

Крылан только усмехнулся.

– Он привез жену в Лейстес и здесь, узнав об алхимике, решил попросить о помощи, потому что целители безумцев не лечат. Она уже скоро должна рожать. – Лейла ненадолго замолчала, словно собираясь с мыслями. – В бреду она часто повторяет: черные крылья, они сказали, что у моего ребенка будут черные крылья.

У Джа-Джинни на миг перехватило дыхание. Он посмотрел на Лейлу и понял по выражению ее лица, что девушка и впрямь хранит много секретов – хватило бы и одного, чтобы лишиться покоя на всю жизнь... а возможно, и самой жизни.

«Ты первый живой и настоящий крылан, которого я вижу».

Быть может, Рейнен Корвисс слишком давно покинул своих соплеменников и знал о них меньше, чем ему казалось?..

– Благодарю, – хриплым голосом сказал Джа-Джинни, уже не скрывая истинных чувств. – Это и в самом деле интересная история, она... вынуждает о многом задуматься. Но зачем же ты мне помогаешь?

– Мне вдруг показалось, что из *твоей* истории может получиться неплохая песня, которую будут петь в тавернах даже после того, как... мое место займет кто-то другой. Но пока что ей не хватает завершения. Вот я и решила помочь.

Крылан растерянно покачал головой.

– Знаешь, я почему-то не могу отделаться от мысли, что приближается время, о котором сложат немало песен, – продолжила музыкантша. – Я немного волнуюсь, но если Заступнице угодно, то пусть будет так.

– Пусть будет так... – повторил Джа-Джинни. – Где живет этот рыбак?

Лейла нахмурилась:

– Тебе не стоит там появляться. Он может решить...

– ...что я замешан в этой истории самым мерзким образом, – перебил Джа-Джинни. – Не переживай, я не пойду к нему один. Я спрошу Эсме – вдруг она умеет исцелять душевнобольных. И, кроме того, Лейстес не так уж велик. Даже если ты сейчас промолчишь, я сам его разыщу. Просто мне понадобится больше времени.

– Ты сумасшедший, – с тяжелым вздохом проговорила Лейла. – А я просто дура, что рассказала обо всем этом. Рыбака зовут Шак, его жену – Вейде. Они живут в западной части города, в старом доме с дырявой крышей, у самых скал... Обещай, что будешь осторожен!

– Боишься, что не о ком станет сочинить песню? – с усмешкой поинтересовался крылан.

– Обещай! – повторила девушка, не обращая внимания на его ироничный тон. – Пожалуйста!

– Хорошо, – смилостивился Джа-Джинни. – Обещаю быть смиренным, как ручной белый голубь.

Она вздрогнула, словно он сказал что-то обидное, пробормотала слова прощания и пошла прочь, не дожидаясь ответа. Крылан остался стоять, разрываясь между желанием тотчас же полететь на поиски рыбака и необходимостью разобраться в том, что случилось ночью. От мук выбора его избавил Умберто, который в одиночестве шел со стороны доков.

– Я тут поспрашивал кое-кого и кое-что интересное узнал, – начал он, едва приблизившись. – Ночью с борта «Утренней звезды» сгрузили какие-то сундуки и потащили в город, к дому Звездочета. Как думаешь, капитан прав? В одном из этих сундуков вполне может быть карта.

– Может, – охотно согласился крылан. – Только не надо об этом кричать на весь Лейстес.

– Это еще не все, – продолжил Умберто, понизив голос. – Один матрос слышал шум и треск со стороны загонов как раз в то время, когда сундуки несли мимо.

– Да? – Джа-Джинни не сумел сдержать удивления. Это и впрямь было любопытно. – А больше твой матрос ничего не слышал?

– Увы, нет. Он решил, что матросы со «Звезды» уронили сундук и тот сломался...

Крылан призадумался. Ему вдруг показалось, что ответ на все вопросы где-то рядом, только руку протяни. Но пока что он не мог понять, как связаны друг с другом части этой странной головоломки. Крестобаль бы понял, он не чурался самых безумных предположений и идей, а вот ему, Джа-Джинни, мешал здравый смысл.

«Не все твои дары пошли во благо, Джайна».

– Умберто, если бы ты захотел украсть лодки, что бы ты сделал?

– А зачем они мне все сразу? – тотчас же ответил молодой моряк. – Это же бессмысленно. Одну еще куда ни шло... спрятать ее, допустим, а потом просить у навигатора большущий выкуп. Такое дело может выгореть, хотя оно и опасно.

– То есть, по-твоему, никто не мог такое замыслить?

– Если они и впрямь кому-то понадобились *все сразу*, то ломать загоны – уж точно последняя глупость. Я бы, по крайней мере, этого делать не стал. Лодки через дыру рванут в океан – и ищи их потом...

– Нет, тут ты ошибаешься. Они не дикие и не станут уплывать далеко оттуда, где их сытно кормят. Хм... может, кому-то и правда понадобилась только одна лодка, а остальные просто удрали?

– А может, они вообще сами сломали загородку.

– Эй... – Джа-Джинни встрепенулся. – А это интересная идея.

Он огляделся, прикинул расстояние до дока, в котором стояла «Утренняя звезда», потом вспомнил, где именно находится дом Звездочета. В самом деле, чтобы попасть туда кратчайшим путем, матросы со «Звезды» должны были пройти мимо лодочных загонов. И если допустить, что тут они действительно уронили свою ношу – или не уронили, задержались по какой-то другой причине, – то выходило, что маленькие лодки могли обратить на них внимание.

Точнее, не на них, а на то, что, вероятно, находилось в сундуке.

Крестобаль бы оценил мысль, которая сейчас пришла в голову Джа-Джинни...

– Так! – решительно заявил крылан. – Ступай-ка опять на «Невесту», бери лодку. У меня возникло желание пройтись вдоль побережья и осмотреть пещеры – ты ведь знаешь, что здесь полным-полно пещер? В них так удобно прятаться! Я прямо вижу, как лодочки сидят в одной из них, где потемнее и поглубже, и ждут.

– Чего ждут? – непонимающе спросил Умберто.

Джа-Джинни ухмыльнулся:

– Ждут, пока «Утренняя звезда» увезет куда-нибудь подальше безумер, который подручные Звездочета притащили в Лейстес.

* * *

Единственный на всю округу трактир назывался «Муха», и его хозяин, Сэрли Саммар, не только поил и кормил всех, кто переступал порог, но и передавал почту, брал вещи на хранение, ссужал деньги под залог тех немногих ценностей, которыми обладали островитяне, и оказывал прочие услуги. Он стал первым, с кем Джайна познакомилась, когда попала сюда; он помог ей отыскать подходящий домик и столкнуться с прежним владельцем. Он не был благочестивым эльгинитом, конечно, и все же с полным правом мог назвать себя *хорошим человеком*.

Джайна долго стояла на противоположной стороне улицы, наблюдая, как дверь «Мухи» открывалась и закрывалась, как посетители выходили, веселые и хмельные, как трактирный

мальчишка умчался прочь с каким-то пакетом, а потом вернулся, усталый и довольный. Дочери Сэрли, прислуживавшие в заведении, заметили ее и приветствовали улыбками и кивками. А она, не в силах сделать шаг, думала: все по-прежнему. Ничего не изменилось.

Может, крылатый и не прилетал сюда вчера вечером?..

За миг до того, как она успела развернуться и уйти, дверь опять открылась, и вышел сам Сэрли Саммар, живой и здоровый. Увидев ее, он притворился, что удивлен, и с добродушной улыбкой спросил:

– Как дела, Джайна?

Она наконец-то шагнула вперед и тоже улыбнулась.

– Все хорошо, друг Сэрли. Вот... шла мимо, хотела поздороваться с тобой и пожелать удачного дня.

– О, как мило с твоей стороны! – трактирщик рассмеялся с несколько преувеличенной веселостью, и Джайна, сосредоточившись, заметила крупные капли пота у него на лбу. А ведь было довольно прохладно... – Завтра мне привезут пять ящичков сушеных альфийских яблок – скажи детям, пусть придут, хочу их угостить. Можешь и сама заглянуть.

– Спасибо, – сказала Джайна и закрыла глаза.

А потом открыла.

В крыльях Сэрли местами проглядывала чернота, местами сверкали белоснежные перья, но в основном они были серыми как сталь. Большинство людей обладают именно такими крыльями. Ничего особенного. И впрямь ничего не изменилось по сравнению с прошлой их встречей, трактирщик остался таким же, каким был. Джайна знала: если подвергнуть Сэрли очищению, через пару недель или через месяц белый цвет опять уступит место серому.

Обычный человек. Не убийца, не вор – у них-то крылья как раз черные или почти черные. Не святой. Просто человек, которому хватает времени и сил думать о совершенно разных вещах: о Светлой Эльге и о деньгах, об альфийских яблоках и острых ножах, о своей и чужой семьях, о своем и чужом благе...

– Знаешь, Сэрли, мы скоро отсюда уедем, – сказала она и удивилась собственным словам. Да, все правильно. Они уедут, потому что такая у них судьба – скитаться, нигде не задерживаясь надолго, прятаться от прошлого и тех, кто там остался. Прятаться от Великого Шторма. – Я буду по тебе скучать. И дети тоже.

Новость застала трактирщика врасплох, и он отбросил притворство. Сейчас по его лицу нетрудно было прочесть истинные чувства: настороженность, страх... облегчение. Что ему сказал крылан? Какими карами пригрозил? «У всего, что хорошие люди делают, обязательно есть какая-то причина». Ну да, угадать легко: дом, жена, дети. Особенно дети. Из-за детей в крыльях появляются не только белые перья, но и черные.

Сэрли Саммар медленно кивнул и сказал так тихо, что она едва расслышала:

– Прости.

Крылатый ужинал с ними за одним столом. Ел он медленно, задумчиво, смотрел только в свою тарелку, но все равно Джайне и детям было неуютно, и еда словно утратила вкус. Пржевав последний кусочек, Джайна отодвинула тарелку и сказала:

– Завтра ты должен уйти.

Человек-птица вопросительно вскинул бровь.

– Ты должен уйти, – повторила Джайна, – ради собственного блага.

– Очень... громкое заявление, – сказал крылан без улыбки, но она увидела в его глазах знакомые огоньки веселого безумия. – Я сам решаю, кому и что должен, – и не важно, идет ли речь о деньгах, поступках или о чем-то еще.

Джайна почувствовала легкий озноб.

– Ты неправильно меня понял. Тебе угрожает опасность. Не от ножа, стреломета или даже яда. Все... намного сложнее.

– Да? – Теперь он улыбнулся – легко и почти незаметно, как тогда, в первый день. – И в чем же сложность? В том, что вы – магусы и скрываетесь от капитана-императора?

– Я знала, что ты это понял, – сказала Джайна. – Но мы не просто магусы, мы – Алье. Если крылан и удивился, по лицу этого заметить было нельзя.

– Разве это что-то меняет? – спросил он.

И в самом деле, что это меняло? Она вспомнила свое первое очищение: того серокрылого звали Виртин Кальф, он был клерком в торговой компании и присвоил немалую сумму, исправив в бухгалтерских книгах несколько цифр. Он успел почти все потратить до того, как его схватили. Кальфу предстояло отправиться на рудники, но глава торгового дома милостиво позволил заменить каторгу на трехдневную очистительную церемонию под руководством одного из Алье. Отец юной Джайны воспользовался этим, чтобы наконец-то проверить ее способности на практике. Все прошло гладко, без сюрпризов; день или два она словно летала и жаждала вновь применить свою силу на ком-то еще, а потом...

Его лицо. Она каждую ночь видела во сне это лицо, точнее – два лица. То, которое было у Виртина Кальфа до очищения, и то, каким оно стало после. Ее сны превратились в кошмары: едва сомкнув глаза, она принималась искать различия между этими двумя лицами и не могла найти, хотя совершенно точно знала, что они есть. Она изучила его черты, она запомнила расположение морщин, она подсчитала ресницы. Что в нем изменилось? Что сотворил ее дар с этим человеком, чьи крылья из серо-стальных на время сделались почти белыми?

Много позже она узнала, что Виртин Кальф снова стал воровать уже через год после очищения и опять попался, после чего был отправлен на каторжные работы, где и умер от легочной болезни. Заключенных не лечили целители. К тому моменту она успела провести больше ста церемоний очищения и восприняла новость с легкой грустью – и только. Его лицо приснилось Джайне еще один раз. Но теперь оно вновь появилось перед ее внутренним взором, как будто ей снова было шестнадцать.

– Церемония очищения длится три дня и три ночи, – сказала Джайна. – Принято считать, что она состоит из молитв, но дело не в них, а в моем присутствии – в том, как я... изменяю тебя, сама того не желая. До завтрашнего вечера эти изменения еще можно остановить, но потом они сделаются необратимыми.

Крылан встал из-за стола и посмотрел на нее сверху вниз. Его правое крыло чуть обвисло – Джайна теперь знала, что оно не сломано. И все-таки он вряд ли сумеет улететь далеко, не отдохнув еще несколько дней. Если его поймают, в ее собственных крыльях появится черное перо. Новое черное перо.

Он сказал:

– Да, я кое-что слышал о вас, птицах добра и справедливости. Я даже встречал кое-кого из твоих родственников, включая и самого Белокрылого лорда. Кем он тебе приходился?

В сердце Джайны шевельнулась игла, засевшая там много лет назад.

– А-а, понятно. Ну что же... – Он тряхнул головой, шевельнул правым крылом и поморщился от боли. – Давай-ка мы с тобой не будем ждать завтрашнего вечера, а приступим к самой интересной части прямо сейчас. Ты ведь можешь изменить меня быстрее? Можешь, я знаю.

Смысл сказанного дошел до Джайны не сразу.

– Ты сошел с ума? – растерянно спросила она.

– Я хочу пройти очищение, – терпеливо проговорил крылан. – Хочу проверить, чего я стою. А ты... как будто боишься.

– Она за тебя боится, – вдруг вмешался Робин, до сих пор вместе с сестрой хранивший молчание. – Только дурак бы этого не понял.

Крылан посмотрел на него, по-птичьи наклонив голову, а потом перевел взгляд на Джайну. «Да, – подумала она и ощутила, как на левом плече начинает зудеть клановый знак. – Да, я и в самом деле боюсь». Крылан прочел ее мысли по глазам. Улыбнулся жуткой своей улыбкой от уха до уха, кивнул.

– Помоги мне, Белокрылая... – прошептала Джайна и зажмурилась.
Очищение началось.

* * *

Скалы в окрестностях Лейстеса и впрямь были источены пещерами, но лишь немногие из них имели входы, доступные во время прилива, а кое-какие и в отлив оставались полностью затопленными. Когда Умберто понял, какая роль уготована ему в поисках пещеры, где могли скрыться сбежавшие лодки, то его воодушевление сошло на нет. Но отступить помощник капитана не захотел.

– А как ты думал? – спросил Джа-Джинни, скорчив удивленную гримасу. – Не мне же туда лезть. Чем меньше людей будут знать о том, что мы делаем, тем лучше. Можно, конечно, пустить все на самотек, но я что-то сомневаюсь, что Кристобалю это понравится.

Умберто буркнул что-то невразумительное – крылан притворился, что не слышит, – сбросил рубашку и сапоги, а потом прыгнул в воду. Дожидаясь, пока он вернется, крылан сидел в лодке, которая покачивалась на волнах, и гадал, отчего возможность устроить Умберто незапланированное купание вызвала у него душевный подъем. Это было какое-то чужое чувство – Джа-Джинни достаточно хорошо владел собой, чтобы отличать отголоски чужих эмоций от собственных. Но как же называлось то, что он испытывал?..

Парень появился очень быстро – забрался в лодку, дрожа от холода, и сказал:
– Здесь пусто.

Крылан равнодушно пожал плечами:

– Тогда поехали дальше...

В бесплодных поисках прошел целый день.

Они вернулись на берег, когда уже стемнело. Умберто, одарив Джа-Джинни сердитым взглядом, отправился согреться в ближайшую таверну, а крылан вспомнил о рыбаке и его безумной жене, но почувствовал себя слишком усталым, чтобы куда-то лететь и что-то выяснять. Лучше заняться этим на свежую голову.

К тому же его по-настоящему захватила идея разыскать лодки – ведь обследовать удалось совсем небольшой участок бухты, – причем сделать это хотелось до того, как вернется капитан. Крылан и сам не знал, отчего так спешит, но всерьез подозревал, что Крейн заразил его одержимостью.

– Ты всерьез считаешь, что Звездочет мог притащить в Лейстес безумер и об этом никто не подозревает? Зачем ему безумер?

Солнце в зените светило ярко; в ветвях деревьев пели птицы. Умберто и Джа-Джинни причалили у западного берега Благодатной бухты и устроили привал: провизию к обеду крылан предусмотрительно захватил с собой.

Полдня прошло впустую, но пока они оба не утратили запала и стремились разыскать пропажу любой ценой. А вопроса, прозвучавшего из уст Умберто, Джа-Джинни ждал еще вчера, поэтому успел обдумать ответ.

– А что еще могло там быть? Звездный огонь, как ты сам знаешь, перевозят в бочках. Что касается безумеров, то я расспросил Эрлана, и его слова подтвердили мою догадку: эти штуки держат в сундучках, изготовленных особым образом. Дощечки, металлическая сетка... не важно. Эрлан сказал, что такой сундук не отличается крепостью и действительно может

сломаться, если его уронит какой-нибудь неуклюжий краб. – Крылан ненадолго замолчал. – В общем, Звездочет и впрямь мог возить с собой безумер. Но зачем он это делал – другой вопрос, и ответа я не знаю. Собирался превратить в трупход какой-нибудь из захваченных кораблей?..

– Интересно, какой? – многозначительно спросил Умберто и, невесело рассмеявшись, продолжил: – А все-таки он хорошо владеет своей «Утренней звездой», раз позволяет себе держать на борту такие опасные грузы.

– Я всегда говорил Кристобалью, что не стоит его недооценивать, – со вздохом сказал Джа-Джинни. – Ходят слухи, что «Утреннюю звезду» он отобрал у другого капитана, когда тот был еще жив.

– Это невозможно, – лениво возразил Умберто. Он лежал на спине, закинув руки за голову, и блаженствовал в лучах солнца. – Связь между фрегатом и навигатором разрушает только смерть.

– Я тоже так считаю... – сказал крылан, хмурия брови. – Однако лет семь-восемь назад – мне так говорили – у Звездочета был другой корабль, он назывался «Развратница». А потом откуда-то появилась «Утренняя звезда», большая и красивая. Людям, конечно, только дай повод сочинить какую-нибудь несусветную чушь, но вот почему-то истории о том, что Звездочет получил эту красавицу не самым обычным способом, продолжают рассказывать по сей день. Может, в них есть зерно правды?

Умберто резко сел и заявил, что отдохнул и готов продолжить поиски. Не дожидаясь ответа Джа-Джинни, он направился к лодке, на ходу вытряхивая из волос сухую траву и бор-моча что-то обидное о любителях собирать дурацкие слухи.

Снова и снова пещеры, попадавшиеся на их пути, оказывались пустыми. Если удавалось проникнуть туда сквозь узкие щели, крылан видел сырые своды, заросшие светящейся плесенью, а один раз они обнаружили скелет с обрывками одежды на пожелтевших костях. Джа-Джинни становился все мрачнее, а Умберто, наоборот, успокоился и даже заметил добродушно, что благодаря крылану сберег немало денег, которые неизбежно оставил бы в увеселительных заведениях Лейстеса.

– Еще одна... – Умберто остановил лодку и указал рукой туда, где под водой смутно виднелись очертания входа в пещеру. – Ну, я пошел. Не случай тут без меня.

– Будь осторожен! – крикнул Джа-Джинни, но его напарник уже нырнул.

Крылан, нахохлившись, сидел на корме лодки, размышляя, что предпримет Кристобаль после своего возвращения. Карта, проклятая карта! Если она и впрямь была вместе с прочим барахлом в одном из сундуков, которые матросы «Звезды» перетаскивали в дом Звездочета под покровом ночи, то неизвестно, упрощало или усложняло это их задачу. Сам Джа-Джинни считал, что пробраться как на борт фрегата Звездочета, так и в его дом одинаково невозможно, но Крейн явно не согласился бы с ним. Известие о сундуках должно было обрадовать феникса и породить в его голове какой-нибудь безумный план проникновения в логово старого пирата.

Джа-Джинни с внезапной тоской вспомнил то время, которое провел на «Невесте ветра» до встречи с Джайной Алье. Тогда было легче: капитан говорил, а он делал и не задумывался, насколько та или иная затея Крейна оправдана или просчитана. Его занимали совсем другие вещи.

Но потом была Джайна. Была та ночь...

«Ты изменился, – с некоторым удивлением заметил Кристобаль уже через несколько дней после того, как Джа-Джинни вернулся на борт корабля. – Я бы даже сказал, поумнел». Крылан предложил ему самому тоже поговорить с Джайной, на что магус, посмеиваясь, ответил: «А мне и так неплохо. Будем считать, что ты теперь состоишь при мне в качестве ходячего здравого смысла и угрызений совести в одном лице». Капитану-то и впрямь было неплохо, но жизнь Джа-Джинни сделалась куда тяжелей, чем раньше.

От долгого сидения в одной позе у крылана затекла спина, и он осторожно стал потягиваться, опасаясь перевернуть лодку. Умберто не возвращался уже достаточно долго, и Джа-Джинни впервые за целый день подумал, что если там, в пещере, что-то произошло, то он не сумеет помочь другу. Умберто был вооружен длинным кинжалом, но в темноте, под мрачными сводами пещер, могли таиться существа, которым этот кинжал – что фрегату укус Сокровища, любимца Эсме. Крылан с тревогой всматривался в темный провал пещеры, скрытый под мерцающей водной гладью, и вдруг краем глаза заметил нечто странное.

Кто-то стоял на высокой скале, расположенной западнее того места, где покачивалась на волнах его лодка. Фигура в темном платье, с длинными волосами, развевающимися по ветру. За спиной у незнакомки было что-то светлое, похожее на...

Два больших белых крыла.

Джа-Джинни вскочил и попытался взлететь, позабыв об осторожности. Лодка тотчас же перевернулась, и темная вода накрыла его с головой, обжигающим потоком хлынула в горло, закупорила уши. Крылан не мог плыть. Крылья губили его, тянули на дно, словно каменные.

«Это конец...» – сверкнула холодная искра-мысль.

Почему-то напоследок он подумал об Эсме.

– ...**Ненормальный!** – орал Умберто с перекошенным от страха лицом. – Чтоб меня кракены съели! Чем ты думал, когда взлетал из лодки?!

Крылан молча принимал заслуженные упреки. Он догадывался, что выглядит сейчас весьма жалко – этакий клубок изломанных мокрых перьев, дрожащий от холода и все еще испуганный до полусмерти. До сих пор Джа-Джинни ни разу не испытывал такого страха.

Они сидели на небольшом выступе скалы чуть поодаль от того места, где виднелся вход в злополучную пещеру. С обоих ручьями стекала вода, оба еле дышали. Неподалеку плавала туда-сюда их лодочка, успевшая вновь принять нормальное положение. Джа-Джинни недоумевал, каким образом Умберто сумел его вытащить: прежде крылан был уверен, что только магусу по силам его поднять, и никак не ожидал подобного подвига от худощавого молодого моряка.

– Прости, – сказал он, когда Умберто ненадолго замолчал, чтобы перевести дух. – Сам не знаю, что на меня нашло. Извини.

Белые крылья ему померещились, конечно.

Хоть и выглядели совсем как...

– Он извиняется! – воскликнул Умберто, возмущившись пуще прежнего. – Как бы я объяснил Крейну, что произошло?! Да он бы сразу превратил меня в уголь!

Такое вполне могло случиться. Крылан досадливо помянул кракена и все его восемьдесят щупальцев: еще один день впустую – они не просто не сумели отыскать лодки, но вдобавок едва не погибли, потому что Умберто тоже рисковал.

– Уже поутешестве чти вечер, – сказал он, бросив взгляд на заходящее солнце. – Пора домой. Дурацкая это была затея.

– Дурацкая, говоришь? – хмыкнул помощник капитана. – Ну-ну.

Разочарованный и сбитый с толку, крылан не сразу заметил хитрое выражение лица Умберто, а когда заметил...

– Погоди-ка. Только не говори, что ты их нашел!

Умберто расхохотался и по-дружески стукнул крылана по плечу.

– Мы нашли, мы! Все пятнадцать штук! Сидят там, сбившись в кучу, – то ли спят, то ли боятся выходить. Ну что, теперь надо бы привезти сюда зрителя – этого, как его? Свена? Пусть притащит побольше рыбы и выманит своих деточек.

Крылан ошеломленно кивнул, все еще не веря в удачу. Выходит, он был прав... выходит, в одном из сундуков, которые матросы Звездочета тащили по пирсу, и впрямь лежал безумер.

Зачем пирату безумер? Или труполод?

Что затеял старей Звездочет?!

– Да, конечно... – пробормотал Джа-Джинни. – Сделаем так. Ты бери лодку и давай на пристань, за смотрителем. Я подожду здесь, мне все равно надо как следует обсохнуть.

Уговаривать Умберто не пришлось, он горел желанием похвастаться перед кем-нибудь своим успехом. Предупредив Джа-Джинни напоследок, чтобы тот не пытался больше плавать, моряк прыгнул в лодку – и был таков.

«Мы их нашли, ну надо же...»

Крылан подставил мокрую спину под лучи заходящего солнца и легкий ветерок, который тут же взъерошил перья. Он лениво перебирал в голове варианты использования безумера, но ни один не выглядел толковым. Если хитроумный Звездочет замыслил ограбить какой-нибудь город, проникнув туда на фрегате, переделанном в труполод, крылану интересно было бы поглядеть на результат. Но червячок сомнений копошился у него в душе. Чей корабль Звездочет замыслил превратить?

И не собирается ли он каким-то образом изменить расклад сил в Лейстесе, а то и на Окраине?..

– Ночь~ упала на Благодатную бухту внезапно, как всегда происходило в этих широтах, – кажется, только что над горизонтом виднелась еще добрая половина солнечного диска, и вот уже наступила ~~~тьма~. Далекая пристань осветилась огнями; изредка ветер доносил отзвуки голосов и веселого смеха.

– Что-то случилось, – проговорил крылан. Он стоял на выступе скалы, переминаясь с ноги на ногу. – Какая-то большая ~неприятность~, искусай меня медуза.

За это время ~Умберто~ мог бы раз пять добраться до пристани и обратно. Может быть, он не сумел отыскать Свена? Джа-Джинни хотелось, чтобы все оказалось именно так, но в глубине души он понимал, сколь ~хрупка~ эта надежда.

«Что же мне делать?»

Даже если не произошло ничего серьезного, ночью Умберто вряд ли отыщет это место – все приметные деревья и скалы надежно скроет тьма. Пока он ждет, все может стать еще хуже~~~~~. Конечно, этот уступ не самая удачная площадка для взлета. Если он коснется воды, то утонет.

Значит, не коснется.

Джа-Джинни расправил крылья, тихонько выругался – Умберто обломал ему немало перьев, пока вытаскивал, – и взлетел.

~

Приближаясь к пристани, Джа-Джинни сделал круг над доками и лишь потом опустился на палубу, где его уже ждали.

– У нас неприятности, – с ходу заявил Эрдан, чье суровое лицо не оставляло сомнений в том, что дела и впрямь плохи. Рядом с мастером-корабелом стояла бледная Эсме, тщетно пытаясь скрыть растерянность и страх.

– Что стряслось?

– Возле лодочных загонов была драка, – коротко объяснил Эрдан. – Несколько матросов Звездочета сцепились с Умберто, и он одного уделал насмерть. Потом подоспели стражи порядка и забрали его в тюрьму.

Крылан в сердцах помянул кракена.

– Он тяжело ранен, – продолжил мастер-корабел. – Но ты и сам должен это почувствовать. Мы с Эсме собирались пойти к нему.

– Лучше я с ней... пойду, – сказал Джа-Джинни. – Так будет гораздо быстрее.

Они с корабелом обменялись многозначительными взглядами. Эсме нахмурилась и открыла рот, чтобы задать вопрос, но не успела издать ни звука. Крылан подхватил ее на руки и взмыл в воздух, прежде чем целительница успела опомниться.

Конечно, нести ее сейчас, когда она не была без сознания и не спала, оказалось довольно сложно. Она словно сделалась тяжелее, да к тому же Джа-Джинни устал после незапланированного купания.

– Обними меня за шею и постарайся не дергаться! – крикнул он, когда они поднялись над мачтами «Невесты ветра». – Не думай о полете! Думай о чем угодно, кроме полета!

А мысленно прибавил: «Кристобаль, где же тебя носит?!»

~

У здания тюрьмы стояли несколько стражей с факелами, а чуть подальше Джа-Джинни увидел человека, с которым ему меньше всего хотелось встречаться, – Сатто, правую руку Звездочета. Рядом с ним обнаружили пятеро здоровенных матросов, и вся эта милая компания, задрав головы, наблюдала за полетом крылана и целительницы.

Джа-Джинни приземлился и с некоторым опозданием понял, что Эсме за время полета не издала ни звука. Ему это показалось странным, однако еще более странным был взгляд, который целительница вперила в него, несколькими аккуратными движениями поправив одежду и пригладив растрепавшиеся волосы.

В ее глазах светилась холодная ярость.

Он уже знал, что она не робкого десятка, хоть и предпочитает помалкивать и держаться отстраненно, однако не подозревал, что эти глаза способны метать молнии. Неужели мысленная связь с «Невестой ветра» и Кристобалем так быстро и так сильно ее изменила? Нет-нет. Чуть подсказывало Джа-Джинни, что здесь кроется нечто совсем иное...

– Ты не сможешь испепелить меня взглядом, – сказал он то ли в шутку, то ли всерьез. – Даже если очень постараться.

Целительница прищурилась, и ощущение неправильности происходящего усилилось. Ее лицо как будто сделалось старше, жестче. Она и впрямь сейчас походила на Кристобала – такого, каким он становился в те мгновения, когда еще не горел, но уже переставал быть самим собой.

«Да что же в тебя вселилось?!»

~~~~~

Эсме вдруг покачнулась, подняла руку ко лбу, и выражение мрачной сосредоточенности наконец-то исчезло, сменившись сперва легкой растерянностью, а потом – решительностью, хорошо знакомой крылану. Он так и не понял, что случилось с целительницей, но теперь, по крайней мере, мог предсказать, как она поступит дальше.

– Идем быстрее... – тихонько проговорила Эсме, нахмурившись. – «Невеста» сердится, что мы еще не помогли Умберто. Его рана очень тяжела.

Джа-Джинни кивнул, и они направились к входу в тюрьму.

Там, однако, их ждал очередной неприятный сюрприз.

– Не велено пускать, – равнодушно отозвался страж в ответ на просьбу Джа-Джинни. – Не имею права.

– Что?! – изумился крылан. – Как это – не велено? Там наш товарищ, он ранен. Я целительницу привел, не кого-нибудь!

– А мне какая разница? – Страж пожал плечами. – Ранен – и что с того? Я, что ли, его на нож толкнул?

Джа-Джинни оторопел. Он не мог сейчас просто отодвинуть стражей в сторону и войти в тюрьму, невзирая на их возражения и сопротивление, не мог и угрожать оружием, поскольку тогда сам оказался бы в камере. Раньше его никогда не заботили лейстесские стражи порядка, потому что с ними не было проблем...

«Неужели это Скодри?!»

– Кто запретил нас пускать? – спросил Джа-Джинни ровным голосом. Он вспомнил все, что произошло накануне в доме Зубастого, и ужаснулся: к каким страшным последствиям привела доброта Эсме!

Но ответ стража оказался неожиданным.

– Вот они и запретили... – пробурчал тот, махнув рукой в сторону Сатто и матросов с «Утренней звезды».

Джа-Джинни обернулся. Помощник Звездочета поприветствовал его издевательской ухмылкой. «Дело дрянь», – подумал крылан, а вслух сказал насмешливо и громко:

– С каких это пор Звездочет стал в Лейстесе главным?

Как он и ожидал, Сатто в два прыжка оказался у дверей и взглянул на крылана с высоты своего немаленького роста.

– Придержи-ка язык, птичка! – рявкнул здоровяк. – Твой капитан совсем распустил команду! Давно пора научить ваших придурков уму-разуму!

– Да? – ответил крылан с кривой ухмылкой, пропустив «птичку» мимо ушей. – По-моему, ты что-то перепутал. Это ваши люди напали первыми и получили по заслугам. А теперь пропусти! Мы пришли, чтобы оказать помощь раненому.

– Да пусть меня кракен съест! – Сатто присвистнул, и матросы в мгновение ока встали за его спиной. – Видел я, как этот пройдоха ранен, – от таких царапин еще никто не умирал! А Дорс ушел на Крабьи луга по милости твоего друга – так что теперь я никого туда не впущу до завтрашнего суда!

– Суда? – ошеломленно повторил крылан. – Ты перегрелся или перепил? Если Скодри из-за каждой поножовщины будет устраивать суд...

– Вот именно, – слышалось откуда-то сзади. – Здесь и без суда все ясно.

Джа-Джинни обернулся. Шагах в десяти от них стояли Скодри и двое слуг с факелами. На лицо Зубастого падала тень, но крылан вполне мог представить себе его выражение.

– Пропустить их, – скомандовал старый пират. – Немедленно.

И вот тут-то Джа-Джинни понял, что дела пошли и вовсе хуже некуда, потому что Сатто ни капли не испугался, а даже наоборот – повеселел. Вдобавок на площади появились и другие матросы с «Утренней звезды», чьи лица не оставляли сомнений в их намерениях.

– И не подумаю! – с усмешкой заявил помощник Звездочета. – С места не сдвинусь!

– Вот как? – спросил Скодри. – А что скажет твой капитан, когда вернется?

Сатто скорчил жалостную гримасу, а потом расхохотался:

– Что скажет? Мой капитан?! Я соблюдаю правило, которое ты сам установил, когда был моложе, – до суда никто не должен видеться с убийцей! А суд будет, потому что команда этого хочет, и ты не сможешь нам запретить! – Он огляделся и добавил: – Всем известно, что вы с Крейном друзья, но справедливость еще никто не отменял. И вообще, час поздний – тебе пора на отдых, старик!

В толпе матросов слышались смешки. Джа-Джинни на мгновение прикрыл глаза, содрогнувшись от ужаса. Он знал, он чувствовал, что скоро власти Зубастого придет конец, но не так быстро и не таким жестоким способом! Люс, Агнес, девочки – что их ждет, если Скодри не вернется с этой площади?..

– Вот как? – Зубастый негромко рассмеялся. – Любопытно. Сдается мне, твой капитан все заранее рассчитал и предвидел, даже исчезновение пятнадцати лодок и эту глупую ссору на пристани. Ох, как он проницателен. Или дело в другом?

Сатто прищурился и ничего не сказал.

– По правде говоря, мне известен всего один способ предвидеть такие вещи, – продолжал между тем Скодри. – Организовать их самому. Что ж, в данный момент преимущество на твоей стороне – я стар и слаб, со мной всего-то два человека. Легкая добыча, не спорю. Но что ты

будешь делать завтра, когда вернутся из дозора фрегаты? Что ты будешь делать, когда здесь появится Лайра Отчаянный?

На мгновение во взгляде Сатто промелькнуло что-то похожее на страх. Джа-Джинни с трудом верилось, что Звездочет спланировал переворот в Лейстесе. Выходит, его помощник все устроил сам?..

– Мне плевать... – начал Сатто, но договорить ему не дали.

Крылан охнуть не успел, как Эсме метнулась вперед и бесстрашно встала прямо перед моряком, который был выше ее на две головы и в три раза шире в плечах.

– Хватит пререкайся! – крикнула целительница со слезами на глазах. – Там умирает человек, я это чувствую! Будет суд или нет, кракен его знает, но, если я сейчас не войду, Умберто не доживет до завтрашнего утра!

Джа-Джинни вдруг почувствовал, как его затачивает водоворот. Вторжение в его разум было весьма бесцеремонным: некто очень быстро и грубо переворошил воспоминания последних двух дней, задержавшись на истории с лодками и недовольно цыкнув зубом при виде крылана, барахтающегося в воде.

– Прости – так быстрее и проще.

– Ты слышишь меня?! – Эсме шагнула вперед, сжав кулаки. – Пропусти немедленно!

И – вот так номер! – Сатто отступил.

Эсме рванулась ко входу, не оглядываясь. Следом за ней заторопились стражи, показывая дорогу и надеясь поскорее убраться с площади от греха подальше. Крылан подумал, что они вряд ли высунут нос наружу, пока все не закончится, – в гневе Зубастый страшен. Сам он не двинулся с места, потому что не совсем пришел в себя после того, как Кристоаль переворошил его воспоминания, и потому что хотел увидеть, что произойдет дальше между двумя пиратами, молодым и старым.

– Ну что, продолжим нашу милую беседу? – ироничным тоном поинтересовался Скодри. Он стоял на прежнем месте и, казалось, не придавал происходящему особой важности. – Итак, скажи: Звездочет, по-твоему, тоже считает, что я слишком стар и слаб для того, чтобы управлять Лейстесом?

– У него спроси! – крикнул Сатто. – Я командую людьми, пока его нет, но я не...

Зубастый усмехнулся:

– Раз командуешь – значит, отвечаешь за все, что связано с ними и с «Утренней звездой». Капитан передал тебе свою власть – ту ее часть, которую мог передать, – а вместе с властью – и ответственность! Ну так что? Я не услышал ответа на свой вопрос.

Помощник Звездочета сжал кулаки и медленно проговорил:

– Я командую людьми, пока Звездочета нет...

– Понятно! – коротко бросил Зубастый и свистнул. Но это был не короткий свист, который издал чуть раньше Сатто, а виртуозная разбойничья трель. Тотчас же из подворотен, стеновых ниш, узких улочек, сбегавшихся к площади, выступили вооруженные люди, и Джа-Джинни с веселым удивлением заметил в свете факелов лица своих товарищей. Матросы Звездочета в растерянности оглядывались по сторонам и не видели путей к отступлению.

– Как видишь, не все согласны с тем, что мне пора на покой, – негромко проговорил Скодри. – Я бы даже сказал, ты в меньшинстве.

– Ты... – заговорил Сатто после долгой паузы и закашлялся. Зубастый спокойно ждал, пока к его собеседнику вернется голос. – Ты меня неправильно понял. Я... всего лишь проявил заботу о твоём здоровье. Мы... очень ценим тебя и никогда бы не стали...

– Достаточно! – прервал эти словоизлияния Скодри. – Истинная правда, уже глубокая ночь, а завтра трудный день. Суд, говоришь? Хорошо, будет суд. А теперь искренне советую отправиться... на отдых.

Сатто развернулся и пошел прочь. Матросы последовали за ним.

Еще через какое-то время площадь почти опустела – остались только Скодри и Джа-Джинни. Крылан стоял неподвижно, не в силах побороть изумления: случившееся казалось ему слишком странным. То, что Скодри пришел не один, было приятным и эффектным сюрпризом, но поведение Сатто не могло не насторожить крылана.

«Что вообще здесь произошло?!»

Старый пират похромал к порогу тюрьмы и опустился прямо на ступеньки, выставив ногу с негнушимся коленом. Только теперь он оказался полностью на свету, и сердце Джа-Джинни сжалось: был ли тому виной неверный свет факелов или что-то иное, но Скодри действительно выглядел очень уставшим и очень старым.

– Вот теперь можешь выходить, Кристобаль, – негромко сказал пират.

От ствола большого дерева, что росло неподалеку, отделилась высокая тень, и крылан кивком головы приветствовал своего капитана. Когда магус оказался в круге света, Джа-Джинни увидел, что он с ног до головы перемазан сажей, словно вылез из дымохода.

Скодри не удивился этому – или просто не подал вида.

– Спасибо, что позвал своих людей, – сказал он неприветливо, глядя куда-то в сторону. – Спасибо, что предупредил о заговоре.

– Не стоит благодарностей, – весело отозвался Крейн. – Этот заговор большей частью направлен против меня.

– Знаю, – последовал короткий ответ. – Но, покончив с тобой, Звездочет не остановится.

– Да, безусловно. Аппетит у него отменный. Так что, завтра будет суд?

Скодри криво улыбнулся:

– Уж извини.

Магус кивнул и сказал серьезным тоном:

– Тогда я тоже намерен кое-кому предъявить обвинение.

– Твое право... – Скодри пожал плечами. – Препятствовать не буду.

Он медленно поднялся, опираясь на трость, и с каким-то странным выражением лица оглядел площадь – как будто видел ее впервые. Потом взглянул на Крейна и проговорил:

– Я трижды за два прошедших дня слышал истории о том, что неподалеку от города видели нечто... необъяснимое.

– В самом деле? – отозвался Крейн, с любопытством уставившись на свой испачканный сажей рукав – он как будто только что заметил, в каком состоянии его одежда. – И что же там видели?

– Человека, – хмуро ответил Скодри. – Он шел по дороге и горел.

– Надо же... – магус покачал головой. – Наверное, это был призрак.

– Возможно. Он был объят пламенем от макушки до пяток, но, казалось, не испытывал боли. Там, где он прошел, следов не осталось, но везде, где он хоть ненадолго задержался, кипела вода и плавилась камни. Любопытное явление, правда?

Не дожидаясь ответа, Скодри развернулся и ушел, хромя. Крейн проследил за ним взглядом, потом покачал головой и хотел что-то сказать, но вдруг зашатался. Джа-Джинни шагнул вперед, готовый помочь, – и с руганью отскочил, почувствовав сильный жар, исходящий от магуса. Запахло жженым пером.

– Не подходи! – запоздало предупредил Крейн-Фейра. – Я все еще горю.

Джа-Джинни нахмурился:

– Зачем ты примчался? Мы бы справились и сами.

– Да? – Магус вымученно улыбнулся. – Стоило мне исчезнуть всего-то на два дня, как по Лейстесу пошли слухи, будто матросы с «Невесты ветра» напились в стельку и разгромили лодочные загоны... а потом угнали пятнадцать, нет – двадцать пять лодок! Их количество, думаю, будет увеличиваться. Потом один мой помощник едва не утонул, а другого почти зарезали... – Он возвел глаза к небу, словно обращаясь к звездам: – Не дадут отдохнуть как следует!

– Лодки-то мы нашли...

– Знаю. – Кристобаль махнул рукой. – Сейчас ты дождешься Эсме и отведешь ее на борт ~Невесты~, а саму ~Невесту~ надо быстренько убрать из дока. Понятно? Завтра трудный день, и мне может понадобится помощь, поэтому пусть наша целительница хорошенько отдохнет... но говорить об этом напрямую не нужно, хорошо? – Крылан кивнул. – Дальше. Пошли к лодкам нескольких людей – не стоит доверять смотрителю, не нравится он мне.

– Это все?

– Кажется... – Крейн болезненно поморщился и вытер пот, проступивший на лбу, грязным рукавом. – Завтра никто не сможет сойти на берег без моего разрешения, так что, если у тебя есть какие-то дела, займись ими сейчас.

«На что ты намекаешь, капитан?» – подумал крылан, но вслух сказал:

– Понятно. А где ты сам будешь?

– Я вас не оставлю, – усмехнулся магус. – И появлюсь в нужный момент. Все, до завтра.

– Кристобаль! – торопливо позвал Джа-Джинни, пока капитан еще не скрылся в темноте. Тот обернулся с явной неохотой. – Не лезь больше в мою голову, хорошо?

– Что есть в твоей голове такого, о чем я не знаю? – поинтересовался Крейн. – Потерпишь.

И он ушел.

Джа-Джинни недолго пришлось ждать: совсем скоро послышался шум, топот – и на пороге появились два стража, а следом за ними Эсме. Блюстители порядка выглядели пристыженными и даже слегка напуганными. «Любопытно, что еще она успела им наговорить?» Целительница, против всех его ожиданий, вовсе не казалась уставшей.

– Вижу, ты переживал, – с улыбкой сказала она, будто прочитав его мысли, и показала небольшой флакон, наполовину пустой. Цвет снадобья в сумерках было не разглядеть. – Зря. На этот раз я знала, куда и зачем иду.

Глядя на ее спокойное лицо, Джа-Джинни почувствовал, как его отпускает напряжение последних часов.

– Здесь был Крейн, – заметила Эсме слегка удивленно. – Почему он ушел?

Крылан развел руками.

– Ладно... – вздохнула девушка. – Веди меня в гостиницу... или куда приказано.

Он кивнул, и она торопливо добавила:

– Только никаких полетов больше!

– Еще чего! – Джа-Джинни фыркнул. – Я сегодня чуть не утонул и так устал, что едва ли сам сумею долететь, а тебя тащить – уволь! Пройдемся пешком, а пока что расскажи, как там Умберто.

– Умберто... – сказала целительница и нахмурилась. – С ним... все в порядке. Он потерял много крови, но к утру, думаю, придет в себя окончательно.

Джа-Джинни заметил ее неуверенность и спросил:

– Тебя что-то беспокоит?

– Нет... – пробормотала она, но тотчас же сокрушенно вздохнула. – Видишь ли, я ощутила... мне показалось... что кто-то был в его сознании. Кто-то, кроме меня и «Невесты ветра».

– Возможно, капитан? Он так делает... иногда.

– Я не знаю... У меня было такое чувство, что я вошла в темную комнату, в которой кто-то уже успел спрятаться.

– Знакомое чувство. – Джа-Джинни улыбнулся. – Как правило, этим кем-то оказываетсямышь. Или, в крайнем случае, кошка.

– Не смешно! – обиженно ответила целительница. Лицо у нее теперь стало растерянным и смущенным. – А вдруг там был щупач? Чайка? Вдруг кто-то читал его мысли, проникнув вместе со мной туда, где хранится все самое сокровенное?

– Эсме... – сказал крылан устало. – Ты не должна об этом даже думать. Все до единого члены команды недосыгаемы для щупачей, потому что в нашем сознании всегда незримо присутствует «Невеста ветра». Она ревностно охраняет все, что считает своим. Поэтому капитан может не опасаться, что щупач выведает его секреты, захватив кого-нибудь. А если найдется дурень, который попытается это сделать... – Джа-Джинни пожал плечами. – Я ему не завидую. Да ты, собственно, уже успела испытать на себе характер «Невесты». Представь себе, на что она способна, когда не шалит, а наказывает.

Он невольно вздрогнул, вспомнив, как это выглядит со стороны.

– Ну ладно, – сказала целительница. – Наверное, мне показалось.

До самой пристани они шли молча, а потом Джа-Джинни резко остановился. Эсме удивленно взглянула на своего спутника, и он спросил:

– Ты очень устала?

– Ну... – Она неуверенно пожала плечами. – А что?

– Мне бы хотелось тебе кое-что показать. Кое-что интересное.

– А это не может подождать до завтра? – осторожно поинтересовалась девушка.

Крылан вздохнул:

– У меня предчувствие, что тебе надо увидеть это сегодня. Сейчас.

– Тогда пошли. – Эсме улыбнулась. – Ты меня заинтриговал.

– Тут недалеко...

Им и впрямь пришлось пройти совсем немного – шагов пятьдесят в сторону, противоположную той, где располагались доки. Когда Эсме увидела, куда ее привел Джа-Джинни, она удивленно подняла брови, но крылан приложил палец к губам.

Они вошли в торговую часовню – совершенно пустую, если не считать двух летучих мышей, залетевших сквозь открытое окно. Пахло благовониями, а в мягком свете десятка свечей местные святые на фресках казались живыми: они то хмурились, то улыбались, глядя на столь поздних посетителей. Джа-Джинни и Эсме миновали ряды скамеек, отполированных до блеска, и приблизились к той, кто защищала людей и магусов от Великого Шторма.

Днем на лицо богини должен был падать луч солнечного света, пробивающийся сквозь оконце в потолке. Сейчас ее окутывали сумерки, но это не мешало рассмотреть необычайно красивую работу неизвестного скульптора. Эльга не стояла, как принято, а сидела, опершись на левую руку. Из-под подола длинной юбки шаловливо выглядывала босая ножка, да и улыбалась богиня весьма лукаво. В правой руке покровительница живых, мертвых и тех, кто в море, держала фрегат размером чуть побольше ее ладони: казалось, она выловила кораблик из бурных вод и теперь не отпустит его до тех пор, пока шторм не уgomонится.

Крылан всмотрелся в лицо статуи.

– Как... – стоило Эсме заговорить, от волнения у нее сел голос. Она закашлялась. – Что это такое? Я...

Джа-Джинни сжал руку целительницы, пристально взгляделся в ее лицо, а потом снова перевел взгляд на изваяние. Сходство, как и говорил Люс, поражало: маленький рот, большие глаза, изящно очерченные скулы и аккуратный нос... те же черты. Даже волосы Эльги были той же длины, что у Эсме, а окажись они еще и подвязаны таким же шарфом, Джа-Джинни попросту решил бы, что сошел с ума.

«Это невероятно...»

Немного придя в себя, он всмотрелся получше и понял: между ними все-таки были различия, хотя и еле уловимые. Эльга казалась старше и умудренной опытом, что, собственно, и полагалось ей по статусу, и улыбалась все же скорее иронично, чем лукаво. Она заранее знала, что вызов, брошенный Великому Шторму, может стоить ей жизни. Знала, но отступить не собиралась.

Она была готова обменять свою жизнь на маленький кораблик, беззащитный и хрупкий...

– Немыслимо, – проговорила Эсме чуть слышно.

– Признаться, я хотел не столько показать ее тебе, сколько взглянуть на вас обеих... вместе. – Он отступил на шаг назад. – Это бесспорное чудо. Но я не хотел бы увидеть когда-нибудь на твоём лице такое выражение.

– Я простая смертная. – Эсме взглянула на статую так, словно перед ней была настоящая, живая Эльга. Большие глаза целительницы смотрели жалобно, будто она вот-вот расплачется. – Я боюсь таких совпадений.

– Эсме, – тихо сказал Джа-Джинни. Он дрожал сильнее, чем после купания у пещеры с лодками. – Помнишь сон, в котором ты оказалась на площади среди закованных в кандалы рабов?

Она кивнула.

– Это был *мой* сон.

Кто глядит на тебя – Джайна или Эсме?

Не имеет значения. Ты второй раз в жизни пускаешь в свою душу другого человека – Кристобаль не в счет: он приходит и уходит, не спрашивая разрешения.

Ты второй раз в жизни смотришь на себя чужими глазами.

...Н

а мокрых от пота простынях мечется нечто – существо, одновременно похожее на человека и на птицу. Безумные глаза, разинутый в беззвучном крике рот – мало кто задерживается у постели больного надолго, слишком уж жутко на него смотреть.

Существо, судя по всему, прожило на свете десять лет или чуть больше, но все эти годы сгорят в безжалостном пламени смертельной лихорадки. Дым жертвоприношения вознесется к небесам, и боги с их странной жалостью, так легко переходящей в жестокость, решат: живи. Лишенный памяти, позабывший даже собственное имя – живи. Учись ходить, говорить, летать.

Живи!

И существо подчиняется воле небожителей...

Когда становится понятно, что болезнь отступила, жизнь постепенно налаживается; точнее, так считают люди. Они перестают говорить шепотом, боязливо ходить на цыпочках: теперь можно не опасаться, что завтра придется готовить погребальный костер, а память – она вернется! Обязательно вернется, надо только подождать.

Их слова птицами летают в небе – непойманные, непонятые.

Что такое имя? Пустое сотрясение воздуха. Существо лежит на жесткой кровати, уставившись в стену невидящим взглядом; поросшее черными перьями тело бросает то в жар, то в холод, крылья свисают бесполезными тряпками.

Жалкое зрелище...

...По дорожке запущенного садика ковыляет на кривых лапах человек-птица.

Он уже запомнил собственное имя и понимает человеческую речь... почти всегда. Взгляд его больших бирюзовых глаз больше не безумен, но люди по-прежнему отворачиваются, если он смотрит на них слишком пристально. Ему помогают, с ним обращаются ласково и по-доброму, но со своей болью он всякий раз остается один на один. Все еще очень слабый после болезни, он быстро устает и тогда забивается в какой-нибудь угол потемнее; сидит там, затаив дыхание, ждет – может быть, не сегодня? Пустые надежды. Боль подкрадывается сзади и набрасывается, вгрызаясь в хребет, повисая на плечах непосильным грузом. Всему виной бестолко-

вые придатки чуть ниже плеч – даже самое легкое прикосновение к ним причиняет такие муки, что он не может сдержать слез. Зачем они, для чего? Лучше бы их не было.

По дорожке запущенного садика ковыляет на кривых лапах человек-птица.

Он уже запомнил собственное имя и понимает человеческую речь.

Он иногда смотрит на небо и надолго застывает, наблюдая за теми, кто парит в облаках...

...Кажется, в день, когда это случилось, он еще не знал, как звучит слово «предательство».

Да разве это важно? Если ты не успел дать название чему-то, еще не означает, что этого «чего-то» не существует. Привыкший доверять окружающим во всем, ничего не ведающий о мире за пределами сумрачного замка и заросшего садика, он вдруг столкнулся с жестокой правдой и далеко не сразу понял, что произошло.

Он был предан... нет, он был продан.

По прошествии многих лет он рассказывал об этом с ироничной ухмылкой, но тогда – стоял, удивленно моргая, и следил за тем, как из рук в руки передают сундук, доверху наполненный золотыми монетами. К тому времени он уже понимал, что это «деньги», а чуть позже даже сумел подсчитать: за него заплатили как за небольшой остров. Такое мог позволить себе лишь один человек, точнее – магус.

Его хозяин был высоким, широкоплечим, с властными повадками и привычкой наклонять голову, прислушиваясь к чему-нибудь. Лицо, съеденное болезнью, ему заменяла серебряная маска; о, это была необычайно интересная вещь! Она словно жила собственной жизнью и порою становилась весьма выразительной. Так, голос этого человека мог быть ровным и спокойным, а на блестящей поверхности маски играли отблески пламени, предвещая грядущий пожар.

Место, где теперь предстояло жить человеку-птице, оказалось очень странным. Это был огромный сад, где росли самые разные деревья и цветы: едва с одних опадала листва, как на других распускались почки. Сад, зеленеющий и цветущий без перерыва. Времена года не знали об этом райском уголке, или, вернее, он был отдан в безраздельное пользование весне и лету. Ни одна снежинка не упала с неба за долгие годы, что провел там человек-птица, ни разу северный ветер не потревожил нежную листву. Ему понадобилось три года, чтобы узнать: в самой середине сада таится хрустальное сердце, которое создает невидимый купол и не пускает внутрь зиму; но, хотя купол и невидим, пролететь сквозь него нельзя. Обитатели сада тоже были весьма необычными существами. Никто из них не умел говорить, и все-таки сообразительностью они не уступали людям. Некоторые были опасны, но не желали причинять зло – и поэтому их не боялись. С ними можно было вести странные беседы, в которых один только говорил, другой – только слушал.

«Ты особенный, – сказал хозяин сада. – Тебе позволено делать все, что захочешь. Главное, чтобы ты был счастлив».

Счастье оказалось странным. Человек-птица на несколько лет застрял в безвременье между весной и летом: прохлаждался у воды, подолгу разговаривал с бессловесными тварями, полюбившими его, читал книги, которые приносили слуги хозяина или даже он сам. Нередко в саду появлялась необычайно красивая женщина с лучистыми голубыми глазами и таким голосом, что при одном лишь его звуке можно было взлететь без крыльев. Приходили и другие люди. Кто-то – чтобы говорить с обитателями сада, кто-то – чтобы их убивать. Когда он впервые увидел смерть, то испугался, что станет следующим, но хозяин сказал, смеясь: «Ты обошелся мне слишком дорого!»

Еще была девочка с белыми волосами. Характером она отличалась как от хладнокровного отца, так и от витающей в облаках матери; она казалась человеку-птице живой и... настоящей. А еще не по возрасту умной – он не сразу осознал, что так происходит со всеми детьми, которые

хоть чем-то отличаются от своих сверстников, а цвет ее волос был очень важным отличием. Они быстро подружились и много времени проводили вместе.

Однажды она пришла в сад и долго бродила среди деревьев, а потом попросила отвести ее к отцу. Человек в маске в это время развлекался – вместе с гостями они затравили огромного пардуса, – и девочка увидела его как раз в тот момент, когда он пробил рукой ребра еще живого зверя и вытащил трепыхающееся сердце.

Она застыла. Замер и хозяин; его маска была покрыта алыми брызгами.

Потом кто-то увел девочку, а ее отец подошел к человеку-птице и окровавленной ладонью ударил того по лицу.

«Кажется, я забыл сказать, – проговорил он ровным и спокойным голосом, – что ты мой раб. Ты ничем не отличаешься от этого пардуса и, возможно, когда-нибудь окажешься на его месте».

Он плохо помнил, что случилось потом – чем именно он разбил хрустальное сердце сада. Но миг, когда день внезапно сменился ночью и с темного неба посыпались белые хлопья снега, позабыть было невозможно. Снаружи царила зима, и теперь она наступила и в раю. Кажется, он смеялся.

Потом его били – долго и со знанием дела, чтобы не убить, но причинить как можно больше боли. Они не знали, что он свыкся с болью давным-давно и научился ее не замечать.

Потом его продали.

Его продавали опять и опять, и каждый новый хозяин стремился объяснить тупоголовому созданию очень простую истину.

Ты не человек, говорили ему. Ты вещь, игрушка, забавная шутка природы. А раз ты не человек, с тобой можно делать все что угодно.

Джайна сказала: «Вот тогда-то у тебя и выросли еще две пары черных крыльев – невидимых крыльев».

Но внешне это никак не выразалось, он бывал спокоен и молчалив, а порою становился язвительным и едким, и его чаще продавали не за дела, а за слова. Он потерял счет времени и лишь потом сумел подсчитать, что провел в рабстве восемнадцать лет – до того дня, как оказался на рынке, где торговали рабами, гроганами и редкими животными, завезенными со всех концов мира. Было лето, солнце светило жарко; ему сковали руки, и раны от кандалов уже начинали гноиться.

Именно тогда он встретил Крейна...

Слепые глаза мраморной богини смотрели на него и сквозь него. Джа-Джинни и не заметил, что отвернулся от Эсме и оказался лицом к лицу со статуей. Теперь он боялся взглянуть на целительницу, но продолжил свой рассказ, хотя это было намного сложнее, чем в прошлый раз, с Джайной. Ведь Джайне он вообще ни о чем не говорил, она просто вошла в его мысли и заставила измениться. Если бы он тогда ушел, не остался на ночь, сейчас перед Эсме сидел бы совсем другой Джа-Джинни – и вряд ли он захотел бы излить душу.

– Возможно, ты ждешь повествования об очередном подвиге Кристобая... – Он опустил голову. – Вынужден тебя разочаровать, потому что капитан меня не спасал из лап торговцев. Он весьма героически меня купил, расставшись с приличной суммой. Думаю, молодой неприрученный фрегат на эти деньги вполне можно было приобрести, но Кристобаль предпочел меня. Если следовать букве закона... – Джа-Джинни горько рассмеялся. – Я его собственность.

– Сомневаюсь, что капитан так думает, – проговорила Эсме. – Вероятно, он считает эти деньги дружеским займом.

– Который я никогда не верну, – вздохнул крылан. – Разве что отыщу своих родных и окажется, что где-нибудь на далеком Юге меня ждет престол затерянного королевства крылатых людей...

Он сжал ладонями голову, которая, казалось, вот-вот взорвется. Оставалась последняя часть истории – самая короткая и самая сложная.

– Помнишь, я рассказал тебе о Скодри? Ты была в ужасе. Эсме, за восемнадцать лет я поменял двадцать хозяев. Трое умерли к моменту... моего освобождения, еще пятерых не удалось разыскать. Остальные... – Он сжал кулаки, стиснул зубы и не смог договорить.

Эсме побелела – она все поняла без слов.

– Да, я отомстил. С молчаливого разрешения Кристобая.

Рядом с ним теперь была еще одна мраморная статуя. Он продолжил.

– Однажды я летел с поручением Крейна в глубь одного большого острова и попал в грозу. Меня долго мотало из стороны в сторону, пока не бросило на дерево, в ветвях которого я и запутался. Оттуда меня сняла женщина... Эсме, ты знаешь что-нибудь о клане Голубя? Он сейчас в изгнании. Этот клан обладает очень странным даром: если достаточно долго пробыть рядом с Голубем – просто быть рядом, ничего больше! – то ты безвозвратно утратишь те стороны своей натуры, которые принято называть черными. – Он коротко рассмеялся. – То есть, попросту говоря, станешь лучше и добрее, как бы банально это ни звучало. В этом есть определенный риск: если, кроме ненависти и желания отомстить, в твоей душе больше ничего нет – тебя ждет смерть. Если ты совершил слишком много злодеяний – тебя ждет смерть. Если тебе не хватит стойкости, чтобы прожить всю свою жизнь еще раз, всего лишь за ночь – тебя ждет смерть. Я выжил... и до сих пор не понимаю почему.

– Ты открыл мне все свои секреты, – медленно проговорила Эсме. – Зачем?

Он боялся этого вопроса, потому что сам не мог объяснить, откуда взялось нестерпимое желание поведать ей свою историю. Не всю, разумеется, – он не лгал, но умолчал о многом. Он принял ее за Эльгу? Вот еще, глупости. Он вспомнил о Джайне – или Джайна каким-то образом продолжала на него влиять? Нет-нет, невозможно. Так в чем же причина? Почему он позволил воспоминаниям взять над собой верх?..

– Не отвечай, не надо, – вдруг сказала Эсме. – Я... надеюсь, тебе стало легче.

«О Заступница...»

Он опустился перед целительницей на колени – и поцеловал ей руку.

* * *

Если верить легенде, было так.

Давным-давно, в том мире, который небесные дети называли Прародиной, жил могущественный волшебник, посвятивший всю жизнь поискам границы между добром и злом. Почему он ее искал, никто не мог сказать: возможно, еще в юности он пострадал от великого зла, или потерял кого-то, или оказался свидетелем чьей-то утраты, и это поразило его до глубины души. Так или иначе, совершенствуя свой магический дар год за годом, он все усерднее трудился, стремясь к цели, но ни на волос к ней не приблизился.

Разочаровавшись во всем, он построил высокую башню в отдалении от всех городов и поселков и стал жить, сторонясь людей, потому что именно в людях, как он успел убедиться, дремали зерна несправедливости, способные прорасти в нужный момент.

Как-то раз он услышал странный шум за окном своей башни и, выглянув наружу, увидел, как белая голубка сражается со змеей, забравшейся по лозе, которая оплетала башню до самой вершины. Голубка защищала свое гнездо и нерожденных птенцов отчаянно, однако силы были неравны – змея раздраженно шипела и продвигалась к цели.

Волшебник перебрал в памяти несколько заклинаний, способных отпугнуть змею, но ни одно не подошло: гнездо располагалось слишком близко и тоже могло пострадать. Он огляделся в поисках какой-нибудь длинной палки, но его кабинет был заполнен книгами и хрупкими чародейскими приспособлениями, опять-таки бесполезными в деле спасения гнезда от

змеи. И волшебник, не придумав ничего лучше, выбрался из окна на узкий каменный выступ, опоясывающий башню. Прильнув к стене и крепко держась за толстые стебли лозы, он приблизился к тому месту, где сражались голубка и змея. Каждый шаг был труден, неосторожное движение могло стоить ему жизни, и ненадолго волшебник отвлекся от битвы, а когда вновь обратил на нее взгляд, то увидел странное.

Голубка деловито выклевывала змее глаз, и с каждым ударом дыра в черепе ползучей твари становилась все глубже.

Ошеломленный увиденным, волшебник поскользнулся. Шум привлек внимание белокрылой птицы, и она, оставив полуослепшую и полумертвую змею в покое, бросилась на того, кто показался ей новым – и куда более опасным – врагом. Мельтешащие перед самым лицом крылья, острые когти и еще более острые перья лишили волшебника равновесия, и он сорвался.

Он вполне мог остановить свое падение при помощи одного из заклинаний, не боясь причинить вред какому-нибудь живому существу, но вместо этого освободил всю силу, что хранил внутри, отдал ее просто так. И закрыл глаза. В ту же секунду перед ним пронеслась вся жизнь. Жизнь, потраченная на поиски, которые не могли увенчаться успехом, потому что стоило ему приблизиться к цели, как она тотчас же оборачивалась собственной противоположностью. Он увидел тех, кого не заметил или забыл в этой безумной погоне, и понял, что упустил, чего лишился. Да, он не творил зла, но и добра не делал; не отыскав грани между ними, он так и не разобрался, чем одно отличается от другого. Еще он осознал, что вся магия мира не в силах повернуть время вспять...

Потом говорили – волшебник исчез. Ведь трупа у подножия башни не нашли.

А сосчитать голубей никому и в голову не пришло.

– Капитан сказал, мне следует держаться поблизости от тебя. – Кузнечик виновато развел руками. – Уж извини, если мешаю.

– Ничего страшного. – Джа-Джинни заставил себя улыбнуться. – *Сказал*, говоришь? Ну-ну.

Кузнечик махнул рукой, словно пытаясь поймать ветер. Крылан хмыкнул: с самого утра «Невестой» командовал невидимый капитан, то и дело вторгавшийся в их мысли. Капитаны других фрегатов лишь изредка могли воспринимать самые сильные эмоции тех, кто был связан с их кораблями, и отдавать короткие, очень внятные и несложные в исполнении приказы. С Крейном все обстояло куда интереснее: он не знал преград и вполне мог общаться беззвучно, хоть это и вызывало у матросов неприятные ощущения. Они мрачнели на глазах. Приказ не сходить на берег без разрешения особенно сильно всех раздражал. Нарушить его было невозможно, и Джа-Джинни испытал это на себе: попытавшись улететь, он едва не упал в воду из-за внезапного приступа жуткой головной боли.

– Уже вечер, – хрипло проговорил юнга.

Парнишка тщетно пытался скрыть волнение – ведь ему предстояло выполнить очень важное поручение, от которого зависел успех всего предприятия. Джа-Джинни возражал против того, чтобы Кузнечик участвовал в их аванюре, но капитан не стал его слушать:

– Он уже показал себя храбрецом. К тому же никто другой в этом деле не сможет быть твоим помощником.~

– Да, вечер, – пробормотал крылан. – Скоро закончатся эти мысленные нотации, и я сумею сказать капитану все, что о нем думаю.

Кузнечик улыбнулся.

– Он самый легкий и худой в команде – за исключением разве что Эсме. Хочешь, чтобы я послал ее? Не хочешь? Тогда молчи. Так вот, кабинет Звездочета находится на втором этаже. Вы приземлитесь на крыше, а оттуда ты спустишь Кузнечика на веревке, чтобы он открыл

окно без лишнего шума. И прекрати волноваться – наш маленький воришка это уже делал. Так вот, когда он откроет окно, ты сможешь влететь внутрь – а там уже действуйте по обстановке. Запоминай расположение комнат...~

Назначенное время приближалось. Крылан подумал о своем друге: Умберто уже приходилось представлять перед судом, но не пиратским... Здесь действовали иные правила... это и судом-то назвать можно было с большой натяжкой. Джа-Джинни понятия не имел, что придумал капитан для спасения своего помощника, но верил – все обойдется. Гораздо больше его беспокоила оброненная Крейном фраза, которую тот успел и повторить:

– Я тоже намерен кое-кому предъявить обвинение.~

Кому?..

И, самое главное, как он рассчитывает отвлечь людей Звездочета? Крылан за целый день невеселых размышлений вконец измучился и теперь переживал гораздо больше, чем утром. Он ненадолго воодушевился, лишь увидев сбежавшие лодки – их загнали в наспех отремонтированный загон – и едва протрезвевшего зрителя, который на радостях лез обниматься ко всем, кто оказывался рядом.

Уже совсем стемнело, когда в голове Джа-Джинни внезапно прогремел голос капитана:

– Пора!~

Он направился к фальшборту, чтобы взлететь, и неожиданно споткнулся обо что-то лежащее на палубе. Это была перевязь с метательными ножами – та самая, которую он отдал капитану после встречи с Джайной. Отдал, как он тогда выразился, на бессрочное хранение. Теперь же Крейн и «Невеста» возвращали его имущество в целостности и сохранности.

«Вот тебе и безопасное приключение, – растерянно подумал крылан. – Я не хочу ее брать!»

Но он понимал, что должен. Из-за Кузнечика. Без сомнения, мальчишка поможет ему в предстоящем деле, но, если все пойдет не так гладко, как предполагает капитан, придется пустить в ход ножи и вспомнить былые навыки.

Он уже и позабыть успел, как тяжела его перевязь...

Крылан слетел на берег; теперь ему ничто не помешало, даже наоборот – как будто невидимый ветер подталкивал в спину, приговаривая: «Скорей!» Джа-Джинни чувствовал это, но понимал, что Крейн ни при чем: всему виной его собственное нетерпение. Он подождал остальных, и они все вместе отправились на площадь Согласия, где и должен был состояться суд. Кузнечик, пробившись сквозь толпу, оказался рядом с Джа-Джинни, но не заговорил с ним – просто шел в нескольких шагах позади крылана.

Эсме тоже была здесь. После вчерашней ночи крылан избегал встречаться с ней взглядом, но порою чувствовал легкое прикосновение к своему сознанию – не такое, как прикосновение «Невесты ветра» или Крейна.

Самого капитана пока что видно не было.

На площади собрался, казалось, весь город.

Здесь было множество матросов – включая команды двух сторожевых фрегатов, что подошли к пристани утром, – но и прочие не стали отсиживаться по домам в преддверии столь интересного и необычного события. Ведь Лейстес, как и многие города средней величины, страдал вялотекущей болезнью, которая временами попросту изматывала его, и имя этой болезни было скука. Как же упустить такое развлечение?

В центре площади соорудили помост, на котором установили некое подобие трона. Там сидел Скодри. Старый пират выглядел суровым и сосредоточенным.

А потом появился Крейн.

– Чуть не опоздал! – Магус хлопнул Джа-Джинни по плечу; удар был тяжелым, но жара крылан не почувствовал. Оставалось лишь гадать, чем занимался Крейн всю прошедшую ночь,

но он определенно не спал – это выдавали глаза. – Будь наготове, дружище. Ты поймешь, когда надо приниматься за дело.

Крылан вздохнул:

– Ты хочешь сказать, суд нам поможет?

– Не суд, – хитро улыбнулся Крейн, – а то, что за ним последует.

– Я прошу тишины! – Скодри встал. – Мы начинаем! Приведите обвиняемого.

Вывели Умберто. Он выглядел уставшим и слегка испуганным, но, едва оказавшись перед собравшейся толпой, приободрился и даже задрал нос. Джа-Джинни покосился на капитана: тот стоял спокойно, как будто ничего особенного не происходило.

– Сатто с «Утренней звезды» обвиняет Умберто с «Невесты ветра» в убийстве матроса по имени Дорс. Что ты хочешь нам сказать, Сатто?

Помощник Звездочета поднялся на помост и встал рядом с креслом Скодри.

– Этот человек, – он указал на Умберто, – вероломно напал на моего друга и убил его! Разве это честный поступок? Разве об этом мы мечтали, когда шли сюда, в Лейстес, город спокойствия и порядка, где можно отдохнуть и набраться сил?..

Толпа, где было немало людей Звездочета, загудела. Скодри хмуро выслушал речь Сатто, потом спросил:

– Есть ли свидетели случившегося?

Свидетелями оказались двое матросов, в тот злополучный вечер встретившие Умберто на пристани. Они рассказали, что шли в таверну, когда из-за угла появился помощник Крейна и стал осыпать их оскорблениями.

Когда настала очередь Умберто, он сказал, что шел по своим делам, когда наткнулся на компанию матросов «Звезды». Хотя до заката оставалось еще достаточно много времени, они были в изрядном подпитии. Эти матросы заявили ему, что команда «Невесты ветра» – воры и бездельники, а сама «Невеста» уже ни на что не годится, потому-то ее экипаж и украл пятнадцать лодок, принадлежащих жителям Лейстеса. Он не мог такое вытерпеть и взялся за оружие.

– ... Я не виноват в том, что оказался быстрее и сильнее, – закончил он, виновато разведя руками. – Но молчать, когда клеветают на мой фрегат и моих друзей, я не умею. Если суд признает, что я должен понести наказание, – так тому и быть, но о содеянном я не жалею.

– У тебя есть свидетели? – хмуро спросил Скодри.

Умберто покачал головой, и среди матросов «Утренней звезды» послышались торжествующие крики. Зубастый поднял руку, призывая собравшихся к порядку, и сказал:

– По известной вам всем традиции за каждого члена команды может заступиться капитан. Звездочета здесь нет, а Сатто мы уже выслушали. Что скажет Кристоаль Крейн?

И он впервые за весь вечер посмотрел на капитана «Невесты ветра».

Крейн кивнул, благодаря за предоставленное слово, и поднялся на помост – так, чтобы его все видели.

– Если я сейчас скажу, что Умберто невиновен, – начал он, – то вы все решите, что я попросту выгораживаю помощника и друга.

Раздались смешки. Крейн выждал, пока матросы успокоятся.

– Но дело в том, что мы забыли о двух очень важных свидетелях, которые не могут сюда прийти, потому что не умеют ходить.

Ответом ему были недоуменные возгласы и взгляды – удивленные, возмущенные.

– О ком это ты? – поинтересовался Скодри. Выражение лица не выдавало мыслей старого пирата. – О каких свидетелях?

– Да это просто очередная уловка... – попытался возразить Сатто, но осекся.

Крейн ухмыльнулся:

– Если ты и впрямь говоришь правду, то чего тебе бояться? А свидетели, которые никогда не смогут попасть сюда, но все-таки видят и слышат происходящее, – это корабли. Так, ~Невеста~?

Со стороны пристани раздался трубный возглас фрегата, хорошо знакомый всем присутствовавшим. Матросы онемели от неожиданности – как те, кто хотел добиться казни Умберто, так и его сторонники из команды «Невесты ветра». То, о чем сказал Кристоаль, было очевидно, но отчего-то...

– Отчего-то никто и никогда не привлекал фрегат в качестве свидетеля, – проговорил капитан Крейн. – Вся причина в том, что он не может войти в зал суда и не может говорить. Но ведь немой в состоянии свидетельствовать? Конечно. Безногий? Еще как. Просто надо отыскать способ, который позволит услышать и понять.

– И как ты собираешься это сделать? – с кривой ухмылкой спросил Сатто. Помощник Звездочета по-прежнему держался уверенно и нагло, но что-то в его взгляде подсказало Джа-Джинни, что этот суд не затянется надолго. – Как ты узнаешь, что они видели и чувствовали в тот вечер?

– О, все просто! – Крейн развел руками. – Фрегат не может ничего рассказать или показать тем, кто не из команды, но ответить на простой вопрос «да» или «нет» ему совсем нетрудно! Что я и продемонстрировал. Теперь, думаю, Скодри вполне может задавать вопросы... – Крейн поклонился Зубастому. – Надеюсь, никто не сомневается, что фрегаты не умеют лгать?

Молчание собравшихся сменилось страшным шумом: заговорили все и сразу, каждый хотел быть услышанным. Крейн наблюдал за этим с добродушной усмешкой, Сатто – язвительно скривившись, лицо Скодри по-прежнему оставалось непроницаемым.

Джа-Джинни перевел взгляд на Умберто и увидел, что тот не отрываясь следит за каждым движением капитана.

– Да, это необычно, – сказал Зубастый, чуть заметно улыбнувшись. – Но ты прав, Кристоаль, не стоит пренебрегать такими свидетелями. Сатто! Я хочу узнать, что видела «Утренняя звезда» в тот вечер.

– Делайте что хотите, – помощник Звездочета пожал плечами. – Препятствовать не буду. На самом деле он бы и не смог.

– Тогда я хочу услышать «Звезду»! – Скодри откинулся на спинку кресла и с интересом всмотрелся в ту сторону, где располагалась пристань. Тотчас раздался голос фрегата, и он достаточно сильно отличался от голоса «Невесты ветра» – был выше и тоньше. «Неудивительно, – подумал Джа-Джинни. – „Звезда“ намного моложе».

– Ты слышишь и понимаешь меня? – спросил пиратский король. – Пусть один крик означает «да», а два – «нет»!

«Да».

– Твой капитан сейчас в Лейстесе? – Фрегат крикнул два раза. Скодри удовлетворенно кивнул и задал следующий вопрос: – Ты почувствовала, как погиб матрос по имени Дорс?

Ответ был утвердительным, и Джа-Джинни ощутил, как напряглись все собравшиеся. В наступившей тишине вечернее пение цикад казалось слишком громким.

– Он умер от удара кинжалом?

«Да».

Скодри выдержал паузу.

– То, что рассказали твои матросы, – правда?

«Утренняя звезда» молчала так долго, что Джа-Джинни показалось – кто-то из стоящих на судейском помосте не выдержит и взорвется. А потом звенящую тишину прорезали два крика: – «Нет». Скодри быстро задал последний вопрос:

– Умберто говорит правду?

И «Утренняя звезда» крикнула один раз...

– Я считаю, решение очевидно, – проговорил Зубастый, когда утихли радостные крики в одном лагере и возмущенные – в другом. – Мы не допустим в Лейстесе убийств, но это было справедливое воздаяние за нанесенное оскорбление. Умберто невиновен и...

– Это неправильно! – вскричал Сатто. – Фрегат не может быть свидетелем! Ты обманываешь нас, Крейн!

Капитан «Невесты ветра» с отсутствующим видом смотрел в сторону, а Скодри повернулся к возмутителю спокойствия.

– Не стоит так волноваться, – сказал он примирительно. – Все видели и слышали, никакого обмана нет. Я бы на твоём месте радовался, что капитан Крейн не требует более существенной расплаты за оскорбления...

– Почему же, – внезапно произнес Кристоаль и быстро повернулся к Сатто. – Ещё как требую. Твои люди, Сатто, клеветают на моих людей и на меня лично. Дело не только в глупой ссоре, из-за которой мы здесь собрались. Как уже упоминалось, у зрителя на пристани пропали лодки. И почему-то во всех тавернах заговорили, что это сделали мы... – Он обвел собравшихся пристальным взглядом. Многие отворачивались. – Так вот, если моё слово как капитана что-то для вас значит, то слушайте: я утверждаю, что к пропаже лодок никто с «Невесты ветра» отношения не имеет, и даже наоборот – мои матросы рисковали жизнью, отыскивая их. И нашли! – Он повысил голос: – Нашли! А теперь я вот что хочу сказать...

Крейн подошел вплотную к Сатто, который невольно отшатнулся.

– Никто не посмеет болтать чепуху о моих людях, моем фрегате и обо мне, – четко и громко сказал капитан «Невесты ветра», словно разъярял непослушному ребенку, как следует себя вести в приличном обществе. – А раз уж команда «Утренней звезды» последние дни только тем и занималась, что распространяла слухи, – у меня полгорода свидетелей! – то именно вас надо проучить. Чем я и намерен заняться!

Матросы зашумели и закричали. Джа-Джинни глянул на Эсме, которая стояла неподалеку. Девушка только сейчас забеспокоилась, предчувствуя, что намечается драка. Конечно, ей неоткуда было знать о старом обычае, по которому в случае крупной ссоры между командами устраивают сражение: каждая сторона выставляет лучшего бойца, и считается, что победитель отстоял доброе имя своего корабля. Этот обычай уже давно не использовался, но именно о нем вспомнил Крейн.

Скодри наблюдал за происходящим, не делая попыток вмешаться.

– Принимаю вызов! – Сатто сумел взять себя в руки и устоял под тяжелым взглядом Крейна. – И, ты знаешь... – Он ухмыльнулся. – Я даже приму его лично, буду драться сам. Кого ты выставляешь со своей стороны?

Кристоаль взмахнул рукой, и сквозь толпу стал продираться Бэр – огромный и страшный. Но, против всех ожиданий крылана, Сатто нисколько не испугался.

– Э! Нет, так не пойдет! – Он лукаво погрозил Крейну пальцем. – Обычай говорит, что условия поединка должны быть равными, а я не гродан! Выставляй человека, и не надо хитрить!

Крейн поднял брови с изумлением, которое выглядело вполне искренним, а потом сокрушенно вздохнул.

– Надо же, ты прав. А я забыл... – Он задумчиво почесал шрам на щеке. – Выставить против тебя помощника я не могу – Умберто слишком устал, а Джа-Джинни опять-таки не человек, – поэтому... М-да. Ладно, так и быть – с тобой стану драться я!

Сатто отшатнулся, словно его ударили. На мгновение он растерялся, но потом сказал ровным голосом:

– Но, Крейн... я, кажется, достаточно ясно выразился? По обычаю, дерутся только равные против равных, а я человек...

Капитан «Невесты ветра» смотрел на него не мигая и молчал. Сатто взял себя в руки, и на его лице появилась обычная ухмылка. Он провозгласил, обращаясь к публике:

– Я уже понял, что капитан Крейн не любит, когда о нем распространяют слухи! Но все дело в том, что ни я, ни кто-то другой из команды «Утренней звезды» не имеем отношения к любопытному слушкуну, который появился не так давно... – Он выдержал театральную паузу. – Говорят, капитан Крейн – магус!

Джа-Джинни увидел: на краткий миг лицо Кристобая превратилось в маску пепельного цвета, а в глазах мелькнули красные искры. Но Крейн очень быстро пришел в себя, хотя было понятно – такого подвоха он не ожидал.

– Слухи – дело темное! – продолжал Сатто все смелее. – Я знаю Крейна всего-то лет пять и не берусь утверждать, состарился он за это время или нет. Я соглашусь биться с ним – но пусть сначала кто-то, знающий его достаточно давно, подтвердит, что Кристобал Крейн принадлежит к человеческому роду!

Джа-Джинни опустил голову. Он понимал, что хитроумный план капитана вот-вот рухнет из-за досадной мелочи... Но невозможно предусмотреть все. Хуже всего, что Сатто подлил яду: как теперь доказать, что Крейн и в самом деле человек? А если ничего не доказывать, распространения слухов не остановишь. Крылан мысленно перебирал имена самых сильных матросов, которых команда могла бы выставить против здорового Сатто, когда раздался знакомый голос.

Голос человека, который должен был молчать.

– Ты рехнулся, Сатто? – насмешливо поинтересовался Скодри. – Неужто ты решил, что я допустил бы в свой дом *магуса*? – Последнее слово он произнес с безграничным презрением. – А ведь сам упрекнул меня недавно в дружбе с Кристобалем... Выходит, ты считаешь, я смог бы назвать другом того, чьи сородичи погубили всю мою родню?

На лице Сатто отразилось замешательство. Чтобы скрыть его, он низко поклонился Зубастому и не сказал ни слова, как бы понимая, что любое оправдание только усугубит вину. Скодри принял извинения с достоинством и ободряюще кивнул Крейну.

Джа-Джинни смотрел на своего капитана и думал, что всем прочим он должен казаться воплощением холодной ярости. На самом деле неподвижное лицо и застывший взгляд объяснялись просто: магус растерялся.

Но ненадолго.

– Готовьтесь! – коротко бросил Скодри, всем своим видом показывая, что его очень интересует предстоящая битва. Джа-Джинни огляделся: все вокруг не сводили глаз с двоих мужчин в центре площади, готовых убить друг друга. Не поддались этой жутковатой магии только двое – Эсме и Кузнечик.

– Опять... – с досадой пробормотала целительница.

Джа-Джинни, не сдержавшись, протянул руку и сжал ее тонкое запястье.

– Пора, друг. Не подведи меня!~

«Слушаюсь, капитан».

Крылан взглядом указал Кузнечнику в сторону ближайшего переулка. Мальчишка кивнул. Вдвоем они выбрались из толпы, и никто не обратил на это ни малейшего внимания. Оказавшись там, где их уже не могли увидеть, оба зашагали быстрее.

– Времени мало. Ты помнишь, что говорил капитан? – спросил крылан.

– Он пообещал, что поможет узнать карту. – Кузнечик поморщился. – Но я что-то сомневаюсь, что у него будет возможность отвлечься от дуэли.

– Правильно. Значит, рассчитываем только на себя... – Джа-Джинни посмотрел по сторонам. – Ну-ка, дай мне место...

Он с легкостью взлетел. Командовать, что делать дальше, крылану не пришлось: парнишка стоял неподвижно, и, пролетев второй раз над улицей – так низко, что крылья почти касались мостовой, – Джа-Джинни подхватил его на руки.

– Я думал, ты легче, – с удивлением заметил он, когда они поднялись высоко над городом. – Эсме выше тебя, а весит столько же.

– Просто девушек носить на руках приятнее, – пробурчал Кузнечик.

Очень скоро дом Звездочета оказался прямо под ними – темная громада особняка посреди большого сада. Старый пират не отказывал себе в роскоши: даже ночью было видно, что по сравнению с его домом жилище Скодри выглядит более чем скромно. Вспомнив образы, которые передал ему Крейн, Джа-Джинни с легкостью определил, где находится кабинет Звездочета, и с удивлением обнаружил, что нужное ему окно распахнуто настежь. Знай он об этом заранее, отправился бы один, без юнги.

– Можешь расслабиться! – крикнул он. – Окно открыто, и тебе ничего не придется делать! Нас как будто ждали!

«А ведь и правда...»

– Время, время! – пискнул Кузнечик, когда они в третий раз пролетели над особняком. – Ты слишком долго прицеливаешься!

– А тебе так хочется промахнуться и быть размазанным по стенке? – прошипел Джа-Джинни. – Ну тогда держись!

Оказавшись на нужной высоте, он сложил крылья и ринулся в открытое окно. Где-то совсем близко Кристоаль и Сатто скрестили оружие, но Джа-Джинни ощущал незримое присутствие капитана – тот как будто стоял за его спиной. Все-таки магусов нужно бояться, и не зря Сатто требовал, чтобы против него вышел человек. Да, Крейн обманул всех, и это рано или поздно откроется – и ему придется заплатить.

Как и Скодри.

– Здесь так темно... – хрипло прошептал Кузнечик. – Ничего не видно...

Джа-Джинни сжал его руку, призывая к молчанию. Он видел в темноте ничуть не хуже совы: в коридоре было пусто, но в любой момент могли появиться охранники – поэтому следовало соблюдать осторожность. Он шепнул: «Идем!» – и потащил мальчишку за собой.

Комната, которая была им нужна, оказалась незапертой.

– Проклятье... – Джа-Джинни остановился на пороге. – Мне это не нравится.

Кузнечик посмотрел на него удивленно и растерянно:

– Ты думаешь, это ловушка?

– Не знаю. Посуди сам. Кристоаль правильно рассчитал, что большинство людей Звездочета не устоят перед искушением полюбоваться на драку, в доме должен был остаться хоть кто-нибудь. А здесь ни души. И мне все время кажется, что на меня кто-то смотрит... кто-то очень злобный...

Мальчишка вздохнул:

– Мы теряем время. Ловушка это или нет, надо взять то, за чем мы пришли.

– Ты прав... – Джа-Джинни отодвинул Кузнечика в сторону и первым вошел в кабинет Звездочета.

Там оказалось темнее, чем в коридоре, потому что на окнах, выходящих во внутренний двор, висели плотные шторы. В полумраке Джа-Джинни разглядел книжные шкафы, заполненные сверху донизу, большую карту на одной из стен и стол, заваленный бумагами. Комната была заставлена большими и маленькими сундуками: они словно ждали, что придет хозяин и разберет их, разложит по местам книги и редкие вещицы, добытые на море и на суше. Осторожно пробираясь между ними, Джа-Джинни подошел к столу и внезапно почувствовал волнение Крейна.

Карта лежала на виду, ее даже не попытались спрятать.

Очень ветхая и выцветшая, она дышала стариной, и крылан вполне мог бы и сам, без подсказки капитана, догадаться, что они ищут именно эту вещь. Он осторожно подцепил край карты когтями, развернул ее...

– Сзади! – крикнул юнга, но, когда его глаза уже округлились от страха, Джа-Джинни выхватил нож и бросил его за спину – туда, где должно было находиться нечто, испугавшее Кузнечика. Он сделал это бездумно, без промедления – как в прежние времена, до Джайны.

– Какая мерзость... – скривился Кузнечик.

Джа-Джинни обернулся: на стене, примерно вровень с его головой, трепыхался огромный паук. Крылану случалось видеть разных пауков – даже таких, которые расставляли сети на мелких птичек, – но твари подобного размера не попадались ему на глаза вот уже... двадцать пять лет. До сих пор он считал, что они водятся только на одном острове.

Джа-Джинни осторожно приблизился и, вытащив второй нож, довершил начатое. Тело паука неприятно хрустнуло – весь он состоял из металла и стекла.

– Мех из Облачной цитадели, – тихонько проговорил крылан. – Интересно, где Звездочет его раздобыл? Не нравится мне все это, совсем не нравится... Давай-ка заберем карту и отправимся восвояси, пока не объявился кто-нибудь покрупнее.

– Да, да! – нетерпеливо зашептал Кузнечик. – Так это она? Та самая карта?

– Да... – пробормотал крылан. – Это острова далекого юга, но не совсем те, где мы побывали. А это и вовсе незнакомое место. Посмотри-ка сюда... Ничего не замечаешь?

– Я не вижу! – обиженно отозвался парнишка. – Темно!

Джа-Джинни досадливо покачал головой.

– Это не вся карта. – Он провел пальцем вдоль одной из сторон. – Ее разделили. Надо отыскать вторую часть...

– Ее с-с-десь нет.

– Откуда ты зна... – Джа-Джинни осекся.

Кузнечик опять смотрел на него круглыми глазами и заметно дрожал. Голос, прозвучавший только что, ему не принадлежал, хотя был таким же тихим и хриплым.

Крылан огляделся. Поначалу казалось, что в комнате негде прятаться – разве что потайной ход, скрытый за каким-нибудь шкафом? Но потом он заметил, что складки шторы на одном из двух окон лежат не так, как должны были бы. Он прыгнул вперед и сдернул штору.

– Ой, – сказал Змееныш. Он сидел на подоконнике, обхватив руками колени, и не двинулся с места, даже когда крылан приставил к его шее нож. – Ты меня нашел.

Он был в обычном черном наряде и неизменном шарфе, скрывавшем большую часть лица. Джа-Джинни раньше никогда не оказывался так близко к Змеенышу и не замечал, какие странные у него глаза – огромные, желтого цвета. На мгновение ему показалось, что зрачки этих глаз сжимаются в щелочки, а не точки.

– Шевельнешься – прирежу, – предупредил крылан на всякий случай.

– Боюсь, боюсь... – Змееныш хрипло рассмеялся. – Берите то, за чем пришли, и уматывайте пос-с-скорей.

– Кто-то из нас сошел с ума, – пробормотал Джа-Джинни. – Или за стеной прячется отряд сторожей?

– В доме нет никого, кроме меня, – устало ответил Змееныш. – Можете даже выйти через дверь, никто вас не остановит. Передавай мое почтение своему капитану, только пус-с-сть он не вс-с-сдумает поблагодарить меня лично.

– Послушай... – Лезвие сдвинулось чуть выше, и Змееныш задрал подбородок. – Это какая-то ловушка, да? Иначе не может быть. Зачем ты отдаешь нам карту?

– Убери желез-с-сяку! – выпалил Змееныш на выдохе. Крылану пришлось подчиниться. – Звездочет рас-с-сделал карту на две час-с-сти. На ней обозначены три месс-с-ста... Он считает, что там хранятся кус-с-ски механизма, который позволит отыскать главное сокровище

– «Утреннюю звезду»... нас-с-стоящую «Утреннюю звезду». Звездочет все очень тщательно просчитал.

– О нашем приходе знали? – тихо спросил крылан.

Змееныш кивнул.

– Откуда?

– Не с-с-скажу, – последовал спокойный ответ. – Потому что после этого мне останется лишь вырвать у себя сердце и с-с-самому его съесть. Но кое-что я могу объяс-с-снить. Звездочет понимает: твой капитан безумно заинтересован в том, чтобы отыс-с-скать сокровище, чем бы оно ни было. Вот он и решил: зачем мотаться по морям с-с-самому, когда это может за тебя сделать кто-то другой? Крейн получит час-с-сть карты, на которой отмечены два месс-с-ста, и отправится на поиски, а Звездочет в это время отыщет третью часть. Потом они встретятся... Звездочет известным ему одному с-с-способом отнимет у Крейна два артефакта, которые тот разыщет, и – вот тебе раз! – у него окажется готовая штукавина... готовый небесный компас-с-с. Он-то и укажет путь к «Утренней звезде»... Затраты и потери уменьшены на две трети... в общем, думаю, ты понял...

Длинная речь отняла у Змееныша много сил – он запыхался и теперь дышал тяжело, со свистом, всячески стараясь это скрыть. Джа-Джинни смотрел на него со смесью жалости и презрения.

– Он понимал, что Кр-р... Крис-с-стобаль пришлет кого-нибудь... по всей вероятности, тебя.

Крылан вздохнул.

– Врешь ты все. Крейн сам об этом не знал до сегодняшнего вечера.

– Больше не могу! – Внезапно Змееныш вздрогнул всем телом, его глаза широко распахнулись, и в них отразился ужас. – Уходите! Уходите сейчас же... Пожалуйста, с-с-скорее...

– Мне это не нравится, – шепнул Кузнечик, прячась за спину крылана. – Он странно себя ведет...

– А когда он вел себя не странно? – отозвался Джа-Джинни. Ему больше не было страшно: Змееныш сам сказал, что в доме никого нет, а раз так – бояться нечего. – Я хочу понять, что происходит.

Змееныш перестал их замечать; его руки и ноги задергались, голова запрокинулась, и он медленно сполз с подоконника. Под шарфом видно было, как шевелятся губы, и Джа-Джинни наклонился, чтобы его снять, – но почему-то ощутил смутное беспокойство, едва протянув руку.

– Может, он болен?

Джа-Джинни не заметил, что говорит вслух. Змееныш его не услышал, зато услышал юнга:

– Нет, это что-то другое. Я... мне доводилось видеть припадок... это не то...

«Он очарованный морем?» – обеспокоенно подумал крылан и хотел было выпрямиться, как вдруг рука Змееныша взметнулась и схватила его за плечо.

– П-передай Крис-с-стобалу... – с трудом проговорил Змееныш, – пусть он ее бережет...

– Ее? – насторожился крылан. – Кого? «Невесту»?

Змееныш его не слышал.

– Я н-не могу ее увидеть... – шептал он. Его взгляд перебегал с лица Джа-Джинни на сундук, стоявший рядом с окном. – Меня предупреждали, но все равно... это так... с-с-странно. Передай Крис-с-стобалу... он должен беречь ее и опасаться того, что в этом сундуке...

И это были последние слова, на которые у Змееныша хватило сил. Его глаза закатились, и он забился в конвульсиях. Джа-Джинни принялся осторожно разжимать пальцы, впившиеся в его плечо, будто клещи, и с содроганием понял, что в каждом на один сустав больше положенного.

«Да кто же ты такой? Или... что такое?»

– Сундук... – хрипло шепнул Кузнечик. – Посмотрим?

Крылан и юнга переглянулись.

* * *

– Странно... – сказал человек-птица.

Джайна вздрогнула и открыла глаза. Она не спала всю ночь, внимательно наблюдая за крыланом: он лежал, завернувшись в крылья, не шевелясь и почти не дыша, словно мертвый. От напряжения и усталости у нее кружилась голова. Робин и Кэсса вознамерились бодрствовать вместе с ней, но быстро задремали, и Джайна осталась наедине с ночью и со своей совестью. Она смотрела на чернокрылого безымянного гостя, но видела Виртина Кальфа, неумного воришку. Рыжеволосую Миртину, что из ревности – как потом оказалось, беспощенной – подослала к своему жениху убийцу. Лопоухого аптекаря Диллирана, чья забывчивость повлекла смерть троих клиентов. И еще многих, многих.

Иногда они не просыпались – уходили во сне, и Джайну лишь поначалу утешали их умиротворенные лица. Иногда проходила неделя – реже месяц или два, – прежде чем они сводили счеты с жизнью. Те, чьи грехи не были связаны с убийствами, могли продержаться намного дольше, прежде чем сломаться окончательно.

А если их, сломанных, было на самом деле намного больше, чем очищенных и исцеленных?..

– Странно, – повторил крылан. Лицо у него было серое, изможденное, как у человека, которого несколько дней мучила сильная лихорадка, но глаза горели прежним огнем. – Так и должно быть?

– Как? – хрипло спросила Джайна.

Крылан несколько раз моргнул, медля с ответом.

– Ничего не изменилось, – наконец сказал он. – Я остался таким же, как раньше. Я... многое видел там, многое перенес. Но это ничего не изменило. К моей боли добавилась новая боль. Чему она должна была меня научить? Кажется, я не усвоил урока, Джайна.

Она медленно покачала головой. Она не знала, как объяснить ему, что все совсем наоборот.

Впрочем, на самом деле он и не ждал от нее ответа.

– Кто очистит тебя, Джайна? За то, что ты совершила – и еще совершишь? Ради собственных детей и ради справедливости?

– Это дети моей сестры, – тихо проговорила она, закрывая глаза. – Цепные акулы убили ее... убили их отца... В доме оставались верные слуги, они прятали Робина и Кэссу два месяца, дожидаясь меня. Рисковали собой, своими семьями. Что касается моих детей...

«Когда они ушли, их крылья были белее снега».

– Понятно, – сказал человек-птица. – Прости.

И в этот миг Джайна впервые в жизни ощутила ту самую Грань, о которой знала с раннего детства, которую искала и никак не могла найти. Тончайшую невидимую линию между светом и тьмой, добром и злом, бытием и небытием. Предел, за которым все превращается в собственную противоположность. Его нельзя было описать словами; слова заканчивались там, где начинался он. Его можно было только почувствовать.

– Какого же цвета теперь мои крылья? Мои... настоящие крылья?

Джайна открыла глаза и улыбнулась.

– Ты знаешь сам, – сказала она. – Ты все знаешь сам.

* * *

– Мы, конечно, открыли сундук, – проговорил Джа-Джинни и замолчал.

Он не мог подобрать слов, чтобы описать вещь, которая там лежала.

– Там был безумер? – подсказал Кристобаль.

После сражения с его измученного лица не сходила довольная улыбка: победу он одержал красиво, не выдав своей истинной силы и отстояв доброе имя. Сатто унесли с поля боя, а сам магус отделался несколькими порезами, которые Эсме излечила очень быстро.

Теперь он и целительница, сидя в каюте капитана на борту «Невесты ветра», слушали рассказ Джа-Джинни о случившемся в доме Звездочета. Кузнечик тоже был рядом – он устроился на полу, у самой двери, и молчал.

– Да, безумер... – растерянно ответил крылан. – Но довольно-таки странный. Толще, чем обычный... я бы сказал, раза в два. Длиннее. И самое главное – черного цвета.

– Жаль, я не могу на него посмотреть, – посетовал Крейн. – По описанию трудно понять, что это такое и почему его надо опасаться.

– Меня все-таки больше удивил Змееныш, – сказал Джа-Джинни. – Он вел себя совсем не так, как обычно. И этот припадок... эти руки...

– Да-да, – пробормотал магус, всецело погрузившись в разглядывание карты, которую он бережно разложил на столе.

Крылан вздохнул, сообразив, что капитан его уже не слушает.

– Эсме! – позвал он, и целительница вздрогнула, очнувшись от каких-то невеселых дум. – Ты говорила, что Змееныш в тот раз стоял очень близко от тебя. Не заметила в его лице ничего необычного?

– Ну, там и лица-то не было видно... Одни глаза...

– Я об этом и говорю. Какие они были, помнишь?

– Карие, – растерянно ответила она. – Очень злые... но обыкновенные.

Джа-Джинни снова умолк. Глаза у помощника Звездочета были желтые. С вертикальными зрачками. Неужели... неужели ему показалось? Переволновался, ожидая нападения? Тревожился за юнга? Эльга Пресветлая, даруй спокойствие и мудрость...

– А хитер старик! – раздался возглас Крейна. – Уж не знаю, где там спрятана третья часть небесного компаса, но эти две находятся в таких местах, что... – Он покачал головой. – В общем, будет весело.

– И ты собираешься туда отправиться? – поинтересовался крылан.

– Есть другие предложения? – хмыкнул магус. – Неужто тебе не хочется отыскать «Утреннюю звезду?»

– Нигде на карте не написано, что целью, на которую укажет компас, будет в самом деле она, – парировал Джа-Джинни. – К тому же, когда мы отыщем две части, останется суший пустяк – отобрать у Звездочета третью.

– Вот именно! – Крейн восторженно кивнул. – Суший пустяк, да.

– Я же пошутил... – сокрушенно вздохнул крылан, понимая, что сопротивление бесполезно: в разноцветных глазах Кристобаля уже отражались далекие южные моря.

Итак, им суждено вновь отправиться на юг и побывать там, куда не удалось попасть в прошлый раз.

– Выходим утром! – объявил магус. – Я бы пустился в путь прямо сейчас, но Эрдан рассердится. У тебя всё?

– Нет, не всё, – хмуро ответил Джа-Джинни. – Кузнечик, а ты ничего не хочешь рассказать капитану?

Мальчишка старательно изобразил удивление. Крылан добавил:

– Или, возможно, *показать*?

Крейн вскинул бровь. Юнга покраснел до ушей и вытащил из-за пазухи тонкую тетрадь в кожаном переплете.

– Как ты узнал?.. – прошептал он хрипло. – Я...

– Оконное стекло! – Джа-Джинни усмехнулся. – Превосходного качества, гладкое и блестящее. Пока я разговаривал со Змеенышем, в стекле за его спиной прекрасно отражалось то, как ты... э-э... заимствуешь у Звездочета эту вещь. Зачем она тебе, а?

Кузнечик с хмурым видом молчал, кусая губы. Джа-Джинни покосился на капитана: тот листал тетрадь, все больше мрачней. На «Невесте ветра» за воровство карали сурово, но крылан понимал: после того как магус сам послал их на такое задание, порка юнге не грозит. Хотя, конечно, безнаказанным этот поступок не останется.

И внезапно его осенило...

– Кракен меня побери! Но ведь Змееныш видел, что ты делаешь... должен был видеть! И промолчал... но почему?

– Возможно, он хотел, чтобы вы это забрали, – сказал Крейн, и Джа-Джинни поразился тому, как холодно прозвучал его голос. – Ты точно не хочешь мне ничего объяснить?

– Я прочитал несколько строчек... – пробормотал мальчик. – Мне стало интересно. Такой легенды об Основателях я еще не слышал...

– Правдоподобно, – хмыкнул капитан. – Но самую малость не дотягивает до правды. – Юнга от страха сделался меньше ростом. – В следующий раз не открывай рот, если собираешься врать. Твой поступок может привести к непредсказуемым последствиям. Иди. Это останется у меня... пока что.

Он перевел взгляд на крылана:

– Эсме, Джа-Джинни... вы тоже уходите. Завтра мы выходим в море, и вам надо отдохнуть как следует. Путь предстоит долгий и тяжелый.

– Последнее! – Джа-Джинни выждал, когда за Эсме закроется дверь. – Кого надо беречь, по словам Змееныша? Ты понял?

– Да, – ответил магус неохотно. – По крайней мере, мне так кажется. Иди, мне нужно побыть одному.

Выйдя из капитанской каюты, крылан чувствовал себя обескураженным еще сильнее, чем раньше. Было очевидно, что Крейн в самом деле понял из его рассказа гораздо больше, чем казалось поначалу. Завтра утром они отправляются в путь, из которого вполне могут не вернуться, но Крейн по-прежнему держит всю команду на коротком поводке, и вряд ли кто-то станет ему перечить.

«Отчего мне кажется, что я позабыл о самом важном?»

Утро!..

Хотя Джа-Джинни и чувствовал себя очень уставшим, он разбежался и взлетел.

«Отосплюсь завтра!»

Путь его лежал на запад, к скалам – к дому рыбака, чья жена говорила о черных крыльях. Уже настала глубокая ночь, а Джа-Джинни не подготовил план действий. Что он будет делать, когда окажется на месте? Что-нибудь придумает. Но даже если в конце концов рассказ Лейлы обернется бредом помешанной, нельзя упускать шанс.

Дом он отыскал без труда и опустился на соседней улице, чтобы не привлекать лишнего внимания. Но каждый шаг на пути, возможно, к разгадке самой главной тайны его жизни давался крылану все труднее. Если Лейла не ошиблась... если на острове, откуда бежали эти несчастные, действительно хранился ключ к тайне, терзавшей его разум... он с большим рвением отправился бы туда, хотя это и означало бы...

«Может, это предупреждение, Кристоаль?»

Слова Эрдана всплыли в его памяти, и Джа-Джинни остановился, ошеломленный и растерянный. Нет, такого быть не может – он никогда не предаст Кристобая! Он обязан магусу жизнью и свободой, они друзья! Что с того, что Крейн вынуждает его отправиться в далекое и, не исключено, бесполезное путешествие...

Джа-Джинни чуть не застонал от досады и растерянности, а потом вспомнил Кузнечика и украденную тетрадь. Это тоже вызывало подозрения, и, хочешь не хочешь, опять вспоминался проклятый «Плач по Фениксу». Конечно, Кузнечик не был так уж близок к капитану и многого не знал, но почему они решили, что предать может только самый близкий друг? Он покачал головой и заставил себя сосредоточиться на том, что было впереди.

На окне, за которым горел свет и двигались чьи-то тени.

«Не спят... Почему?»

Обуреваемый недобрыми предчувствиями, крылан подобрался поближе и осторожно заглянул внутрь.

На убогой постели лежала женщина. Рядом с ней притулилась сгорбленная старуха – она то и дело вытирала слезы. Поодаль, в углу, стоял мужчина – такой высокий, что его голова почти касалась потолка.

– Прости меня, Шак, если сумеешь... – сказала старуха. – Не могу, ничего больше сделать не могу... На фрегате капитана Крейна есть очень хорошая целительница – говорят, она творит чудеса...

– Я не пойду к Крейну! – рявкнул Шак, и его жена беспокойно заметалась.

Пожилая женщина склонилась над ней, что-то шепча, вытерла пот со лба.

– Не пойду! – повторил он тише, но все с тем же упрямством. – Он магус! И если я увижу там этого... с крыльями... то не сдержусь...

– Как хочешь, – со вздохом ответила знахарка. – Наверное, уже поздно. Тс-с, тише, родная...

– Крылья... – проговорила больная, и на этот раз Джа-Джинни услышал ее. – Бел-лые... здесь была женщина-птица... такая... красивая...

– Опять она про крылья бредит, – скрипуче пробормотала знахарка. – Заступница, за что такое наказание?

– Н-не брежу я... она была... рыжая...

Шак рухнул на колени перед умирающей женой и зарыдал, а Джа-Джинни отвернулся и медленно сполз по стене. Он чувствовал себя опустошенным и не способным на какие-то действия. Опоздал, безнадежно опоздал. Женщина умирает, с ней уже не поговорить, а воскресить мертвую даже Эсме не сумеет – это работа для Эльги-Заступницы.

Он сидел на земле подле бедной рыбацкой хижины еще очень долго, но в окно больше не заглядывал. Уже светало, когда Шак вывел старую женщину во двор и попрощался с ней, а потом Джа-Джинни спохватился.

Догнать ее было нетрудно, но, увидев перед собой крылатую тень, она так перепугалась, что потеряла дар речи. Джа-Джинни даже испугался, что она упадет замертво, но знахарка оказалась крепкой.

– Чего тебе надо? – сварливо спросила она, придя в себя. – Зачем ты здесь?

– Ты была в том доме. – Крылан дернул подбородком.

– О да. – Она нахмурилась. – Ты, что ли, во всем виноват?

Джа-Джинни решил ее не переубеждать, хотя понимал, что за слухи пойдут по Лейстесу уже завтра.

– Скажи мне, что с ее ребенком?

– Она родила мертвое дитя прошлым вечером, – проговорила женщина. – Меня позвали, но было поздно. Ты...

Джа-Джинни зажмурился и выпалил:

– Ребенок... он был человеческим?

Знахарка очень долго молчала.

– Мне много лет, – наконец проговорила она. – Я многое повидала. Но это... нет, ребенок не был человеком. И... крыланом он тоже не был. Это было жуткое... создание, и хорошо, что не жить ему ни на одном из Десяти тысяч островов. Уж не знаю, кто прибрал его душу, но вскоре Заступница примет к себе эту несчастную мать. Пусть хоть в Садах она успокоится, пусть там ей не будет больно...

Джа-Джинни опустил голову, ощущая, как накатывает усталость, скопившаяся за весь день. Лейла все-таки ошиблась. Он повернулся и расправил крылья, чтобы взлететь, а потом неожиданно для себя самого крикнул знахарке:

– Передай ему, я отыщу того, кто это сделал, – и отомщу за нее! Передай!

– Хорошо, – проговорила старуха и вдруг прибавила: – Да поможет тебе Эльга.

Очень тихо.

Но он услышал.

Утро выдалось светлым и ясным. Настроение у команды и у самого фрегата было под стать – воодушевленные и веселые, они собирались в путь. Джа-Джинни наблюдал со стороны за суетой перед отплытием и чувствовал себя до крайности несчастным.

– Ты хмурый как туча, – раздался голос за его спиной.

Крылан, не оборачиваясь, сказал:

– Я совсем запутался и жалею, что не могу прочитать твои мысли.

– Ха! – Крейн был в очень дружелюбном расположении духа. – Незачем! Все мои мысли написаны у меня на лбу – так ты сказал давеча, а? Вот и читай.

– Шторм, как я устал... – проговорил Джа-Джинни бесцветным голосом, и магус тотчас посерьезнел:

– Что произошло?

Крылан вздохнул – и поведал капитану о ночном происшествии и беседе с вороном, о неожиданном визите Лейлы и о словах знахарки.

– Да, теперь я понимаю... – начал Крейн, но Джа-Джинни перебил его:

– Ничего ты не понимаешь. Я сначала не поверил Лейле, не принял ее рассказ всерьез. А потом вдруг подумал: если когда-нибудь появится настоящий след? Если мне придется выбирать? Боюсь, Кристобаль, «Плач по Фениксу» и впрямь предупредил тебя о грядущем предательстве лучшего друга. И он... был сыгран в мою честь.

Он замолчал и уставился на Крейна.

Магус недоумевающе моргнул, а потом добродушно рассмеялся:

– Зря, зря боишься, друг. Ты совершенно ни при чем.

– Уверен? Если не я, то кто тогда? Может, Кузнечик? Такая странная выходка...

– Ты сам в это не веришь. – Крейн покачал головой. – Кузнечик не способен на предательство, а поступок его может объясняться чем угодно, вплоть до простого любопытства. Он почти ребенок.

~~~

– Ты сейчас солгал, – сказал крылан. – «Невесту» раздражает ложь. Спрошу еще раз: ты уверен, что знаешь, чего следует ожидать? И от кого?

Крейн задумчиво посмотрел на Джа-Джинни:

– Хотел бы тебя утешить и сказать – да, я точно знаю, что произойдет, когда и из-за кого. На самом деле это не так. Я... догадываюсь, кто может меня предать таким образом, чтобы последствия были катастрофическими. Но понятия не имею, когда это случится... и случится ли вообще. Это ведь просто песня – точнее, мелодия, которую сыграла нам странная музыкантша. Только и всего.

– Но если ты и впрямь догадываешься, кто может тебя предать... – начал крылан и умолк.

– По-твоему, я должен его изгнать, так? Или убить? – спросил магус с иронией. – Видишь ли, я не верю, что будущее предопределено раз и навсегда. А если я сейчас займусь выяснением отношений – и как раз это приведет к печальному финалу, как в «Плаче по Фениксу»? Нет-нет, друг. Я ничего не буду делать и на вопросы твои не отвечу. А со своим главным вопросом ты разберешься сам, когда время придет... – Он улыбнулся. – Знай одно: если захочешь отправиться за своей мечтой, я все пойму и удерживать не стану. По рукам?

– По рукам, – ответил Джа-Джинни, чувствуя невыразимое облегчение.

Крейн ушел, а крылан остался на своем наблюдательном посту. На душе у него было спокойно, и даже предстоящее путешествие не казалось больше таким тягостным. Он жалел лишь о том, что не попрощался с Лейлой.

«Невеста ветра» начала медленно отходить от пристани. Джа-Джинни смотрел на удаляющийся Лейстес – и потому сразу заметил мальчишку, который размахивал руками в надежде, что его заметят. Крылан слетел на пристань.

– Ой, как хорошо, что я успел! – Это был совершенно незнакомый ему мальчик – из тех, кто за гроши разносит по тавернам письма. – Это вам, сударь!

Он протянул Джа-Джинни маленький конверт.

– Что это? – подозрительно спросил крылан. – От кого?

– От музыкантши из таверны, – ответил посыльный. – Ну, которая с гитарой, рыжая...

Когда крылан развернул письмо, из него что-то выскользнуло. Он ошеломленно смотрел, как на мостовую плавно опускается длинное белое перо. Еще миг – и порывом ветра его сдуло бы в море, но мальчик оказался проворнее.

– Поймал! – сказал он и с улыбкой протянул перо Джа-Джинни.

На дешевой измятой бумаге торопливым незнакомым почерком было написано:

«Мне нужно было сразу сказать, что я знаю о тебе уже давным-давно, от нашей общей знакомой по имени Д. А. Если тебе интересно, у нее все в порядке, как и у детей. Они по-прежнему ждут, что кто-то все изменит к лучшему. Может, это будешь ты?»

– Где она? – севшим голосом проговорил крылан.

– О, далеко! – мальчишка взмахнул рукой, указывая за горизонт. – Еще затемно ушли три фрегата, так она на одном из них. Не знаю, правда, на котором.

Джа-Джинни до крови прикусил губу. Возможно ли, что... нет, это безумие. Странное поведение Лейлы можно было объяснить другими причинами, чем угодно, но только не тем, что пришло ему в голову. Они с Джайной просто знакомы, только и всего. Барды – они такие, непредсказуемые и вездесущие.

– Как ты думаешь, – сказал он негромко, – легко ли отыскать среди Десяти тысяч островов рыжеволосую певицу с гитарой? Сумасбродку с колокольчиками в волосах? Такую, что любит необычные песни?

– Сложно. – На лице мальчишки появилась всезнающая улыбка. – И просто. Ведь она такая всего одна!

«Знал бы ты, насколько прав...»

– Спасибо! – Джа-Джинни потрепал посыльного по волосам и полетел вслед за «Невестой ветра».

«Не сейчас. Еще слишком рано. Я не могу их бросить сейчас».

Опустившись на палубу, он первым делом подумал, что белое перо нужно спрятать, но у него никогда не было на «Невесте ветра» собственного угла. Попросить капитана? Или, может быть, Эсме?

Эсме...

Даже не оглядевшись по сторонам, крылан сделал то, о чем раньше не мог и помыслить, – положил ладони на планшир и, закрыв глаза, прислушался к биению огромного невидимого сердца. Этот звук был неотъемлемой частью жизни на борту, и моряки, привыкая, переставали его слышать... Но сейчас Джа-Джинни захотелось остаться с «Невестой ветра» наедине.

«Я совсем запутался. Помоги мне...»

И на краткий миг он увидел «Невесту», какой она представляла для капитана и больше ни для кого, – он объял ее целиком, от глубин трюма до вершины средней мачты, и почувствовал, чем занимается каждый человек на борту. Он увидел Эсме – целительница, погруженная в раздумья, почесывала за ухом ларима, который от удовольствия громко урчал и щурил большие глаза. Он увидел юнгу – мальчишка застыл над горой немытой посуды, лицо у него было невеселое. Он увидел Крейна. Капитан на мгновение оторвался от чтения тетради, украденной из кабинета Звездочета, и с напускной суровостью проговорил:

– Ну-ка, прекратить!~

Этого мига ему хватило.

– Я дурак, да? – Крылан отдернул руку, словно обжегшись. – Упустил все ответы, хотя они были прямо перед носом. Вряд ли я и в самом деле смогу хоть что-то изменить...

Чуть помедлив, он добавил:

– Но попытаться ведь стоит, правда?

Ответом ему был только ветер, поющий в парусах фрегата.

Шум моря

– Жди здесь, – сказала Ризель, и Фаби послушно шагнула в сторону. – Я скоро вернусь. Дверь в зал собраний бесшумно отворилась, и Белая Цапля, не промедлив ни секунды, переступила через порог, за которым ее власть заканчивалась, а свобода – точнее, видимость свободы – исчезала, словно утренний туман.

«Если бы ты знала, – подумала она, краем глаза наблюдая за своей спутницей – такой робкой и одновременно такой преданной. – Если бы ты только знала...»

В просторной комнате царил полумрак: все окна были занавешены плотными шторами и лишь единственная свеча горела на столе. Отблески света отражались на блестящей щеке серебряной маски.

Ризель остановилась.

– Подойди, – сказал капитан-император. – Подойди ближе.

Восьмилетняя девочка внутри принцессы тотчас же повиновалась приказу. Та самая девочка, которая однажды увидела то, что не предназначалось для ее глаз; та самая девочка, из-за которой случилась большая беда, первая в длинной череде... Ризель ее ненавидела. Этот призрак из прошлого возвращался стремительно, вытесняя Белую Цаплю из собственного тела, и она отчаялась отыскать оружие, которым его можно было бы победить.

Треск ломающихся костей, кровь на серебре, шелест черных перьев.

Его слово было слишком *сильным*.

– Рассказывай. Меня интересует в первую очередь черный флот, остальное – потом.

– Торрэ вчера был у меня с докладом, – проговорила Ризель голосом прилежной ученицы, ровным и спокойным. – План приведен в действие, вскоре мы получим первые результаты. Пока все свидетельствует о том, что Кармор сдержал слово. Однако Торрэ просил передать – и я с ним совершенно согласна, – что многое станет понятным лишь после того, как черные корабли примутся за выполнение порученных им заданий. Действуя во враждебных водах, без поддержки со стороны главных сил Империи, они вполне могут повести себя совсем по-другому. Торрэ считает, что...

Перед ее внутренним взором неожиданно возникло лицо Торрэ Шарпа, на которое невозможно было смотреть без содрогания. Лет пять назад этот магус из клана Скопы потерял в бою с пиратским капитаном правый глаз и большую часть правой щеки. Целитель спас ему жизнь, но восстановить утраченное, разумеется, не смог.

«Кристобаль Крейн, – сказал однажды Торрэ. – Этого мерзавца зовут Кристобаль Крейн, и у него разноцветные глаза. Когда мы встретимся в следующий раз, я, так и быть, позволю ему выбрать, какой из них лишний».

Крейн.

Это имя в последние годы звучало очень часто. Если верить слухам, пират всякий раз ускользал из самых изощренных ловушек, меняя внешность, а о его фрегате болтали и вовсе кракен знает что: он растворялся в тумане, чтобы потом появиться совсем в другом месте, как если бы его переносил по воздуху Великий Шторм. Противоречивые описания сходились лишь в одном: у фрегата, носившего имя «Невеста ветра», были изумрудно-зеленые паруса.

«Ее нетрудно отыскать, верно?..»

Нет-нет. В его присутствии об этом нельзя даже думать.

– Такова обстановка, – закончила Ризель, ни разу не запнувшись и ни о чем не забыв. – Мне нечего прибавить к сказанному.

Капитан-император несколько минут молча глядел на нее, и принцесса тоже молчала, хотя ей хотелось кричать. От взгляда его величества ничто не могло укрыться. Он читал свою единственную дочь как открытую книгу, а при малейшем подозрении просто задавал вопрос –

и она отвечала, всегда отвечала. Она принадлежала ему, она была его инструментом – пером, гитарной струной, лезвием ножа. Так сложились обстоятельства. Такова ее судьба.

А с судьбой нельзя бороться, потому что...

– Вызови ко мне Торрэ сегодня вечером, – сказал капитан-император. – Где сейчас Кармор? Надеюсь, не у себя дома, в Росмере?

– Нет, он в Софарране, – ответила Ризель. – Это в трех днях пути отсюда.

– Отлично. Вызови его в Облачную цитадель, нам уже давно пора встретиться. Кроме того, мне нужно, чтобы ты разыскала одного старого знакомого. Мне наконец-то понадобились его услуги...

Отец говорил, дочь слушала и кивала. Восемилетняя девочка ничему не удивлялась и не пыталась возражать даже в мыслях; она знала, что в случае неповиновения у нее вырвут сердце. В груди Ризель было холодно и пусто, но восьмилетняя девочка в это не верила. Она слишком сильно испугалась тогда, в саду. Теперь она хотела лишь одного – беспрекословно повиноваться магусу в серебряной маске. И Ризель ничего не могла изменить.

– На этом все, – сказал капитан-император. – А, нет, еще кое-что. Я хочу, чтобы ты устроила бал и пригласила всех, кто пользуется нашим расположением. Во дворце стало... скучно. Пора взбодрить здешних обитателей и намекнуть им, что грядут перемены. А теперь иди, дорогая. Я был рад тебя видеть.

Ризель молча поклонилась отцу.

Что все это значило? Быть может, он почувствовал себя лучше, и в скором времени в Облачной цитадели опять появится настоящий хозяин? Она понятия не имела, радоваться такой возможности или огорчаться. Ризель не питала иллюзий относительно собственной роли в управлении Империей. На ее месте должен был находиться Тибурон или, в крайнем случае, Амари, но обоих забрал Шторм. Аматейн взвалил на нее эту нелегкую ношу, потому что даже капитан-император иногда оказывается в безвыходном положении. Но если долгожданный выход появился...

Об этом стоило хорошенько подумать.

– Фаби, мы идем в сад.

Воробушек невидимой тенью последовала за хозяйкой; Ризель даже не требовалось оглядываться, чтобы ощутить присутствие спутницы. Они спустились по широкой лестнице, чьи перила украшали изображения самых разных животных. Морды тварей, хотя бы отдаленно напоминавших пардусов, были отбиты. Придворные, попадавшие по пути, низко кланялись, шурша богатыми одеждами и блистая драгоценностями. Платье Ризель по сравнению с нарядами этих дам выглядело вызывающе просто, равно как и полное отсутствие украшений. Белый – цвет траура. Она продолжала скорбеть по младшему брату, хотя его кости давно покоились в земле. Об этом шептались, но принцессе было наплевать.

«Я хочу, чтобы ты устроила бал», – сказал Аматейн.

Ей и в самом деле придется так поступить, потому что принцессам положено интересоваться танцами и нарядами, а не государственными тайнами. Если она этого не сделает, его величество может что-то заподозрить.

И тогда все закончится.

Холодные коридоры дворца остались позади. Ризель и Фаби шли по присыпанной гравием садовой дорожке. Осень безраздельно царствовала здесь – деревья стояли, словно облитые кровью. Много лет назад неподалеку располагался вход в Сады Иллюзий, надежно защищенные от беспощадного времени невидимым щитом, проработавшим три тысячи лет. Но даже самые надежные люди предают, а самые надежные механизмы ломаются, и Ризель хорошо помнила, как и почему Сады уменьшились почти на треть. Впрочем, они были столь огромны, что эту перемену восприняли не очень тяжело.

Та часть садов, что осталась за пределами восстановленного купола, влилась в круговорот времен года и очень быстро пришла в запустение. Садовники его величества попросту не знали, как следует ухаживать за деревьями и цветами, чтобы они не погибали зимой, – ведь холода в этих широтах были суровыми. Уже через несколько лет на месте изысканного сада возник самый настоящий лес, который с успехом держал оборону от всех попыток его облагородить. Именно здесь Ризель гуляла, когда выдавалось свободное время. Именно здесь минувшей весной случилось нечто весьма любопытное.

Тот день был спокойным и ясным.

...Солнце светило; посреди ветвей, прячась в молодой листве, пела птица. Накидка Ризель оказалась слишком теплой, и принцесса замедлила шаг, все внимание обратив на безнадежно запутавшуюся шнуровку воротника. Фаби, как обычно, следовала за госпожой.

Потом птица замолчала.

Тело Ризель отреагировало быстрее разума: она рванула шнуровку и бросилась вниз по склону, а ее накидка осталась висеть в воздухе над тропой, сохраняя очертания человеческого тела. Миг спустя плотную ткань пробила стрела с черным оперением.

– Фаби! – крикнула принцесса, прижимаясь к дереву. – Ты жива?

Это было глупо – тотчас же в ствол ударилась вторая стрела. Ризель осторожно выглянула из-за дерева, рискуя получить новую стрелу точно в лоб. Там, откуда она спустилась в овраг, не было ни души.

– Я здесь, – послышался робкий голосок.

Что-то шевельнулось в листве высокого дерева, и Ризель вскочила, уже не заботясь о собственной безопасности. Она взмахнула рукой – от внезапного напряжения сердце забилось чаще, в ушах загудело, – и ветка, на которой сидел неизвестный, сломалась с громким треском.

Он свалился, будто мешок с мукой.

– Все хорошо... – пробормотала принцесса, выбравшись обратно на тропу. Фаби сидела на земле, тяжело дыша, – последняя стрела оцарапала ей руку. Сама Ризель не пострадала, хотя выглядела не лучшим образом: в изорванном платье, перепачкавшаяся в грязи, со спутанными волосами.

Но сейчас внешность заботила ее меньше всего.

Несостоявшийся убийца пришел в себя довольно быстро, и первое, что он увидел, – кинжал, повисший в точности напротив сердца. Если это и напугало незнакомца, на его лице страх не отразился.

– Кто ты такой? – спросила Ризель, глядя на него сверху вниз. – Кажется, мы уже встречались.

На вид ему было под шестьдесят. Совершенно седой. Худое лицо в морщинах и пятнах, узкие губы и длинный нос. Да, она его видела. И не раз.

– Ты слуга лорда Рейго Лара.

Он проговорил приятным низким голосом:

– У вас отменная память, ваше высочество. Обычно магусы не запоминают слуг, особенно чужих.

– Как твое имя? – спросила принцесса. – Настоящее имя?

«Разве это имеет значение?» – был ответ.

Ризель повторила вопрос, и острое кинжала воткнулось в кожаную куртку на груди странного человека.

– Хаген.

– Зачем ты пытался меня убить, Хаген?

– Все не вас, принцесса, – очень спокойно ответил слуга лорда Рейго. – Моей целью был...

– Только не надо рассказывать про узурпатора, который ведет Империю к гибели! – торопливо перебила Ризель. – Про императора, ставшего воплощением распада и гниения всего того, что еще сто лет назад цвело и благоухало. Я знаю наизусть басни, которые так любят борцы за свободу!

– Тогда мне остается лишь молчать, – покорно согласился Хаген. – Вы и так все знаете, ваше высочество.

Ризель с негодованием взглянула на своего почти что убийцу, и от внезапной догадки ей сделалось холодно. Он выглядел старым, но разве может пожилой человек взобраться на высокое дерево и просидеть там долгое время в ожидании? Был всего один способ проверить, справедливо ли ее предположение, и Ризель не собиралась медлить.

Колчан, который она сняла с тела Хагена, пока тот еще находился без сознания, перевернулся. Стрелы одна за другой взмыли в воздух и застыли в непосредственной близости от лица того, кто выдавал себя за слугу. Ризель задумчиво нахмурилась. Где-то год назад ей попала в руки любопытная книга...

– Фаби, подойди-ка сюда! – скомандовала она. – Думаю, тебе не скоро представится шанс увидеть что-нибудь подобное.

Хаген лежал неподвижно, вжавшись в землю. Стрелы висели в воздухе над его лицом: острия наконечников касались висков, скул, переносицы и подбородка. На самом деле *точек* было гораздо больше, но она решила выбрать самые важные. И по тому, как изменился его взгляд, поняла: не ошиблась.

– Стоит мне захотеть, и твоя физиономия украсится шестью неглубокими порезами, – сказала Ризель. – Суший пустяк – заживут, даже шрамов не останется. Только вот сдается мне, ты после этого уже ни на что не будешь годен, Хаген... Локк.

– Лучше сразу убейте, – еле слышно ответил мужчина.

Дело приобретало интересный оборот: на ее жизнь покушался не кто-нибудь, а оборотень-пересмешник. Магус. Изгнанник.

– Понимаешь, Фаби, если надрезать мышцы в этих местах, он уже никогда не сможет менять обличье, – сказала она, обращаясь к спутнице. – Видишь, как высоко оборотни ценят свой дар? Превыше жизни.

– Выше мы ценим только честь, – севшим голосом проговорил Хаген. – Амадейн лишил нас всего, поэтому...

– Тише, тише, – мягко перебила Ризель, улыбаясь. – Твои слова выдают в тебе рассерженного ребенка. Ну-ка, покажи мне настоящее лицо, мальчик.

Недолго поколебавшись, оборотень закрыл глаза и глубоко вздохнул. Морщины на лбу и под глазами исчезли первыми – осталась лишь упрямая складка между бровями, кожа потемнела и натянулась. Принцесса наблюдала за трансформацией, затаив дыхание. Она не очень-то верила, что пересмешники в самом деле способны до такой степени изменять обличье. Но вот перед ней живое доказательство сухих книжных фраз...

– Восхитительно! – не сдержалась Фаби.

Ее можно было понять и простить: лицо Хагена стало совершенно другим, изменились даже форма носа и очертания скул. Оказалось, что черты этого лица резки, но красивы и что его обладатель, как и догадывалась Ризель, молод, не старше самой принцессы.

Не изменились только волосы пересмешника.

– Они такие от рождения, – сказал Хаген, видя легкую растерянность в ее взгляде.

Принцессе стоило немалых усилий взять себя в руки. Надо же, их с незадачливым убийцей что-то объединяет.

– Вот что, Хаген, – медленно проговорила она. – Капитан-император вовсе не огорчился бы, случись со мной что-то нехорошее. Это трудно объяснить, и еще труднее в это поверить, но... все не так, как кажется со стороны.

Пересмешник внимательно смотрел на нее и молчал.

– Однако если ты и впрямь хочешь ему отомстить за то, что сделали с твоим кланом, – продолжила Ризель, – то у меня есть одна идея.

– Я весь ваш, принцесса, – тихо сказал Хаген. – Только, ради Заступницы, уберите оружие. – Она выполнила просьбу, пряча улыбку, а он вдруг прибавил: – Я и не подумал, что у Белой Цапли такие острые когти...

– ...Ваше высочество?

– Да, Фаби. – Взгляд принцессы был задумчивым, отрешенным. – Мы идем в наш сад. В сад, где растут только те деревья, которые нравятся мне.

3. Путешествие на юг

– Не спится, мастер Эрдан? – негромко спросил вахтенный.

Корабел с улыбкой кивнул. Была уже глубокая ночь, но он поднялся на палубу, потому что устал ворочаться с боку на бок, рискуя свалиться с узкой койки. Подготовку к отплытию предстояло начать до рассвета, но вовсе не это навлекло на него бессонницу. Он провел на борту «Невесты ветра» слишком много времени, чтобы волноваться из-за таких пустяков.

Матросу, конечно, не стоило знать, о чем он думает на самом деле.

– Да вот, хотел понаблюдать за облаками...

Вахтенным был Сандер – умелый музыкант и бестолковый матрос, добряк и растяпа. Наблюдая за ним, мастер-корабел иногда вспоминал события пятилетней давности и не переставал удивляться, как часто Кристобаль Фейра шел на риск – и побеждал в битве с судьбой, делая невозможное возможным. Этого долговязого недотепу ждала по-настоящему страшная судьба, однако вот он, тут, живой и здоровый, всегда готовый подменить товарища во время вахты кракена – самой тяжелой, послеполуночной.

– Утром будет дождь, но он нам не помешает, – уверенно сказал матрос. – А слышите, на том берегу залива кто-то играет на гитаре?

Эрдан не слышал. Сандер закрыл глаза и приложил к губам сирринг. Всего мгновение продлилась тишина, а потом полилась тихая мелодия. Она была очень спокойной, умиротворяющей, но мастер-корабел почувствовал, как тревога, не давшая ему заснуть, нарастает.

«Это затишье перед бурей, – подумал он. – Приближается страшный шторм. И мы торопимся встретить его с распростертыми объятиями...»

– Ты слышишь музыку там, где ее нет, – сказал он, желая развеять странные чары сирринга.

Сандер прекратил играть, но поднял руку, призывая мастера-корабеля к молчанию. Вскоре с другого берега и впрямь послышались гитарные аккорды. Гитара и сирринг будто переговаривались друг с другом на своем языке.

Облака шли низко над горизонтом и выглядели в свете луны очень грозно. Приближался сезон дождей – суровое время, когда Окраина оказывалась за полосой штормов, словно за крепостной стеной. Редкий фрегат отваживался перейти эту полосу и податься на юг.

«Проще отогнать шторма, чем уговорить Кристобаля не бросаться головой в бездну».

– Завтра мы отправимся в долгий путь. Не боишься, Сандер? – поинтересовался Эрдан, не в силах больше удерживать беспокойство внутри. – Капитан меня за такие слова не похвалит, но... кто-то может и не вернуться домой из этого путешествия.

Матрос пожал плечами:

– Мой дом здесь. Кому я еще нужен? А на «Невесте ветра» хоть какую-то пользу приношу. И, в конце концов, простакам везет.

Эрдан хмыкнул. В самом деле, пять лет назад этому простаку уже один раз повезло – он встретил Кристобаля Крейна и после всего, что случилось тогда, был верен магусу-пирату словно пес.

– Капитан тоже не спит, – вдруг сказал Сандер, поморщившись. – Вы чувствуете? Он, наверное, рассчитывает курс на завтра.

Предположение было логичным, но весьма далеким от истины.

Эрдан не мог уснуть именно из-за Кристобаля – точнее, из-за «Невесты ветра», которая сначала просила, а потом начала требовать, чтобы он зашел к капитану. Мастер-корабел чувствовал себя слишком старым для ночных бесед и сопротивлялся фрегату как мог, но теперь, после слов Сандера, решил, что откладывать разговор больше нельзя.

Кристобаль еще в первые дни их совместного плавания дал понять, что его двери открыты для Эрдана в любое время дня и ночи, но временами – вот как сейчас – мастер-корабел считал не лишним предупредить о своем появлении. Он постучал. Сущность, находившаяся в каюте, была Кристобалем Крейном лишь отчасти и помнила далеко не все обещания, которые давал магус.

За дверью не раздалось ни звука, но Эрдан ощутил сильный жар, словно вдруг оказался возле большого и яростного костра. Никто не пригласил его войти, однако нетерпение «Невесты ветра» достигло пика, и если бы она посмела отрастить дополнительные конечности, то подтолкнула бы ими мастера-корабела, чтобы он прекратил топтаться на месте, разрываясь между страхом за свою жизнь и желанием помочь другу.

– Кристобаль, это я. Можно?

Мерцающий бледно-зеленый свет, казалось, шел отовсюду. В каюте царил беспорядок, словно после шторма: кругом были разбросаны свитки, карты, раскрытые книги. Скомканное одеяло лежало в углу. Во лбу деревянной маски, висевшей на стене, торчал метательный нож, а еще один вонзился в крышку сундука, стоявшего неподалеку от двери.

Кристобаль сидел на столе и разглядывал свои руки: его пальцы были напряжены и как-то странно изгибались, вызывая в памяти птичьи лапы. Стоило Эрдану об этом подумать, как он увидел и длинные изогнутые *когти*. А потом за спиной Крейна-Фейры появилась тень огромной птицы с внушительным клювом и крыльями, превосходившими величиной крылья Джа-Джинни.

– Кристобаль, ты здесь? – негромко позвал Эрдан. Магус не шелохнулся. Зеленоватое свечение сделалось ярче. – Посмотри на меня. Ты должен посмотреть на меня...

Мастер-корабел осторожно шагнул вперед, продолжая уговаривать капитана и надеясь, что тот его услышит. Однако Крейн-Фейра не собирался прерывать свое странное занятие; когти на его пальцах становились все более материальными, а от тени за спиной исходил сильный жар. Неудивительно, что «Невеста ветра» так всполошилась. В Лейстесе Кристобаль перегорел. Если бы все шло как обычно, о Фениксе и перволамении не пришлось бы вспоминать еще два-три месяца. Но *птица* была стократ хуже простых вспышек перволамения...

Он приблизился на шаг.

Ничего не изменилось.

Два шага.

Все по-прежнему.

Еще один шаг – и вот Кристобаль оказался от него на расстоянии вытянутой руки.

Глаза магуса больше не были разноцветными, в них клубилось пламя. Он посмотрел на мастера-корабела, не узнавая, а потом моргнул – простое движение далось ему нелегко.

– Заступница, помоги! – прошептал Эрдан и нанес капитану сильный удар в челюсть.

Его обдало волной горячего воздуха, а руку обожгло. От удара голова магуса дернулась, он зажмурился и сжал кулаки, но не стал бить в ответ. Тень с крыльями исчезла. Зеленый свет, ставший нестерпимо ярким, начал быстро тускнеть. Когда Эрдан осмелился перевести дух, перед ним уже был не жутковатый Кристобаль Фейра, а привычный Кристобаль Крейн.

Правда, Крейн очень давно не выглядел таким потерянным и жалким.

– С-спасибо, – пробормотал он и спрятал лицо в ладонях. – Сейчас я позову Эсме...

– И как ты ей это объяснишь? – спросил Эрдан, бросив короткий взгляд на руку. Кожу жгло и дергало, вот-вот должны были появиться первые волдыри. – Я знаю, ты не стал скрывать от нее своей природы, но это, согласишься, проблема совсем иного свойства. Нет уж, я потерплю до рассвета – осталось не так уж много времени – и сам пойду к ней. Скажу, что сунулся помогать Мани и... гм... не рассчитал.

– Она поймет, что ты врешь, – возразил Кристобаль.

– Но не станет расспрашивать, – уверенно парировал Эрдан. – И догадаться о том, что случилось, не сможет, если «Невеста» будет, как и раньше, служить преградой между ней и чужими мыслеобразами. В общем, забудь про этот пустяк и расскажи мне, что тебя тревожит.

Магус хмыкнул и принялся шарить по столу в поисках свечи – зеленое свечение почти угасло, и это означало, что «Невеста ветра» успокаивается. Эрдан увидел свечу первым, на полу, и подал капитану. Тот подул на нее, и фитиль мгновенно занялся.

– Судя по всему, разговор предстоит долгий и нелегкий, – заметил Эрдан, наблюдая за нарочито неторопливыми движениями Кристобаля. – Может, посидим по-человечески? Тебе бы не мешало навести тут порядок...

Крейн послушно сгреб бумаги и карты, освободив почти половину стола. Эрдан подобрал табурет, валявшийся на полу ножками кверху. Снова обернувшись к Кристобалю, он увидел, что тот достал откуда-то бутылку, и покачал головой: уж не собрался ли ученик напоить своего учителя и заморочить ему голову? Сам-то он мог пить и не пьянеть, как и все навигаторы.

– Нет-нет, – хрипло сказал Крейн, прочитав мысли корабеля по лицу. – Я не буду от тебя ничего скрывать. Отвечу на любой вопрос. Садись, поговорим – как в старые добрые времена.

Вино показалось Эрдану горьким, и все из-за последних слов капитана. Старые добрые времена, когда еще был жив Велин, а за голову Кристобаля не назначили безумную награду... Годы на борту фрегата бежали незаметно, и он предпочитал не думать, сколько лет прошло со дня их первой встречи, но собственное тело напоминало ему об этом все чаще и чаще.

Подумать только, а ведь когда-то он считал, что прожил жизнь без остатка, осушил даже не стакан, а всю бутылку до самого доньшка, – и вдруг появился мальчишка, наглец и сумасброд, невесть как заполучивший самый красивый и самый строптивый фрегат в Океане. Он, словно шторм, взбаламутил спокойные воды, в которых Эрдан вознамерился доживать остаток дней.

* * *

– Берегись!

Отзвуки эха еще не успокоились, а на причале уже не осталось ни души – докеры бросились врассыпную, многие попросту прыгнули в воду. Огромный фрегат с темно-зелеными парусами врезался в деревянный настил, и прочные доски жалобно затрещали.

Эрдан курил трубку, наблюдая за происходящим с некоторым интересом, но без особого волнения, тогда как проходивший мимо торговец был весьма далек от спокойствия: он позабыл о корзине с рыбой и напряженно следил за фрегатом, громко излагая все, что думал о его навигаторе. Самым мягким выражением было «ненормальный, у которого в башке мозгов меньше, чем у кракена».

– Ну кто так швартуется! – взвыл торговец, когда зеленопарусный корабль в очередной раз дернулся и несколько досок причального настила разлетелись в щепки. – Эгей, на борту! Что за сын медузы и кракена у вас вместо навигатора?

– Сам такой! – огрызнулся кто-то.

Торговец в сердцах плюнул и поволок свою корзину дальше, а Эрдан лишь усмехнулся. Конечно, незнакомый навигатор явно не обладал особым мастерством, но все-таки дело было не в нем, а в корабле. В необычайно красивом фрегате. Эрдану уже очень давно не доводилось видеть такого изящного и вместе с тем мощного корпуса. Три стройные мачты вздымались над палубой, зеленые паруса непослушно хлопали на ветру. Великое множество мелочей, на которые несведущий наблюдатель не обратил бы никакого внимания, подсказывали, что этот корабль недавно был намного меньше размером. Значит, навигатор попросту не привык к тому, что его фрегат изменился. Пройдет время, и эта парочка сумеет помириться... а как же иначе?

Только ему до этого дела нет. Он больше не мастер-корабел.

Швартовка закончилась. Докеры наконец-то пришли в себя и помогли закрепить тросы, а фрегат немного успокоился, хотя и продолжал изредка вздрагивать. Эрдан вдруг почувствовал, что и сам дрожит от непреодолимого желания подойти ближе и посмотреть кораблю прямо в глаза. По трапу на пристань сошли двое: широкоплечий верзила с туповатым выражением лица и худощавый парнишка лет двадцати – даже издали было видно, что он готов вот-вот взорваться от злости. Они походили на рыбаков или контрабандистов средней руки, и соотносить в уме их потертые наряды и простецкие физиономии с грациозным зеленопарусным фрегатом оказалось трудновато. Однако один из этой странной пары совершенно точно был навигатором.

«Надо же, – подумал Эрдан. – Повезло простаку. Только что он будет делать с такой красоткой?» Он вспомнил, как фрегат дергался, будто огрызаясь в ответ на каждый приказ. Такое своенравное создание нужно держать за горло мертвой хваткой. Что флегматичный здоровяк, что мальчишка вряд ли на это способны.

Незнакомцы обменялись несколькими словами, которые ветер унес в море. Эрдан пристально следил за ними и вскоре расслышал отдаленное биение большого сердца. А потом фрегат его заметил. Парус на средней мачте резко сложился, оборвав плохо закрепленный трос; молодой моряк остановился, его лицо потемнело от гнева.

«Все-таки этот, – подумал Эрдан с досадой. – Ну ты только глянь на него... Прекрасная пара – буйный фрегат и навигатор, у которого в жилах не кровь, а звездный огонь».

Незнакомец вдруг направился к нему и, остановившись в нескольких шагах, спросил:

– Эй, старик! Где я могу найти мастера-корабела по имени Эрдан?..

* * *

– О чем ты думаешь? – спросил Кристоаль.

– О прошлом, – рассеянно отозвался Эрдан. – Со стариками такое случается.

Магус многозначительно улыбнулся, и мастер-корабел понял, что ход его мыслей капитану известен. Эти воспоминания были их общей тайной, потому что все прочие участники той истории – не считая, конечно, «Невесты ветра» – умерли.

– Как странно, – сказал Эрдан. – Я всегда был самым старым на борту – даже старше тебя. Вот уж не думал, что переживу Велина, Унаги и остальных! Скоро мой черед, Кристоаль.

Улыбка Крейна растаяла.

– Прекрати, – проговорил он, нахмурившись. – Беду накличешь.

– Какая беда, о чем ты? – Мастер-корабел невесело рассмеялся. – Всего лишь закономерность. Сейчас ты выглядишь почти так же, как в тот день на Рокэ, когда мы повстречались... Ну, разве что подсобрал приличную коллекцию шрамов и серых теней. А ведь я уже тогда был немолод и всерьез собирался доживать свои дни в тиши и покое.

– Но появился я.

– Но появился ты. Появился и подарил мне целую жизнь, однако я всего лишь человек, Кристоаль, и мне отмерен срок. Иногда кажется, что Великий Шторм про меня забыл...

– И за это надо выпить! – перебил Крейн, не очень изящно переводя разговор в другое русло.

Эрдан не стал упорствовать. Магус осушил свой стакан и немного расслабился, даже как будто захмелел. Он протянул Эрдану раскрытую ладонь, над которой танцевал огонек, словно заблудившееся пламя свечи.

– Скажи, что для тебя значит «Утренняя звезда»?

– Это легенда, – быстро ответил Эрдан. – Красивая сказка, которую каждый знает с раннего детства.

– Всего лишь сказка? А как же, по-твоему, мой народ попал сюда, в этот мир?

– Понятия не имею. Они... как-то прилетели. Прошло три тысячи лет, Кристоаль, а если помешанные на древних манускриптах ниэмарцы правы, то даже больше – ведь мы ведем летоисчисление не с прибытия магусов и даже не с того момента, когда они окончательно решили, что не вернуться домой... Тебе ли не знать, как легкомысленно небесные дети относятся к календарю? Почти у каждого семейства он свой, как и боги, в которых вы верите. Словом, я хочу сказать, что мы даже не можем определить с уверенностью, когда твои предки потеряли свой звездный фрегат. Я уж молчу о том, что мы понятия не имеем, как он на самом деле выглядел.

«...И существовал ли вообще».

Крейн прищурился и сказал:

– Да, я понимаю твои чувства. А теперь попробуй встать на мое место и подумай, что «Утренняя звезда» может значить для меня. Только, пожалуйста, не торопись с ответом. Он не так очевиден, как тебе кажется.

Эрдан сердито фыркнул, но подчинился просьбе ученика и друга. Его мысли поначалу потекли по привычному руслу – он никогда не забывал, что Кристоаль Крейн на самом деле магус, один из небесных детей, потомок пришельцев из другого мира, наделенный множеством даров, включающих необыкновенно долгую жизнь, силу и... пламень Феникса. Мастер-корабль вдруг слегка растерялся. Ответ на вопрос капитана был где-то совсем рядом, но все время ускользал, как верткая рыбешка на мелководье, которую так хочется поймать голыми руками.

«Что „Утренняя звезда“ может значить для феникса?»

Нет, не так. Перед ним сидел не просто феникс, а последний феникс в роду. Эрдан закрыл глаза и услышал собственный голос, рассказывающий сказку о последнем полете небесного фрегата, о том, как Пламенный Помощник предал Капитана Цаплю и украл «Звезду», чтобы уничтожить ее, лишив своих соплеменников возможности вернуться домой.

– Ох... – сказал Эрдан. – Об этом я позабыл.

Ладонь Кристоаля сжалась в кулак, огонек с шипением погас.

– Ты догадываешься, наверное, что в клане Фейра историю о падении «Утренней звезды» рассказывали на свой лад, – тихо проговорил магус. – Наши дети узнавали о том, как Феникса предал его капитан и лучший друг. Если бы Пламенный не завещал своим сыновьям не мстить за него. – Он усмехнулся и покачал головой. – Все закончилось бы гораздо раньше. Так или иначе, моя семья считалась семьей предателей еще до того, как нас ими назвали открыто. Вовсе не случайно фениксы всегда держались особняком. К нашей помощи прибегали в самом крайнем случае, о нас вспоминали только в самое тяжелое время, но ни одна из пяти войн с меррами не обошлась без участия моих предков, и многие погибли, сражаясь за тех, кто их ненавидел. Нас, самый малочисленный клан из всех, боялись так, словно каждая лампа и свеча была глазом и ухом Феникса, а каждый очаг – дверью, открытой для него. Важные государственные дела обсуждались без огня, в полной темноте, – чтобы, упаси Заступница, никто из потомков Пламенного ничего не услышал.

– Теперь ты хочешь найти «Утреннюю звезду», – сказал Эрдан, – чтобы узнать, что произошло с Пламенным Помощником? Был ли он на самом деле предателем или же, наоборот, стал невинной жертвой? Ох, Кристоаль. По правде говоря, такая цель пугает меня куда больше, чем поиски несуществующих сокровищ.

Магус криво улыбнулся и промолчал.

– Я, признаться, думал о другом, – продолжил Эрдан. – Я считал, что тебя – как и меня – насторожило странное поведение Звездочета.

– И что же в его поведении странного? – спросил Крейн каким-то слишком уж безразличным тоном.

Мастер-корабел нахмурился и начал перечислять:

– Прежде всего, он оказался на Алетейе почти в то же самое время, что и мы. Будь это совпадение единственным, я бы про него забыл, но то, что случилось потом... Он много недель убегал от нас, держась лишь чуть-чуть впереди, словно заманивая в ловушку, и в конечном итоге мы в нее радостно бросились, растеряв последние остатки здравого смысла. Тут, в Лейстесе, все не ладилось с самого начала. Эта девица-музыкантша и ее «Плач по Фениксу», услышанный от загадочного незнакомца...

– Она говорила правду, – встрял Крейн. – Эсме это подтвердила.

Эрдан отмахнулся:

– Эсме не читала ее мыслей, а просто чувствовала эмоции, которые позволяют утверждать лишь одно: она верила в то, что говорит. Но даже если незнакомец в плаще и впрямь существовал, это ничего не меняет. Кто он такой? Зачем он устроил этот спектакль – чтобы запутать тебя, сбить с толку? Ты едва не вспыхнул у всех на глазах, Кристобаль. Очень умелая подстава.

– Нет, предупреждение, – возразил магус. – И я за него весьма благодарен.

– Ладно, пусть так! – Эрдан поморщился – обожженная рука начинала болеть. – Это ведь далеко не полный итог нашего пребывания здесь. Ты поссорился со Скодри... Не перебивай! То, что он позволил тебе соврать, ничего не значит. Прошло слишком мало времени, он в смятении после случившегося, он благодарен тебе и Эсме за помощь, но прошлого не зачеркнешь, Кристобаль, тебе ли не знать! Я не возьмусь утверждать, что в следующий раз Зубастый встретит нас с прежним радушием. И наконец, самое главное – карта. Звездочет очень грамотно просчитал твои шаги, у меня мороз по коже от его предусмотрительности. Он знал, что ты догонишь его в Лейстесе. Он знал, что ты пошлешь в особняк Джа-Джинни. Он нарочно оставил тупицу Сатто вместо себя, как бы давая тебе возможность немного поразвлечься. Он просчитал все до мелочей, понимаешь? Теперь ты будешь делать за него грязную работу. Точнее, не ты один, а мы все. Мы отыщем два фрагмента небесного компаса, чтобы потом он их у нас отнял.

Крейн улыбнулся, в его разноцветных глазах появился лукавый блеск.

– Мне нравится, что ты наконец-то поверил в успех этого предприятия и даже подумал, что случится, когда мы найдем *оба* фрагмента...

Эрдан вдруг почувствовал с болезненной ясностью, как рушится последняя – очень слабая – надежда отговорить Кристобаля от сумасбродной авантюры, которая не принесет им ничего, кроме неприятностей. Он думал, что Крейн перегорит и успокоится; он считал, что общее настроение команды может поколебать уверенность магуса; он предполагал, что обстоятельства будут складываться не в пользу путешествия на юг во время сезона дождей. Но все шло так, словно некая невидимая и могущественная сила подталкивает Крейна и «Невесту ветра» к тому, чтобы броситься на поиски небесного компаса и «Утренней звезды». Даже маячившая за спиной тень Звездочета, заклятого врага, не пугала феникса.

Впрочем... что-то же заставило его снова вспыхнуть этим вечером?

– Ты от меня скрываешь какую-то важную деталь, – сказал Эрдан.

Крейн уставился на него и лишь самую малость перестарался, изображая удивление. Уверенность мастера-корабела в собственной правоте возросла стократ.

– Да-да, ты знаешь то, чего не знаю я, и эта тайна сводит тебя с ума. Кристобаль, я всегда считал, что у нас нет друг от друга секретов...

Он осекся, вспомнив, что дела обстоят не совсем так. Некогда они договорились, что кое-какие части прошлого мастера-корабела навсегда останутся скрытыми от «Невесты ветра» и капитана, и за все годы пребывания на борту фрегата это соглашение ни разу не было нарушено. Забыв о нем, Эрдан дал Крейну возможность уйти от ответа, и тот не мог ею не воспользоваться.

Магус налил себе вина и замер, глядя на густую красную жидкость в стакане. Его лицо показалось Эрдану похожим на маску, и при мысли о том, что пряталось под ней, мастер-корабел вздрогнул.

– Отпираться не стану, – проговорил Кристобаль тихим и спокойным голосом, не отрывая взгляда от стакана, – я и впрямь кое-что от тебя скрыл. Однажды я совершил страшную ошибку, и теперь ее последствия меня догнали. Впрочем, это не важно...

Магус посмотрел на мастера-корабела. Его зрачки светились, словно угли, но тени за спиной не было, и он явно владел собой.

– Я не позволю снова отнять у меня близких, но и от небесного компаса не откажусь. Я буду защищать вас всех, чего бы это ни стоило, и мы вместе отыщем «Утреннюю звезду», откроем все ее тайны. Пусть Звездочет хоть с Великим Штормом сговорится. «Плач по Фениксу» не про меня. Будущее не определено раз и навсегда.

– Так чего же ты тогда испугался?

Крейн снова отвел взгляд.

– Я не испугался. Я просто... устал.

Эрдан смотрел на своего ученика и видел мальчишку. Ничего удивительного, ведь по меркам своего народа Кристобаль и впрямь был молод. Пламенному магусу предстояло прожить вдесятеро больше, чем он уже прожил. Если, конечно, он не отыщет смерть раньше, как это случалось со многими его соплеменниками из разных кланов. Хитроумный капитан, умеющий быть и добродушным, и суровым, всего лишь маска, которую он надевает, выходя из каюты. А что под ней? Растерянный и испуганный мальчик, который пережил всех своих родных, или все-таки вечногорящий Феникс с безумным блеском в глазах?

– Что ж, тогда я рад, – сказал Эрдан и поднял свой стакан, все еще наполовину полный. – Выпьем за успех?

На лице Кристобаля Крейна появилась широкая улыбка. Они еще немного посидели, обсудили предстоящее путешествие, а потом Эрдан заметил, что ночная тьма за окном начала рассеиваться. Боль от ожога отступила, но зато накатила усталость. Он зевнул. Капитан тотчас же велел ему отдыхать и почти что выставил из каюты. Обернувшись в последний раз, Эрдан посмотрел на магуса – свеча погасла, и предрассветные сумерки скрадывали даже те немногие перемены в его лице, что произошли со дня их первой встречи. Казалось, что миновало совсем немного времени.

Хотя на самом деле прошло тридцать лет.

* * *

– Эй, старик! Где я могу найти мастера-корабела по имени Эрдан?

Старик...

Глубокие морщины у него появились лет в двадцать, а волосы поседели совсем недавно. Пятьдесят девять лет – много, мало? Какая разница, сказал бы он еще утром, но почему-то сейчас это обращение, прозвучавшее из уст незнакомого юнца, сильно разозлило бывшего мастера-корабела.

– А зачем он тебе сдался? – спокойно поинтересовался Эрдан, решив прежде разузнать, откуда взялся наглец, а уж потом преподавать ему урок.

– Хочу попроситься в ученики, – с неохотой ответил парнишка.

Его спутник остановился поодаль и, скучая, рассматривал окрестности. Эрдан пригляделся и заметил, что у кандидата в ученики глаза разного цвета. Какое-то воспоминание трепыхнулось в глубине его памяти и тотчас же затихло.

– Почему именно к Эрдану? Он вроде давно не у дел.

– Эге! – с улыбкой воскликнул незнакомец. – Да ты, видать, не знаешь, с каким человеком в одном городе живешь! Он пятнадцать лет учил имперских капитанов, даже имел школу в Облачном городе. Все знают, что он лучший.

Эрдан не сумел сдержать усмешки:

– Надо же... и что же этот господин делает здесь, в глухом захолустье? Отчего он не в своем богатом доме в Облачном городе, окруженный учениками, детьми и внуками?

– Не знаю... – хмуро пробормотал парень. – Вот встречу и спрошу. Так где его искать?

Злость Эрдана исчезла так же внезапно, как и появилась. Можно было прямо сейчас во всем признаться и расставить все по местам, но почему-то он продолжил игру и сказал:

– За городом. Иди по дороге, пока не увидишь рощицу, а прямо за ней – его дом.

– Он один живет?

– Один, не один... – раздраженно пробормотал Эрдан. – Иди и проверь сам.

«Не один. Со мной живут мыши и целая толпа призраков».

Незнакомец чуть помедлил и неожиданно поклонился. Эрдан обомлел – неужто догадался? Нет, всего лишь запоздало проявил вежливость. А потом парнишка махнул рукой верзиле-матросу и двинулся прочь. «Вот загадка, – подумал бывший мастер-корабел. – Кто он такой? Откуда взялся?» И снова что-то в лице молодого моряка показалось ему смутно знакомым. Но в те дни, когда все навигаторы Империи и впрямь мечтали попасть в школу Эрдана, этот парень ходил пешком под стол.

«Мне нет до него дела, кем бы он ни был...»

Он провел на пристани целый день, позабыв обо всем: сидел, вертя в пальцах давно остывшую трубку, и наблюдал за кораблем.

Цветные паруса встречаются нечасто, и один лишь изумрудный оттенок увеличивает стоимость найма этого фрегата в разы. А если учесть, что фрегат словно создан по канону Сёгэна и пропорции его тела идеальны, сумма и вовсе получается несусветная... За мальчишкой, когда он выучится и станет настоящим навигатором, будут хвостом ходить вельможи с крыльями и без, желая заполучить его вместе с кораблем в свой наемный флот.

Отчего сокровища всегда достаются тем, кто их даже оценить не в силах?..

Солнце клонилось к закату, когда Эрдан отправился домой. Шел он медленно – большое колено ныло уже третий день, предвещая сильный шторм, – да торопиться и не следовало. Тому, кто его дожидался, в первую очередь нужно было научиться терпению.

Миновав рощицу, Эрдан приостановился. Отсюда он мог беспрепятственно разглядывать окрестности, сам оставаясь незамеченным. Что ж, он увидел именно то, что ожидал. У порога его ветхой лачуги сидел давешний моряк – дремал, скрестив руки на груди и вытянув длинные ноги в потрепанных сапогах. Хромая, Эрдан приблизился, и в этот миг парнишка проснулся. Череда забавных гримас сменилась на его лице с быстротой мысли – изумление, осознание собственной ошибки, досада, виноватая улыбка, – а потом он вскочил и поклонился Эрдану во второй раз.

– Я не беру учеников, – сказал бывший корабел и проследовал в дом, захлопнув дверь перед самым носом растерявшегося моряка.

Темнело. Эрдан лежал на старом тюфяке, прислушиваясь к звукам, доносившимся снаружи, – там нетерпеливо ходили взад-вперед, потом раздалось приглушенное ругательство... и вскоре все стихло. Только мыши продолжали возиться под полом.

Что ж, по крайней мере, он не стал ломиться в дверь, как это делали другие.

Когда наступила ночь, далекий грохот ознаменовал приближение грозы, а вскоре по крыше застучали крупные капли – сбилось предсказанное его коленом ненастье. Эрдан представил себе, что чувствует моряк там, снаружи: без плаща, в залатанной куртке долго под дождем не высидишь. «Вот и славно, – подумал корабел, засыпая. – Сам уйдет. И избавит меня от необходимости с ним объясняться».

Ему приснился Облачный город. Мальчишка, чтоб его кракены съели, растревожил старую рану: Эрдан увидел всех своих учеников, живых и мертвых, – каждый норовил рассказать и показать, чему научился в школе, только вместо слов у них получалось шипение, как будто на горячую плиту пролили варево. Он то и дело просыпался, вертелся с боку на бок и поминал Меррскую мать, а потому к утру почувствовал себя совершенно разбитым. К тому же, хоть гроза и прошла, колено разболелось еще сильнее.

Он вышел из дома и почему-то не удивился, обнаружив незваного гостя на том же месте и в той же позе. Пройдоха выглядел невыспавшимся и сердитым, но, едва увидев корабеля, тотчас придал лицу смиренное выражение.

Странное дело – он каким-то чудом умудрился не промокнуть.

– Я же тебе сказал, что не беру учеников, – скрипуче проговорил Эрдан. – Посмотри на меня!

Он знал, что выглядит не лучшим образом. Седая борода, длинные космы, изношенные ветхие штаны и куртка с чужого плеча – портовый нищий и тот порою бывает опрятнее. Но мальчишку это не смутило, и в его взгляде Эрдан с содроганием различил два чувства, хуже которых и придумать трудно.

Одно – тщательно скрываемое благоговение. Этот глупец был настолько уверен в правоте учителя, что согласился бы вытерпеть что угодно, хотя даже не состоял у него в учениках.

Другое чувство обычно называют железным упрямством.

– Я ухожу, – сухо бросил Эрдан. – Когда вернусь, чтоб тебя здесь не было.

Не оглядываясь, спиной он ощущал, как морячок покинул насиженное место и двинулся следом на почтительном расстоянии в десять шагов – дескать, а я что? Я ничего, я просто направляюсь в ту же сторону. «Интересно, как долго он продержится?» – подумал бывший корабельщик и решил сегодня в город не идти: стоявший у причала фрегат манил его, и это никак не способствовало твердости характера. Эрдан не намеревался отказаться от решения, которое заставило его покинуть Облачный город и привело сюда, на остров Рокэ.

«И можешь хоть подметки стереть, сын медузы и кракена!»

* * *

Эсме исцелила руку Эрдана без лишних вопросов и, судя по лицу, даже не заподозрила, что обжегся он вовсе не из-за неловкого обращения с плитой. Предстоящее путешествие будоражило ее, как и остальных: настроение капитана передавалось фрегату, а от него – команде.

– Мастер Эрдан, а это правда, что у вас была когда-то своя школа навигаторов в Облачном городе? – вдруг, смущаясь, спросила целительница.

Эрдан удивленно приподнял бровь – интересно, кто ей рассказал?

– Правда. Я тогда считался одним из лучших корабельщиков.

Окажись Кристоаль рядом, он не преминул бы поправить: «Самым лучшим!»

– А почему же вы... не в столице?

– Это скучная история, – со вздохом сказал старик. – Я допустил ошибку: обучил одного из своих подопечных слишком хорошо. И поэтому оказался здесь.

«Сначала, конечно, я оказался на Рокэ. А потом Кристоаль меня нашел».

– То есть все из-за одного ученика, одного из многих? – Эсме не смогла скрыть изумления. – Разве этого достаточно?..

Эрдан кивнул.

«Более чем достаточно, дорогая».

– Понятно, – сказала девушка. – Значит, вы с капитаном встретились не в Облачном городе? Уж простите за назойливость, просто мне хочется знать больше о людях, рядом с кото-

рыми я провожу так много времени. Раньше было проще... Даже не думала, что мне начнет не хватать чужих мыслеобразов...

«В самом деле, – подумал Эрдан, – она с каждым днем все меньше похожа на ту молчунью, которая бродила по „Невесте ветра“ словно призрак и вздрагивала от каждого резкого звука. Не то чтобы она стала совсем другой, нет. Просто теперь она учится жить по другим правилам».

– Ты вовсе не назойлива, – проговорил он с добродушной улыбкой. – Но рассказ о нашей встрече с Кристобалем тоже не очень-то интересен. Капитан просто... нашел меня и заставил взять себя в руки, а его – в ученики. Он не любит об этом вспоминать.

– Почему?

– Потому что это дурацкая история, – сказал Крейн, торопливо приближаясь к ним. Он прервал разговор с Джа-Джинни, почувствовав, что мастер-корабел может случайно выдать целительнице парочку секретов. – Потом происходило множество куда более занимательных событий, а наша встреча – клянусь Штормом, ничего особенного в ней нет.

Эрдан хмыкнул. «Так и быть, пожалею тебя и не стану рассказывать, как последний Пламенный Князь унижался перед старым бродягой, умоляя взять его в ученики. Прилип, словно репей к собачьему хвосту. Есть что вспомнить, да? Но я буду молчать, Кристобаль».

Эсме пожала плечами, и Кристобаль, вздохнув с явным облегчением, спустился в трюм в очередной раз что-то проверить. Он казался обеспокоенным и слегка сердитым, но все это можно было списать на отплытие, и вряд ли кто-то догадался бы, что ночью с капитаном происходили странные вещи.

– Я еще хотела спросить, – проговорила Эсме, вновь поворачиваясь к Эрдану, – чем мастер-корабел отличается от навигатора? Вы же вроде бы одинаково хорошо чувствуете фрегат.

– Не совсем. Во-первых, связь корабела с фрегатом непостоянна и в какой-то степени односторонняя. В этом есть и преимущество: я услышу любой фрегат, а не только «Невесту», причем не рискуя утонуть в эмоциях рыбкорабля. Во-вторых, корабел не может прокладывать курс.

– Как это?

– А так, что у навигатора в голове хранятся карты всех мест, где бывал его фрегат, – пояснил Эрдан. – В этом смысле у них с кораблем общая память, и он чувствует себя в знакомых водах очень уверенно, даже не имея под рукой бумажной карты. Корабел на такое не способен.

– Спасибо, мастер Эрдан, – задумчиво проговорила целительница. – Теперь все и впрямь стало понятнее.

«Да уж, понятнее некуда. Как он примчался, когда почувал, что я могу поведать ей историю, в которой он будет выглядеть не очень-то красиво! Ой-ой, Кристобаль. Ты не сможешь все время быть рядом. И отчего мне кажется, что брать ее на борт все-таки не следовало?»

Что-то колючее вонзилось в ногу Эрдана; он опустил взгляд и увидел Сокровище – зверек решил поточить об него когти. До этого странное создание, помесь обезьяны, кошки и еще чего-то, вообще не обращало внимания на корабела, теперь же перепутало его с деревом. Эсме, виновато рассмеявшись, взяла своего питомца на руки, и он тотчас же обвил ее плечи, словно меховой воротник с глазами и довольно-таки острыми когтями. Зубы у него тоже были отменные – Кузнечик и еще пара укушенных матросов могли это подтвердить. Целительница понесла ларима в каюту, и как раз в этот миг вернулся Джа-Джинни. Эрдан и не заметил, что крылан куда-то улетал.

В руке человек-птица держал листок бумаги и белое перо. Он выглядел растерянным и даже слегка напуганным. Эрдан шагнул было вперед, чтобы узнать, в чем дело, но почувствовал, как «Невеста» удерживает его на месте.

«Справишься сама? – подумал он с удивлением. – Ну, смотри...»

Джа-Джинни, продолжая сжимать странное письмо в одной руке, положил другую на планшир – и в тот же миг его лицо расслабилось, на губах появилась неуверенная улыбка. Он что-то произнес так тихо, что Эрдан не расслышал, но ощутил, что «Невеста» довольна. Крылан побрел на нос корабля – свое обычное место во время долгого пути. Он по-прежнему выглядел погруженным в раздумья, но уже не вызывал смутной тревоги.

«Люди могут хранить секреты друг от друга, – всплыли в памяти Эрдана слова, которые он когда-то написал своему лучшему ученику, желая напомнить ему о сущности той связи, что возникала между навигатором и рыбокораблем, – но от фрегата секретов нет». Ответа на письмо мастер-корабел так и не получил.

«Невеста ветра», почувствовав сомнения и тоску Эрдана, коснулась его сознания, поделилась спокойствием и силой. Старик невольно улыбнулся. Ему нравилось, когда фрегат действовал по собственной воле, а не по приказу Крейна – вот как сейчас. Он вздохнул и подставил лицо попутному ветру, разрешив «Невесте» поделиться и ощущениями парусов.

«Снова в путь, снова вместе? Что ж, неси нас вперед...»

Так началось новое путешествие «Невесты ветра» на юг.

«Интересно, как долго он продержится?»

Первый день прошел именно так, как ожидалось. Эрдан до позднего вечера бродил по окрестным скалам, нарочно выбирая самые крутые и извилистые тропы. Лишь изредка он обогривался, чтобы увидеть все ту же картину – настырного кандидата в ученики, прыгающего по камням с изяществом горного козла. Надежды на то, что морячок оступится и подвернет ногу, не оправдались. Он оказался очень крепким и ловким и к концу дня только слегка запыхался. Сам Эрдан порядком устал и разозлился, а потому решил завтра никуда не ходить. Он поужинал черствой лепешкой и лег спать.

Мальчишка, словно верный пес, улегся под дверью снаружи.

Весь следующий день Эрдан просидел на обрыве неподалеку от дома, наблюдая за бегущими по небу облаками. Морячок устроился неподалеку. Исподволь за ним наблюдая, Эрдан думал, что этот ненормальный, похоже, не нуждается в еде, а спать умеет где придется. Полезное качество для бродячей жизни, но – как некстати! Бывший корабел впервые понял, что избавиться от такого неприхотливого упряма сложно. Другие – а за эти годы их приходило не так уж мало! – рано или поздно ломались из-за голода и жажды, но сейчас требовалось придумать новый способ, более изощренный.

«Кем бы ты ни был, у тебя наверняка есть слабое место, и я его отыщу!» – подумал Эрдан и успокоился. Надо лишь набраться терпения...

Ночью снова пошел дождь, и опять мальчишка остался почти сухим, но это уже не удивило Эрдана. Мастер-корабел приступил к осуществлению хитроумного плана, целью которого было выдворение незадачливого ученичка с Рокэ, и чем скорее – тем лучше. Он отправился в новую прогулку по скалам, на сей раз уделяя особое внимание не извилистым тропам, а колючим зарослям. Парнишка легко продирался следом за тем, кого упорно считал своим учителем. Естественно, его физиономия украсилась примечательными царапинами, а на куртке прибавилось прорех, чему Эрдан возрадовался, но уже вечером понял, что поспешил: смиренно устроившись на пороге, моряк вынул из шва куртки иглу, выдрал несколько нитей из подкладки и принялся латать дыры с таким видом, будто это самое интересное дело на свете. «Предусмотрительный мерров сын...» – с досадой подумал корабел и ушел в дом. К этому времени обычно большинство кандидатов в ученики начинали сыпать ругательствами, а этот и косога взгляда в его сторону не бросил. Пришлось признаться себе, что он опять недооценил упряма.

Но это ничего не меняло.

Через неделю парень заметно исхудал и пообносился. Запавшие щеки, покрытые черной щетиной, и голодный блеск в глазах придавали ему бандитский вид. В какой-то момент Эрдан

ощутил жалость и едва не решил нарушить обет молчания, но вовремя одумался. Он понял, что, если рассказать морячку свою историю, попытаться воззвать к его здравому смыслу, в итоге получится совсем не то, что нужно. «С ума сошел, старый идиот? Чуть было не распустил язык...» – отругал себя корабел и решил перейти к той части плана, которую отложил напоследок.

Он пошел в город.

Поначалу все шло как надо: расстояние в десять шагов постепенно превратилось в пятнадцать – парень явно осознал, что выглядит не лучшим образом, и слегка оробел. Но это быстро прошло, и вскоре он догнал «учителя», который очень сильно разозлился. Завидев странную пару, горожане посмеивались; порою до них доносились чьи-то жестокие шутки. Ученичок не обращал на это внимания, как и на стайку детей, увязавшихся следом, но у дверей самой захудалой таверны в порту все же замедлил шаг, словно предчувствуя грядущие неприятности.

«Нет уж, ты войдешь сюда следом за мной, – мрачно подумал Эрдан. – Не тот ты человек, чтобы сдаться сейчас... и тебе же хуже».

– Трактирщик! – После семидневного молчания его голос звучал немногим лучше вороньего карканья. – Я пришел за тем, что мне причитается!

– Явился... – хмуро пробормотал толстяк в грязном фартуке. В заполненном наполовину зале было сумрачно и душно, между столами бродила понурая собака. Ее то и дело пинал кто-нибудь из посетителей, но псина упорно выискивала кости и прочие объедки.

Трактирщик вполголоса приказал служанке принести еды «дорогому гостю», а сам принялся вытирать стойку, не переставая при этом бубнить:

– Корми его, дармоеда... Сколько можно? Чтоб тебя кракены съели...

– Я в море не выхожу, а по суше кракены, слава Заступнице, не передвигаются пока что, – весело отозвался Эрдан, чей слух нисколько не ухудшился с возрастом. – Хватит киснуть! Согласно указу его величества, ты обязан кормить и поить меня, как и любого другого корабела, каждый день. Скажи спасибо, что я не так уж и прожорлив и захожу сюда всего-то раз в месяц!

– Но мой трактир не один в порту! – огрызнулся хозяин. – Что ж ты повадился ко мне, будто здесь медом намазано? И вообще... это что еще за тип?

– Он со мной, – равнодушно бросил Эрдан.

Служанка принесла похлебку, выглядевшую весьма неаппетитно, но корабел вдруг ощутил такой голод, что вид странного варева нисколько его не смутил.

– Его тоже кормить надо? – подозрительно спросил трактирщик, и Эрдан замотал головой:

– Ни в коем случае! Если, конечно, он не заплатит за себя сам.

Хозяин успокоился.

Морячок окинул долгим взглядом грязный зал, физиономии посетителей и трактирщика. Корабел в это время принялся за еду, поэтому наблюдал за ученичком лишь краем глаза. Он ожидал, что парнишка повернется и уйдет. Или голод возьмет верх?

– Эй, ты! – окликнул его кто-то. – Что, решил заделаться лучшим навигатором во всей Империи? – и говоривший расхохотался.

Парень обернулся, но ничего не сказал. «Меня это не касается, – подумал Эрдан, продолжая уплетать за обе щеки. – Пусть хоть подерутся».

– А что, разве это такое странное желание? – невыразительным голосом спросил морячок. – Всякая птица хочет летать выше, а рыба – плавать глубже.

В ответ раздался взрыв смеха.

– Видишь, что бывает с лучшими из лучших? Нравится? Вали отсюда, пока не поздно!

Эрдан подавился и закашлялся, а когда приступ прошел, увидел стоящего рядом ученика и замер. Выражение лица у парня было такое странное, что корабел внутренне приготовился

получить по шее, как случалось раньше не раз. Но вместо этого морячок тяжело вздохнул и... сел на пол.

«Что ты делаешь?!» – хотел закричать Эрдан, но лишился дара речи. Его безупречный слух внезапно отказал, и вместо гогота матросов мастер-корабел услышал голос собственного учителя, много лет назад отправившегося считать острова: «Если я забуду пригласить тебя к столу, ты не возьмешь в рот ни крошки. Если я скажу: „Лети!“ – ты отрастишь крылья. Если я буду тонуть, но не попрошу о помощи, ты не двинешься с места...» Ученик сидел на грязном полу; собака подошла к нему и положила рядом обглоданную кость. Эрдан вдруг почувствовал во рту ужасный привкус.

Стоявшее перед ним варево воняло тухлятиной.

– Трактирщик! – крикнул он. – Принеси мне вина...

Сколько он в тот вечер выпил и как вышел из трактира, Эрдан запомнил смутно. Кажется, кто-то из матросов все-таки полез в драку, но ученик врезал ему с такой силой, что второго удара не понадобилось. Больше желающих не нашлось... Хотя, может, это лишь приснилось корабелу. Откуда такая сила у человека, голодавшего семь дней?

На свежем воздухе его желудок взбунтовался и изверг наружу все, что Эрдан съел и выпил за вечер. В голове немного прояснилось, и корабел, шатаясь, побрел домой.

Ученик шел следом.

Когда они вышли из города, Эрдан остановился. Ночь была безлунная, и на темном небе четко вырисовывались созвездия: Великое ожерелье, Гончие Эльги, Перо Феникса. Когда-то он рассказывал молодым навигаторам, что на протяжении пятивековой Эпохи молчания курс приходилось прокладывать по звездам. Когда-то он был счастлив, думая, что совершает благое дело...

– Я хочу умереть, – громко сказал корабел, не оборачиваясь. – Чего ты ко мне привязался? Перед тобой всего лишь старая безумная развалина, которой немного осталось. Брось меня и разыщи другого мастера. Уходи.

– Нет, – послышалось из темноты. – Я буду твоим учеником – или ничьим.

– Ну и будь ничьим, – великодушно согласился Эрдан. – Чтобы управлять фрегатом, вовсе не обязательно учиться – достаточно простой интуиции. Уходи, пожалуйста!

– Нет! – упрямо повторил парень. – Я не оставлю тебя!

– Ну что ты заладил одно и то же... – Эрдан сокрушенно вздохнул. – Вот навязался на мою голову... Иди прочь, в третий раз говорю!

Моряк ничего не ответил, и корабел двинулся дальше. В полном молчании они преодолели оставшийся путь до дома, но потом Эрдан свернул к обрыву и там уселся, скрестив ноги. Парень сделал то же самое. В темноте дышал ночной прибой, а бывшему мастеру-корабелу казалось, что его сердце пронзено насквозь острым кинжалом, но почему-то продолжает биться. Над пожухлой травой стелился туман, в котором он ясно видел призраков из своего прошлого – их становилось все больше и больше.

Из-за скалы появился фрегат: он светился мерцающим бледно-зеленым светом, на мачтах сияли огни.

Эрдан не сразу понял, что это не призрак.

– Прикажи ей уйти, – сказал он, не оборачиваясь. – Здесь дно усеяно рифами. Корпус молодого фрегата с его неокрепшей броней они порвут быстрее, чем ты ахнуть успеешь.

Послышался тяжелый вздох.

– Я не могу... – слабым голосом проговорил ученик. – ~Она~... чувствует, что мне нехорошо, и хочет помочь. Мы слишком много времени провели вдали друг от друга...

– Это не шутки! – Эрдан вскочил, но молодой моряк остался сидеть, опустив голову. – Прикажи ей уйти сейчас же!

С парнем происходило что-то странное: продержавшись столько дней, он вдруг как-то сразу утратил силы. Даже в темноте было видно, что его загорелое лицо сделалось совсем белым. Фрегат протяжно закричал и направился к берегу. Эрдан готов был завывать от бессилия – он просто хотел, чтобы его оставили в покое, но вовсе не такой ценой. Корабел обернулся к ученику, и тот с трудом поднялся.

Как раз в это время корабль напоролся на скалу.

Бухту огласил жалобный крик, паруса на средней мачте резко сложились, оборвав плохо закрепленные тросы, а навигатор рухнул на колени, сраженный страшной болью.

– Ненормальный! – заорал Эрдан. – Разве можно так привязываться к кораблю?

Он протянул руку и схватил ученика за плечо, заставил подняться, развернул лицом к морю, где его фрегат уже готовился вновь штурмовать скалы. Трепещущая золотая нить, связывающая этих двоих, теперь была отчетливо видна – до чего же толстой она оказалась! Не нить, а настоящая веревка. Времени на размышления не осталось вовсе, и потому корабел потянулся к фрегату сквозь сознание его капитана.

– Уходи. С ним все хорошо. Уходи, тебе нельзя здесь находиться!~

В ответ он ощутил робкое удивление, сменившееся недоверчивостью, а поверх всего этого – упрямство.

– Он скоро вернется! Но сейчас тебе надо уйти, потому что ты сама причиняешь ему боль!~

Фрегат остановился. Мысль, что своими действиями она ранит капитана, была для сущности корабля внове, и Эрдан в очередной раз убедился, что связь между зеленопарусной красавицей и молодым моряком невероятно прочна. Конечно, все навигаторы связаны со своими кораблями, постоянно ощущают их, но все-таки Эрдану за много лет еще не приходилось видеть подобного...

Ощувив вопрос, идущий от фрегата, он поторопился ответить:

– Да. С ним все будет хорошо, потому что... я о нем позабочусь~~~

И лишь потом понял, что сказал.

Корабль медленно развернулся, раскрыл все паруса и двинулся прочь от берега. Эрдан отпустил плечо ученика и внезапно ощутил сильную боль – руку жгло и дергало, словно он держал не живое тело под суконной курткой, а раскаленную подкову. В недоумении мастер-корабел уставился на свою ладонь: она и в самом деле оказалась обожженной.

Он перевел взгляд на ученика.

– Я позвал своего друга-целителя, – сказал тот жалобным голосом. – Он скоро доберется сюда.

– Что ж... – Эрдан чуть помедлил, обдумывая пути к бегству, но обещание, данное фрегату, было подобно клейму или татуировке. – Назови мне свое имя. Название твоего клана я, похоже, только что узнал.

* * *

– Конечная цель нашего путешествия находится вот здесь, – сказал Крейн и постучал согнутым указательным пальцем по карте, расстеленной на столе. – Эти острова называются островами Зеленого Великана... или как-то в этом роде. Никаких упоминаний о них в известных мне источниках нет, однако я с уверенностью могу сказать, что они лежат к юго-востоку от Жемчужной цепи, которую мы посетили во время прошлого путешествия. То есть не такие уж это и неведомые места. Чего нельзя сказать об острове, где спрятана вторая часть небесного компаса, но им мы займемся позже.

Они расположились в каюте капитана – Эрдан, Умберто и Джа-Джинни. Хорошая погода продержалась недолго: вскоре после полудня пошел мелкий дождь, небо заволочло тучами, на

море началось легкое волнение. Но это был вовсе не шторм, и ветер оставался попутным. По крайней мере все они считали его попутным, полагаясь на мнение Крейна, хотя на самом деле не знали, куда именно направляется «Невеста ветра».

– Что за странное название... – пробормотал Джа-Джинни. – Мне не нравится.

– Тебе само путешествие не нравится! – фыркнул Умберто, и крылан одарил друга косым взглядом. Человек-птица явно был не в настроении шутить.

– Так вот, – продолжил Крейн, не обращая внимания на помощников, – если помните, в прошлый раз мы обошли остров Тодзан с западной стороны, но сейчас тот путь нам не подходит. Во-первых, он уведет нас слишком далеко на юго-запад, а во-вторых, там расположено известное вам место под названием Меррский котел, и пройти его во время сезона штормов невозможно...

– Значит, нужно обойти Гудо с востока и двинуться дальше, держась побережья? – предположил Умберто.

Крейн с усмешкой ответил.

– В виду берега или вдалеке от него, мы все равно окажемся в море Кракена. Нет уж, уволь. Есть другой путь... – Он склонился над картой. – Вот здесь... если идти вдоль западного берега Гудо, мы попадем в пролив, а дальше...

Эрдан внимательно выслушал объяснения капитана – он был совершенно согласен с тем, что в сезон штормов подходить близко к Тодзану не стоит, хоть с востока, хоть с запада, а море Кракена в любое время года опасно, – и лишь потом спросил:

– Кристобаль, пролив у южной части Гудо, куда ты собираешься нас завести, имеет весьма странное название, если я ничего не путаю... Как там он обозначен?

– Пролив Сирен, – ответил Крейн.

Выражение лица у него сделалось очень красноречивое: «Ну вот, ты все испортил».

– Что?! – встрепенулся Джа-Джинни. – Кристобаль, ты в своем уме?

– Это всего лишь название... – Умберто пожал плечами. – Сирены – просто легенда.

– Ага, как и крыланы, – язвительно ответил Джа-Джинни. – Да, капитан?

Крейн не стал лукавить:

– Откуда мне знать? Быть может, там когда-то и впрямь обитали сирены. Я не слышал, чтобы в этом проливе пропадали корабли, а вот об опасностях в море Кракена и к западу от Тодзана мне известно наверняка. И вот что я вам скажу...

Рука Эрдаана невольно потянулась за трубкой. Казалось, им снова предстоит выбор, но на самом деле Кристобаль уже все решил и сейчас просто объяснял свое решение. Смысл его достаточно длинной речи преотлично укладывался в одну фразу: чем соваться туда, где существует настоящая опасность, лучше рискнуть и пройти южным проливом – где, возможно, ничего страшного и нет. Напрашивался еще один путь, и Умберто бесхитростно озвучил идею: переждать сезон штормов в каком-нибудь тихом порту Окраины, а потом отправиться на юг через Тодзан и затихший Меррский котел. Крейн сверкнул глазами и ледяным голосом заявил, что если кто-то так боится зимнего моря, то ему на борту фрегата делать нечего. Умберто нахмурился, но промолчал.

– Хорошо-хорошо, я все понял! – Джа-Джинни затряс головой, как будто слова Кристобаля превратились в тучу мошкары и роились вокруг него. – Но представь себе хоть на миг, что сирены там все-таки есть. Что тогда?

– Вот поэтому я хочу прежде всего посоветоваться с тем, кто может знать об этом проливе больше нас, – спокойно ответил капитан. В ответ на безмолвное удивление друзей он добавил: – Я говорю о Паучке.

– Камэ? – изумленно переспросил Джа-Джинни и вполголоса помянул Меррскую мать. Умберто изумленно поднял брови, а Эрдан предпочел промолчать.

– Ты всерьез считаешь, что Камэ согласится нам помочь после... – Крылан помахал рукой, не в силах подобрать нужное выражение. – ...Всего, что между вами было?

– Все зависит от того, насколько убедительными окажутся наши доводы, – сказал Крейн. – Но пойми сам: никто не знает южные моря лучше Паучка, хотя бы и по картам.

– Это понятно, – встрял Эрдан. – Собственно, поэтому ты и собирался взять Камэ с собой в наше первое путешествие на юг. Но, Кристоаль, Джа-Джинни прав – она не станет с тобой разговаривать... Между вами Лэйфир, ты знаешь сам.

Взгляд Крейна сделался отрешенно-задумчивым.

– Я еще раз попробую ей все объяснить, – сказал он после долгой паузы. – Нам в самом деле нужен совет, который не может дать никто другой. Ладно, сначала доберемся до Кеттеки, а там разберемся, что к чему. Вопросы есть?

– Есть, – кивнул Эрдан. – Переведи мне вот это.

Он указал на две строчки, вписанные на свободном месте чуть повыше островов Зеленого Великана. Острова были прорисованы очень подробно, а посреди самого большого красовался странный знак, похожий на два профиля, черный и желтый, обращенные друг к другу и разделенные чертой. Как раз около этого знака начиналась вязь старинного алфавита.

Крейн почесал переносицу.

– Это дом Двуликой госпожи, – проговорил он. – Вошедший да узрит свое отражение с другой стороны зеркала... ну, примерно так.

– Что за Двуликая госпожа? – нахмурился Эрдан. – Впервые о такой слышу. Какое-то клановое божество?

Он знал, что у каждого небесного семейства есть свои боги, привезенные с Прародины. За три тысячи лет некоторые перестали в них верить и поклонялись теперь Заступнице, как и обычные люди, но большинство семейств не просто придерживались прежней веры, но и тщательно скрывали ее от посторонних, так что Эрдану за всю его долгую жизнь довелось услышать не так уж много божественных имен. Белокрылая Вестница, Странник-без-Лица и его сумасбродная супруга – Безлика-Безымянная, Дух Закона...

И, конечно, Кукольник, с которым у корабеля были особые отношения.

Магус развел руками; Джа-Джинни с мрачным видом покачал головой.

– Я слышал, как один матрос клялся ее памятью, что играл честно, – вдруг сказал Умберто и улыбнулся, завидев их изумленные взгляды. – Все, больше ничего не знаю! Он соврал, кстати.

– Может, ты помнишь, откуда он был? – спросил крылан.

– Из Росмера, кажется.

– Вороний край, – сказал Кристоаль. – Там в почете Дух Закона, других богов нет. Даже Заступницу они не особо уважают.

Умберто пожал плечами – дескать, знал бы я, что это важно... Крейн пробормотал что-то неразборчивое, а потом отпустил помощников, предложив им подыскать себе занятие на ближайшие три-четыре дня, пока они не доберутся до Кеттеки и не отыщут Паучка.

– А что мы будем делать, если Камэ не окажется дома? – поинтересовался Эрдан напоследок.

Крейн возвел глаза к потолку, как бы говоря: «На все воля Заступницы».

Пока они держали совет, вечер превратился в ночь. Прогулявшись недолго по палубе, Эрдан спустился к себе в каюту. Его не оставляли мысли о Двуликой госпоже – почему-то казалось, что странные слова про отражение с другой стороны зеркала могут оказаться не менее важными, чем пролив Сирен и прочие опасности, которые, несомненно, подстерегали их на пути. Кто же такая Двуликая госпожа? Почему именно в ее «доме» хранился фрагмент небесного компаса? На все эти вопросы еще предстояло отыскать ответы – кто знает, что получится в итоге...

«Наверное, она все же какая-то забытая богиня, – подумал Эрдан. – Надо будет спросить у Камэ и об этом тоже – вдруг она, копаясь в архивах, видела что-нибудь полезное? Впрочем, сначала поглядим, получится ли у нас разговор...»

Хотя погода была сырая, обошлось без неприятных сюрпризов: всякий раз, когда на горизонте собирались грозовые облака, они неизменно проходили мимо, чтобы пролиться дождем в Лейстесе, оставшемся позади. Кристобаль почти все время проводил в каюте и лишь однажды позвал Эрдана к себе. Целый вечер они проспорили над старыми картами, и в результате каждый остался при своем мнении. Джа-Джинни был неразговорчив; он то сидел неподвижно на носу «Невесты ветра» и крутил в пальцах длинное белое перо, то летал где-то высоко. Порою задумчивое лицо крылана вновь заставляло Эрдана заподозрить неладное – с ним явно что-то произошло в Лейстесе, – но все-таки спокойствие и уверенность капитана исподволь передавались и мастеру-корабелу. Крейн бы первым почувствовал, случись с Джа-Джинни что-то, заслуживающее внимания и постороннего вмешательства.

В один из дней, когда небо затянули тучи и полился мелкий дождь, опасный разве что унынием и скукой, Эрдан спустился в кубрик, где матросы развлекались игрой в карты. Поодаль от товарищей сидел Сандер и наигрывал мелодию – тихую и грустную, под стать дождю, поливавшему «Невесту ветра». Взгляд у него был тоже очень грустный, и Эрдан внезапно понял, что в шумной компании не хватает одного человека.

Чтобы его отыскать, корабелу пришлось обратиться к «Невесте» – и фрегат сразу же показал ему закуток на нижней палубе, где между ящиками с провизией ютилась щуплая фигурка. Эрдан заспешил туда.

– Ну ты и спрятался! – сказал он нарочито веселым тоном, словно не заметив, что щеки Кузнечика мокры от слез. Мальчишка шмыгнул носом и посмотрел на мастера-корабела щенячьим взглядом. – Пойдем... – Эрдан хотел сказать «к остальным», но в последний момент передумал: – ...Ко мне?

Юнга пожал плечами – дескать, куда хотите, – и мастер-корабел повел его к себе в каюту. У самой двери он ощутил внимательный взгляд капитана и сказал про себя: «Я разберусь, Кристобаль».

– Деликатнее с ним, друг. Он храбрец, но все-таки еще совсем ребенок.~

– Садись! – Эрдан легонько толкнул Кузнечика в плечо, и тот послушно опустился на койку. Сам корабел уселся напротив – на сундук, в котором хранил книги. – Что с тобой происходит в последнее время?

– А что со мной происходит? – хрипло повторил юнга, разглядывая свои мозолистые ладони.

Хотя он сидел, низко опустив голову, Эрдан все-таки видел грубый шрам на тонкой мальчишеской шее и прекрасно помнил рваную рану, из которой неудержимо хлестала кровь. В тот день Кузнечик должен был умереть, если бы на борту «Невесты ветра» не оказалась Эсме.

Может, он жалеет, что и в самом деле не умер?

Юнга появился на фрегате при весьма любопытных обстоятельствах. Два года назад «Невеста ветра» зашла в Ламар и сразу же отправилась в док – за день до того их угораздило встретиться со стаей мурен, и фрегату пришлось туго. Весь правый борт изранили, «Невеста» очень страдала. Крейн, понятное дело, пребывал в весьма дурном настроении, и даже Эрдан старался не заговаривать с капитаном лишний раз. Но откуда мог обо всем этом знать чумазый портовый воришка? Кузнечик – да, именно он – забрался глубокой ночью в гостиничный номер Кристобаля через открытое окно и был застигнут на месте преступления. Если бы Крейну удалось его поймать сразу, все могло обернуться иначе, но капитан, потерявший сноровку от постоянной боли, которую делил с фрегатом, упустил вора. Кузнечик выпрыгнул наружу – комната располагалась на третьем этаже – и был таков.

Как они узнали впоследствии, именно за отчаянные прыжки мальчишка и получил свое забавное прозвище, однако той ночью Крейн не оценил виртуозное искусство и сказал, что не уйдет из Ламара, пока не отыщут наглеца... Хотя, собственно, все его имущество осталось на месте. Ремонт был уже закончен, когда в порту, едва ли не перед самым носом «Невесты», Кузнечик вознамерился позаимствовать кошелек у тучного пожилого торговца. Толстяк проявил неожиданную ловкость и схватил мальчишку за руку.

Вряд ли кто-то мог предвидеть, что произойдет дальше. К вопящему от негодования торговцу подошел Ристо, капитан фрегата «Шустрая», и заявил, что непутевый воришка – его юнга, который задумал бежать с корабля. Ристо пообещал толстяку, что маленького негодяя сурово накажут, и предложил прибавить к сумме, находившейся в кошельке, еще столько же – исключительно ради того, чтобы замять скандал. Поломавшись для вида, торговец согласился, а потом Ристо потащил «юнгу» на корабль, крепко держа за правое ухо. Когда они оказались на борту, оно стало раза в три больше левого, но мальчишка даже не пикнул – он прекрасно понимал, что спасает тем самым свою правую руку, а может быть, и жизнь.

Эрдан присутствовал при последовавшем разговоре, который оказался необычайно интересным. Они находились в каюте Крейна: капитан и мастер-корабел сидели у стола, а Кузнечик стоял перед ними, то и дело шмыгая носом.

– Как тебя зовут? – спросил Крейн.

Этот вопрос оказался неожиданно сложным: мальчик назвал свое прозвище и наотрез отказался раскрыть свое настоящее имя, поэтому в конце концов так и остался Кузнечиком. С возрастом повезло больше: двенадцать лет, причем ответ прозвучал очень уверенно. А вот третий вопрос ошеломил не только Кузнечика, но и Эрдана:

– К какому клану ты принадлежишь?

Воришка мгновенно превратился в каменное изваяние, а Крейн с усмешкой объяснил ему, что человек не способен спрыгнуть с подоконника третьего этажа так же легко, как с табуретки, – чего не скажешь о магусе. Только теперь Эрдан понял, отчего капитан так настойчиво хотел отыскать ночного гостя.

– Клан Соловья, – наконец выдал из себя Кузнечик.

– Надо же, какая удача! – воскликнул Крейн. – Я люблю хорошие песни, а среди матросов, как назло, ни одного с красивым голосом. Не хочешь стать одним из нас?

Мальчик испуганно взглянул на «капитана Ристо» и ничего не ответил.

Магус сказал:

– Я обещаю никогда не спрашивать, кто ты и откуда. Твое имя мне тоже не нужно – оставайся Кузнечиком, раз так хочется... А-а, я понял, чего ты боишься. Мне нужен юнга, а твой голос – просто удачное совпадение. Никаких особых обязанностей у тебя не будет.

– Соглашайся, парень, – добавил Эрдан. – Не пожалеешь!

– Ладно... – сдался воришка, теперь уже бывший. – Хотя бы отработаю деньги, которые вы за меня заплатили... Но, сдается мне, вы не простые торговцы!

Крейн усмехнулся и промолчал. Они скрепили контракт рукопожатием, и Эрдан почувствовал, как «Невеста» приняла нового члена команды в себя, коснулась его сознания. Кузнечик вздрогнул и подозрительно уставился на капитана.

– Познакомься с ~Невестой ветра~, – сказал ему Кристобаль Крейн.

Даже через два года Эрдан не мог сдержать улыбки, вспоминая эту сцену.

– С... «Невестой ветра»? – Глаза новоиспеченного юнги, и без того большие, сделались попросту огромными. – Так это... так вы...

Магус вместо ответа снял повязку с левого, зеленого глаза.

Что ж, свой долг Кузнечик отработал сполна.

– Позволь рассказать тебе одну историю, – проговорил Эрдан, с трудом вынырнув из водоворота воспоминаний. Юнга безразлично пожал плечами. – Будем считать, что это сказка.

Жил да был один мальчик... Лет ему исполнилось столько же, сколько тебе, и он тоже остался в целом свете один-одинешенек. Родители умерли во время эпидемии, когда он был совсем младенцем, и мальчика взял на воспитание дальний родственник, владелец трактира. В этом трактире ему пришлось, как говорится, отрабатывать в поте лица свой хлеб... Хотя какой там хлеб – хорошо, если черствые корки перепали. Когда выдавалось свободное время, он бежал на берег моря и следил за фрегатами, которые входили в гавань, красивые и грозные. Он мечтал, как однажды поймает в море лодочку и откроет в себе талант навигатора... Все мальчишки об этом мечтают, верно?

– Да... – Кузнечик впервые улыбнулся. – Я тоже хотел... когда-то. Теперь не хочу.

– Значит, ты умнее, чем... наш мальчик. Ладно, продолжим. Среди трактирных слуг нашлось несколько его ровесников, и вскоре они принялись строить планы о том, как будут путешествовать по морям и искать сокровища. Время шло, и однажды, проходя вдоль причалов, он почувствовал нечто странное – как будто кто-то разговаривал с ним без слов, кто-то чужой, но совершенно не страшный. Наш мальчик от удивления оступился и упал, а ощущение чужого присутствия пропало... но он понял, что оно обязательно вернется.

– Так и вышло?

– Да. На своем наблюдательном посту, откуда он следил за кораблями, мальчишка опять услышал голос фрегата. День за днем он учился слушать и однажды, не сдержавшись, сообщил друзьям радостную весть – он считал, что стал навигатором. Конечно, откуда ему было знать, как все происходит на самом деле... Но вот настал день, когда смотритель лодочного загона отобрал пять лодок без навигаторов и предложил желающим попытать счастья. Мальчик ухватился за шанс. Ведь сумеет он связать себя с одной из этих лодок, опекун больше не имел бы над ним власти! Вместе с прочими претендентами наш мальчик спустился в загон, но... все до единой лодки обошли его стороной, словно риф или мель. Он выбрался на берег – мокрый, дрожащий, – и тут какой-то навигатор схватил его за плечо и громко заявил: «Эй, дурень! Здесь тебе не место, в тебе нет ни капли способностей!» А мальчик, к несчастью, знал – настоящие навигаторы чувствуют друг друга. Моряк, смеясь, прибавил: «Если тебе показалось, что ты слышишь голос фрегата, – так это просто ветер свистел в твоей пустой башке!» Ну, или что-то в этом роде... уже не припомню точно...

– И что было дальше? – тихонько спросил Кузнечик, когда молчание затянулось.

– Дальше все случилось очень быстро, – пробормотал Эрдан, криво улыбаясь. – Наш мальчик бросился бежать и вскоре оказался на обрыве. Там он остановился и... осознал, что жить ему незачем. Нет у него никакого дара, и мало того – все теперь считают, что он просто дурак, который возомнил о себе невесть что. Значит, впереди опять трактир, обеды и побои... В общем, все станет куда хуже, чем раньше. И он прыгнул в море с обрыва.

– Но ведь его спасли?

– Только чудом... Там, у лодочных загонов, оказался человек, прибывший издалека. Он побежал следом за мальчиком, не сумел за ним угнаться, но увидел падение. Он вытащил бедолагу из воды и отнес к целителю. Надо сказать, тому пришлось постараться, чтобы срастить все сломанные кости... Вот. Я наконец-то подбираюсь к самому главному. Когда несостоявшийся самоубийца пришел в себя, он увидел рядом незнакомца, который спросил: «Слышать и слушать – это одно и то же?» Мальчик ответил, что нет. «Тогда подумай хорошенько, – продолжил человек, – и скажи мне, что в тебе не так. Чем ты отличаешься от навигатора?» Наверное, боль сломанных костей сделала нашего героя смышленей, чем раньше, потому что он сказал: «Я слышу корабли, но они не слышат меня». Тогда незнакомец улыбнулся и сказал: «Я Гасан, мастер-корабел его величества. Ты будешь моим учеником... и, возможно, превзойдешь меня». В тот же день мальчишка оставил ненавистный трактир и опекуна, который получил от Гасана неплохую компенсацию. Его мечта сбылась, хоть и не так, как он хотел. Ты понимаешь, зачем я это тебе рассказываю?

Юнга всхлипнул и расплакался. Эрдан не стал его успокаивать, а терпеливо дождался, пока Кузнечик возьмет себя в руки, и в конце концов хриплые рыдания перешли в сбивчивую, но понятную речь:

– Я... я ничего не умею! Ты понимаешь, что такое дар? Понимаешь... Я даже не знаю, что теперь будет... У меня по-настоящему ничего своего нету... И это последнее, что осталось от нее... – Тут он замер и уставился на Эрдана испуганными круглыми глазами.

Видимо, таинственная «она» была кем-то из его прошлого.

«Мне не нужны чужие тайны, дурачок. Своих достаточно».

– Я мечтал стать навигатором, а вместо этого стал мастером-корабелом, – сказал старик. – Одним из лучших... может, даже лучшим. Но моя мечта никуда не подевалась, хотя я давным-давно понял, что ей не суждено сбыться. Кузнечик, я сейчас открываю тебе тайну: корабел – на самом деле калека. Он делает только половину того, на что способен навигатор, он только слушает корабль, но не способен ему приказывать и не видит ничего за пределами корабля. Фрегат иногда мне повинуется, но только потому, что я точно знаю, чего он хочет, – а в этом не всякий капитан сможет разобраться. Как влюбленные порой ссорятся, так и фрегат с капитаном не всегда понимают друг друга. Вот тогда и нужен мастер-корабел, чтобы помирить их и успокоить...

– И с нашим капитаном тоже так бывает? – спросил юнга.

Эрдан покачал головой:

– Так – не бывает. Кристобаль – исключение из всех правил, и я в большей степени его друг, чем мастер-корабел «Невесты», потому что он и она – в общем-то одно целое. Это и хорошо, и плохо одновременно... Но я отвлекся. Кузнечик, признайся честно: если бы ты мог все вернуть, то сделал бы то же самое или нет?

– Я не жалею о своем поступке. Ведь я готов был тогда отдать жизнь...

– А отдал – дар. Это меньше жизни.

– Ты в этом уверен, старый друг?~

«Не мешай».

Парнишка растерянно произнес:

– Я все надеялся, что голос вернется.

– Чудеса случаются, – проговорил Эрдан с жалостью, – но рассчитывать на два чуда подряд было бы... ребячеством. Я видел, что с тобой случилось; мне показалось, что безумер попросту оторвал тебе голову. Эсме совершила невозможное... – Он прищурился. – Эй, стой. Уж не винишь ли ты ее в том, что стало с твоим горлом?

– Нет... – пробормотал Кузнечик и сильно покраснел. – Я никогда...

– А ты знаешь, что она отдала за тебя несколько лет жизни? – спросил корабел.

Юнга снова уставился на него, дрожа как тростник на ветру, и тогда Эрдан рассказал ему все, что знал о целителях. Кузнечик ловил каждое слово, и в какой-то момент его рука поднялась к горлу да там и осталась. Закончив свой рассказ, корабел прибавил:

– Знаешь, никто не ждет, что ты легко и просто смиришься с тем, что произошло. Ты пережил крушение надежд, а это одно из самых страшных испытаний, которые судьба может преподнести человеку или магусу. Лишь немногие счастливцы избежали его... Но ты не вправе сейчас сдаваться, потому что не знаешь своего истинного предназначения.

– Я понял, – хрипло проговорил Кузнечик, и по тому, как изменился его голос, мастер-корабел понял: усилия не пропали даром. – Спасибо, мастер Эрдан...

– Вот и хорошо, – сказал корабел. – А теперь пошли в кубрик. Если мы не порадуем твоего друга, остальные матросы рассердятся, что он играет такую музыку, от которой хочется выть, и выкинут его за борт.

Утром на горизонте вот-вот должны были показаться очертания Кеттеки, и команда уже готовилась к предстоящей стоянке в порту, как вдруг Эрдан ощутил внезапное беспокойство. Он огляделся по сторонам: небо было ясным, а море – спокойным, но все-таки что-то его встревожило не на шутку.

– Тоже чувствуешь? – Кристобаль возник рядом так внезапно, что корабел даже вздрогнул от испуга. – Это воздух. Какой-то нехороший запах... запах гари, я бы сказал...

На палубе показалась Эсме, и ее лицо отражало волнение.

– Я чувствую что-то ужасное... – проговорила девушка еле слышным шепотом, приблизившись к Эрдану и Кристобалу. – Что произошло?

– Пока не знаю, – честно признался Крейн. – Но оно идет с той стороны, где находится Кеттека. Какой-то странный запах, словно после большого пожара. Понятия не имею, что могло случиться.

Заметив, что целительница дрожит, он снял куртку и набросил ей на плечи. Было довольно прохладно, и этот жест выглядел естественным, хотя Эрдану показалось, что руки капитана задержались на плечах Эсме немногим дольше положенного.

Томительное ожидание казалось бесконечным. «Невеста» шла под всеми парусами, но Эрдан все равно не удержался от того, чтобы мысленно подгонять фрегат: «Быстрее, быстрее!» В ответ он получил заслуженную волну раздражения и попытался совладать с нетерпением.

Наконец на горизонте возникли очертания далекого острова, на северо-западном побережье которого располагалась Кеттека. Крейн неторопливо прошел на нос корабля, и Эрдан последовал за капитаном, а над их головами мелькнула тень: Джа-Джинни отправился на разведку. Остров и порт приближались, и странное ощущение делалось все сильнее. Как там сказал Крейн – запах большого пожара? Эрдан покосился на капитана: магус замер, принюхиваясь, словно гончий пес.

Заметив странное поведение капитана, матросы насторожились и притихли. В молчании «Невеста» двигалась вперед вместе с попутным ветром, и через некоторое время на палубу опустился крылан.

– Над городом дым, – доложил он с тревогой. – Я не смог приземлиться, сильно режет глаза. Что же там стряслось, Кристобаль?

– Скоро увидим, – лаконично ответил магус и не проронил больше ни слова.

Когда они вошли в гавань, дара речи лишились все, кто был на борту.

Небольшая крепость, защищавшая Кеттеку от нападения с моря, превратилась в груды камней, и та же участь постигла с десяток домов в северной части города. Над развалинами поднимались столбы дыма, кое-где еще горел огонь. По пепелищу бродили люди, кто-то пытался растаскивать камни и доски, чтобы попытаться спасти от страшной смерти несчастных, оказавшихся под завалами. Что бы ни стало причиной пожара и разрушений, все произошло совсем недавно, и жители еще не успели опомниться.

От причалов остались лишь каменные выступы – деревянные настилы взрывом разнесло в щепки и разметало по всей гавани. Должно быть, за те годы, что прошли с последнего визита «Невесты ветра» в Кеттеку, город порядком разбогател и позволил себе закупить большой запас звездного огня для защиты от имперских судов. Но уже не в первый раз это опасное вещество играло с людьми злую шутку.

Звездный огонь предназначался для крепости, чьи пушки денно и ночью охраняли вход в гавань: любой фрегат, вознамерившийся войти в порт, не получив на то разрешения, мог заработать ядро в борт. Такие раны заживали очень тяжело, и Эрдан частенько думал, что боги поступили мудро, наделив корабли непреодолимым отвращением к подобному оружию и всему, хоть отдаленно с ним связанному. Крупица звездного огня на одежде или коже человека, пытающегося взойти на борт фрегата, обычно приводила к вспышке звериной ярости рыбокорабля. А если сколь угодно малое количество этой дряни каким-то образом попадало в

трюм, можно было с уверенностью рассчитывать на скорейшее превращение фрегата в одну из самых безжалостных и опасных морских тварей – кархадона. Именно поэтому моряки чурались пушек и звездного огня, оставляя их сухопутным шебаршилам и трупоходам, на которых и перевозили взрывоопасные бочки.

Склады тщательно охраняли, но случалось всякое. Известен был надежный способ захватить город, и его иногда использовали пираты: требовалось подослать лазутчика, который, рискуя жизнью, взрывал склад. В случае успеха крепость оставалась без огня, а затем пиратские фрегаты легко справлялись со сторожевыми кораблями, и победители спокойно высаживались в порту и продолжали битву уже на суше.

Но разве кто-то из пиратов осмелился бы выступить против Лайры Арлини?..

– Заступница, какой ужас, – пробормотал Умберто. – Никогда такого не видел. Капитан, что мы будем делать? Капитан?

Крейн стоял неподвижно, устремив взгляд куда-то вдаль. Он сильно побледнел. «Лэй-фир, – подумал корабел, нахмурившись. – Искусай меня медуза, как не вовремя!» Он многозначительно посмотрел на Умберто, и молодой моряк, сообразив, что капитана лучше пока не трогать, виновато кивнул.

– Полагаю, нужно выпустить шлюпки, – сказал Джа-Джинни. – К берегу «Невеста» подходить не станет, там все пропахло огнем.

– Ты прав, – кивнул Эрдан. – Кристобаль!

«Тебе не обязательно туда идти», – прибавил он мысленно.

Магус вздрогнул, приходя в себя, затем обвел тяжелым взглядом команду и вздохнул.

– Надо отыскать Камэ, – сказал он негромко. – Не нравится мне все это...

– Кого ты возьмешь с собой? – спросил Умберто.

Капитан назвал его и троих матросов, потом повернулся к Эрдану:

– Я припоминаю, ты и Паучок были добрыми друзьями?

– О да! – усмехнулся мастер-корабел. – Хочешь переложить на мои старые плечи самое трудное? Хорошо, я тоже пойду.

– И я, – раздался голос Эсме. – Там может потребоваться моя помощь.

Оказалось, она успела сбегать в каюту за снадобьями и теперь была готова – но не к тому, что случилось дальше.

– Там есть собственный целитель, и не один, – сказал Крейн. – Оставайся здесь.

– Раненые... – запротестовала девушка. – Я должна...

– Оставайся, – спокойно повторил магус. – Это приказ.

– Капитан!

Крейн сурово нахмурился и отвернулся, перестав обращать внимание на злую и растерянную целительницу.

У борта «Невесты» на волнах уже покачивалась лодка. Эрдан собирался спуститься, когда целительница решительно шагнула вперед, решив, по всей видимости, что Крейн не сумеет ей запретить делать то, что хочется.

Магус, не оборачиваясь, поднял руку...

~~~

...И девушка тотчас же упала без чувств.

Эрдан помрачнел: конечно, по-другому остановить целительницу было нельзя, но все-таки капитан повел себя слишком жестоко.

– Джа-Джинни! – коротко бросил магус. – Если она каким-то образом покинет ~Невесту~ и попадет в Кеттеку, я тебе все перья повыдергиваю.

– Слушаюсь, капитан, – пробормотал человек-птица.

Эрдан покачал головой и ничего не сказал.

Как и следовало ожидать, вблизи разрушения выглядели еще хуже. Запах гари напрочь заглушил все остальные запахи, даже неистребимый рыбный дух, от которого нет спасения в любом порту. За приближением шлюпки следили несколько человек, среди которых Эрдан узнал градоначальника Кеттеки, но не смог вспомнить, как его зовут. В молчании они подошли к тому, что осталось от одного из причалов; матрос перепрыгнул со шлюпки на берег и затянул швартовочный трос. Когда Кристобаль выбрался на покрытый хлопьями сажи пирс, градоначальник ринулся к нему с распростертыми объятиями и слезами на глазах:

– Капитан Крейн! Вас послали боги! Капитан, посмотрите на этот кошмар...

– Я вижу, – торопливо пресекал магус его словоизлияния. – Что произошло? На вас напали?

Кто?

Сбивчиво и путано градоначальник Кеттеки рассказал о случившемся. Утром, едва взошло солнце, в гавань вошел незнакомый фрегат. Ни имперских опознавательных знаков, ни флага кого-либо из пиратов, вообще ничего, хотя уже сам цвет корпуса и парусов мог бы послужить особой приметой: фрегат был угольно-черным, без единого пятнышка.

Себе в оправдание градоначальник сказал, что не в обычае Окраины стрелять в первого встречного, поэтому незнакомца пропустили. Он ведь был один.

И тогда случилось нечто страшное... и весьма странное.

– Он остановился примерно там же, где сейчас стоит «Невеста», – проговорил градоначальник и, оглядевшись по сторонам, выпалил: – А потом развернулся правым бортом к крепости и выстрелил из пушек!

– Что?! – воскликнул магус с неподдельным изумлением. – Вы в своем уме?

– Я говорю правду! – воскликнул градоначальник, но в его голосе не слышалось уверенности, зато отчетливо звучала трусливая дрожь.

– Хотите, чтобы я поверил в этот бред? – фыркнул Крейн. – На борту фрегата не может быть пушек, потому что их там не бывает никогда! Ну-ка, объяснитесь!

– Так я же вам говорю, капитан...

Их перепалка грозила зайти слишком далеко, и Эрдан решил вмешаться:

– По-моему, к его словам стоит прислушаться, Кристобаль.

Спокойный тон мастера-корабеля немного охладил пыл градоначальника, который почувствовал себя оскорбленным недоверием Крейна.

– Какой мне смысл врать? – спросил он, сердито дернув плечом. – Если бы я хотел вас обмануть, то придумал бы что-нибудь правдоподобное. Это очень странно, я понимаю, но именно так все и произошло. Фрегат был вооружен – и он выстрелил. Это выглядело точь-в-точь как залп из пушек, к тому же прицельный... Как видите, они с первого раза попали куда надо.

Эрдан многозначительно посмотрел на капитана.

– Хорошо, – процедил Крейн сквозь зубы. – Дальше?

Дальше было сражение черного незнакомца с двумя сторожевыми фрегатами, которые едва слушались своих навигаторов, испуганные и сбитые с толку, словно перед лицом не одного противника, а по меньшей мере десятых. Черный между тем не терял времени зря. Неудивительно, что в городе началась паника. Люди убегали, бросая все, поэтому, когда нападающие высадились на берег, кругом не осталось ни души.

– Высадились? – повторил Крейн. – Так им все-таки что-то было нужно?

– Да. – Градоначальник сглотнул. – Они... они забрали... н-на...

– Что, вашу казну? – спросил магус, устало нахмурившись.

– Нашего картографа! – выпалил градоначальник.

Со страха он зажмурился и не увидел изумления и растерянности Крейна, беззвучно прошептавшего: «Камэ?..» Когда несчастный, коему выпало управлять городом в столь трудную пору, осмелился приоткрыть глаза, магус уже взял себя в руки и иронично проговорил:

– Поздравляю! Скоро сюда нагрянет Лайра, так что не мешало бы и впрямь придумать какую-нибудь более правдоподобную историю о том, как и почему пропала его родная сестра. Что ж, приношу соболезнования, и все такое... А теперь позвольте откланяться.

Градоначальник взвыл – должно быть, очень живо представил себе визит короля Окраины. Крейн сделал вид, что в самом деле намерен уйти, и тогда незадачливый чиновник повис у него на рукаве:

– Прошу, капитан, не бросайте нас! Они не могли далеко уйти, а «Невеста» – такая быстрая! Я буду вашим должником до самой смерти... прошу, помогите! Верните ее!

– Очень нужен мне такой должник! – холодно ответил магус, вызвав новую порцию причитаний. – Врун, трус и никудышный градоначальник! Как могли ваши люди пропустить в гавань фрегат без опознавательных знаков? Здесь Окраина, а не центр Империи, не Облачный город. Да я бы на месте Лайры...

– Кристобаль, хватит, – негромко проговорил Эрдан. – Мы теряем время.

– ...Но я, слава Заступнице, не на его месте, – хмуро закончил Крейн. – В какую сторону они направились?

Когда «Невеста ветра» оставила Кеттеку далеко позади, устремившись в погоню за загадочным черным фрегатом, Эрдан осмелился вновь заговорить с капитаном, который был мрачнее тучи:

– Ты уверен, что он сказал неправду?

Крейн махнул рукой:

– Глупый вопрос. Скорее всего, взрыв в хранилище просто совпал с визитом бандитов – в это я готов поверить. Ты лучше меня знаешь, что куда легче представить себе кракена, танцующего фареко на балу у капитана-императора, чем вооруженный пушками фрегат.

– Я видел за свою жизнь столько невероятных вещей! – проговорил Эрдан. – Не стоит так бесповоротно отметать версию с пушками. К тому же если это вдруг окажется правдой... – Он осекся. А в самом деле, если градоначальник не солгал и не приукрасил истину, что тогда? Сама мысль, что кто-то сумел заставить фрегат пойти против собственной природы, пугала до дрожи. Уж лучше пусть Крейн будет прав... – Кстати, Кристобаль, у нас в трюме чужак, – спохватился мастер-корабел.

– Знаю, – сказал Крейн. – Я нарочно не стал вытаскивать его сразу. Пусть посидит еще немного в брюхе, вместе с лодками. Он заплыл туда, когда мы возвращались. Смелая выходка, ничего не скажешь! Хотя и очень глупая.

– Подумать только! – Эрдан снова покачал головой и улыбнулся. – Нынче столько человек стремятся попасть на борт «Невесты», а когда-то нам едва удавалось набрать достаточно людей...

– Да-да, – сказал магус и лукаво улыбнулся. – Один мой знакомый долго говорил, что сойдет в следующем порту.

Мастер-корабел хмыкнул:

– Я ведь ни разу не уточнил, после какого порта последует тот, что нужен мне, Кристобаль.

– Можно сказать, ты своего добился, Кристобаль Фейра, – проговорил Эрдан, разглядывая ладонь. Целитель у магуса в команде был хороший: лишь коснулся обожженной кожи – и та сделалась чистой и гладкой. – Но я все-таки не понимаю, отчего ты решил стать именно моим учеником.

Целитель ушел так же быстро, как появился, и теперь они сидели на краю обрыва, окруженные ночными звуками и запахами. Беспкойный фрегат, должно быть, уже стоял на своем месте у причала. После случившегося казалось кощунством вернуться в ветхую полуразвалив-

шуюся лачугу – все равно что признать свое полное и окончательное поражение перед лицом судьбы.

А он, как выяснилось, в глубине души не считал битву оконченной.

– Вы лучший, – коротко ответил молодой феникс.

Он сидел, скрестив ноги и закрыв глаза; изредка по его лицу и рукам пробегали голубые искры. Последний из рода Фейра, подумать только. Эрдан ощутил внезапный всплеск любопытства: хотелось расспросить юношу, как ему удалось выжить, кто ему помог, что он делал все эти годы, и о многом другом. Но вместо этого он раздраженно проговорил:

– Я *был* лучшим! Теперь я просто старая развалина, я...

– Бесполезно. – Кристобаль улыбнулся краем рта. – Не пытайтесь меня переубедить. Мне нужны вы, мастер Эрдан. Пусть о вас уже давно не слышали в Облачном городе, пусть ваше имя начинают забывать, но я-то знаю, что другого такого корабеля не найдешь ни на одном из Десяти тысяч – да хоть Ста тысяч – островов. Вы себя изрядно запустили, но это поправимо...

Корабел сердито нахмурился и набрал уже воздуха в грудь для язвительной отповеди, а потом вдруг понял, что совсем не сердится на этого юнца. Откровенность мага обезоружила его. «Хорошо, мальчишка, так и быть. Я возьму тебя в ученики, потому что иначе ты никогда не оставишь меня в покое».

Вслух, однако, он этого не сказал.

– У тебя необычный фрегат. Где ты ее нашел?

– Она сама меня нашла и спасла от верной смерти посреди открытого моря. Это было почти десять лет назад... Но ведь вы на самом деле о другом хотели спросить, верно?

Эрдан смутился. Он и впрямь стареет и глупеет, если его мысли так легко можно прочесть по лицу... Или не по лицу? Он посмотрел на сидящего напротив юношу тем ~взглядом~, каким обычно изучал фрегаты, и увидел, как в темноте вокруг фигуры молодого мага проступают полупрозрачные золотистые ~ленты~, колышущиеся в воздухе, словно водоросли во власти течения. Одна такая ~лента~ дотянулась до большого колена мастера-корабеля и ласково его погладила.

– Урок первый. – Корабел щелчком отбросил ~ленту~. Фейра вздрогнул всем телом и зажмурился. – Не надо так больше делать. Если это повторится, будет гораздо больнее. Понятно?

Новоявленный ученик кивнул, а до Эрдаана вдруг дошло, чем он рискует, взявшись за обучение *феникса*. Перед его внутренним взором возникла горстка пепла, и вслед за этим образом пришло понимание еще одной простой истины: на самом деле он не хотел не только проиграть в новом сражении с судьбой. Он не хотел умирать.

Заступница, сколько же лет он прожил, старательно выстраивая вокруг себя стены лжи...

– Не бойтесь, – тихо сказал Кристобаль. – Я больше десяти лет несу в себе первопламя, и еще ни один человек или магус от этого не пострадал. Есть определенные правила... Им следовать нетрудно, вы научитесь. Главное – не бояться и делать все, что нужно.

– Очень сложно, наверное, все время притворяться человеком, – вырвалось у Эрдаана.

Магус кивнул.

«Как же тебе удалось спастись, мальчик?»

– Нам о многом предстоит поговорить, а уже так поздно. – Тон Кристобаля изменился, сделался чуть веселее. – Не хотели бы вы стать моим гостем?

Эрдан хотел отказаться... должен был отказаться. Он знал, что на борту фрегата не сумеет держать все под контролем, а ведь им предстояло обсудить много важных вещей. Однако возможность впервые за много лет провести ночь в относительном комфорте показалась столь привлекательной, что корабел сдался без боя.

Следующее утро он встретил уже на фрегате.

Внутри тот оказался таким же красивым, как и снаружи. На борту не было полноценной команды: кроме магауса, в ней имелось всего два человека – верзила, которого Эрдан видел в день первой встречи, и целитель, с которым он тоже успел познакомиться. Их звали Унаги и Велин. Трех человек хватало для управления кораблем – строго говоря, в хорошую погоду хватало и одного, – однако ощущалась нужда в хорошей чистке. Кроме того, пустые трюмы и безлюдные палубы выглядели очень непривычно.

«Ты прекрасна, – подумал Эрдан, обозревая корабль. – В моей власти сделать тебя и твоего навигатора безупречными».

Кристобаль стоял у средней мачты и молча наблюдал за гостем. Магус выспался и отдохнул, и, глядя на его чистую рубашку и тщательно выбритое лицо, Эрдан вдруг остро ощутил, что сам не мылся уже очень давно, а его одежда годится лишь для того, чтобы драить ею палубу. Парень еле заметно усмехнулся и взмахом руки пригласил корабеля следовать за собой.

Они пришли в большую каюту, посреди которой стояла бадья с водой.

– О-о, ты обо всем позаботился, – сварливо проговорил Эрдан. – Но она же ледяная!

Кристобаль хмыкнул и опустил в воду кончики пальцев; вскоре от нее повалил пар.

– Полезное умение... – пробормотал корабель.

– Хоть какая-то польза от моего дара, – отозвался магус с наигранной небрежностью. – Могу помочь чем-нибудь еще?

Эрдан нахмурился, вспомнив о своей роли:

– Я что, похож на немощного старца? Справлюсь сам.

Ученик исчез без единого слова, предоставив учителя самому себе. Эрдан принялся за дело. Въевшаяся грязь поддавалась с трудом, и в конце концов он устал так, словно целый день проработал в доках, – но приятной усталостью. После того как он выбрался из бадьи, на воду было страшно смотреть. Пока корабель смывал с себя несколько лет жизни, кто-то утащил его вещи и подложил взамен штаны, рубашку и ремень – все далеко не новое, но чистое. Не хватало только какой-нибудь обуви, но он привык ходить босиком. Одеваясь, он заметил на полу еще кое-что и сказал вслух:

– С этим, пожалуй, мне и впрямь понадобится помощь. Или хотя бы зеркало.

Тотчас же дверь отворилась – и вошел магус.

Когда у Эрдаана появились собственные ученики, он уже был достаточно обеспечен, чтобы нанять нескольких слуг, поэтому не стал пользоваться старым правилом, согласно которому ученик-новичок прислуживал учителю. Сам он многое выполнял для мастера Гасана, не считая это постыдным, но вот приходилось ли магусу раньше прислуживать? Приходилось, решил Эрдан. Уж очень сноровисто парень орудовал бритвой – словно заправский цирюльник. Впрочем, ничего удивительного: ему, вероятно, было лет десять – двенадцать, когда род Фейра перестал существовать. Мальчику наверняка многому пришлось научиться, чтобы выжить.

Расправившись с его бородой, Кристобаль укоротил волосы до пристойной длины и отступил, скрестив руки на груди и глядя на учителя. Преображение было завершено. Эрдану показалось, что он сбросил с плеч тяжелый груз, скопившийся за десять лет. Его охватила странная легкость, следом за которой пришло желание немедленно приступить к работе. Выходит, ко всему прочему он еще и соскучился по настоящему делу, пока изображал городского сумасшедшего здесь, на Рокэ.

Великий Шторм, наверное, сейчас смеялся, наблюдая за ним.

– Я кое-что скрыл, – вдруг сказал магус, глядя корабелю прямо в глаза. – У меня... гм... я не смогу... Ох, кракен меня побори!

Решимость покинула его так же внезапно, как появилась, он покраснел и отвернулся.

– У тебя нет ни гроша в кармане, – подсказал Эрдан, ничуть не удивившись. – Ты беден, как трюмной шебаршила.

– Да, – сдавленно проговорил молодой феникс. – Все, что у меня есть, – ~Невеста ветра~.

«Невеста ветра».

Эрдан впервые услышал имя фрегата, и оно показалось ему таким удачным, что остальное уже не имело никакого значения. Разумеется, Фейра был нищим – ведь все имущество клана конфисковали. Но что такое деньги? Когда-то их у корабеля было очень-очень много.

«Шторм свидетель, ты и впрямь еще мальчишка... дерзкий, гордый ребенок...»

– Будем считать, что все это, – Эрдан сначала обвел рукой каюту, а потом указал на самого себя, – и есть твоя плата за мои услуги. Когда все закончится, я попрошу тебя еще кое о чем, и ты не откажешь. По рукам?

– Если вы сделаете из меня хорошего навигатора, я никогда и ни в чем вам не откажу, – взволнованно проговорил Кристобаль, вновь устремив на корабеля взгляд разноцветных глаз, и что-то в этих глазах заставило Эрдаана вздрогнуть. Но отступить было уже некуда.

– По рукам!

Эрдан позволил самой тонкой связующей нити прикоснуться к себе – фрегат желал убедиться в искренности его намерений, – и они приступили ко второму уроку.

* * *

В брюхе рыбкорабля было холодно и сыро. Стены и потолок обросли светящимся мхом, который, однако, не мог разогнать темноту. У подножия трапа под ногами хлюпало, а стоило сделать шаг вперед, как ты проваливался в воду по пояс.

Лодки зашевелились, почувствовав приближение Крейна. Магус помог Эрдану спуститься. Потом громко сказал:

– Давай вылезай. Или ты намерен превратиться в рыбу и остаться там навсегда?

Далеко в темноте послышался плеск, а затем к ним подплыла тень. Крейн с усмешкой наблюдал, как, еле дыша, вылезает из воды незнакомец – испуганный и, похоже, готовый вот-вот потерять сознание от усталости и холода.

Нежеланным пассажиром оказался парень лет двадцати, стройный и довольно высокий, всего на полголовы ниже Крейна. Из одежды на нем были только штаны до колен. Полумрак скрадывал черты лица, но не скрывал, что у парня совершенно белые волосы. «Поседел от страха, что ли?» – удивился Эрдан, но промолчал. С незнакомца ручьями стекала вода. Он стоял перед капитаном и дрожал.

– Кто такой? – сухо поинтересовался Крейн. – Как звать?

Парень попытался ответить, но у него зуб на зуб не попадал то ли от холода, то ли от испуга. Крейн терпеливо ждал, и наконец с побелевших губ слетело имя:

– Хаген.

Магус удовлетворенно кивнул:

– Послушай, Хаген, одно из двух: или ты шпион, которому хорошо заплатили, чтобы разведать, как устроен мой фрегат, или ты один из восторженных юнцов, которые спят и видят, как бы попасть ко мне в команду. Твой поступок, признаюсь честно, впечатляет. Но глупость иной раз впечатляет очень сильно.

– Простите, капитан, – с трудом выговорил юноша. – Когда я увидел «Невесту», то словно с ума сошел...

– Значит, ты из вторых, – хмыкнул Крейн. – И что же мне с тобой делать? Знаешь, сколько таких романтиков в каждом порту Окраины? Матросов у меня достаточно...

– Я хорошо стреляю! – торопливо заявил Хаген, и в его глазах загорелся огонек надежды. – Испытайте меня!

– Прямо здесь? – иронично поинтересовался капитан. – Лучше скажи, почему ты так рвался сюда. Просто ищешь приключений или хочешь кому-то отомстить?

Хаген опустил голову. Крейн вздохнул:

– И снова второй вариант. И откуда ты только взялся на мою голову? Будь ты шпионом, я бы просто выкинул тебя за борт, а так придется высаживать в следующем порту.

– Капитан!

– В следующем порту, я сказал. Все. – Крейн повернулся к Эрдану: – Идем скорее наверх. Мы, кажется, догоняем это черное недоразумение.

Черная точка быстро увеличивалась в размерах, и вскоре можно было сосчитать мачты и паруса корабля. В том, что это именно тот корабль, который напал на Кеттеку, сомневаться не приходилось: он в самом деле был черным. Словно сажа. Шел беглец ровно, ветер ему благоприятствовал, и оставалось лишь удивляться, что «Невесте» удалось так быстро его догнать.

Им опять повезло.

Крейн стоял на носу и рассматривал черный фрегат через подзорную трубу. Это занятие поглотило его целиком и полностью, поэтому Эрдану пришлось трижды повторить свой вопрос, прежде чем капитан расслышал.

– Кристоаль! Скажи мне наконец, как ты собираешься с ним сражаться, если у него действительно есть пушки?

– Пушки? – Крейн непонимающе посмотрел на корабеля. – Эрдан, это очень странный фрегат. Я не вижу на палубе ни одной живой души. И, знаешь, у него какой-то чудной корпус – борта покрыты... коростой, что ли? Но не броней, точно не броней. Что-то похожее я видел на трупходах, однако эта рыбка, насколько я могу судить, вполне живая. Впрочем, кракен бы побрал этот черный цвет – из-за него я ни в чем не уверен.

– Я жду ответа, – хмуро проговорил Эрдан. – Если градоначальник Кеттеки сказал правду, нам угрожает большая опасность.

– Мы будем делать то же самое, что всегда, – сказал Крейн. – У этого фрегата нет никаких пушек, потому что их просто не может быть.

Мелькнула тень – это взвился в воздух крылан и стал кружить над мачтами. Расстояние между фрегатами неуклонно сокращалось, и на «Невесте» уже все было готово к атаке. Черный корабль развернулся к ним правым бортом. Эрдан, пристально наблюдая за его маневрами, все больше мрачнел: или неизвестный ему капитан сошел с ума, или пушки там все-таки есть, или...

Внезапно сменился ветер. «Невесту» понесло в сторону от бегльца, и Крейну пришлось изменить курс. Потратив чуть больше времени, чем можно было предположить заранее, они вновь начали сближаться со странным кораблем – носом к носу. Эрдан так внимательно рассматривал черный фрегат, что чуть не вывалился за борт. Теперь они невооруженным глазом могли разглядеть, что его борта и впрямь покрыты буграми и вмятинами – следами плохо заживших ран или язв.

– Он дрался с кракеном или каким-то другим чудищем? – предположил Эрдан. – Или... О Заступница! Да ему же выдрали все абордажные крючья! Но зачем?!

Магус как будто не услышал его. Он смотрел на черный корабль, не отрывая взгляда, и Эрдан вдруг ощутил, как от незнакомого фрегата веет могильным холодом. Он словно вырос, стал грозным и страшным; его жуткие чары подействовали и на «Невесту», чья палуба начала светиться бледно-зеленым светом. Нужно было немедленно что-то предпринять – или ринуться в атаку, или убираться прочь, – однако все они почувствовали себя так, словно надышались ядовитого дыма.

А потом все прекратилось столь же внезапно, как началось. Наваждение рассеялось, и черный корабль уже не выглядел воплощением зла, хотя и остался весьма странным явлением.

– Лодка! – крикнул кто-то из матросов. – Они выпустили лодку!

От черного фрегата отделилась тень и направилась к «Невесте». Было видно, что в лодке кто-то сидит, крепко держась руками за борта. Пройдя ровно половину расстояния между фре-

гатами, лодка вдруг начала раскачиваться все сильнее и сильнее, а потом перевернулась кверху килем. «Высадив» своего пассажира, шлюпка вернулась в нормальное положение и отправилась обратно.

Сразу несколько человек прыгнули в воду, чтобы помочь несчастному, барахтающемуся в воде посреди океана. Эрдан перевел взгляд на черный корабль и увидел, что тот как ни в чем не бывало удаляется под всеми парусами.

– Это не последняя встреча... – пробормотал Крейн, и Эрдан молча с ним согласился.

Пассажиру из перевернувшейся шлюпки тем временем помогли подняться на борт. Мокрый и дрожащий человек едва стоял на ногах, но держался с достоинством, которому позавидовал бы и король.

Точнее – королева.

– Заступница! – Высокая стройная женщина картинно сложила руки, будто собираясь молиться, и возвела глаза к небу. – О-о, я уже думала – все, конец... – Она обратила сияющий взор на матросов, вытащивших ее из воды: – Ребята! Как же я рада вас снова видеть! Эрдан! Джа-Джинни!

Крылан камнем упал на палубу и грациозно поклонился гостье, расправив крылья. В ответ женщина изобразила подобие придворного дамского поклона, выглядевшего весьма странно, потому что на ней была мужская одежда: штаны, заправленные в высокие сапоги, кожаный жилет и рубашка, один рукав которой оторвался, открыв татуировку на плече – реалистичное изображение большого паука с мохнатыми лапами.

– Я тоже рад тебя видеть, Паучок, – сказал Эрдан. В следующий миг она повисла у него на шее и, то и дело сбиваясь на рыдания – пожалуй, чересчур бурные, – принялась рассказывать, как рада, что он жив, и как ей все эти годы его не хватало. Мастер-корабел давно отвык от таких проявлений чувств и здорово смутился. Собравшиеся на палубе наблюдали за этой сценой: те, кто раньше не знал Паучка, не скрывали изумления.

Эрдан облегченно вздохнул, когда она вдоволь наплакалась и, вспомнив про крылана, кинулась снова к нему. Теперь мастер-корабел мог спокойно рассмотреть ее со стороны: прошедшие годы отнесли к ней благосклонно, но все-таки перед ним была взрослая женщина, а не молодая девушка, какой он ее запомнил. В волосах, криво обрезанных чуть ниже подбородка, проглядывала седина, между бровями появилась глубокая морщина. Эрдан попытался вспомнить, сколько ей лет, – получилось что-то около сорока.

«Она обязательно заметит, что Кристобаль совсем не изменился».

Не забыв ни одного матроса из тех, с кем ей довелось шесть лет назад носиться по волнам, гостя наконец-то повернулась к капитану. Крейн все это время стоял неподвижно, наблюдая за встречей старых друзей с совершенно непроницаемым лицом. Теперь же, поймав ее взгляд, он криво улыбнулся и сказал:

– Здравствуй, Камэ.

Паучок кивнула и медленно подошла к магусу. Она была всего-то на полголовы ниже его, но сейчас казалась маленькой. Увидев, как радостное возбуждение уступает место чему-то другому, Эрдан приготовился к взрыву, но ничего страшного не случилось. Камэ долго смотрела на капитана, а потом произнесла с мрачным удовольствием:

– Надо же, кто-то сумел подпортить твою смазливую физиономию...

Рука Крейна невольно поднялась и коснулась шрама на щеке – он превратился в белую полосу на загорелой коже и был хорошо виден. Памятка о неудачном визите в Тейравен... или удачном, если вспомнить про Эсме.

«Эсме!»

Мастер-корабел огляделся и увидел целительницу: девушка стояла рядом с Умберто и следила за происходящим, чуть склонив голову набок. Выражение ее лица трудно было понять.

– Кто же сумел застать тебя врасплох? – поинтересовалась тем временем Камэ. – Я его знаю? Это кто-то из наших общих друзей?

– Это был пардус, – коротко ответил Крейн. Брови Камэ удивленно поднялись. Она исподволь взглянула на собственную руку, словно мысленно сравнивая свои ногти и когти зверя.

– Пардус... – протянула она с ехидной усмешкой. – Ты, наверное, сжег его, превратил в уголь? Показал, кто из вас большее чудовище?

* * *

– Чудовище!

Крик Камэ прорезал тишину и эхом отразился от далеких скал, тысячекратно раскатившись по всей бухте. Хлопья сажи падали с неба, словно черный снег. Ни у кого не хватило решимости оглянуться на берег, оставшийся далеко за кормой, но было и так понятно, что там произошло.

Крейн стоял у фальшборта; его лицо побелело, а глаза из-за расширившихся зрачков казались черными. В трех шагах от капитана Эрдан ощутил невыносимый жар и был вынужден отступить.

– Чудовище! – снова закричала девушка, сжав кулаки. – Ненавижу тебя! Ненавижу!..

* * *

– Камэ... – выдохнул Крейн еле слышно.

Он протянул руку, но женщина отпрянула.

– Думал, что-то изменилось? – сказала она с горечью и тоской. – Думал, я могу такое забыть? Всякое случается, но то, что ты сделал...

Она замолчала, дрожа от возмущения и... ненависти? Возможно. Магус отвел взгляд и произнес сухим официальным тоном:

– Рад, что удалось тебя спасти, хоть и таким странным способом. Мы направляемся на юго-восток и завтра вечером пройдем мимо острова Ямаока. Можем высадить тебя в тамошнем порту. Если пожелаешь.

«Вот так, – подумал Эрдан с легкой досадой. – И ни слова о карте, ни слова о путешествии. Неужто он надеется, что сумеет ее переубедить к завтрашнему вечеру? Глупо. Ну да ладно, хорошо хоть, они не попытались убить друг друга...»

– Пожелаю, – ответила Камэ столь же сухо и чихнула.

Купание в холодном осеннем море не прошло даром, понял Эрдан. Следовало бы помочь ей переодеться и согреться, и, в общем-то, эти хлопоты полагалось бы взять на себя Эсме как единственной женщине на борту. Тут-то Камэ и заметила целительницу. Во взгляде бывшего картографа «Невесты ветра» над прочими чувствами преобладало недоверчивое удивление.

– Эсме, будь любезна, помоги нашей гостье, – сказал Крейн, уставившись в сторону.

Целительница хмуро посмотрела на капитана, но не решилась ему перечить, памятуя о том, что случилось утром. Камэ изобразила вежливую улыбку и протараторила:

– Нет, не стоит, просто дайте мне угол, где можно прикорнуть, и теплое одеяло – только и всего! Благодарю заранее... – Отвернувшись, она добавила еле слышно: – Будь любезна, надо же. Со мной так не разговаривали. Камэ, то! Камэ, это! Будь любезна, х-ха...

Хоть эта тирада предназначалась для капитанских ушей, Эрдан тоже ее расслышал и счел необходимым вмешаться.

– У нас есть свободная каюта, – сказал он, – а уж лишнее одеяло всегда найдется.

Крейн пожал плечами – дескать, делай что хочешь. И ушел к себе.

– Самовлюбленный негодяй! – пробормотала Камэ, проследив взглядом за его удаляющейся фигурой. – Мерзавец! И ведь совсем не изменился, надо же...

– Ты с самого начала знала, кто он такой, – заметил мастер-корабел.

– Знала, конечно... – Она вздохнула. – Эрдан, ты составишь мне компанию? За все эти годы о вас ходило столько слухов! Просто не терпится узнать, что из них правда.

Корабел заверил ее, что с удовольствием расскажет о случившемся за время ее отсутствия, хоть на это и уйдет вся ночь, на что Камэ с кокетливой улыбкой отозвалась:

– Знаю, в твоём возрасте на сон тратится гораздо меньше времени, чем обычно!

– Ты тоже ничуть не изменилась, Паучок.

Вскоре они уже сидели в каюте. Картограф закуталась в одеяло так, что наружу высывался лишь кончик носа. Пар от чашки со смесью вина, меда и перца поднимался, рисуя в воздухе фигуры морских чудовищ. Камэ, шмыгая носом, спросила:

– Ну, расскажи мне, кто такая эта девчонка?

Вопрос был задан нарочито безразличным тоном, а потом она опять чихнула. Эсме избавила бы ее от простуды в два счета, подумал Эрдан.

– Гм... Камэ, ты уверена, что хочешь с этого начать? Она на борту совсем недавно... где-то два месяца, наверное. Ничего такого за это время не случилось.

– Да? – Из-под одеяла послышался смешок. – Проклятье. На днях в таверне один моряк клялся и божился – дескать, Крейн заполучил в целители саму святую Эльгу. Она одним прикосновением возвращает людей с того света, приращивает оторванные конечности и так далее... Это, по-твоему, «ничего такого»?

Эрдан обомлел. Он знал, что слухи будут распространяться быстро, но подобной скорости не ожидал бы никто. Выходит, о воскрешении Кузнечика и впрямь уже сочинили легенду? Вряд ли Эсме понравится, что ее считают воплощением Эльги, а ведь где-то через полгода легенда обрстет такими подробностями, что просто держись.

– Так было или не было?

– Когда увидишь юнгу со шрамом на шее, – сказал Эрдан, вздохнув, – представь себе рану, которая зияла на месте этого шрама. И сделай выводы.

– Вот как... – Картограф снова чихнула. – Что ж, это ценное... приобретение. Когда брат о ней узнает, обязательно захочет отобрать, помани мое слово.

Мастер-корабел поморщился: «отобрать» звучало так, словно целительница – дорогая вещь или редкое животное. Камэ с годами ничуть не утратила уверенной наглости, которая не раз приводила к беде, но все-таки сейчас он вынужден был признать ее правоту. Когда слухи дойдут до Лайры Отчаянного, короля Краины, он во что бы то ни стало захочет увидеть Эсме, а потом... Впрочем, *отобрать* ее Крейн не позволит. А вот если Лайра попытается переманить целительницу, события могут принять совершенно неожиданный оборот.

– Эрдан, не томи душу! Где вы раскопали это тщедушное сокровище?

– Ладно, – проговорил мастер-корабел. – Слушай...

И он рассказал Камэ обо всем, что произошло с момента появления «Невесты ветра» в тейравенской гавани. Камэ слушала очень внимательно, не перебивая. Известие о смерти Велина заставило ее погрузиться – они были добрыми друзьями в те времена, когда ее связывала с «Невестой ветра» прочная золотая лента. Когда речь зашла о новом путешествии на юг, он ждал взрыва эмоций, но Камэ сохраняла спокойствие. Дойдя до описания карты, Эрдан чуть помедлил в ожидании – не остановит ли его капитан? «Невеста» молчала, исподволь прислушивалась к его рассказу; рассеянный взгляд Крейна ощущался будто сквозь сон – иного дозволения корабелу не требовалось. И все-таки о самом главном, об «Утренней звезде», он не рассказал. «Древнего сокровища» для Камэ оказалось вполне достаточно.

– Собственно, мы направлялись в Кеттеку, чтобы поговорить с тобой, – проговорил он с виноватым видом. – Как раз об этой карте...

Картограф сидела в одеяле, словно рак-отшельник, кусала губы, хмурила брови. Борьба, которую она вела сама с собой, отчетливо читалась по лицу, и Эрдан гадал: что победит – профессиональный интерес или... нечто другое. Наконец она спросила:

– Ну?

– Кристобаль собирался спросить тебя, какой из трех маршрутов выбрать – Тодзан с его Меррским котлом, море Кракена или пролив Сирен. В этой части архипелага мы в прошлый раз не были, поэтому... Хм, собственно, мы начинаем все заново. Словно и не прошло столько лет.

– Для него, может, и не прошло, – проговорила женщина язвительным тоном: каждое ее слово источало яд. – Ладно. Если завтра наш пламенный капитан будет в настроении, скажи – я посмотрю, что это за карта...

Она зевнула.

– Ох, кажется, я переоценила свои силы!

«*Наш* капитан, говоришь? Ну-ну...»

Эрдан пожелал ей спокойной ночи и собрался уходить, как вдруг Камэ окликнула его. Взъерошенная, с красным носом и сонными глазами, она спросила:

– Эрдан... Я очень постарела?

– Ты красивая, – честно сказал корабел. – И всегда такой была.

Она горестно улыбнулась и послала его к кракену.

– Ты совершенно прав, к Тодзану сейчас не стоит соваться, – сказала Камэ, в задумчивости постукивая по карте длинным пальцем. – Последние пять лет зимние шторма становились там все суровее... Разве что вы преодолеете весь путь под водой.

– Ты же знаешь, я не могу удерживать ~Невесту~ под водой дольше двенадцати часов, – проговорил Крейн скучающим тоном. – А что с проливом Сирен?

Лучи рассветного солнца заливали каюту капитана розоватым сиянием. Камэ, выспавшаяся и отдохнувшая, казалась спокойной, словно и в самом деле не прошло шести лет и не было никакой ссоры. Оторванный накануне рукав она пришила – так же небрежно, как в старые добрые времена. «Чем поручать Паучку женскую работу, лучше пусть все сделает какой-нибудь матрос», – заметил однажды Велин и за свою опрометчивость тотчас получил затрепину.

– Море Кракена... – пробормотала картограф, словно не расслышав вопроса. – Э-э... Ну, это больше подходит. Хотя... – Она покачала головой. – Нет, для тех вод у тебя людей маловато. Найми в Ямаоке еще хотя бы двадцать человек... нет, лучше тридцать... и отправляйся через море Кракена. Да!

Она посмотрела на Крейна с лукавой улыбкой:

– Зимой в Ямаоке обычно умирает от скуки множество парней, готовых идти за хорошим капитаном хоть к Меррской матери. Есть из кого выбирать...

– Пролив Сирен, – повторил магус, взглядом показывая на карту. – Что это за место? Только не говори, что не знаешь или не помнишь.

Камэ была необычным картографом. В ее памяти, которую оценили бы и магусы погибшего клана Соффио, хранились тысячи карт – от древнейших, сохранившихся лишь благодаря счастливой случайности, до наспех нарисованных, неточных и зачастую бесполезных. Довольно долго об этой особенности знал только один человек – Лайра, брат Камэ. Своенравная девчонка не собиралась провести всю жизнь на суше, взаперти: она хотела воочию повидать те острова, которые были изображены на картах, повидать или убедиться, что на самом деле их не существует. Даже Лайра не смог совладать с нею – впрочем, он и не особенно старался. Как десять-пятнадцать лет назад, так и сегодня куда проще было разрешить хитрому и изворотливому созданию поступать по собственной воле, чем тратить время, пытаясь переупрямить Камэ.

– Пролив Сирен... – Паучок прикусила губу, изображая сосредоточенность. – Что же с ним такое? А! Вспомнила! – Она подняла указательный палец с видом алхимика, на которого снизошло божественное озарение. – Ничего.

Маска безразличия сползла с лица магуса, он прищурился и сжал кулаки. Эрдан торопливо вмешался:

– То есть как?

– Так, – Камэ лучезарно улыбнулась. – Я читала очень старые записи одного путешественника. Там скалы... Ветер завывает в них, и кажется, что кто-то поет. А если в море раздастся нечеловечески прекрасное пение, тут же начинают твердить о сиренах, хотя никто толком не знает, что они собой представляют и существуют ли вообще. Вот и весь секрет. Вообще-то получается, что на этом пути вам не угрожают никакие опасности – ни погода, ни чудовища. Все будет тихо и спокойно... – Она сморщила нос. – Бр-р – даже песню не о чем сложить. Я бы, конечно, посоветовала отправляться именно этой дорогой, но Кристобаль ведь не любит скучать.

– А что ты скажешь о карте, – Крейн неопределенно взмахнул рукой, – в целом?

– Не внушает доверия, – ответила она, продолжая улыбаться. – Уж не знаю, сколько ей веков, но за это время очертания берегов могли измениться. Я бы на вашем месте не полагалась на эти карак... этот набросок.

– Понятно, – вздохнул магус. – Если бы ты была на моем месте и встретила лучшего картографа в мире, к тому же обладающего совершенной памятью, ты пригласила бы его присоединиться к экспедиции?

– Да, – ответила Камэ, посерьезнев. – Но картограф послал бы меня к кракену.

– Ясно, – кивнул Крейн и вдруг спросил: – Послушай, а что за люди были на черном фрегате? Почему они тебя отпустили?

– Люди как люди, – ворчливо ответила Камэ, которой такая перемена в разговоре пришлась не по нраву. – А почему отпустили – кракен их знает...

Оказалось, что поведать о случившемся картограф может весьма немного. Накануне утром все ее внимание поглотила береговая линия острова Сэн, который после сильного землетрясения уменьшился на треть: Камэ сравнивала новую карту со старой, пытаясь понять, отчего разлом прошел именно так, а не иначе. Полностью погрузившись в исследования, она приняла взрыв за сильный раскат грома, а потом в ее дом ворвались незнакомые люди, одетые в черное и с закрытыми лицами.

– Постой-постой, ты перепутала с громом взрыв, который разнес крепость до основания?! – не поверил Эрдан.

Картограф поджала губы, а потом сварливо поинтересовалась, как давно ему случалось увлечься чем-нибудь до самозабвения. Мастер-корабел растерянно пожал плечами.

– Поэтому он и живет так долго – вовремя понимает, что гром, а что – не гром, – сказал Крейн, посмеиваясь. – А что было дальше?

– Ничего особенного, – мрачно проговорила Камэ. – Порвали рубашку... хотели убедиться, что это в самом деле я. Заметь, они знали, отчего у меня такое прозвище... Потом потащили на свой корабль. Никто со мной не разговаривал. На фрегате бросили в каюту и закрыли дверь, потом вытащили наружу, швырнули в лодку и отправили купаться. Я только краем глаза успела заметить, как одного офицера волокли в трюм, – он был без сознания, – а еще двоих, с лицами в ссадинах и синяках, вели следом... Бунт? Кто-то открыл в себе навигаторские способности? Что ж, все бывает... Когда я увидела зеленые паруса, то, должна признаться, про все забыла.

– То есть ты не заметила ничего особенного? – уточнил магус.

Камэ моргнула с удивленным видом:

– А что еще, по-твоему, я должна была заметить?

Крейн и Эрдан переглянулись.

– Даже неловко говорить, – сказал мастер-корабел, – но градоначальник Кеттеки пытался убедить нас, что склад звездного огня взорвался из-за того, что черный фрегат выстрелил по нему *из пушек*.

Рот Камэ открылся, потом закрылся. Она тряхнула головой, словно отгоняя наваждение, а потом выдала череду ругательств, определенно почерпнутых не в архивах и библиотеках.

– Нет, ну вы только подумайте! – Она перевела дыхание. – Я расскажу Лайре про этого недоумка! Это ж надо – пушки на фрегате...

– Вот и я об этом говорю. – Крейн посмотрел на Эрдана. – Видишь? Что невозможно, то невозможно. Ладно, к вечеру мы будем в Ямаоке, а пока что у вас двоих, наверное, найдется много тем для беседы.

Камэ сообразила, что их очень вежливо выставляют за дверь. Она нахмурилась, явно готовя очередную тираду о том, какое Крейн мерзкое создание, но как-то вдруг сникла. Воинственное выражение лица сменилось грустной улыбкой, и картограф легонько потянула Эрдана за рукав:

– Не будем мешать капитану. Пошли, расскажешь мне подробнее о первом путешествии на юг.

Крейн уже склонился над картой, но мастер-корабел чувствовал: мыслями Кристобаль сейчас вовсе не на фрегате. Все из-за того, что Камэ – вольно или невольно – постоянно напоминала ему о том, что следовало забыть.

И, судя по всему, воспоминания все так же обжигали Пламенного Феникса.

* * *

– Ты запустил фрегат, – сказал Эрдан. Они сидели на палубе, напротив друг друга. Эрдан упирался спиной в среднюю мачту, а его ученик держался так напряженно, словно в мачту вот-вот должен был превратиться его хребет. – Он похож на плавучую помойку.

Молодой магус побледнел и стиснул зубы, но сумел промолчать.

– Это неудивительно, – продолжил мастер-корабел, внутренне поражаясь, как легко к нему возвращаются старые навыки и привычки. – Для бочки такого размера трех человек недостаточно, тебе нужна команда из десяти-двенадцати матросов. Мы исправим это недоразумение позже, когда я научу тебя подбирать людей, однако кое-что можно сделать уже сейчас. Закрой глаза.

Кристобаль повиновался.

– Представь себе, что ты находишься в брюхе своего корабля.

Чуть помедлив, магус кивнул. Золотые ~ленты~, которые Эрдан видел при помощи особого зрения корабелов, взволнованно заколыхались и потемнели; все шло как надо. Хотя «Невеста ветра» выросла совсем недавно, связь между ней и ее навигатором существовала почти десять лет, и ему нужно было лишь исправить те ошибки, которые эти двое совершили за минувшие годы. Он все же не понимал, зачем последнему из рода Фейра потребовались услуги мастера-корабела...

Он не хотел понимать.

– Расслабься. Сейчас ты кое-что почувствуешь.

«Сейчас ты поймешь, на что твой корабль готов ради тебя».

Он обо всем позаботился. Велин и Унаги отправились на берег и уже, наверное, хлестали какую-нибудь дешевую выпивку. Эрдану с Кристобалем ничто не угрожало. Если, конечно, молодой феникс от неожиданности не утратит контроль над... как он назвал тот живой огонь, способный пожрать все вокруг? Над первопламенем, да.

Итак...

Магус вздрогнул и схватился за живот, его лицо исказилось от боли. Волна горячего воздуха опалила Эрдану брови, он зажмурился и запоздало прикрыл лицо ладонью. Что ж, так даже лучше – определенная доля риска не помешает.

– Она страдает, – тихо проговорил он. – Вы трое даже не догадываетесь, насколько сильно она страдает. Лжеплоть фрегата притягивает разнообразных паразитов, которые впиваются в нее, грызут ее, отравляют своим ядом, травят кислотой... Она могла бы расправиться с ними за секунду, но предпочитает терпеть. Почему, по-твоему?

– Я не знаю, – сказал Кристобаль. – Я никогда... не думал об этом.

Не думал, хотя знал, что периодически в трюмах рыботора, даже маленького, надо наводить порядок. Там обитали шебаршилы – маленькие шестиногие создания с острыми клешнями, безобидные для людей, но способные превратить корпус в решето, понемногу вырезая в нем глубокие полости, в которых так удобно разводить потомство. Брюхо постепенно зарастало светящейся плесенью, избыток которой временами заставлял фрегат насыщать команду дурные сны. Борты снаружи покрывались моллюсками и жгучими водорослями. Фрегат и впрямь ничего не стоило бы избавиться от непрошенных пассажиров самостоятельно.

Если бы не одна проблема.

– Уничтожая шебаршил и прочую дрянь, – сказал Эрдан, – она научится убивать. Пока что ее останавливают врожденные инстинкты, определяющие в качестве пищи лишь то, что находится *снаружи*. Но большая часть паразитов – не снаружи, а внутри... там же, где и люди. Готов ли ты к тому, что твоя «Невеста ветра» познает вкус крови? Понимаешь ли ты, что ей может это понравиться? До сих пор тебе удавалось кое-как держать ее в узде, потому что она сама едва ли осознает, на что способна. Ты должен верно оценить свои силы, чтобы мы смогли продолжить. Нужна железная воля, чтобы постоянно, днем и ночью, соприкоснуться с существом, которое может тебя поглотить, не оставив даже костей. Ты готов ради этого отказаться от вещей, которые способны отвлечь от главного дела?

Он мог бы перечислить эти вещи, но не стал. Ему попался достаточно смысленный ученик.

– Готов. – Магус открыл глаза и устремил на мастера-корабела внимательный взгляд. – Мне хватит сил. И к тому же так будет... – Он чуть помедлил, подыскивая нужное слово. – Так будет честнее по отношению к ней. Ведь она отказывается от свободы ради меня.

* * *

Вечерняя Ямаока встретила их огнями и звуками веселой музыки. Эрдан поначалу изумился, а потом вспомнил, что в середине осени во многих портах Окраины устраивают торжество на два-три дня – что-то вроде последнего праздника уходящего года. Перед приходом затяжных зимних дождей, когда потоки воды беспрестанно льются с неба днем и ночью, люди торопятся повеселиться, чтобы потом было о чем вспоминать.

Выходит, они попали как раз на такой праздник.

«Невеста» медленно двигалась по темной воде залива, в которой отражались огни разноцветных фонариков. Почти вся команда высыпала на палубу, чтобы полюбоваться на празднество. «Что ж, – подумал корабель, – если бы не Камэ, мы прошли бы мимо, даже не вспомнив про карнавал».

Крейн, словно прочитав его мысли, сказал:

– Думаю, нам стоит задержаться здесь до утра.

Среди матросов послышались радостные возгласы. Эрдан улыбнулся: долгие недели предстоящего путешествия будут заполнены только скукой, тяжелой работой да опасностями, и еще неизвестно, чего окажется больше. И впрямь не помешает позволить команде немного развлечься перед походом, раз уж стоянка в Лейстесе вышла такой суматошной.

Шум крыльев отвлек его от размышлений – Джа-Джинни взлетел и направился в сторону города. Эрдан заметил, что Крейн наблюдает за полетом крылана с выражением глубокой задумчивости, но спросить капитана, в чем дело, не решился.

– Ямаока! – проговорила Камэ, загадочно улыбаясь. – Как удачно, что вы привезли меня именно сюда, да еще и в разгар праздника! Надеюсь, у всех будет шанс повеселиться?

На это Крейн пространно заметил, что равных шансов не бывает ни в удаче, ни в беде. Камэ возмущенно фыркнула и подошла к фальшборту, словно желая поторопить «Невесту». Глядя на ее стройную фигуру, мастер-корабел запоздало сообразил, что картограф, наверное, все это время чувствовала себя очень неудобно, – ведь она находилась на борту фрегата, но больше не была с ним *связана*. Одно дело – если человек никогда не ощущал себя частью команды, и совсем другое – оказаться вновь на том же месте, откуда ушел много лет назад, разорвав все нити.

Когда они причалили, Крейн назвал имена тех, кому предстояло нести вахту на корабле, а остальным разрешил отдыхать сколько душа пожелает. Повернувшись к Эрдану, он спросил:

– Надеюсь, и ты присоединишься к карнавалу?

Мастер-корабел давно уже избегал шумных праздников, но сейчас почему-то не был настроен возражать капитану. Крейн вел себя как-то странно, и Эрдан никак не мог понять, что и почему изменилось. Возможно, все из-за Камэ?

Матросы «Невесты ветра» быстро рассеялись в ночной веселой толпе. Еле заметные отблески заката еще освещали небо на западе. Кругом пили, пели, танцевали, от разноцветных ярких нарядов и масок рябило в глазах, а музыка, казалось, заставляла даже фрегаты у причалов покачиваться в такт.

– Я должен отыскать градоначальника, – сказал Крейн. – Ты со мной?

Эрдан кивнул. Было интересно посмотреть, чем занимается градоначальник в такой вечер. К тому же корабелу хотелось услышать, что именно магус собирается ему рассказать.

Они прошли вдоль набережной – дорогу спрашивать не пришлось, поскольку дом градоначальника, увенчанный башней, возвышался над прочими зданиями, словно маяк, – и оказались у тяжелых дверей, покрытых витиеватыми узорами. Крестобаль поднял руку к дверному молотку – и неожиданно замер:

– Посмотри!

Музыка и веселые голоса как будто сделались тише.

Среди замысловатого орнамента, сильно пострадавшего от времени и соленого морского ветра, все еще виднелся знакомый рисунок: два профиля размером с ладонь, обращенные друг к другу... по одному на каждой створке. Так вот что означала черта вдоль желто-черного знака на карте? Двери, ведущие куда-то? Время не пощадило загадочные лики, но все-таки их нельзя было ни с чем перепутать.

– Вот так сюрприз! – ошеломленно проговорил мастер-корабел. – Похоже, нас и впрямь занесло сюда не случайно, а?

– Посмотрим, удастся ли что-нибудь узнать, – хмуро ответил Крейн и постучал.

В скором времени их принял градоначальник Кестер Нами – худощавый мужчина лет сорока, с редующими рыжими волосами и пронзительным взглядом голубых глаз. На его рабочем столе не было свободного места – повсюду громоздились бумаги, бухгалтерские книги и прочие признаки того, что Лайра Арлини поручил Ямаоку человеку, обладающему, по крайней мере, должным усердием и желанием оправдать доверие.

– Не до праздника – дела! – слегка смущенно улыбнулся Нами, проследив за взглядом Эрдана. – Но они подождут, потому что я давно хотел познакомиться с лучшим другом Лайры Арлини.

Жители Окраины предпочитали называть своего короля по имени, но вовсе не из-за недостатка уважения – совсем наоборот.

– Да, мы в некотором роде друзья. – Крейн неопределенно махнул рукой. – Я привез сюда его сестру... – И он вкратце рассказал градоначальнику о странном похищении Камэ и ее не менее странном освобождении.

– Да, необычно, – сказал Нами. – Хорошо, что все закончилось.

– Закончилось? – с усмешкой переспросил магус. – Я бы так не сказал. Эти неизвестные явно преследуют какую-то цель, которой пока что не достигли. Не знаю, почему черный фрегат не захотел принять бой. Возможно, Камэ права, и там действительно случился мятеж. Я, по крайней мере, могу допустить такое: корабль выглядел необычным не только снаружи. Что-то происходит... И я бы посоветовал вам быть настороже.

– Учту, – кивнул градоначальник. – Для Ямаоки честь принимать вас, вашу команду и госпожу Камэ Арлини! А теперь хватит формальностей... – Он хитро прищурился: – Вы ведь не покинете порт прямо сейчас? Праздник только начался!

– Что вы, что вы! – Крейн рассмеялся. – Вряд ли через год я окажусь в здешних водах, поэтому упускать такой шанс попросту глупо. Нет, мы намерены задержаться... Э-э... Есть еще кое-что. Ваши двери, Нами, – они ведь очень старые, так?

– Им веков пять, я полагаю. – Градоначальник почесал затылок. – А что такое?

– На них странный рисунок.

Нами закивал еще до того, как Крейн договорил.

– А-а, плачущие лица. Да, на них частенько обращали внимание раньше, а сейчас и разглядеть-то не всякий сможет.

Магус слегка оторопел, и Эрдан осторожно поинтересовался:

– Что это за лица? Я и не заметил, что они плачут. Какая-то местная легенда?

– Я бы не сказал, что местная... – Градоначальник задумчиво нахмурился. – Но это как посмотреть. Хм... Вам ведь известна легенда о том, как Феникс нарушил клятву – передал людям огонь и крылья, научил их видеть сокровище?

– Помню ее наизусть, – бесстрастно сказал Крейн. – Эти две легенды связаны?

– В некотором роде. Видите ли, капитан, принято считать, что Феникс совершил именно те деяния, о которых я уже упомянул, – за что и был наказан. При всем уважении к Пламенному вынужден заметить, что он не мог этого сделать...

– Что? – воскликнули Крейн и Эрдан одновременно.

– Сами подумайте, – сказал Нами, – ведь люди задолго до пришествия Основателей уже пользовались огнем. Летать они как не умели, так и не умеют, а что касается способности видеть сокровище, то здесь возможно множество толкований. Дары Феникса не следует понимать в буквальном смысле...

– Попытки разобраться, что случилось на самом деле, ни к чему не привели, – заметил Крейн. – Поэтому, как вам должно быть известно, нынче люди и магусы предпочитают не вникать в то, что же представляли собой эти... дары. Ну и каково же ваше мнение на сей счет?

Градоначальник растерянно развел руками.

– Вы неправильно меня поняли, капитан, я всего лишь хотел сказать, что плачущие лица *связаны* с этой легендой и некоторым образом ее дополняют. Ну так вот, когда «Утренней звезды» не стало, а Основатели страшно наказали клятвopреступника, где-то на южных островах появился некий дом. Поселилась в нем женщина, не принадлежавшая к Основателям, но все-таки обладавшая огромной силой. Коснувшись человека или даже магуса одной рукой, она могла его убить, а прикосновением другой руки тотчас возвращала из мертвых, и тогда он становился ее слугой. – Нами вздохнул. – Ох, никудышный из меня рассказчик. Есть не меньше десяти версий этой сказки, и все по-разному объясняют, откуда взялись профили. Временами говорят, что колдунья носила черную перчатку на левой руке и желтую – на правой... Я даже слышал, что она появлялась на людях в маске, половина которой была черной, а половина, соответственно, желтой или золотой... Но одна история все-таки стоит особняком. Постойте...

Градоначальник ринулся к книжным полкам и принялся что-то искать. Эрдан взглянул на мага – тот выглядел очень взволнованным и бледным.

– Сейчас-сейчас! – Нами лихорадочно листал какую-то очень старую книгу. – О! Нашел... «В год, когда звезды перестали падать с неба, явились к нам двое – ни к роду людскому, ни к морскому, ни к Основателям не принадлежали они. Был ликом черен один, а другой – светился золотом, точно полуденное солнце. Ростом оба превосходили прибрежные скалы. Рыдая, сказали двое: „Плачьте! Ибо не стало госпожи, а значит, грядет время Великого Шторма...“ А потом оба растворились в тумане, и больше их никто не видел». Это записал мой прадед – он легенды собирал, да так и сгинул на юге из-за легенд.

Кестер Нами закрыл книгу и взглянул на своих гостей.

– Благодарю, – проговорил Крейн, успевший взять себя в руки. – Вы нам очень помогли.

Градоначальник снова вздохнул:

– Знаете, капитан, я всегда мечтал, что когда-нибудь тайна этих лиц будет раскрыта. Но, видимо, время еще не пришло.

– Кто знает... – загадочно произнес магус. – Мы не можем предсказать, что случится в следующее мгновение, а уж о завтрашнем дне и вовсе говорить нет смысла. У меня предчувствие, что грядут веселые и опасные времена... Но сегодня, пожалуй, стоит развлечься. Ах, да – чуть не забыл! – Он вытащил из-за пазухи письмо с печатью. – Передайте это Лайре при первой же возможности. Здесь подробное описание всего, что случилось в Кеттеке и при встрече с черным фрегатом. Мне бы следовало поведать ему обо всем самому, но, боюсь, мы не сможем встретиться.

Градоначальник принял письмо, с заметным любопытством взглянул на личную печать Крейна, но не увидел ничего интересного, всего лишь переплетенные буквы «КК». Он заверил, что все передаст, и они распрощались.

Уже на улице Кристоаль сказал:

– Ну вот, мы кое-что узнали о Двуликой госпоже. Как ты думаешь, кем она была?

– Понятия не имею, – ответил мастер-корабел. – Признаться, эта история совсем меня запутала. Я и сам сознавал, конечно, что слова легенды о Фениксе не стоит понимать буквально, иначе мы бы сейчас умели летать... хм. А ты не думал, что Джа-Джинни имеет какое-то отношение ко второму дару?

– Возможно, да, – пробормотал Крейн. – А возможно, и нет.

Тут их окружила и попыталась увлечь за собой галдящая компания в изрядном подпитии. Вынужденно прервав разговор, они направились вместе с развеселыми горожанами туда, где играла музыка и ярче всего светили разноцветные фонарики, – на широкую набережную Ямаоки.

Пока Эрдан и Крейн беседовали с градоначальником, людей на главной улице города стало больше раза в два. Отовсюду слышалась музыка – играли флейты, гитары, сиринги и инструменты, названий которых мастер-корабел не смог вспомнить. Каждый музыкант стремился превзойти соперников и приманить как можно больше танцующих. Звуки сливались в безумную какофонию, но это никого не заботило. Торговцы знай себе наполняли кружки клиентов пивом и сарьей да собирали монеты в карманы засаленных фартуков. Лица вокруг становились все веселее. В толпе шныряли подозрительного вида мальчишки – у городских карманников определенно были свои причины радоваться празднику.

К югу от причала, где стояла «Невеста ветра», набережная раздалась, образовав небольшую площадь с фонтаном посередине. Фонтан изображал Эльгу, попирающую бурные волны, которые символизировали Великий Шторм. Улыбка богини показалась Эрдану хищной... но, быть может, лишь из-за отблесков красного света на ее лице? Поблизости играл маленький оркестр из двух скрипок, флейты и небольшого барабана. Музыканты работали вдохновенно, и вокруг собрались те, кто в самом деле любил танцевать, включая Умберто, который был

отличным танцором. Оглядевшись, Эрдан обнаружил еще нескольких моряков из их команды, а еще он увидел Эсме и Паучка. Женщины стояли рядом, но друг на друга не смотрели.

– Милое зрелище... – сказал Крейн, и оставалось лишь догадываться, к чему относились эти слова.

Предыдущая мелодия подошла к концу, и послышались первые ноты джейги, веселого и очень быстрого танца. Магус шагнул в ту сторону, где стояли Эсме и Камэ, но тут Умберто, оказавшийся ближе, подскочил к целительнице и увлек ее за собой, хотя девушка и сопротивлялась... Впрочем, не очень сильно.

Крейн остановился.

Камэ увидела капитана и, проскользнув между двумя дюжими матросами, вознамерившись пригласить ее, подошла к нему. Ее улыбка светилась ярче, чем любой из фонариков. Слов Эрдан не расслышал, но и так все понял. Магус чуть помедлил, а потом кивнул – и они присоединились к танцующим.

Эрдан подумал, что ему стоит вернуться на корабль. Час был поздний, танцевать он не умел и не хотел, да к тому же среди веселящейся молодежи чувствовал себя древней развалиной.

– Не танцуете? – спросил чей-то голос. Мастер-корабел оглянулся и не сразу понял, кого видит перед собой, а когда понял – сильно удивился.

– Я-то не танцую, это понятно, – сказал он с ухмылкой. – А что же ты стоишь? Или у тебя не просто так голова седая, и ты и впрямь стар для таких вещей?

Парнишка из трюма смущенно заулыбался. «Как же его зовут? А, вспомнил. Хаген». Выглядел Хаген намного лучше, чем накануне, хотя одежду ему, похоже, собирали с миру по нитке – рубашка была намного больше, чем следовало, а штаны знавали лучшие времена. Но его упорство никуда не подевалось, в чем Эрдан убедился немедленно.

– Я хочу еще раз попросить капитана взять меня на борт, – сказал Хаген.

Корабел вздохнул:

– Глупо. Он никогда не отказывается от принятого решения, да нам сейчас и вправду не нужны матросы. Вот был бы ты картографом...

Парень помотал головой.

– Ну, видишь. Смирись. Я бы на твоём месте сегодня развлекся как следует, а потом попытал бы счастья с другим капитаном... Так отчего ты не потанцуешь? Для этого не нужно никого ни о чем просить – сегодня любая горожанка будет рада молодому и красивому незнакомцу, даже если тот одет в лохмотья.

– Здесь нет той, с кем я хотел бы танцевать, – ответил Хаген, и Эрдану показалось, что его лицо вдруг сделалось старше. – Да она бы и не стала...

– Влюбился в высокородную даму? – Эрдан выстрелил наугад, но парень вздрогнул. – Глупо вдвойне. Забудь ее и живи спокойно – вот тебе мой совет... Хотя ты вряд ли станешь слушать. Что ж, тогда тебе остается лишь напиться с горя.

Хаген ничего не сказал – только улыбнулся и низко поклонился корабелу, а потом скрылся в толпе.

Эрдан вновь взглянул на танцующих и увидел, что джейга превратилась в настоящий ураган, вынести который могли разве что самые умелые и стойкие. Остальные один за другим сдавались. Музыканты, соревнуясь друг с другом, все ускоряли темп. Вот уже Умберто и Эсме отскочили в сторону, смеясь и еле дыша, а джейга понеслась дальше. Совсем скоро осталось восемь пар... потом пять... и наконец три. Они кружились так быстро, что превратились в смазанные пятна, но Эрдан знал, что одна из этих пар – Кристобаль и Камэ. Магус однажды признался, что танцам простонародья его в детстве обучили слуги, – один из редчайших случаев, когда он что-то рассказал о той жизни, когда был принцем, а не пиратом, – и наблюдения

Эрдана показывали, что в танце его капитану еще сложнее скрывать свою истинную природу, чем в сражении.

Вот еще одна пара выбыла из состязания...

«Что ты делаешь, Крестобаль?!»

Собравшиеся вокруг люди позабыли обо всем, напряженно следя за танцующими. Эрдан видел поодаль Умберто и Эсме: целительница смотрела на Крейна и Камэ не отрываясь, ее лицо мрачнело на глазах.

Раздался вскрик – и предпоследняя пара остановилась: женщина подвернула ногу. Тотчас же толпа взорвалась аплодисментами, а музыканты, истекающие потом, резко оборвали игру. Крейн замер на месте; Камэ повисла на его плече, бледная и задыхающаяся, в ее глазах стоял испуг. Сам магус выглядел спокойным и... Он даже не запыхался. Эрдан решительно направился к капитану, но не успел сделать и нескольких шагов, как над набережной прокатился звон – звенели все колокола Ямаоки, и это означало, что в порт входит какой-то фрегат.

В этом не было ничего необычного, но почему-то звуки музыки, раздававшиеся там и сям, смолкли. Люди замерли, затаили дыхание, а все взгляды устремились в сторону залива – туда, где темнела вода. Поначалу во мраке никто ничего не разглядел, но Эрдана вдруг охватило знакомое ощущение, и он не удивился бы, начни падать с неба хлопья сажи. Ветер с моря принес отвратительный запах гари, и «Невеста» задрожала от киля до вершины самой высокой мачты – вся команда это почувствовала.

У входа в гавань появился черный фрегат, невидимый во тьме.

Эрдан ощутил, что находится под прицелом. Градоначальник Кеттеки мог солгать, но что-то страшное произошло там и вот-вот должно было случиться здесь. Бежать на корабль? Нет смысла – они все равно не успеют ничего сделать. Сторожевой фрегат начал разворачиваться, но двигался он ужасающе медленно, да и места для битвы не хватило бы. Мастер-корабль посмотрел на своего капитана и ужаснулся: Крейн казался воплощением безразличия, хотя ему полагалось сейчас переживать все то же самое, что Эрдану, но в сто раз сильнее...

А потом раздался грохот – и далеко не сразу они поняли, что произошло. Из крепости обстреливали черный фрегат, хотя не было точно известно, что это враг. Эрдан считал, что излишняя подозрительность лучше излишней доверчивости, Лайра же очень бережно относился к потенциальным союзникам, и порой щепетильность его подводила. Но в этот раз все случилось по воле не Лайры, а другого человека – и, похоже, удалось избежать беды. Даже закрыв глаза, Эрдан чувствовал, как опасность удаляется: черный фрегат не стал ждать второго залпа, а развернулся и ушел. Вскоре над затихшей набережной прозвучал робкий голосок одинокой скрипки, ему ответил сирринг – и через некоторое время веселье возобновилось, хотя было уже не таким безудержным, как прежде.

– Ну вот, испортили праздник, – сказал Крейн с усмешкой, завидев Эрдана. Камэ по-прежнему держалась за его руку.

– Почему они... – Эрдан осекся. – Так это твоих рук дело! Как только мы вошли в порт, ты отправил Джа-Джинни в крепость! Он их предупредил о черном фрегате, верно? Передал твой приказ действовать не так, как принято?

Магус кивнул. К ним подошли Умберто и Эсме.

– Но ведь ты не поверил в историю с пушками...

– Я решил поберечься, – ответил Крейн. – Так или иначе, намерения у чужака явно недобрые, но убедить в этом градоначальника было бы непросто. Поэтому я написал не одно письмо Лайре, а два – и второе Джа-Джинни отнес начальнику гарнизона. Там был всего один приказ: стрелять по черному фрегату, как только он появится. Ответственность я взял на себя, воспользовавшись тем, что наша с Лайрой так называемая дружба – факт, известный всем и каждому.

– Мило! – хмыкнул Эрдан. – Отчего же ты не рассказал об этом Нами?

Музыканты, придя в себя, заиграли тихую мелодию.

– А каковы были шансы, что черный появится здесь, да еще и так быстро? – с иронией поинтересовался магус. – Теперь-то я окончательно уверен, что на борту у него одни безумцы. Ладно, все хорошо, и мы в безопасности... По крайней мере до завтрашнего утра. Эсме, ты подаришь мне этот танец?

Она растерялась от неожиданности, но отвергнуть протянутую руку капитана не посмела. Их взгляды встретились, и Эрдану показалось, что между целительницей и магусом проскочила искра. «Что это? Извинение за случившееся в Кеттеке?..»

Крейн увлек девушку за собой туда, где медленно кружились пары. Умберто вознамерился последовать их примеру и взглянул на Камэ, но Паучок предугадала его просьбу.

– Нет, – сказала она тихо, но уверенно. – У меня еще кружится голова после джейги.

Умберто пожал плечами и пригласил какую-то миловидную горожанку.

Камэ посмотрела на Эрдаана.

– Когда-то давно мне попало на оборотной стороне одной карты странное стихотворение, – произнесла она. – Его и стихотворением-то трудно назвать – всего три строчки и рифмы никакой. Но если вдуматься, то становится как-то не по себе... Сейчас вспомню. Вот:

Цикады тревожное пение.

Ветер с моря...

Долгий путь ждет.

Эрдан ощутил смутное беспокойство – сродни тому, что вызвало у него приближение черного фрегата. Камэ была права: от этих строк веяло тревогой и неизбежной бедой... А еще они врезались в память так, что он теперь ни за что не сможет их забыть.

«Лучше бы ты молчала...»

– Да, иногда это лучше, – усмехнулась женщина, и Эрдан помрачнел – он не заметил, что произнес эти слова вслух. – Но не всегда получается.

Фонари догорали один за другим, зато звезды сияли все ярче. Над площадью витала грустная мелодия, совсем не похожая на шальную джейгу, – казалось, после шторма наступило затишье. Все больше пар присоединялись к танцующим, некоторые целовались; Эрдан потерял из виду Крейна с целительницей и решил отправиться на корабль.

– Ты останешься? – спросил он Камэ, которая обнимала себя за плечи, хотя было не холодно. Картограф его не услышала. – Ты остаешься здесь?

– Да, – сказала она негромко, и по тону голоса Эрдан почувствовал – его вопрос поняли неверно. – В вашем путешествии для меня места нет.

– Тогда... – он чуть помедлил. – Удачи тебе.

В прошлый раз они оба думали, что расстанутся навсегда, но судьбе было угодно устроить еще одну встречу – и вот она-то точно станет последней.

«Может, я не вернусь?» – подумал Эрдан и ощутил поразительное спокойствие.

Долгий путь...

Его этот путь может завести дальше, чем всех остальных. Камэ, очевидно, испытывала похожие чувства, потому что не стала сопротивляться внезапному порыву и крепко обняла его, но теперь это было уже не радостное объятие, как вчерашним утром, когда ее выловили из моря, а объятие печали.

Казалось, прошла целая вечность. Музыка стихла, парочки разбрелись по площади кто куда, а музыканты принялись подсчитывать выручку. Эрдан увидел капитана. Крейн и Эсме шли к ним. Того мимолетного чувства, чья искра проскользнула от магуса к целительнице совсем недавно, сейчас не ощущалось. Крейн выглядел задумчивым, Эсме – погруженной в мечты.

Капитан пригласил на танец целительницу. Что в этом особенного?..

– Мы отплываем завтра утром, – сказал магус, обращаясь к Камэ. – У тебя последняя возможность передумать.

– Приятно осознавать, что ты так во мне нуждаешься, – спокойно произнесла она. – Но мое решение не изменилось.

– Что ж... – Крейн без видимого сожаления пожал плечами. – Тогда нам лучше попрощаться сейчас, чтобы не устраивать завтра театральные представления на пристани.

– Прощай, Кристобаль, – сказала картограф с печальной улыбкой. – Скажи... Она была красивая?

По лицу магуса пробежала тень.

– Кто? – спросил он ровным голосом.

– Не притворяйся, что не понимаешь. – Улыбка Камэ сделалась вымученной. – Она. Та, из-за которой ты сжег Лэйфир.

Эрдан замер. Нужно было уйти, дать им поговорить в одиночестве – этого требовала дружба с Кристобалем да и простая вежливость. Нужно было увести Эсме... Впрочем, поздно.

– Ты на нее очень похожа, – сказал магус.

Камэ вздрогнула, словно от удара, и мгновенно постарела лет на десять. Она отвернулась от Крейна, бросила на Эсме жгучий взгляд и как будто собралась сказать что-то язвительное, но передумала в последний момент и просто ушла – держа спину очень прямо, ступая уверенной походкой королевы.

* * *

Синяк под левым глазом Кристобаля получился отменный. Велин-целитель мог бы устранить его одним прикосновением руки, но магус так посмотрел на друга, что тот сразу же стушевался. Эрдан лишь усмехнулся при виде этого и украдкой помассировал ноющую руку: подумать только! Кто бы сказал месяц назад, что он врежет последнему из рода Фейра по физиономии и останется жив...

– Если опять начнешь размахивать руками, как ветряная мельница, – с чувством сказал мастер-корабел, сжимая кулак, – то получишь еще раз. И это будет повторяться до тех пор, пока твоя тупая голова не запомнит, что фрегатом управляет не движение, а мысль! Или тебя для этого нужно связать?

– Не надо, – хмуро ответил магус. – Я справлюсь.

А ведь он и в самом деле справлялся.

Юноша делал поразительные успехи. Он учился так быстро, что, похоже, и впрямь мог усвоить за несколько месяцев то, что в иную голову не вдолбишь за год или два. Дни, когда фрегат норовил заартачиться в ответ на любой приказ навигатора, прошли безвозвратно. Эрдан подумал, что совсем скоро – Кристобаль и не догадывается об этом – скажет своему ученику: «Ты свободен. Я передал тебе все свои знания...»

«Да ну? – глумливо поинтересовался внутренний голос. – И тебя ничего не смущает? Ты просто так отпустишь его, не убедившись, что все будет в порядке?»

Мастер-корабел нахмурился.

Все-таки блестящие успехи Кристобаля настораживали. Навигатор и фрегат ощущали чувства друг друга, но первый не переставал быть человеком, а второй – кораблем. *Рыбо*кораблем. Пока Эрдан не заметил ничего столь уж необычного, но его не оставляла мысль, что каждый день обучения, каждое новое умение Кристобаля приближают... нечто. Какой-то порог, за которым этот юноша делается иным. И обратной дороги не будет.

«Я не могу остановиться, – сказал он сам себе, будто оправдываясь. – Я обещал научить его всему, что знаю».

Внутренний голос это не убедило.

Каждый день они выходили в море, чтобы отрабатывать маневры – насколько это возможно с одним настоящим матросом в команде. Унаги, правда, был очень силен и стоил троих, но Велин – разве что половины. Кристобаль порою с трудом сдерживался, чтобы не броситься на помощь, а Эрдан лишь посмеивался, наблюдая за этой троицей. Было видно, что годы на фрегате, еще недавно носившем имя «Шустрая», их очень сблизили, даже... сплавили. Он это понял давно, а сейчас вдруг признался самому себе: «Если я позволю Кристобалу перейти черту, он потеряет этих двоих и вряд ли когда-нибудь найдет новых друзей...» Мысль была ясной и четкой, оставалось лишь поступить соответствующим образом. Но едва он обратился к магусу, собираясь сказать, что обучение закончено, тот вскочил:

– Эрдан, приближается сильный шторм! Надо возвращаться в порт.

– Постой, – сказал корабел. – Не торопись. По-моему, пришла пора вам с «Невестой» встретиться с настоящей бурей и проверить, хорошо ли вы усвоили мои уроки. Когда море спокойное, все слишком просто.

Кристобаль нахмурился и, чуть поразмыслив, кивнул.

Долго ждать не пришлось. Сильный порыв ветра потащил «Невесту» по волнам, словно игрушечный кораблик. Безмятежные облака на глазах превращались в грозные тучи, а море словно закипело.

«Чего же ты стоишь, мой юный друг?»

Зеленопарусный фрегат развернулся навстречу волнам, и вроде бы все шло как надо, но мастер-корабел почувствовал укол тревоги. Идея бросить вызов буре вдруг показалась не такой уж хорошей. Не сам ли Великий Шторм подбил его на эту авантюру?..

Он увидел, как Кристобаль вздрогнул и указал рукой вдаль.

– Опять эта тварь. – Голос навигатора был едва слышен в шуме ветра. – Белый Фрегат...

Проследив за рукой ученика, мастер-корабел увидел большой корабль молочно-белого цвета, который медленно плыл сквозь бурю, не замечая ее. Эрдану доводилось слышать об этом призраке – говорили, что он принадлежит самому Великому Шторму, – и даже видеть его издали, но сейчас неожиданный гость казался слишком плотным для привидения. Он весь оброс ракушками и водорослями и напоминал скорее плавучий остров, чем корабль.

«Заступница, какой он огромный!»

– Ты видел его раньше? – прокричал Эрдан.

Кристобаль кивнул. Он не выглядел испуганным, лишь слегка хмурился. Что ж, с Белым Фрегатом или без него буря остается бурей, и ее надо пережить. Пристально наблюдая за учеником, мастер-корабел постепенно успокаивался, но в ту сторону, где по-прежнему виднелся «призрак», старался не смотреть.

Ветер крепчал, мачты «Невесты» начали трещать – а потом Эрдан заметил, что Кристобаль морщится от боли. Совпадение? Корабел в них не верил. Навигатор всегда чувствовал отголоски боли своего корабля, но сейчас неприятные ощущения не должны были оказаться такими сильными. Если чувствительность Кристобаля чрезмерно обострилась, им угрожает опасность, понял Эрдан... и тут же осознал, что ничего не сумеет сделать. Если и можно было отступить, он упустил подходящий момент. Магус, заметив его обеспокоенное лицо, улыбнулся и хотел что-то сказать.

В этот миг огромная молния ударила в среднюю мачту «Невесты ветра».

Вспышка была столь яркой, что Эрдан ненадолго ослеп. Раздался треск ломающейся мачты, и сразу вслед за этим исполненный боли ~вопл~ фрегата прокатился над волнами, утонул в оглушительных громовых раскатах. Корабелу хватило и слабого отголоска того, что испытывал сейчас корабль, чтобы и самому закричать. Когда зрение вернулось, Эрдан увидел палубу, полыхающую неосознанным зеленым огнем, и магуса, упавшего на колени, – струи дождя, падавшие на него, с шипением испарялись. «Невесту», полностью лишившуюся управ-

ления, несло по воле шторма; из-за сломанной мачты корабль дал сильный крен и грозил вот-вот перевернуться – а Эрдан не мог оторвать взгляда от того, что происходило с Кристобалем.

Золотистые ~ленты~ вокруг магуса словно трепало ветром, хотя на самом деле разбушевавшийся шторм никак не мог воздействовать на то, что располагалось в иной плоскости бытия. Из палубы «Невесты ветра» потянулись точно такие же ~ленты~, только больше и плотнее на вид; они встретились с теми, что окутывали Кристобалья, и начали срастаться. Быстро, очень быстро. И крепко – не разделить.

~~~~~

Эрдан с ужасом понял, что у него на глазах души навигатора и фрегата ~переплетаются~ друг с другом, сплавляются воедино. Спустя всего лишь несколько секунд Кристобаль оказался в коконе из ~лент~, и они пульсировали, передавая ему всю боль, которую чувствовала «Невеста ветра». Боли было слишком много для обычного человека, даже для магуса...

Но это видел только он один. Велин и Унаги понимали одно: их другу плохо, он не может владеть собой и управлять фрегатом, он вот-вот упадет за борт. Они кинулись к нему, и Эрдан невольно последовал их примеру. Втроем они затащили бесчувственного магуса в трюм. Он обжигал руки, словно котел, едва снятый с огня. Потом целитель излечил их ладони, а сам забился в дальний угол, дрожа от боли, – себя он исцелить не мог.

– Что теперь будет? – спросил Унаги.

Мастер-корабел пожал плечами.

«Мы умрем, только и всего...»

– Что? Принимаешь решения за меня? – раздался голос Кристобалья. Они все трое уставились на капитана: магус сидел, упираясь обеими руками в палубу и зажмурив глаза. Он улыбался, преодолевая боль. – Я сейчас кое-что попробую...

Эрдан не успел даже рта открыть, как трюм осветился мерзким зеленым светом – фрегат отчаянно трусил, но сопротивляться капитану все-таки не смел. Мастеру-корабелу показалось, что он тонет: в ушах зашумело, дыхание перехватило, перед глазами завертелись разноцветные круги. Это продлилось всего мгновение, а потом он понял, что произошло.

«Невеста» ушла под воду – не утонула, а нырнула.

~

– Вот так... – прошептал магус с чувством выполненного долга и медленно опустился на пол. Его трясло, а каждое движение давалось очень тяжело, словно у больного, только что пришедшего в себя после изматывающей лихорадки. Эрдан и Унаги переглянулись и молча решили не тревожить капитана, а Велину так и вовсе было не до этого.

Полночи они провели под водой, готовые в любой момент отправиться следом за Великим Штормом, но Кристобаль настолько подчинил себе фрегат, что тот сделался способен на невероятные вещи. Эрдан терялся в догадках: как, почему?! Случалось, молния попадала в мачту фрегата – та ломалась, корабль на некоторое время выходил из повиновения, а капитан иногда терял сознание. Но произошедшее с «Невестой» не вписывалось ни в какие рамки. Быть может, все дело в том, что небесный огонь пламенному магусу не страшен? Мастер-корабел понимал: вряд ли он когда-нибудь узнает ответ на этот вопрос. Так или иначе, наутро они всплыли у побережья какого-то острова – к счастью, место оказалось безлюдным, и никто не увидел потрепанный фрегат, который медленно заполз в небольшую, но достаточно глубокую бухту.

Когда Эрдан выбрался наружу и взглянул на «Невесту», у него сжалось сердце: сломанная мачта с лохмотьями паруса так и волочилась следом, держась непонятно на чем. Он вспомнил, что у Кристобалья нет денег; значит, восстановление в доке им не светит.

– Что ты намерен предпринять? – спросил Эрдан магуса, который рассматривал мачту с таким выражением лица, словно был готов вот-вот расплакаться. За ночь он осунулся, но все-таки не выглядел как человек, в которого накануне попала молния.

– Ты мастер, – пробормотал молодой навигатор. – Ты и предлагай...

– Ну, бесплатно фрегат никто не восстановит, – начал Эрдан. Магус кивнул с тяжелым вздохом. – Но можно справиться и так. Думаю, понадобится месяца три... или чуть больше.

– В чем же дело? – Кристобаль повеселел. – Говори, что для этого нужно?

Мастер-корабел вздохнул. То, что он собирался предложить, не представляло особой проблемы для любого капитана, оказавшегося в схожем положении... для любого, кроме Кристобала с его до предела обостренной чувствительностью.

– Восстановить ее мы не сумеем. Есть единственная возможность: нужно дать «Невесте» вырастить новую мачту... Только вот для этого придется отрубить старую.

По мере того как смысл сказанного доходил до мага, его лицо становилось все бледнее, пока не сделалось совершенно белым.

Мачта, конечно, отрастет – но что придется испытать магусу, Эрдан даже представить себе боялся.

– Другого выхода нет... – сказал мастер-корабел, словно извиняясь. – Прости.

Кристобаль кивнул и молча спустился в трюм; обратно он вернулся с топориком. Унаги как раз помог Велину выбраться на палубу, и теперь все трое смотрели на капитана. Эрдан ощутил замешательство: кто же будет рубить?

– Лучше вам перебраться на берег, – задумчиво проговорил магус. – Не знаю, что со мной случится... после.

– Собираешься все сделать сам? – ошеломленно спросил мастер-корабел. – С ума сошел?

– А как иначе? – Кристобаль улыбнулся; так, наверное, улыбаются приговоренные к повешению. – Никого из вас она после такого дела на борт не пустит, это уж точно.

Троица переглянулась.

– Мы не сойдем, – сказал Велин, выразив общее решение.

Магус пожал плечами.

Обеими руками поудобнее перехватил топор.

И со всего размаху опустил его на то, что осталось от мачты.

Отплытие из Ямаоки получилось суматошным и тревожным. Бурный праздник не прошел даром, и несколько матросов едва не опоздали – одному даже пришлось добираться до «Невесты» вплавь под улюлюканье товарищей. Он выбрался на палубу – мокрый, дрожащий – и поспешил ретироваться в кубрик. Крейн все это время простоял на корме с таким видом, что подойти к нему не отважился никто, даже Эрдан. Корабел наблюдал за капитаном с безопасного расстояния и вспоминал первый шторм, который им довелось пережить вместе, – тот самый, сплавивший воедино «Невесту» и ее молодого навигатора.

Сейчас у Крейна было точь-в-точь такое же лицо, как в тот раз, когда ему пришлось самому обрубить остаток средней мачты, чтобы дать «Невесте» возможность вырастить новую. Это произошло намного быстрее, чем Эрдан предполагал – всего за месяц, – но Кристобаль две недели пролежал в лихорадке, а первое время безостановочно бредил, из-за чего мастер-корабел узнал о нем намного больше, чем хотел.

«Камэ, Камэ, неужто нельзя было обойтись без сцен?»

Зато теперь они, кажется, и впрямь расстались навсегда – даже если судьбе заблагорассудится устроить новую встречу, это уже ничего не будет значить.

«Невеста» вышла из гавани и взяла курс на юг. Небо в той стороне затянули тучи, но Эрдан видел: пока что можно не бояться шторма. Им предстояла неделя пути через моря, принадлежавшие Лайре Арлини; эта часть путешествия обещала быть самой скучной – разве что погода все-таки переменится в худшую сторону. Когда они преодолеют Окраину, начнутся ничейные моря – те, в которых мерры и люди чувствуют себя одинаково чужими. Вот там-то и

возможны настоящие приключения, а сейчас оставалось лишь найти себе занятие на ближайшие семь дней.

Крейн, все такой же смурной, ушел к себе. Эрдан коснулся планшера, пытаясь хоть чуть-чуть подбодрить «Невесту» – в те дни, когда капитана охватывала черная меланхолия, фрегату тоже приходилось несладко, – но она в ответ едва не ~обрушила~ на него всю свою растерянность и тоску. Корабел торопливо отдернул руку: «Я всего лишь человек, мне такие глубокие чувства не по плечу. Прости!»

– Каждому свое, – пробормотал он, не ожидая, что кто-то услышит.

– Целителям – чужое, – сказала Эсме, невесть как очутившаяся рядом. – Чужая боль, чужие переживания.

Корабел удивленно поднял брови, а она в ответ на его гримасу лишь рассмеялась, коротко и печально. Эрдан стоял и ждал, что сейчас целительница попросит: «Расскажите мне о Лэй-фире!» И он не сумеет отказать, хотя эта тема была запретной.

Но девушка молча ушла.

Дни шли за днями; погода оставалась прежней – тучи над головой, противный мелкий дождь, редкие проблески солнца. Иногда море начинало волноваться, но это не доставляло особых проблем. Команда скучала, развлекаясь игрой в карты. Кузнечик уже не прятался по углам и заметно воспрял духом, но петь он больше не мог, а песен им не хватало. Сандер старался изо всех сил, извлекая из сирринга развеселые мелодии, но в них не было души. По ночам он уже не пытался никого веселить, а играл то, что хотелось, – и от этой музыки зачастую на глаза наворачивались слезы.

Как-то раз Эрдан проснулся глубокой ночью – сел на койке, испуганно озираясь. Корабел никак не мог понять, что же его разбудило, пока не услышал доносящиеся с палубы звуки, похожие на плач, и поспешил туда.

По темному небу проплывали редкие тучки, луна казалась непривычно большой и яркой. «Невеста» следовала прежним курсом, и ничто вроде бы ей не угрожало, но тревога мастера-корабеля никуда не подевалась. Он зябко обнял себя за плечи и подошел к фальшборту.

Сознание «Невесты» было слегка затуманенным. Фрегат ~дремал~.

– Не спится? – Эрдан оглянулся и увидел Крейна – босого и лохматого. С самого отплытия из Ямаоки они обменялись едва ли парой фраз. – Я вот тоже...

Что «тоже», магус не договорил, принявшись приглаживать взъерошенные волосы: на палубе появилась Эсме. Целительница выглядела так, словно вовсе не ложилась, и на заспанный вид капитана не обратила ни малейшего внимания, как и на его татуированную спину. Магус редко появлялся на палубе без рубашки – не догадаться, что его клановый знак принадлежит фениксам, мог лишь полный идиот, а простым матросам незачем было знать, кто такой Крейн на самом деле.

Эсме, выходит, все уже видела.

– Я что-то чувствую, – сказала целительница. – Какое-то непонятное ощущение... Вроде опасности нет, и все равно тревожно...

Магус кивнул:

– Мы втроем здесь оказались именно потому, что чувствуем корабль лучше остальных.

Но угрозы в самом деле нет, и это радует.

– Я бы все-таки хотел понять, что происходит, – пробормотал Эрдан.

– Тогда подождем, – ухмыльнулся Крейн.

Довольно долго они стояли рядом и молча смотрели вдаль. Поверхность моря в свете звезд серебристо мерцала, где-то слышался далекий гром. Эрдан уже уверился в том, что чувства их обманули, и собрался в каюту – досматривать сны, как вдруг над водой прокатился странный звук, больше всего похожий на зов охотничьего рога.

А потом – еще один.

Справа по борту из моря выпрыгнуло существо, чье гладкое тело светилось, а плавники были усеяны шипами. Размерами оно сильно уступало «Невесте», но против десятка таких созданий фрегат бы не выстоял – уж очень неприятно блестели в полуоткрытой пасти острые зубы, а злобные глазки на тупоносой морде не оставляли надежд на то, что существо миролюбиво. И все-таки самым удивительным и страшным было не оно само, а то, что восседало на его спине. Они успели разглядеть фигуру, отдаленно напоминающую человека, но покрытую чешуей. А потом морской конь и его всадник вновь низринулись в пучину. Правда, следом за ними сразу же появились еще двое... пятеро...

– Мерры, – негромко проговорил Кристоаль. – Меррские куклы-разведчики. Что им тут нужно? Мы еще довольно далеко от границы...

Первый испуг прошел, и Эрдан заметил то, что Крейн понял сразу:

– Они не обращают на нас внимания?

– Да, – хмыкнул магус. – Забавно, правда? Очередная загадка.

Корабел, которому все-таки было далеко до спокойствия капитана, растерянно покачал головой и взглянул на Эсме. Целительница смотрела на проплывавших мерров с изумлением и восхищением. «Посмотрим, что ты скажешь, увидев их вблизи, – подумал он и тотчас же прибавил: – Но лучше уж наблюдать издалека». Отряд морских всадников быстро обогнал «Невесту» и скрылся из виду. Крейн взглянул на небо, пробормотал что-то о приближающемся шторме и потопал в каюту, зевая на ходу. Ветер заметно посвежел.

– Как тихо... – вдруг сказала Эсме. В самом деле, не было слышно ни звука, но Эрдану это вовсе не казалось удивительным. – Пока они плыли, все время доносилась музыка... Это Сандер играл на сиринге?

– Тебе почудилось, – ответил мастер-корабел, стараясь придать голосу уверенности. – Сейчас его вахта, но он, похоже, задремал – потому и не поднял тревогу. Когда такая опасность совсем близко, только безумец будет на дудке играть.

– Они не показались мне опасными, – возразила целительница. – Они... другие. Не похоже на нас. Они красивые.

– Не говори об этом никому, – посоветовал Эрдан. – Тебя неправильно поймут.

С лица Эсме, однако, так и не сошло восторженное выражение. Мастер-корабел сокрушенно вздохнул. Вблизи блистающие чешуей меррские воины представляли бесполоыми и безликими куклами, от которых шел удушающий запах гнилой рыбы. Их странные тела не чувствовали боли – потери руки такой воин не замечал, если в ней не было оружия, – а вместо крови в их жилах текла отвратительная белесая жидкость, разъедавшая живую плоть и лжеплоть «Невесты ветра» с одинаковой скоростью. Убить их было непросто, но когда это все же удавалось, мерр частью растекался склизкой массой, а частью – рассыпался на несметное множество маленьких созданий, которые торопились ретироваться в море.

Туда, где Меррская мать лепила из них новых солдат.

– Иди в каюту, скоро начнется шторм, – попросил мастер-корабел. – А я потом приду и расскажу тебе о морском народе все, что знаю.

Лицо Эсме осветилось улыбкой, словно он обещал подарить ей несметные сокровища. Ни целительница, ни мастер-корабел не знали, что им предстоит весьма беспокойное утро и такой же день, а потому обещанный рассказ придется отложить до лучших времен.

Шторм и впрямь оказался нешуточным. Хотя Эрдану не полагалось сомневаться в мастерстве Крейна, он все-таки вздрагивал каждый раз, когда «Невеста» поднималась на новую волну, а потом падала, зарываясь носом в воду. То и дело палубу освещали яркие вспышки, за которыми следовали оглушительные раскаты грома. Эрдан всецело уповал на приметку, по которой молния никогда не бьет в одно и то же дерево дважды, – уж очень не хотелось повторять опыт тридцатилетней давности. Но внутренний голос ехидно напомнил ему, что на фре-

гате есть еще два не тронутых молнией «дерева». Кто знает, что случится после второго удара? К тому же в тот раз их на корабле было всего четверо, а теперь народу почти в десять раз больше.

– Уходи! – закричал Крейн, увидев корабеля на палубе. – Простудишься!

Эрдан только отмахнулся. Он знал, что ничего не сможет сделать, если случится беда, но все-таки упрямо оставался рядом с капитаном. Даже когда на фрегате не было целителя, он не уходил в каюту и всерьез рисковал заболеть, что в его возрасте приравнивалось к смертному приговору.

А теперь у них есть Эсме.

Он и сам не знал, зачем проводит шторма бок о бок с магусом. Было ли это отголоском чувства вины за то, что произошло во время их первой бури? Сам Крейн вовсе не считал, что за это следует кого-то винить, кроме Великого Шторма, но Эрдан думал иначе: «Я должен был понять, предугадать, чем все закончится. Нельзя было допускать этого слияния!»

Его лучший ученик – и одновременно самая большая его неудача...

Корабел терзался этими мыслями, не переставал наблюдать за капитаном. Крейн стоял неподвижно, устремив взгляд навстречу шторму, и еле заметно улыбался. Он не испытывал страха и легко делился смелостью с фрегатом, заставляя зеленое сияние гаснуть. Заметив взгляд Эрдана, капитан кивнул ему – и корабел тотчас же почувствовал прилив сил и воодушевление. Заемная сила ворвалась в него, исцеляя измученную душу, как когда-то целитель восстановил его разбитое тело.

Впрочем, он знал, что этого хватит лишь до следующего шторма.

Их носило по волнам до самого рассвета. Когда буря утихла и тучи рассеялись, Крейн вздохнул с облегчением и проговорил:

– Вот теперь-то я пойду спать...

– Корабли прямо по курсу! – закричал впередсмотрящий, и капитан поморщился, словно от зубной боли. – Вижу два фрегата!

В самом деле, вдаль виднелись две темные точки, постепенно увеличивающиеся в размерах, а часть горизонта расплывалась туманной дымкой, чуть темнее моря, – это означало, что впереди суша. Эрдан посмотрел на Крейна, но тот лишь махнул рукой:

– Нас снесло штормом далеко на восток. Это, по всей вероятности, Каама...

Каама – самый большой и богатый остров Окраины. Неудивительно, что им повстречались сразу два фрегата – в здешних водах всегда достаточно оживленно. Но Каама, помимо всего прочего, вотчина Лайры Отчаянного, с которым Крейну сталкиваться не хотелось. Эрдан вновь устремил взгляд туда, где виднелись два корабля. По всему выходило, что «Невеста» пройдет достаточно близко от них, и отчего-то это встревожило корабеля.

На палубу выбрался Джа-Джинни – последние ночи он проводил в кубрике, устав мокнуть под дождем, но с рассветом всегда выходил наружу. Крейн, завидев крылана, указал ему на горизонт. Миг спустя Джа-Джинни уже был в воздухе.

«Невеста ветра» приближалась к неизвестным кораблям.

– Гарью пахнет, – вдруг сказал Крейн, сморщив нос. – Проклятье, неужели опять?..

Он замолчал, тревожно хмурясь.

Даже на таком расстоянии было видно, как фрегаты кружатся в жутковатом танце, не сближаясь, – атакующий никак не мог решиться завершить маневр. Крейн нетерпеливо постукивал ногой, до тех пор пока Джа-Джинни не вернулся и не подтвердил то, о чем он и сам догадался. Хотя кое-что оказалось весьма неожиданным.

– Это черный фрегат, капитан, – проговорил крылан, с трудом переводя дыхание. – Но не тот, который мы видели.

– Что?!

– Он немного больше, и таран другой формы. – Джа-Джинни хорошо успел рассмотреть корабль и оттого говорил уверенно. – На парусах есть светлые пятна. В общем, это не тот фрегат.

– Но воняет от него точно так же... – пробормотал Крейн. – Приготовиться к атаке!

Если до сих пор «Невеста ветра» шла достаточно быстро, то теперь она почти что полетела над водой. Магус перестал сдерживать корабль, и команда едва успела привести в боевую готовность стрелометы, как он оказался на расстоянии атаки.

Второй фрегат, как оказалось, был обездвижен. Его матросы, вооруженные до зубов, стояли у борта, готовые принять бой, но отчего-то черный не торопился брать противника на абордаж. Он отошел и развернулся для нового таранного удара, который был лишен всякого смысла.

– У него нет крючьев, капитан! – крикнул кто-то в толпе матросов «Невесты». – Он не может зацепиться!

Крейн кивнул. Все его внимание занимала палуба черного фрегата: собравшиеся там люди не были похожи на абордажную команду. А корабль, не доведя атаку до конца, вдруг снова развернулся и прошел мимо парализованного соперника и его команды, изнывающей от неопределенности, на расстоянии всего в полкорпуса.

А потом настал черед Крейна.

Черный фрегат не успел уйти из-под удара, и таран «Невесты» врезался в его правый борт. Раздался отвратительный скрежет, но черный не издал ни звука, как будто не испытывал боли. Таран пропорол шкуру, и «Невеста» прошла мимо так близко, что ее экипаж мог разглядеть палубу странного корабля в мельчайших подробностях. Там не было ничего необычного. Вот только... И палубу, и мачту фрегата словно вымазали сажей – ни единого цветного пятна. Бледных людей, тоже одетых в черное, зеленые паруса, похоже, ввергли в глубокий шок. Сражение обещало быть коротким – если, конечно, как-то удастся зацепиться и провести абордаж...

– Зачем понадобилось так обойтись с фрегатом?! – зарычал Крейн, не отрывая взгляда от изъязвленного борта черного корабля, – лишенный крючьев, тот представлял собой весьма жалкое зрелище.

Эрдан пожал плечами: он понятия не имел, что за извращенный ум сотворил такое, и больше всего сбивало с толку, что фрегатов два, а может, и больше.

Корабли развернулись и снова начали сходитьсь. О парализованном фрегате все забыли бы, но его команда оказалась на редкость шумной и всячески выражала поддержку «Невесте». Эрдан впервые присмотрелся к этому кораблю – и обомлел. Запас неожиданных встреч все еще не был исчерпан.

Капитана он решил пока не отвлекать.

Черный выделял странные пируэты – вместо того чтобы метить в одну из прицельных точек, он снова развернулся бортом, и верхняя часть его корпуса вдруг оплавилась, словно воск над огнем. Это вызвало панику на палубе, и Крейн воспользовался моментом. «Невеста» нанесла удар, попавший точно в цель и, по идее, способный надолго вывести из строя любой корабль, а его капитану обеспечить приступ жестокой головной боли.

Однако на черный фрегат прямое попадание подействовало весьма странным образом. Таран не обездвижил его, а как будто разбудил: паруса дрогнули, ловя ветер, фрегат глухо застонал и начал разворачиваться, словно желая по собственной воле уйти с поля боя. Эрдан посмотрел на Крейна: «Невеста» не двинулась с места, но почему? Неужели магус даст ему удрать?

На лице Крейна застыло выражение недоверчивого удивления. Он пристально следил за медленно удаляющимся фрегатом, и, когда Эрдан несмело предложил «догнать мерзавца», магус покачал головой и не сказал ни слова.

Черный не успел отойти и на полмили, как с ним начало твориться что-то странное: палуба опять начала плавиться, от нее стали отваливаться куски, обнажая белые ребра-шпангоуты.

Фрегат снова застонал.

Одна за другой упали мачты, паруса словно растворились в соленой воде, а потом корпус корабля разломился пополам и с пугающей скоростью ушел под воду. Все произошло так быстро, что они даже не успели как следует удивиться.

– Выпустить шлюпки? – спросил кто-то. Ошеломленный Эрдан не мог оторвать взгляда от того места, где только что находился черный фрегат. – Вдруг кто-то спасся... Мы могли бы их допросить...

– Никто не спасся, – хрипло проговорил Крейн, и его тяжелая рука схватила Эрда за плечо.

– Ты ее слышал?~

Мастер-корабел покачал головой.

– Она... – Крейн зажмурился и втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

– С ней сделали что-то ужасное. Она умерла по-настоящему. Не превратилась, а умерла, потому что... захотела умереть. Так не должно быть.~

Над палубой «Невесты» повисло тревожное молчание. Эрдан удрученно молчал. Он не слышал голоса черного фрегата, хотя почувствовал что-то странное – словно арбалетный болт просвистел у виска, пронесся смерть совсем близко.

Это было неправильно.

Это было абсурдно...

Фрегаты превращаются, меняют форму и суть; фрегаты погибают. Да и кархадона можно убить, хотя он отличается от прочих морских хищников необыкновенной хитростью. Отчего все происходит так, а не иначе – то ведомо лишь богам, которые предопределили все сущее. Фрегат приходит из моря, чтобы служить человеку, но потом возвращается обратно, откуда пришел, а ему на смену идут новые мальки. Крепнут связующие нити, новые навигаторы учатся управлять фрегатами – все повторяется раз за разом. А если кархадон нападет на фрегат, все решит честный поединок.

Но фрегат не может умереть так глупо и страшно – развалившись на части, словно сгнив заживо!

– Кристобаль, посмотри на корабль, который мы спасли, – проговорил Эрдан. – Узнаешь?

Магус перевел взгляд на обездвиженный фрегат, который уже начал подавать признаки жизни. Его матросы свистели, кричали, радостно махали руками, и лишь один человек сохранял неподвижность. Мгновение Крейн смотрел на все это с легким недоумением, а потом на его лице появилась кривая усмешка.

– А-а, старый друг... – сказал он негромко.

Фрегаты стали медленно сближаться, пока не соприкоснулись бортами. Капитан второго корабля махнул рукой, приглашая Крейна перейти к нему, на что магус лишь покачал головой и повторил его движение не хуже зеркала. Капитан рассмеялся и пригрозил Крейну пальцем, но все-таки перешел на «Невесту» сам.

В этом высоком и широкоплечем человеке чувствовалась сдерживаемая сила, держался он спокойно и с достоинством. Он смахивал на светлую копию Крейна. Те же ироничная ухмылка и хитрый прищур. Русые волосы выгорели на солнце и стали почти белыми. Седины в них не было видно, и потому его истинный возраст выдавала лишь сеть морщин у глаз. Когда капитан перестал улыбаться, его лицо сразу сделалось усталым и обеспокоенным.

«Да, много хлопот у его величества...»

– Рад снова увидеть тебя, старый упрямый пират! – сказал Лайра Арлини, король Окраины. – Рад, что ты цел и невредим!

А вот о самом Лайре нельзя было сказать того же: кисть правой руки короля покрывали бинты, и не составляло труда заметить, что от мизинца и безымянного пальца осталось по половине. Однако он выдержал крепкое рукопожатие мага, даже не поморщившись.

– Я тоже рад... – ответил Крейн. – Что за гадость завелась в твоих водах, величество? И как ты умудрился подставиться под удар?

Эрдан тяжело вздохнул – опять началось! Много лет назад Крейн внешне казался старше Лайры, теперь же все наоборот. Но внутри оба остались мальчишками и все так же пробуют друг друга на прочность.

Лайра в долгу не остался – тотчас же поинтересовался, отчего сражение с черным фрегатом заняло у Крейна так много времени и почему он не придумал какую-нибудь хитрость, чтобы взять того на abordаж. Крейн уже открыл рот для ответной колкости – но вместо этого оба дружно расхохотались.

– Ладно, шутки в сторону, – улыбка Лайры погасла. – Что ты здесь делаешь?

Крейн кратко и быстро рассказал ему о случившемся в Кеттеке и о Камэ. Чуть помедлив, поведал и о том, что «Невеста ветра» направляется на юг в поисках сокровища, но ни словом не обмолвился о Звездочете и об «Утренней звезде», ограничившись, как и Эрдан в разговоре с Камэ, пространным упоминанием о «древней карте». Арлини слушал, ничем не выдавая удивления, а потом попросил разрешения взглянуть на эту карту.

Магус нахмурился, будто подыскивая причину для отказа, но подходящей не нашлось. Он пожал плечами, махнул рукой, и разговор они втроем продолжили в его каюте.

– Это невероятно! – пробормотал Лайра, склонившись над пожелтевшим листом. – Она и в самом деле очень старая...

– Лет двести-триста, наверное, – хмыкнул Крейн.

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я, – сказал Лайра, не поднимая головы. – Это копия с гораздо более древнего оригинала. Я такого никогда не видел...

Лайра был известным собирателем карт. Не обладая совершенной памятью сестры, он все же испытывал необычайную любовь к изображенным на бумаге островам и порою платил за старые карты очень дорого.

– Хотел бы заполучить ее в свою коллекцию? – с иронией спросил Крейн.

– Да, как и тебя, – тотчас ответил Арлини, словно давно ждал этого вопроса. – Мое старое предложение остается в силе.

– Как и мой ответ.

– Тогда подождем следующего раза, – с улыбкой отозвался король Окраины. – Я все еще надеюсь, что ты когда-нибудь передумаешь и присоединишься к нам.

– Я никогда не стану твоим врагом, разве этого мало?

– Да! – В глазах Лайры появился жадный блеск. Он смотрел на Крейна так, словно тот сам превратился в редкую карту. Магус пожал плечами: дескать, ну как знаешь... – И все-таки я удивлен. Ты всегда был равнодушен к богатству, а тут вдруг – сокровище! Сдается мне, там спрятано что-то необычное.

На лице Крейна не дрогнул ни один мускул.

– Возможно. А быть может, и нет.

Лайра рассмеялся:

– Ты так и не научился врать, Кристобаль. Ну, хорошо... хоть расскажешь мне потом, что тебе удалось там обнаружить? – Крейн кивнул. – Вот и славно!

– Теперь твоя очередь, – сказал магус. – Ты не выглядел удивленным, услышав про Кеттеку. Почему?

Арлини вздохнул и поведал такое, от чего Эрдау пробрал озноб и даже Крейн удивленно нахмурился. Оказалось, что уже две недели к Лайре со всех концов Окраины поступают тревожные вести: таинственный черный фрегат появляется то здесь, то там. Пришлось нанести на карту все места, в которых он был замечен, чтобы понять: то ли черный корабль на самом деле не один, то ли он перемещается с невообразимой скоростью.

– Кстати, такое возможно? – прервался Лайра, обратившись к корабелу. – Может появиться фрегат быстрее «Невесты»?

Эрдан ответил:

– Нет, исключено. Ну... только если не намного.

– Их несколько, – уверенно заявил Крейн. – По крайней мере два мы видели.

– Допустим, – усмехнулся Лайра. – То же самое, что и с Кеттекой, случилось пять дней назад в другом городе... и точно так же не оказалось ни одного свидетеля, заслуживающего доверия. Со стороны все выглядит как взрыв звездного огня. Жители в панике, история с каждым днем обрастает все более невероятными подробностями – уже говорят, что черные корабли принадлежат самому Великому Шторму.

Крейн фыркнул, а потом вдруг посерьезнел:

– Эй, а ведь это нехорошо. Того и гляди начнут болтать, что капитан-император заручился божественной помощью.

– Не начнут, – Лайра улыбнулся. – Я обо всем позаботился.

Магус одобрительно кивнул.

– Вот, собственно, и все, – подытожил Лайра. – Мне не оставалось ничего другого, кроме как отправиться в море. И даже долго искать не пришлось, он сам нашел ~Луну~... – Тут он помрачнел, вспомнив, в каком прискорбном виде Крейн застал его фрегат. – С ветром этому мерзавцу сразу повезло, но стрелять он в меня не пытался. Если вообще мог, конечно.

– А мог ли? – тотчас же спросил Крейн. – Что ты об этом думаешь?

– Пока сам не увижу, ничего думать не буду, – ответил король. – Но все очень и очень странно... Зачем им понадобилась Камэ, раздери меня кракен? Украли, потом отпустили. Э-э... Кристобаль, ты не хотел бы подзадержаться в здешних водах? Сезон штормов, можно сказать, уже у порога – тебе что, так сильно хочется на дно? А в Каае хорошо – не хуже, чем в Облачном городе...

«Хочет, чтобы мы помогли ему разобраться с черными кораблями», – понял Эрдан.

– Охотно верю, – сказал магус. – Вот на обратном пути и задержимся.

– На обратном пути... – Лайра скривился. – Месяца через три, и то – если тебе повезет. Эх, Крестобаль! Как тебе не стыдно – бросаешь старого друга в такое нелегкое время...

Он хмуро уставился на Крейна. Тот покачал головой.

– Ладно! – Арлини махнул рукой. – Воля твоя, заставлять не буду. Но, чуёт мое сердце, мы встретимся очень скоро – и тогда тебе понадобится моя помощь. Вот тогда и побеседуем!

Крейн пожал плечами, а Эрдан подумал: «Надо же, он ведь прав! Крестобаль сам говорил, что не знает, где расположена вторая часть компаса, и что необходимо просмотреть старые карты. Нам и в самом деле придется просить Лайру о помощи...»

Но магус, по всей видимости, не думал о таком далеком будущем.

Болтая о пустяках, они вышли из каюты. «Луна» уже полностью пришла в себя. Эрдан вспомнил, отчего Лайра назвал свой фрегат именно так: ночью его паруса еле заметно светились. Это превращало корабль в отличную мишень. Но все неудобства компенсировала крепкая связь между Лайрой и «Луной», да и в остальном фрегат был хорош. Мастер-корабел ощутил теплую дружественную ~волну~ – «Луна» его узнала и приветствовала на свой лад.

– ...И я сказал, что этого не будет. – Лайра вдруг осекся, на его лице отразилось изумление. Когда Эрдан понял, на кого смотрит король, им овладело нехорошее предчувствие. – Крестобаль, а кто это?!

– Наша новая целительница, – ответил магус, нахмурившись.

Лайра не обратил внимания на гримасу друга и потребовал немедленно познакомить его с «этой милой девушкой». Крейн с явной неохотой подчинился. Против всех ожиданий Эрдаана, Эсме ничуть не испугалась Лайры, о нраве которого ходила довольно-таки дурная слава, – она спокойно вложила узкую ладонь в его изувеченную руку. Последовал галантный поцелуй, после чего Арлини спросил:

– Милейшая, не хотите ли перейти на «Луну»? Я обещаю вдвое против того, что вам платит Крестобаль.

«Когда брат о ней узнает, обязательно захочет отобрать, – вспомнил Эрдан слова Камэ. – Чистая правда...» Чутье не подвело Арлини, ему не понадобилась даже демонстрация способностей целительницы, чтобы попытаться ее переманить.

– Шутите, ваше величество? – Эсме растерянно улыбнулась.

– Ничуть. Впятеро.

– Нет!

– Разорить меня хотите? Хорошо, плачу в семь раз больше... – Лайра уставился на Эсме горящими глазами.

«С ума сойти!» – пробормотал магус еле слышно, но не сделал попытки вмешаться. Эрдану показалось, что в ожидании ответа целительницы он затаил дыхание.

– Нет, – уверенно ответила Эсме. – Я никуда не уйду. Но чувствую себя обязанной отблагодарить вас за предложение...

Лайра все еще удерживал ее руку и пристально смотрел в глаза, поэтому не успел никак отреагировать, когда ладонь целительницы охватило золотистое сияние. Это длилось всего мгновение, после чего она сказала:

– Вот. Сделать как раньше я не смогу, но... не будет так сильно болеть.

Король недоверчиво взглянул на свою кисть, шевельнул пальцами – и его лицо осветила внезапная радость, а Эрдан понял: вот теперь идея переманить целительницу к себе овладела им без остатка. Лайра тем временем снова перевел взгляд на Эсме и низко поклонился, чем сильно смутил девушку.

– Везучий сын кракена... – Это относилось уже к Крейну, который тщетно старался спрятать довольную улыбку. – Ничего, до нашей следующей встречи я что-нибудь придумаю.

– Заступница в помощь! – сказал магус и вдруг хлопнул себя по лбу. – Ох, забыл! Нынче ночью перед штормом мы видели отряд мерров, и...

– Я тоже их видел, – перебил Лайра, вновь делаясь очень серьезным. – Думаешь, я попросил бы тебя остаться только из-за каких-то черных фрегатов? Кстати, заметь – я прошу об этом в третий раз за день...

– Прости, друг. Ты справишься без меня.

– Ну да, понятное дело... – проворчал Арлини. – Хорошо. Счастливого пути, старый пират! И не забудь – ты обещал навестить меня, когда будешь возвращаться!

– Не забуду, – вздохнул Крейн. – Удачи, величество!

Фрегаты разошлись, и каждый пошел своей дорогой.

Крейн стоял на корме, замерев в глубокой задумчивости, а Эрдан, заметив неподдельный интерес во взгляде, которым Эсме следила за удаляющейся «Луной», сказал:

– Кстати, Камэ – его сестра.

– Да? – удивилась девушка. – Не очень-то они похожи...

– Если появится шанс узнать их обоих получше, ты убедишься, что первое впечатление обманчиво. Я могу поведать о них много интересного, если тебе интересно.

– Очень интересно, – с улыбкой сказала Эсме. – И нам ведь все равно нечего делать.

Эрдан начал свой рассказ и за следующие десять дней, на протяжении которых им обоим по-прежнему нечего было делать, успел поделиться с любознательной целительницей многими историями. Кроме, разумеется, двух *самых интересных* историй – своей собственной и Кристобала Крейна.

* * *

Эрдан каждое утро начинал с осмотра средней мачты, убеждаясь, что растет она весьма быстро. Спалось ему плохо: для того чтобы воссоздать недостающую часть тела, «Невесте» нужно было усиленно питаться – и она ~пела~, призывая корм, а ночью это слышалось особенно отчетливо. Мелкая и крупная рыба косяками шла в пасть фрегата, не сопротивляясь, и кораблю оставалось только переварить добычу. «Невеста» намеревалась съесть не больше, чем нужно, но аппетит у нее был отменный. Поэтому в своих снах Эрдан то превращался в рыбу и тупо плыл в бездонную тьму огромной пасти, то сам становился фрегатом и поглощал несчастных рыб сотнями.

~~~

Зато им не приходилось заботиться о пропитании: оглушенную ~песней~ фрегата рыбу можно было ловить в любых количествах. Велин даже мрачно пошутил, что, будь у нее руки, она сама бы себя потрошила и добровольно укладывалась на сковороду. Дня через три целитель и Унаги начали изнывать от безделья и придумали себе занятие – осматривать пещеры вдоль берега в надежде найти там «что-нибудь интересное».

Эрдану было не до них.

Он с тревогой наблюдал за Кристобалем, который то лежал без движения, уставившись перед собой пустым взглядом, то бредил. Корабел старался не слушать, но все равно узнал во всех подробностях историю о том, как десять лет назад последнему из рода Фейра удалось спастись. Она надолго лишила его сна.

И еще он никак не мог забыть того, что случилось совсем недавно.

...Магусу хватило одного удара, чтобы обрубить остатки мачты. «Невеста» издала глухой рык, а сам он упал навзничь. Тут Эрдан вспомнил кое-что и похолодел.

– Веревки, быстро! – заорал корабел. – Немедленно!

Наверное, на миг к нему вернулся командный голос, потому что Унаги тотчас сиганул в трюм. Веревками, которые он принес, Эрдан связал магусу руки за спиной и ноги, а оторван-

ным от собственной рубашки рукавом кое-как завязал глаза. Велин и Унаги оторопело за ним наблюдали, а потом целитель спросил неестественно спокойным голосом:

– Что ты делаешь, а?

– Сейчас вы все поймете, – ответил Эрдан, у которого от страха тряслись поджилки. Как же он мог забыть? Магус ведь предупредил его, что есть особые правила. «Заступница, да мы сейчас куда ближе к смерти, чем ночью!»

Лежащая на палубе фигура вздрогнула. Казалось, Кристобаль пришел в себя, но Эрдан не двинулся с места и знаком приказал остальным не шевелиться. Магус несколько раз дернулся, проверяя на прочность веревки, потом изловчился и встал на колени. Его голова была низко опущена, взъерошенные волосы закрыли лицо – и поэтому, когда раздался смех, они не сразу поняли, что смеется именно он.

Тихо, хрипло и зловеще.

– Догадался все-таки, – послышался глухой голос, совсем не похожий на Кристобаля. Эрдан попятился. – Отпусти! Отпусти меня сейчас же!

Убедившись, что никто его не слушает, магус – или то, что им овладело, – снова принялся терзать путы, но они оказались достаточно крепки. Он зарычал, дернулся и упал; волны нестерпимого жара пошли во все стороны – а потом его тело окутало красноватое марево, в котором посверкивали искры.

– Веревка... – прошептал Унаги.

Эрдан покачал головой:

– Он не может пережечь веревку. Его одежда тоже не горит, видишь? Сейчас... скоро все закончится...

И в самом деле, все закончилось. Но до этого магус успел пообещать сделать с ними много разных вещей и самыми интересными способами – от этого перечня даже невозмутимый Унаги побледнел, а на Велина и вовсе смотреть было страшно. Эрдан терпеливо ждал – и дождался. В горле магуса что-то заклокотало, он захрипел, несколько раз дернулся и затих. Огненное облако постепенно растворилось; мастер-корабел смог приблизиться к своему ученику и освободить его от пут, не боясь при этом сгореть заживо.

Унаги и Велин помогли перенести бесчувственного Кристобаля в каюту, а потом устали на Эрдаана. И он понял, что отложить объяснение на потом не удастся.

– Пламенная сущность Феникса должна все время гореть, – сказал он, тщательно подбирая слова. – А Кристобалью приходится изображать обычного человека, загоняя первопламя в глубины души, – это все равно что зрячему человеку постоянно ходить с повязкой на глазах. Огонь накапливается и ждет подходящего случая, чтобы вырваться на волю.

– Я еще не видел его таким, – недоверчиво пробормотал Унаги. – А ведь мы знакомы много лет.

– В этом все дело, – ответил Эрдан. – Первопламя живое и умеет ждать, но даже его терпение не бесконечно. Он ведь и раньше мог поджечь что-нибудь в пылу гнева? Только не врите мне.

– Случалось, да... – сказал Велин.

Унаги кивнул.

– Боюсь, это только начало. – Эрдан присел рядом с магусом и положил ладонь ему на лоб – кожа была влажной от пота и холодной. Казалось, что юноша в глубоком обмороке. – Ему нельзя все время притворяться. Надо что-то придумать, как-то ему помочь.

Велин заупрямился:

– Все равно я не могу никак взять в толк, что произошло. Я многих магусов видел – да, они отличаются от людей снаружи и изнутри, но не до такой же степени! Он выглядел... одержимым. Безумным. Ты что-то от нас скрываешь, мастер.

«Да, – подумал Эрдан. – Потому что это не мой секрет».

Целитель все прочел по лицу и, сердито фыркнув, ушел. Унаги последовал за ним...

Вздрыгнув, Эрдан проснулся – он и не заметил, как задремал. Стоило шевельнуть ногой – и ее тотчас пронзили тысячи иголок. Корабел, не сдержавшись, помянул кракена – приближался очередной шторм.

– Будет буря, и очень сильная, – послышался хриплый шепот Крестобалья.

Эрдан поднял голову и невольно вздрогнул: такого выражения лица он еще ни разу не видел у молодого мага. Крестобаль, исхудавший и заросший многодневной щетиной, смотрел на него с испугом, который тщетно пытался скрыть.

– Тебе бы стоило попросить Велина, вдруг...

~~~~~  
– что-то можно сделать~~~~~

~~~~~ с твоим коленом~~~~~

– Нет, – ответил Эрдан, стараясь говорить спокойно, хотя внутри у него все перевернулось от ужаса. – Многие пытались, но это следы... неудачного падения, которое случилось слишком давно. Как ты себя чувствуешь?

– бывало и получше~~~~~

~~~~~  
~~~~~ кракен бы побрал эту ~~ грозу ~~~~~

Магус сел и зажмурился.

– голова кругом идет... ~~~~~

– Как ты догадался, что меня нужно связать?

– Не знаю, – неуклюже солгал Эрдан. Крестобаль хмыкнул.

«Мог бы и предупредить, что тебе не вынести такой сильной боли без последствий», – подумал мастер-корабел.

– Откуда мне было знать, что она окажется настолько... – тотчас же начал феникс и осекся.

Эрдан сокрушенно вздохнул: все, хватит притворяться, что ничего особенного не происходит.

– Я... слышу твои мысли. Что со мной такое, Эрдан?~~~~

– Не знаю, Крестобаль. Я ни разу за всю свою жизнь ничего подобного не...

~~~~~ЧТО со мной случилось?!~

Эрдан невольно подался назад и ощутил, как его захлестывает волна паники. А если Фейра сейчас опять превратится? Если вспыхнет всепожирающее пламя, которое не способен погасить даже бескрайний Океан? Он не хотел умирать, особенно *так*. Он хотел еще пожить – и разобраться в том чуде, которое по воле Светлой Эльги случилось у него на глазах, при его участии.

– Похоже, все действительно из-за грозы, – начал он и вынудил себя взглянуть Крестобалью прямо в глаза. «Смотри, смотри, старый идиот. Он доверился тебе. И что же ты с ним сделал? Превратил в чудовище...» – Точнее, из-за молнии. Она каким-то образом спланировала ваши с «Невестой ветра» чувства, а когда ты обрубил остаток мачты, все стало еще...

– Чувства, – повторил магус, и было заметно, что ему стоит немалых усилий говорить вслух. – Нет-нет, одним словом этого не передать. Дело не только в мыслях. Я смотрю на тебя, а вижу море и скалистый берег. И даже не берег, а остров целиком – мы у северной оконечности Рокэ, да? Да. Я рядом с ним – и над ним – и далеко от него, в тех морях, где успел побывать за последние несколько лет, во всех местах сразу.

~~~~~ У меня в голове~~~~~

– и компас, и карта, и еще~~~~~

~~~~~ Шторм знает что. Я как будто~~~~~

– стал одновременно рыбой и ~ ~ ~~~~~
~~~~~ птицей ~~~~~

Он посмотрел на свои руки и горько рассмеялся.

– Что же теперь будет, Эрдан?

Мастер-корабел некоторое время медлил с ответом. Он знал, что нужно сказать, но не мог поверить в собственные слова – и это было ужасно, потому что Кристобаль без усилий читал его мысли. Почему, кстати? Они ведь даже не заключили ~договор~, он не стал частью команды «Невесты ветра». Как же... Нет-нет, об этом он подумает потом. Сейчас нужно было собраться и внушить тому, кто сделался не просто частью команды, но частью корабля, что в случившемся нет ничего страшного, что жизнь продолжается, что...

– Давай разберемся вместе. – У него защемило в груди от жалости при виде надежды, вспыхнувшей в разноцветных глазах Кристобаля; он почувствовал себя так, словно постарел лет на двадцать. – Ты по-прежнему феникс, последний из рода Фейра, тот, в чьем сердце живет древний огонь. И ты навигатор этого прекрасного фрегата с изумрудно-зелеными парусами, и у тебя есть друзья, которые всегда готовы в нужный момент... сунуть руки в пламя. И впереди по-прежнему Океан. Он твой. Теперь – в большей степени, чем раньше.

Магус медленно покачал головой:

– Ты не знаешь, о чем говоришь. Я вижу... я чувствую его *безграничность*. Там, в глубине, живут твари, по сравнению с которыми кракены, кархадоны и прочее – безобидные мальки. Там есть вещи... Я не смогу их объяснить, даже если потрачу сто лет на поиски нужных слов. И они... – Он вдруг побледнел.

– Они меня тоже заметили, Эрдан. Они знают, что я их вижу.~

Миг спустя мастер-корабел оказался под водой. Невидимое течение тянуло его вниз – туда, где клубилась тьма, за которой пряталось что-то живое – и не столько злобное, сколько невысказанно огромное и потому опасное. Существо без имени и без формы походило на ком влажной глины, из которой можно было вылепить что угодно, только вот лепили его не руки ваятеля – оно само перебирало всевозможные обличья с такой скоростью, что ни один глаз не смог бы их уловить, отличить одно от другого. Глубже, глубже. Эрдан не дышал, его сердце не билось, и все-таки он не умирал. Он падал навстречу участи, которая была страшнее смерти, пока между ним и неведомой тварью не возникла преграда – мерцающая сине-зеленая сеть, сотканная из... огня. Огонь светил, но не обжигал, и чем ближе подходила сеть, тем спокойнее становилось у Эрдана на душе. Он закрыл глаза, а потом открыл.

Он снова был в капитанской каюте.

«Мне ведь это... не померещилось?»

Кристобаль болезненно поморщился и пожал плечами, что могло означать и «да» и «нет». Выглядел он по-прежнему испуганным и жалким, однако что-то изменилось. Эрдан не мог объяснить, что именно, и все-таки чувствовал – как будто после долгого пути сквозь дождь и ветер оказался у очага, в котором постепенно разгоралось пламя. Он вдруг понял, что нужно сказать, – и поверил в сказанное еще до того, как слова прозвучали.

– Ты хотел стать хорошим навигатором, Кристобаль, и ты им стал. Не просто хорошим – единственным в своем роде.

На бледных губах молодого магуса мелькнуло подобие улыбки – такое зыбкое и мимолетное, что мастер-корабел мог его и не заметить, если бы моргнул в неподходящий момент. Но он заметил и сам чуть было не улыбнулся. Да, Шторм преподнес им обоим новое испытание – так ведь от Владыки глубин, Повелителя бурь, не стоило ждать чего-то другого! Они справятся. Этот храбрый мальчишка с огненным сердцем уж точно справится. А старая дряхлая развалина поможет чем сможет – и кто знает? Вдруг благодаря шальной молнии и впрямь появился навигатор, какого еще не видел свет?..

* * *

– Мерр прямо по курсу!

Эрдан вздрогнул от крика, неожиданно нарушившего тишину, открыл глаза и огляделся по сторонам. День выдался душный, сонный: измученные долгими штормами матросы засыпали на ходу, и даже Крейн вздремнул у себя в каюте – корабел почувствовал это по поведению «Невесты». Лишь трое не поддались чарам – ларим носился по палубе как угорелый, Эсме развлекалась, наблюдая за зверьком, а впередсмотрящий спать попросту не имел права.

– Мерр? – повторил корабельный мастер, подходя к фальшборту. – И где же он?

Тускло поблескивала вода, неспешно проплывало над горизонтом заблудившееся облако – и все. Ничего подозрительного Эрдан не заметил. Оставалось лишь предположить, что матрос все-таки уснул и мерр ему пригрезился.

– Я его видел, мастер! – Юноша оказался тут как тут. Он выглядел смущенным и расстроенным. – Ну, я видел... что-то. Какая-то темная штукавина, по размерам не меньше «Невесты», а то и побольше.

– Ну-ну...

Эрдан снова взглянул туда, где, предположительно, должен был оказаться «мерр», хотя не сомневался, что там ничего и никого нет.

Послышались знакомые шаги, и матрос испуганно вздрогнул при виде капитана. «Это же тот самый, который чуть было не опоздал к отплытию из Ямаоки! – вдруг вспомнил мастер-корабел – Как его... Грейдо? Гриди? Кракен меня побери, забыл». Парень почему-то очень разволновался в присутствии Крейна – казалось, он растворился бы в воздухе, если бы смог.

– Мерр, говоришь? – На горизонт магус даже не посмотрел – положил ладонь на планшир и застыл, закрыв глаза.

Эрдан тоже прислушался к ~ощущениям~ «Невесты», но между его восприятием и чувствами капитана лежала бездонная пропасть – ведь «Невеста» сама решала, что сообщить корабельному мастеру, а о чем смолчать. Зачастую она больше брала, чем отдавала. На мгновение ему показалось, что где-то рядом, но очень глубоко пронеслась тень, размерами и в самом деле превосходившая фрегат почти в два раза. Однако это случилось так быстро, что мастер решил: померещилось. К тому же «Невеста» ничем не проявила обеспокоенности.

Молчание капитана длилось очень долго, и матрос успел благополучно ретироваться. Эрдан наблюдал, как движутся глаза Крейна под опущенными веками. Неожиданно магус вздрогнул, и тотчас же его лицо сильно помрачнело.

– Мне это не нравится... – пробормотал феникс и, резко повернувшись к матросам, приказал: – Всем готовиться к атаке! Под нами кракен!

Команда бросилась выполнять приказ, а мастер-корабел с тревогой посмотрел на капитана:

– Кристобаль, под нами никого и ничего нет.

Было непривычно видеть Крейна сомневающимся. Магус снова протянул руку к планширу, но почти сразу отдернул ее. Нехотя он признался:

– Да, ты прав, но... я ощутил какую-то силу, не похожую на все, с чем нам приходилось сталкиваться раньше. Она меня тоже почувствовала – и сделалась невидимой. Как будто ее и не было...

– Эй, ты куда?! – раздался голос Эсме, и Крейн обернулся.

Целительница стояла у средней мачты удивленная и растерянная, а откуда-то сверху доносился стрекот Сокровища. Зверек раньше никогда не забирался так высоко, и уж давно Эрдан не помнил, чтобы он когда-нибудь послушался хозяйки. Странное поведение ларима встревожило его едва ли не больше, чем слова магуса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.